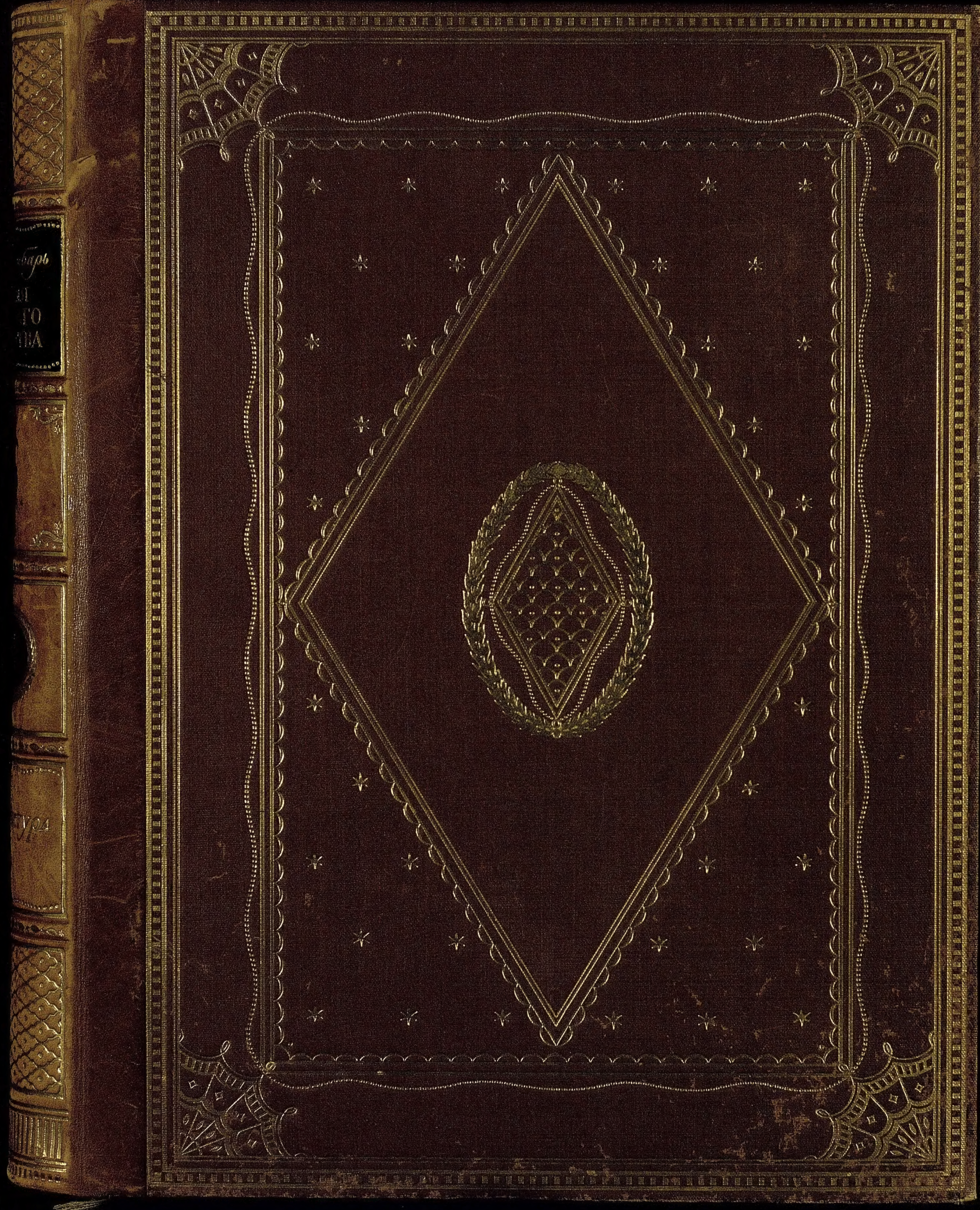
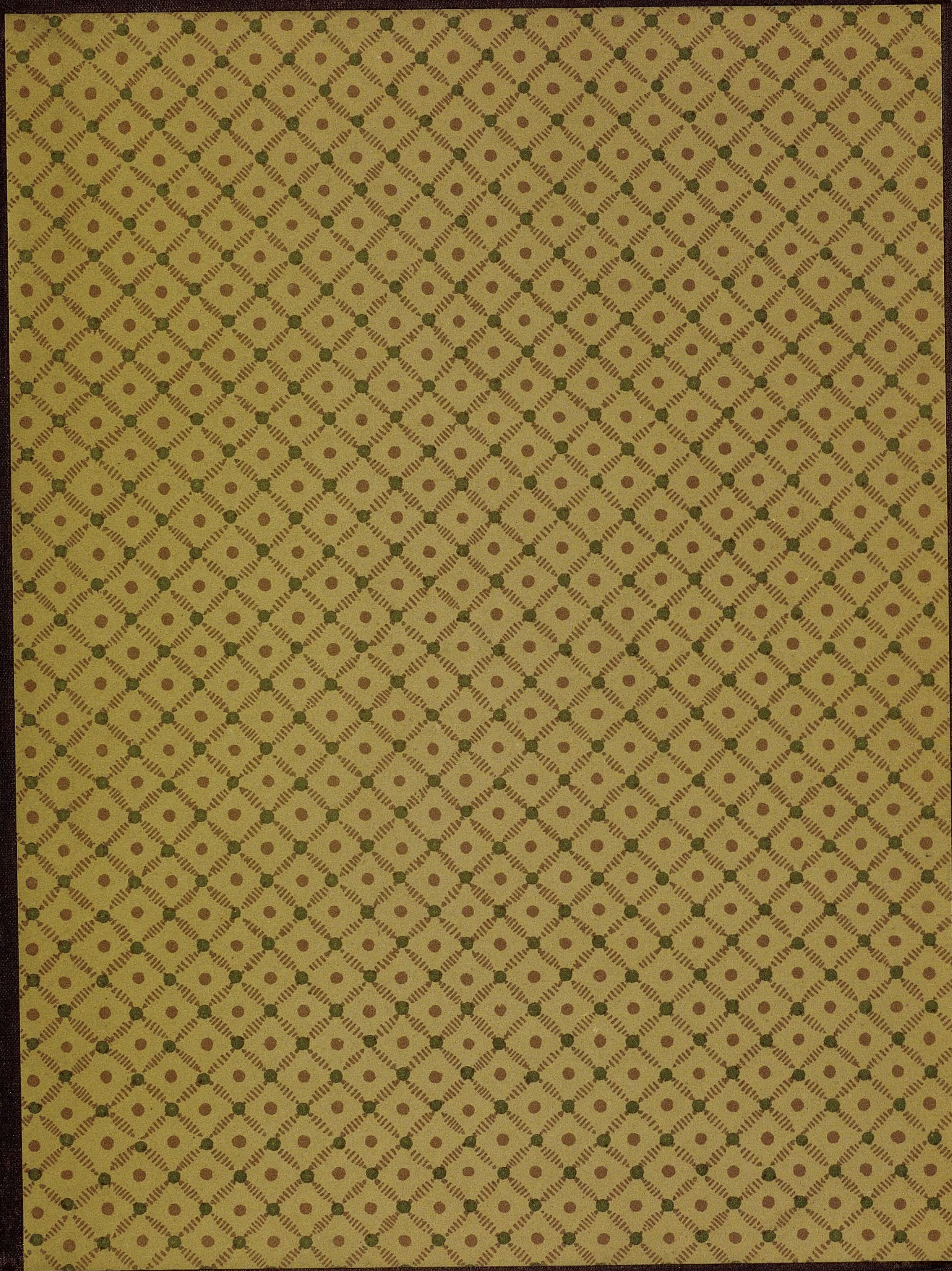

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

ИСТОРІЯ РУССКАГО ИСКУССТВА

Въ обработкѣ отдѣльныхъ частей изданія приняли участіе:

Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, Ап. М. Васнецовъ, бар. Н. Н. Врангель, архит. Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, С. П. Дягилевъ, академикъ Н. П. Кондаковъ, С. К. Маковскій, проф. Г. Г. Павлуцкій, архит. В. А. Покровскій, Н. К. Рерихъ, прив.-доц. Н. И. Романовъ, проф. М. И. Ростовцевъ, прив.-доц. А. А. Спицынъ, свящ. Н. А. Скворцовъ, проф. архит. В. В. Сусловъ, В. К. Трутовскій, проф. А. И. Успенскій, проф. Б. В. Фармаковскій, архит. И. А. Фоминъ, архит. А. В. Щусевъ и др.

Томъ
II

АРХИТЕКТУРА

МОСКВА
ИЗДАНІЕ I. КНЕБЕЛЬ

ИСТОРІЯ

АРХИТЕКТУРЫ

Томъ
II

ДО-ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА

(МОСКВА И УКРАИНА)

ИЗДАНІЕ
І. КНЕБЕЛЬ

Т-ВО
Р. ГОЛИКЕ
И
А. ВИЛЬБОРГЪ
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ 11
С·П·Б·

Каменное зодчество эпохи расцвѣта Москвы

I.

РАННЕЕ ЗОДЧЕСТВО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Основныя начала цѣлесообразности и осмысленности византійской архитектуры, ставшія фундаментомъ для каменнаго зодчества Кіева, Новгорода и Владиміра, въ Москвѣ въ эпоху татарщины значительно ослабѣваютъ.

Рѣдкое примѣненіе, почти отсутствіе каменнаго строительства въ теченіе 100 лѣтъ [1] во всей Суздальской землѣ разгоняетъ мастеровъ, прерывая тѣмъ не только развитіе каменнаго дѣла, но и продолженіе его добрыхъ традицій. Возвысившаяся Москва, времени Калиты и Дмитрія Донского, строитъ свои маленькіе каменные храмы, подражая уцѣлѣвшимъ древнимъ храмамъ Владиміра и Суздаля, подражая лишь внѣшне, т. е. сохраняя основныя формы плана и фасада, а также и матеріалъ—бѣлый камень. Все остальное въ строительно-техническомъ и декоративномъ отношеніи терпитъ значительныя измѣненія въ худшую сторону. Непрочность кладки и неумѣнье дѣлать своды служатъ первѣйшей причиной отсутствія памятниковъ каменнаго строительства этой эпохи. Уцѣлѣвшіе до нашего времени, не сохранили своихъ сводовъ. Въ декоративномъ отношеніи дѣло обстояло не лучше, ибо невозможно, да и некому было воскресить ту чудную «рѣзь», которая густымъ ковромъ покрывала стѣны древнихъ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ. Невозможно было московскимъ мастерамъ постигнуть ту прелесть изящныхъ формъ и рисунка, которая вложена во всѣ архитектурныя формы этихъ замѣчательныхъ храмовъ.

[1] За это время были сооружены храмы: Спаса въ Даниловомъ монастырѣ подъ Москвою (1272 г.) и Спаса въ Твери (1280—1290 г.).

Сѣверный порталъ собора Рождества Богородицы
въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ близъ Звенигорода. — 14-й вѣкъ.

Фигуры, личины, хитро украшенныя колонки уступили свое мѣсто менѣе изящнымъ, простымъ и часто ложно истолкованнымъ орнаментамъ, рядами поясовъ замѣщавшимъ прежнія богатыя архитектурныя формы. Правда, въ этихъ бѣдныхъ формахъ было нѣчто новое, что едва лишь намѣчалось во Владиміро-Суздальской архитектурѣ и въ чемъ сказывалось вліяніе Востока. Это новое въ корнѣ измѣняетъ взглядъ на архитектурныя декораціи внѣшности храма. Оно трактуетъ былыя,

Сѣверный порталъ церкви Рождества Богородицы
въ Старомъ Симоновѣ подъ Москвой.—1509 г.

строго логичныя формы романскихъ полуколоннъ порталовъ и поясовъ съ иной точки зрѣнія, превращая ихъ какъ бы въ обивку тесьмой, которую можно перевязать узломъ и завязкой или перервать бусиной, выкладывая при этомъ вершину арокъ съ заостреніемъ. Таковъ порталъ Успенскаго собора въ Звенигородѣ, 14-го вѣка *т. I, стр. 323,* повторенный и въ соборѣ Саввина монастыря. *Стр. 6.* Этотъ типъ повторялся и въ 15-мъ и въ 16-мъ вѣкѣ, какъ мы видимъ на порталѣ церкви Рождества Богородицы въ Старомъ Симоновѣ, 1509 года. *Стр. 7.* Тотъ же пріемъ декораціи примѣненъ и къ интересному, но, къ сожалѣнію, искаженному храму Ризъ Положенія Божіей Матери въ Московскомъ Кремлѣ, построенному въ 1485—1486 годахъ [1]. *Стр. 9.*

Особенно своеобразенъ въ немъ пріемъ обработки алтарныхъ абсидъ, мотивъ котораго, повидимому, занесенъ псковичами, строившими, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и самый храмъ [2]. Подобный пріемъ алтарной обработки мы видимъ и въ Никоновской пристройкѣ къ Троицкому собору Троице-Сергіевой Лавры [3]. *Стр. 10.*

Въ началѣ эпохи объединенія Руси, въ концѣ 15-го вѣка, при великомъ князѣ Іоаннѣ III, состояніе московскаго каменнаго храмостроительства было не важное. Главнѣйшій Московскій храмъ—Успенскій соборъ, постройки 1326 года, по сказанію лѣтописца, былъ подпертъ внутри «древіи толстыми». Весьма неудачно было выступленіе московскихъ мастеровъ Кривцова и Мышкина, призванныхъ открыть новую эпоху московскаго строительства «царственной Москвы» сооруженіемъ достойнаго ея храма. Долженствовало призвать болѣе искусныхъ мастеровъ. Такихъ мастеровъ на Руси могъ дать только Новгородъ, являвшійся въ то время центромъ русскаго искусства, имѣвшій тамъ свои традиціи, преданія и завѣты, а также и свои новшества. Новгородъ имѣлъ уже свою установившуюся технически и декоративно архитектуру, какъ нельзя болѣе приспособленную къ жизни и природнымъ условіямъ края.

Іоаннъ III, какъ государь объединенной Руси, могъ достать и новгородцевъ и псковичей, хотя и не замѣнившихъ Кривцова и Мышкина, но вложившихъ свой весьма ощутительный вкладъ въ открывавшуюся эпоху новаго московскаго строительства. Любопытно отмѣтить, что въ работахъ псковичей, а также и итальянцевъ, проглядываетъ увлеченіе ранне-московскими архитектурными формами, и вмѣстѣ ихъ прототипами,—въ частности, увлеченіе формами Владимірскаго Успенскаго собора. Требованіе, предъявленное Кривцову и Мышкину, создать для Москвы главный

[1] Чертежъ съ реставраціей утерянныхъ частей храма изданъ въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» Θ. Рихтера. [2] «Памятники древняго русскаго зодчества» Θ. Рихтера, статья И. Е. Забѣлина о Московскомъ Успенскомъ соборѣ (примѣчаніе). [3] Въ той же статьѣ И. Е. Забѣлина, въ примѣчаніи указано, что тѣ же псковичи строили въ 1477 году и храмъ Троицы. Въ другомъ мѣстѣ покойный изслѣдователь указываетъ, что въ 1477 году псковичи заложили у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ новую церковь каменную («Исторія города Москвы», Москва, 1902, стр. 132).

Церковь Ризѣ Положенія Божіей Матери
въ Московскомъ Кремлѣ. 1485—1486 г.

Троицкій соборъ Троице-Сергіевой Лавры (1423 г).
и придѣлъ преподобнаго Никона (15-й вѣкъ).

храмъ, во всемъ подобный главному храму города Владиміра, остается въ силѣ и при передачѣ работы фрязину Аристотелю Фіораванте, который и сооружаетъ Московскій Успенскій соборъ въ **1475—79** годахъ, повидимому, вполнѣ удовлетворивъ требованія. Однако, сравнивая оба храма въ ихъ внутреннемъ, плановомъ расположеніи, мы встрѣчаемъ въ московскомъ храмѣ значительное упрощеніе, а именно, воспроизведена лишь древняя, средняя часть Владимірскаго собора и совершенно отброшена окружающая его «Всеволодова пристройка» *т. I, стр. 306, 307.* какъ отброшены и хоры. Правда, Аристотель отправился изучать Владимірскій соборъ, заложивъ уже фундаментныя стѣны московскаго храма, но едва ли онъ могъ это сдѣлать самовольно. Такая важная часть, какъ плановое размѣщеніе православнаго храма, и притомъ

Верхъ Успенскаго собора (1475—1479 г). *и звонница Петрока Малаго* (1532—1547 г).
въ Московскомъ Кремлѣ.

главнаго для Москвы, не могла быть поручена иновѣрцу, хотя бы и искуснѣйшему. Слѣдовательно, копировалась внѣшняя сторона Владимірскаго Успенскаго собора, копировалось прежде всего его пятиглавіе, его арочные пояса, «кіотцы», его порталы и прочія декоративныя особенности. Аристотель добросовѣстно исполнилъ требованіе, примѣнивъ очень немногое изъ архитектуры своей родины, а именно, открытое крыльцо съ висячими двойными арками надъ главнымъ входомъ и нѣкоторую детализировку мелкими итальянскими профилями традиціонныхъ расчлененій фасадовъ. *Стр. 11.* Фряжское пониманіе структуры и декорацій формъ наиболѣе сказалось въ примѣненіи высокаго уступчатаго цоколя, слившагося съ традиціоннымъ поясомъ кіотцевъ, оправданныхъ какъ обрамленіе оконъ. Копируя пятиглавіе, арочный поясъ и порталы Владимірскаго Успенскаго собора, Фіораванте такъ или иначе удерживаетъ въ нихъ ранне-московскую обработку, добросовѣстно насаживая

Южный порталъ Московскаго Успенскаго собора.
1475—1479 г.

«бусы» на всѣ жгуты и полуколонны. *Стр. 12.* Надо думать, что сосѣдство соборовъ, сооруженныхъ Калитой и сыномъ Дмитрія Донского, сказалось и на отсутствіи декоративныхъ аркатуръ шей главъ, столь замѣтныхъ во Владимірскомъ соборѣ, и въ замѣнѣ пилястрами традиціоннаго Владиміро-Суздальскаго дѣленія фасадовъ полуколоннами [1]. Прекрасно выдержанный въ стилѣ ранней Москвы соборъ чаруетъ величественной простотой. Чувство глубокой силы «святыни русскаго народа» прекрасно выдержано въ несокрушимой мощи стѣнъ съ ихъ колоссальными узорчатыми пеленами алтарной стороны и входовъ. *Стр. 12 и т. 1, стр. 325, 326.*

[1] Соборы Спаса на Бору и Саввинскаго монастыря имѣютъ вмѣсто полуколоннъ—пилястры. *Стр. 13.*

Соборъ Рождества Богородицы въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ
близъ Звенигорода. — 14-й вѣкъ.

Увлеченіе декоративными формами Владимірскаго Успенскаго собора въ болѣе значительной степени сказалось при сооруженіи второго пятиглаваго храма. Строители небольшого собора Благовѣщенія, что на Государевомъ дворѣ [1] стр. 15, ухитрились

[1] Соборъ выстроенъ на старомъ основаніи въ 1482—90 г. псковскими мастерами, вызванными Іоанномъ III для замѣны Мышкина и Кривцова.

Верхъ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.
1165—1189 г.

передать въ немъ характерныя черты Владимірскаго храма, удержавъ ту особенность, которая явилась вслѣдствіе обстройки собора княземъ Всеволодомъ, а именно, полукруглыя закомары у подножія средней главы, нѣкогда завершавшія фасадныя стѣны первоначальнаго Владимірскаго собора [1]. *Стр. 14.*

Этотъ интересный мотивъ обработки *стр. 15*, какъ нельзя болѣе оправданный псковской конструкціей арокъ и сводовъ, имѣлъ впослѣдствіи обширное примѣненіе какъ къ пятиглавымъ, такъ и къ одноглавымъ храмамъ [2]. Богородице Рождественскій

[1] Впервые пріемъ этотъ, какъ подражаніе Владимірскому Успенскому собору, примѣненъ къ храму Княгинина монастыря во Владимірѣ въ 1200 г. А. М. Павлиновъ, «Исторія русской архитектуры», стр. 124. Свѣдѣніе это, повидимому, заимствовано у Артлебена. Безъ обслѣдованія чердачнаго помѣщенія собора не рѣшаемся это утверждать, ибо по этому вопросу уже были высказаны сомнѣнія. См. статью Н. В. Султанова «Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ». Памятники древней письменности, VIII, 1881, стр. 13. [2] Не знаемъ, были ли подобнымъ образомъ обработаны «козны» въ подножіи средней главы Московскаго Успенскаго собора, такъ какъ своды храма въ 1624 году были капитально переустроены. О «кознахъ» въ основаніи средней

Верхъ Благовѣщенскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ.
1482—1490 г.

одноглавый соборъ Ѳерапонтова монастыря на Бѣлоозерѣ, построенный въ концѣ 15-го вѣка, представляетъ уже развитіе пріема, давая три ряда закомаръ и кокош-

главы см. въ отчетѣ К. М. Быковскаго о реставраціи Московскаго Успенскаго собора. «Археологическія извѣстія и замѣтки». М. 1896, №№ 2 и 3. Успенскій соборъ Старицкаго монастыря, построенный въ 1530 г., при пятиглавіи повторяетъ мотивъ Благовѣщенскаго собора, только верхнія арки его испорчены нынѣ дуговой кровлей.

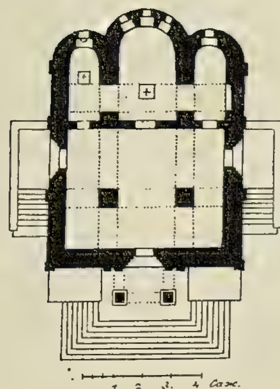

Соборъ Рождества Богородицы въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ.—Конецъ 15-го вѣка. Чертежъ реставраціи К. Романова. (Собственность Императорской Археологической Коммиссіи).

никовъ. *Стр. 16.* Этотъ интереснѣйшій храмъ—яркій выразитель ранне-московскаго зодчества, такъ же какъ и соборъ Кириллова монастыря и даже Угличскій дворецъ. Всѣ эти памятники отражаютъ въ то же время въ значительной степени декоративные пріемы Новгородско-Псковскихъ мотивовъ, причудливо переплетенныхъ съ «балясинами» и «рѣзью».

Дальнѣйшее развитіе этого интереснаго пріема идетъ двумя дорогами, одна—болѣе рутинная, просто повторяетъ мотивъ устройства кокошниковъ у подножія шеи главъ, доводя его до простого орнаментальнаго убора, до декораціи низа стѣнокъ

Церковь Чуда Архангела Михаила въ Московскомъ Кремлѣ.

Западный фасадъ и планъ церкви.—1501 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

шеи [1]. Другая дорога, болѣе цѣлесообразная и продуктивная и оправдываемая конструкціей, приводитъ къ цѣлому ряду памятниковъ, интересныхъ и типичныхъ для Московскаго зодчества.

Живописный пріемъ выдвигающихся одинъ изъ за другого рядовъ кокошниковъ, въ примѣненіи къ шатровымъ, одноглавымъ и, наконецъ, къ позднимъ пятиглавымъ церквамъ, создаетъ совершенно новыя формы. Всѣ онѣ сводятся къ желанію измѣнить прежніе грузные и разбросанные византійскіе мотивы болѣе компактными, законченными массами, съ ясно выраженнымъ стремленіемъ вверхъ [2].

Возвращаясь къ обзору Благовѣщенскаго собора въ кремлѣ, отмѣтимъ еще одну немаловажную черту. Стремясь обработать шеи главъ храма, подобно Владимірскому Успенскому собору, аркадами, но стѣсненные размѣромъ, строители въ боковыхъ главахъ ввели новый мотивъ чередованія звеньевъ, опирая арочки то на полуколонки, то на кронштейны. *Стр. 15.* Этотъ пріемъ тотчасъ же подхватывается строителями слѣдующихъ двухъ пятиглавыхъ храмовъ—церкви Чуда Архангела Михаила (1501 г.) [3] *стр. 17* и Архангельскаго собора (1505—1509 г.). Строители первой церкви нѣсколько развили этотъ пріемъ, а зодчій Архангельскаго собора—Алевизъ Новый, обработалъ аркаду шей главокъ пилястрами, давъ ей чисто итальянскій характеръ. *Т. I, стр 329.*

[1] Въ 16-мъ вѣкѣ этотъ пріемъ примѣненъ къ церквамъ такъ называемаго Новгородскаго типа, напримѣръ, въ церкви Николы что въ Мясникахъ, въ церкви Николы «красные колокола» въ Китаі городѣ, въ церкви Благовѣщенія что на Старомъ Ваганьковѣ, и др. Затѣмъ, въ обширномъ примѣненіи этотъ пріемъ встрѣчается въ декораціи главокъ шатровыхъ храмовъ 16-го и 17-го вѣка и, наконецъ, въ позднихъ московскихъ церквахъ второй половины 17-го вѣка, когда церкви въ своихъ главныхъ массахъ крылись по полатному, т. е. на четыре ската, плоской на стропилахъ кровлей, какъ напримѣръ, въ храмѣ въ селѣ Тайнинскомъ. Тотъ же пріемъ повторяется и въ церкви Казанской Божіей Матери въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ въ Москвѣ, въ церкви Григорія Неокессарійскаго на Полянкѣ, въ церкви Флора и Лавра на Мясницкой, въ церкви Знаменскаго монастыря на Варваркѣ и во многихъ другихъ. [2] Въ шатровыхъ храмахъ принципъ выдвиганія кокошниковъ одинъ изъ за другого, безъ перебивки, начиная съ церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, удерживается въ Островской церкви, въ церкви села Бесѣды, въ храмѣ-колокольнѣ города Александрова, въ придѣлѣ церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ и др. Въ храмѣ Василія Блаженнаго принципъ постановки кокошника одинъ за другимъ, на одной линіи вверхъ, уже нарушается, кокошники стоятъ въ перебивку во всѣхъ частяхъ храма, за исключеніемъ середины шатровой башни. Постановка кокошниковъ въ Медвѣдковской церкви носитъ уже мѣшанный характеръ. Одноглавые, а вмѣстѣ съ ними и столпообразные храмы, начиная съ Дьяковскаго, сохраняютъ указанный принципъ вплоть до появленія въ серединѣ 17-го вѣка пятиглавыхъ храмовъ. Таковы придѣлы Островского храма, сломанный храмъ Николы на Арбатѣ, церковь Донской Божіей Матери въ Донскомъ монастырѣ, храмъ Покрова въ Рубцовѣ и многіе другіе. Возвратъ къ пятиглавію, съ середины 17-го вѣка, объединилъ мотивы, созданные первымъ и вторымъ направленіемъ, присовокупивъ перебивчатое расположеніе кокошниковъ храма Василія Блаженнаго. Оригинальный одноглавый храмъ Рождественскаго монастыря въ Москвѣ, кажется, одинъ имѣетъ перебивчатое расположеніе кокошниковъ. Московскіе пятиглавые храмы, съ указаннымъ объединеніемъ расположенія кокошниковъ, весьма многочисленны. Храмъ Грузинской Божіеі Матери, храмъ въ Путинкахъ, церковь Николы въ Столпахъ, церковь Николы въ Пыжахъ, церковь Григорія Неокессарійскаго на Полянкѣ, церковь Троицы въ Останкинѣ подъ Москвой и многія другія. Вынужденная климатическими и экономическими условіями замѣна кокошниковъ покрытіемъ четырехскатной, такъ называемой «полатной» крышей отвела кокошникамъ печальную роль орнамента въ подкровельныхъ карнизахъ. Борьба при отстаиваніи прежнихъ формъ покрытія дала нѣкоторые переходные мотивы, наблюдаемые въ церквахъ Николы въ Хамовникахъ и Николы на Берсеневкѣ. [3] Четыре главы храма разобраны въ концѣ 18-го вѣка.

Обработка западнаго портала церкви Чуда Архангела Михаила въ Московскомъ Кремлѣ. — 1501 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Алевизовскій мотивъ «висячихъ арокъ» вскорѣ подхватывается строителемъ перваго шатроваго храма Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, который примѣняетъ его къ обработкѣ основанія шатра, заставляя тѣмъ видѣть въ восьмерикѣ шатра былую

шею главы, замѣненной здѣсь шатромъ. Этотъ Алевизовскій мотивъ не разъ примѣняется къ обработкѣ московскихъ храмовъ, болѣе или менѣе приближаясь къ прототипу. Висячія арочки типа Благовѣщенскаго собора и храма Чуда Архангела Михаила эволюціонируютъ во всѣхъ храмахъ московской архитектуры, преимущественно одноглавыхъ и пятиглавыхъ. Въ послѣднихъ, болѣе декоративныхъ, боковыя главы и иногда даже средняя, по своей незначительности, не открывались во внутрь храма, и шеи главъ покрывались даже какой то орнаментаціей, въ основѣ которой лежатъ арки на полуколонкахъ, чередующіяся съ висячими арками, но тѣ и другія превратились здѣсь въ хитро переплетенные шнуры.

Благовѣщенскій соборъ, открывая собою рядъ новыхъ декоративныхъ мотивовъ и удерживая въ основѣ подражаніе Владимірскому Успенскому собору, вмѣстѣ съ тѣмъ строгъ въ своемъ областномъ ранне-московскомъ стилѣ. Въ немъ замѣтно стремленіе развить нѣкоторыя детали областного московскаго зодчества, напримѣръ, бѣлокаменныя колонки его алтарнаго пояса превращены въ миніатюрный балясникъ, благодаря преувеличенной бусинѣ-обвязкѣ колонки[1]. Введенная «рѣзь» въ бѣлокаменной архитектурѣ, подражая деревянной «геометрической рѣзи», очень оживляетъ декорацію алтарныхъ стѣнъ храма. Областной московскій стиль, оживленный нѣсколько внесеніемъ итальянскихъ деталей, въ храмѣ Чуда Архангела Михаила продолжаетъ существовать, какъ пережитокъ, въ Сошественской церкви Троице-Сергіевой Лавры, построенной въ 1559 году, въ Успенскомъ соборѣ Старицкаго монастыря (1530 г.), въ Троицкомъ соборѣ Успенскаго монастыря въ городѣ Александровѣ (около 1565 г.), во Введенской церкви Троице-Сергіевскаго посада (1547 г.) и даже въ нижней части шатровой «Дивной» церкви въ Угличѣ (1628 г.). Въ церкви Чуда Архангела Михаила строгія формы московскаго областного зодчества начинаютъ подчиняться новымъ пріемамъ «фряжскихъ» декорацій. *Стр. 17.* Рѣзные пояса, ведущіе свое начало отъ древнихъ Владиміро-Суздальскихъ орнаментацій, превращаются въ терракотовыя «фряжскія травы», опоясывающія храмъ и его главу и обрамляющія его порталы. Такая перемѣна повлекла за собою и перемѣну значенія древнихъ поясовъ, превративъ ихъ въ карнизы. Фряжскій карнизъ главы ничуть не нарушилъ ея цѣльности,—онъ просто развилъ предыдущія формы. Карнизъ въ подножіи былой висящей аркатуры явился оправданіемъ ея устойчивости. Такой оригинальный пріемъ сильно подтянулъ аркатуру къ основанію закомаръ, сдѣлавъ нряднымъ весь верхъ храма. Пышный фряжскій орнаментъ въ сочетаніи съ скромными перевяз-

[1] Прототипъ такой колонки-балясины имѣется въ Николаевскомъ соборѣ г. Волоколамска, построенномъ въ 1430 г. Развитіе или, вѣрнѣе, повтореніе этого мотива встрѣчается въ Ризположенской церкви въ кремлѣ (1485—1486 г.), но уже въ терракотѣ, и затѣмъ въ отдаленномъ Угличскомъ дворцѣ (конца 15-го вѣка). Попадается онъ и въ Ѳерапонтовомъ и Кирилловомъ Бѣлозерскихъ монастыряхъ (конца 15-го вѣка) и, наконецъ, въ Сошественской церкви Троице-Сергіевой Лавры временъ Ивана Грознаго.

Церковь Рождества Богородицы въ Старомъ Симоновѣ подъ Москвой.
1509 г.

ками и бусами ранней Москвы въ декораціи портала даютъ своеобразные мотивы, подхваченные и развитые въ дальнѣйшемъ зодчествѣ «царственной Москвы». *Стр. 19.*

Попытки придать формамъ и украшеніямъ храма извѣстную декоративную логичность, навѣянную, несомнѣнно, фрязинами, замѣтны въ Старо-Симоновской церкви *стр. 21*, гдѣ поясъ храма продолженъ надъ алтарными абсидами, являясь какъ бы карнизомъ послѣднихъ. Такой пріемъ принизилъ византійскую ширoту алтарныхъ полукружій, нарушивъ ихъ значеніе и важность [1]. Впервые ввелъ это, повидимому, Аристотель Фіораванте. Въ церкви Ризъ Положенія *стр. 9* это могло явиться и самостоятельно, въ силу традицій псковичей, но несомнѣннымъ продолжателемъ Аристотелевскаго пріема явился Алевизъ Новый, примѣнившій его къ алтарнымъ абсидамъ Архангельскаго собора.

Перечисленные храмы ранне-московской областной архитектуры болѣе или менѣе хранятъ традиціи Владиміро-Суздальскаго зодчества, въ нихъ вливаются лишь новшества декоративнаго характера и увлеченіе Успенскимъ Владимірскимъ соборомъ. Неприкосновеннымъ является древній Владиміро-Суздальскій планъ съ его внутренними столбами, тремя порталами безъ всякихъ папертей и традиціонное троечастіе его фасадовъ. Строительный матеріалъ—бѣлый камень замѣняется кирпичемъ, а «рѣзь»—терракотой, но долго еще продолжается московская «бѣлокаменная» кладка, пока ее не вытѣснило увлеченіе кирпичнымъ орнаментомъ въ 17-мъ вѣкѣ. Но и въ этомъ матеріалѣ храмы областного московскаго типа найдутся и въ Ярославлѣ, и въ Ростовѣ, и во многихъ другихъ городахъ, ставившихъ себѣ идеаломъ Владимірскій и Московскій Успенскіе соборы.

[1] Не уцѣлѣвшій древній верхъ Старо-Симоновской церкви замѣненъ формами, близкими къ формамъ безстолпныхъ храмовъ 16-го вѣка, да и самые столбы не уцѣлѣли,—ихъ замѣняетъ сомкнутый сводъ, несущій миніатюру прежней свѣтовой главы.

II.

НОВЫЯ ФОРМЫ ЗОДЧЕСТВА «ЦАРСТВЕННОЙ МОСКВЫ».

Объединеніе Руси, созидаемое Москвой, постепенно передвигаетъ центръ культуры изъ Новгорода въ Москву.

Столица «всея Руси»,—Москва, со времени Іоанна III живетъ общей жизнью, тѣсно связанной съ собранными воедино областями. Искусство каждаго края, каждой области, въ силу роковой необходимости, должно было тоже слиться воедино, оставивъ въ немъ болѣе или менѣе замѣтныя черты своего пониманія красоты. Объединеніе Руси происходило далеко не мирнымъ путемъ: Москва покоряла и подчиняла и такимъ образомъ собирала Русь. Собирала она и свое искусство. Собираніе шло съ лихорадочной быстротой, въ «Государевомъ дѣлѣ», т. е. въ казенныхъ сооруженіяхъ должны были участвовать всѣ подданные. Такой порядокъ обрекалъ московское зодчество на роль искусства чисто декоративнаго[1]. Собранныя отовсюду мастера-строители хотя и вносили свои, вѣками созданные конструктивные мотивы, но въ общемъ должны были подчиняться требованіямъ Москвы, желавшей сохранить болѣе или менѣе свое областное искусство. Вначалѣ даже призванные изъ за моря иноземцы, «фрязины», должны были копировать мѣстные образцы, но время брало свое и элементы новшествъ притекали все болѣе и болѣе.

Притокъ новыхъ элементовъ, какъ и слѣдовало ожидать, шелъ отъ фрязиновъ. Мало знакомые съ архитектурной логикой ранне-московскихъ и новгородско-псковскихъ церквей, фрязины, хотя и придерживались въ трактовкѣ обычныхъ массъ храмовъ, все же не могли не внести въ нихъ своихъ взглядовъ, своей логики, правда, въ началѣ мало замѣтной и не особенно важной въ глазахъ москвичей. Уступая фрязинамъ въ замѣнѣ прежняго строительнаго матеріала,—бѣлаго камня,—кирпичемъ, болѣе пригоднымъ въ кладкѣ сводовъ, а затѣмъ и стѣнъ, москвичи постепенно привыкли и къ тому декоративному убранству, которое незамѣтно вносилось вмѣстѣ съ мотивами ранне-итальянской архитектуры.

[1] Хотя и прототипъ его, Владиміро-Суздальское зодчество, въ достаточной степени обладаетъ декоративными свойствами.

При одинаковости формъ, главное отличіе храмовъ московской областной архитектуры отъ храмовъ, затронутыхъ фряжскими новшествами, заключается въ увѣнчаніи послѣднихъ карнизами или такъ называемыми «антаблеманами». Эти карнизы, не нарушая формъ древняго покрытія «по закомарамъ», въ корнѣ измѣняютъ значеніе послѣднихъ, низводя ихъ на степень декоративныхъ арокъ-кокошниковъ. Иначе говоря, сплошные, непрерывные карнизы отрѣзаютъ полукруглые верха фасадовъ, давая послѣднимъ значеніе перехода къ главамъ. Не таково было значеніе древнихъ закомаръ, такъ ясно и опредѣленно отмѣчавшихъ всю внутреннюю структуру храмовъ.

Внесеніе карнизовъ-антаблемановъ въ московскую архитектуру неминуемо повлекло за собою широкое пользованіе итальянскими обломами, профилями мелкихъ частей карнизовъ. Фрязины, декорируя мелкія архитектурныя части, конечно, не могли по привычкѣ поступать иначе, но также поступали и ихъ русскіе продолжатели.

Итакъ, главное отличіе московской областной архитектуры отъ московской «всея Руси» есть карнизъ. Его еще нѣтъ въ первой итальянской постройкѣ, т. е. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, архитектуру котораго, за исключеніемъ указанныхъ выше мелкихъ декоративныхъ частей, слѣдуетъ считать ранне-московской областной. Едва затронутъ онъ въ трактовкѣ терракотовыхъ поясовъ храма Чуда Архангела Михаила, въ широкомъ же и полномъ значеніи впервые ввелъ карнизъ въ московскую архитектуру Алевизъ Новый, архитекторъ, прибывшій въ Москву изъ Милана [1]. Онъ примѣнилъ этотъ мотивъ къ фасаднымъ украшеніямъ Архангельскаго собора, построеннаго имъ въ 1505—1509 г. *Томъ I, стр. 329.* Этотъ четвертый пятикупольный соборъ, при сохраненіи древнихъ традиціонныхъ формъ, одѣтъ Алевизомъ въ роскошную одежду архитектурныхъ декорацій ранняго итальянскаго возрожденія. *Стр. 25.* Подчиняясь необходимости воспроизведенія освященныхъ формъ храма, Алевизъ по своему разработалъ фасады. Удерживая традиціонный Владиміро-Суздальскій поясъ, онъ оправдалъ его существованіе видомъ пояса, подпертаго арками, чѣмъ и далъ фасадамъ значеніе декораціи двухъ этажей. Одинаково поступилъ онъ и съ закомарами, оправдавъ ихъ съ своей точки зрѣнія. Въ общей трактовкѣ фасады Архангельскаго собора представляютъ двухъэтажное зданіе, увѣнчанное карнизомъ, поверхъ котораго, ближе къ кровлѣ, поставлены декоративныя раковины. *Стр. 27.*

Кромѣ Архангельскаго собора, Алевизъ построилъ въ Кремлѣ у Боровицкихъ воротъ церковь Іоанна Предтечи (въ 1508—1509 г.), разобранную въ 1847 г., и церковь

[1] Alvise Novi? Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы возстановить подлинное итальянское имя этого архитектора, оказавшаго на дальнѣйшее развитіе русскаго зодчества столь рѣшающее вліяніе. Тогдашніе москвичи такъ искажали и передѣлывали на свой ладъ имена иноземцевъ, что съ безусловной достовѣрностью возможно возстановить только два изъ нихъ: имя знаменитаго строителя Успенскаго собора—Ридольфо Фіораванте—а не Фіоравенти, какъ его переиначили (см. т. I, стр. 324), — и строителя Кремлевскихъ стѣнъ и башенъ, а также Грановитой палаты—Піетро Антоніо Соларіо. О немъ рѣчь впереди. *Ig. Гр.*

Порталъ боковой двери западнаго фасада Архангельскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ. 1505—1509 г.

Вознесенскаго монастыря (въ 20 годахъ 16-го вѣка)[1]. На посадѣ имъ было выстроено цѣлыхъ 10 церквей. Несомнѣнно, при такой обширной строительной дѣятельности въ области храмовой архитектуры, Алевизъ не разъ примѣнялъ свой карнизъ, укрѣпляя тѣмъ его значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивая его исключительно декоративный смыслъ, не вытекающій изъ внутренняго содержанія храма. Любопытно отмѣтить, что Алевизъ иногда придерживался формъ такъ называемаго Новгородско-Псковского типа, объясняя съ своей точки зрѣнія его архитектурныя формы, т. е. одѣвая ихъ итальянскими карнизами и поясами. Такова, напримѣръ, сломанная нынѣ церковь Іоанна Предтечи что подъ боромъ и тоже сломанная Благовѣщенская церковь въ Старомъ Ваганьковѣ, построенная въ 1514 г. *Стр. 28.* Карандашный набросокъ А. Мартынова[2], сдѣланный съ какого то оригинала, устанавливаетъ лишь общія ея формы. Правдиво ли готическое очертаніе кокошниковъ и закомаръ, судить трудно. Болѣе естественнымъ высматриваетъ кровельное покрытіе храма, имѣющее свой прототипъ въ Успенской церкви въ Гдовѣ. *Т. I, стр. 250.* Близкій къ Ваганьковскому пріемъ встрѣчается въ церкви св. Трифона что въ Напрудной въ Москвѣ. *Стр. 29.* Древность этого храма, къ сожалѣнію, не засвидѣтельствована лѣтописными источниками, но, во всякомъ случаѣ, она отдаленна и, можетъ быть, близка ко времени сооруженія Ваганьковскаго храма. Утерянный верхъ много отнимаетъ въ законченности серьезныхъ массъ этого интереснаго храма. Слѣдуетъ отмѣтить, что типъ такихъ церквей впослѣдствіи не разъ воспроизводился. Въ Ростовѣ сохранилась церковь св. Исидора 16-го вѣка и церковь Спаса на Сѣняхъ 17-го вѣка. О нѣсколько иной трактовкѣ Новгородско-Псковского типа храмовъ, хотя и одѣтыхъ во «фряжскія» детали, но ближе стоящихъ къ своимъ оригиналамъ,—достаточно говоритъ церковь Николы въ Мясникахъ въ Москвѣ *стр. 31,* сохранившая чистоту традиціонныхъ фронтоновъ, при чисто московской обработкѣ главы.

Алевизовъ карнизъ быстро завоевываетъ себѣ мѣсто и съ середины 16-го вѣка почти всѣ храмы Москвы трактуютъ его такъ или иначе[3]. Почти всѣ столпообразные и шатровые храмы усвоили себѣ эту деталь, одинъ только первый шатровый храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ хранитъ ранне-московскую трактовку закомаръ.

Къ числу новшествъ для Москвы нужно отнести нѣкоторые плановые и конструктивные пріемы, частію занесенные изъ другихъ областей, частію сформировавшіеся на мѣстѣ.

[1] Перестроена въ царствованіе Феодора Іоанновича. И. Е. Забѣлинъ, «Исторія Москвы», 1902, стр. 109.
[2] «Русская Старина», тетр. 11.
[3] Дьяковская церковь 1529 г., церковь Василія Блаженнаго 1555—1560 г. Четыре придѣла Благовѣщенскаго собора 1563—1564. Придѣлы Островской церкви, церкви села Бесѣды, церковь въ Вяземахъ, сломанная церковь Николы на Арбатѣ, церковь Донской Божіей Матери въ Донскомъ монастырѣ, Покровская церковь въ Рубцовѣ. Почти весь 17-й вѣкъ, особенно въ пятиглавыхъ церквахъ, трактуетъ эту важную деталь.

Западный фасадъ Архангельскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ.
1505—1509 г.

Благовѣщенская церковь, что на Старомъ Ваганьковѣ въ Москвѣ. 1514—1591 г. Нынѣ не существуетъ.
(По рисунку А. Мартынова 1840-хъ годовъ, съ неизвѣстнаго оригинала).

Мы уже видѣли, какъ удачно новгородцы и въ особенности псковичи начали и довершили освобожденіе своихъ храмовъ отъ загромождавшихъ ихъ внутреннихъ пилоновъ-столбовъ и пилястръ [1]. Они изобрѣли остроумную ступенчатую конструкцію сводовъ и арокъ, изобрѣли ступенчатое перекрытіе придѣловъ и, наконецъ, самихъ храмовъ, и такимъ образомъ постепенно подошли къ типу маленькихъ храмовъ, безъ внутреннихъ столбовъ, перекрытыхъ однимъ общимъ сомкнутымъ сводомъ. Перенеся все это въ Москву, псковичи установили тамъ типъ очень небольшого, лишеннаго внутреннихъ столбовъ, «посадскаго» храма, названнаго такъ въ отличіе отъ соборныхъ

[1] Подробности см. въ т. I, стр. 252.

Церковь Трифона мученика въ Напрудной въ Москвѣ.
15-й—16-й вѣкъ.

и монастырскихъ церквей. Живущая широкой жизнью, все увеличивающаяся Москва сразу развиваетъ этотъ пріемъ, присовокупляя къ нему придѣлы и трапезы.

Небольшой размѣръ такихъ, по преимуществу, одноглавыхъ храмовъ, перекрытыхъ сомкнутымъ сводомъ, вначалѣ вполнѣ удовлетворяетъ горожанъ, гарантируя

до нѣкоторой степени безопасность отъ пожаровъ. Но, разрастаясь въ ширину, храмы неминуемо требовали роста и въ высоту, тѣмъ болѣе, что рядомъ стояли деревянные храмы тождественнаго плана. Въ деревянныхъ же храмахъ, какъ извѣстно, высота играла не малую роль, создавъ типы «клинчатыхъ» и «шатровыхъ» церквей. Эволюціонируя, «посадскій» храмъ получаетъ на своемъ сомкнутомъ сводѣ ряды выдвигающихся другъ изъ за друга кокошниковъ, затѣмъ получаетъ «подклѣты» [1] и галереи. Эволюціонируя въ дальнѣйшемъ, посадскій храмъ съ середины 17-го вѣка получаетъ пять декоративныхъ главъ лишь въ качествѣ символовъ, удовлетворяющихъ «древнему завѣту».

Достигнувъ въ такомъ видѣ своего кульминаціоннаго пункта, посадскіе храмы регрессируютъ, придавленные четырехскатной кровлей [2]. Типъ храмовъ, созданный посадскими силами, находитъ мѣсто и въ монастыряхъ.

Въ храмѣ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, построенномъ въ 1532 г., строитель впервые натолкнулся на необходимость, при сравнительно небольшой площади дворцоваго храма, дать ему грандіозность, выходящую изъ ряда вонъ. Недаромъ современникъ-лѣтописецъ удивляется «величеству» церкви, говоря, что «допрежь такой не было на Руси».

Необыкновенность заключается въ первомъ по времени примѣненіи шатра къ безстолпному храму. Зодчій весьма осторожно декорируетъ внѣшность храма формами, созданными еще ранне-московскимъ областнымъ зодчествомъ, и хотя въ мелочахъ и придерживается фряжскихъ новшествъ, но повторяетъ знакомые три ряда кокошниковъ, оправдывая ихъ притомъ псковской ступенчатой конструкціей; повторяетъ и традиціонное дѣленіе фасадовъ храма на три части, придавая плану видъ креста; повторяетъ и знакомый подклѣтъ, расширяя его въ стороны террасообразно. Совершеннымъ новшествомъ является лишь шатеръ. Откуда взята его форма? Несомнѣнно, съ дерева, съ деревянныхъ шатровыхъ храмовъ, создавшихся постепенно на протяженіи многихъ вѣковъ. Во всѣхъ случаяхъ миніатюра видной части деревяннаго храма, т. е. главы на шеѣ, увѣнчиваетъ вершину и каменнаго шатра. Эта миніатюра увѣнчиваетъ и верхъ Коломенской церкви.

Необходимо отмѣтить, что перечисленные шатровые и столпообразные храмы въ своей конструкціи имѣютъ пріемы и мотивы крѣпостной архитектуры, конечно, въ ихъ декоративномъ значеніи. Какъ будто есть связь этихъ храмовъ съ крѣпостями и башнями, но связь эта ограничивается заимствованіемъ конструктивной стороны

[1] Самое названіе показываетъ, откуда они заимствованы. [2] Два замѣчательныхъ, оригинальныхъ по своему замыслу, храма всецѣло созданы по типу посадскихъ церквей. На первомъ мѣстѣ находится Дьяковскій храмъ близъ села Коломенскаго около Москвы (1529 г.), составляющій группу придѣльныхъ храмовъ, и подобный ему Покровскій соборъ, извѣстный больше подъ именемъ Василія Блаженнаго (1555—1560 г.), развившій эту группу до 9 храмовъ.

Церковь Николы что въ Мясникахъ въ Москвѣ.
15-ii—16-ii вѣкъ.

переходовъ отъ стѣнъ къ главамъ храма и заимствованіемъ нѣкоторыхъ мелкихъ деталей декорацій стѣнъ и башенъ кремля, тѣмъ болѣе, что шатровыя башни кремля соотвѣтствующей типичной конструкціи возникли значительно позже стѣнъ и надвратныхъ стрѣльницъ, а именно въ 17-мъ вѣкѣ. До той поры онѣ были деревянными. Возсозданіе ихъ въ камнѣ вынуждено частыми пожарами и ремонтами, особенно послѣ Польской «разрухи». Слѣдовательно, столпообразные и шатровые храмы предшествовали башнямъ кремля и не съ нихъ заимствовали уборныя части для декораціи этихъ храмовъ. Трудность первичнаго воспроизведенія деревянныхъ шатровыхъ храмовъ въ кирпичѣ, конечно, вынуждала строителей искать необходимые мотивы всюду, влагая въ нихъ притомъ всю свою изобрѣтательность. Перечисленныя новшества достаточно показываютъ, что Москва, собравъ свое искусство и облагородивъ и усиливъ его фряжскими начинаніями, вплотную подошла къ возсозданію національныхъ формъ въ кирпичѣ и камнѣ и сдѣлала это дѣло на славу. Шатровые и столпообразные храмы увѣнчиваютъ московское искусство, придавая ему особую общенаціональную выразительность и силу. Сила эта замѣтно ослабѣла со времени запрещенія сооруженій шатровыхъ церквей, начавшагося съ половины 17-го вѣка. Ослабѣвъ, она однако не упала, только съ этого времени всѣ помыслы зодчихъ были направлены на разработку незапрещенныхъ шатровыхъ колоколенъ и чисто бытовыхъ принадлежностей храма — крылецъ, галерей и воротъ.

III.

СТОЛПООБРАЗНЫЕ ХРАМЫ.

Въ началѣ 16-го вѣка Москва, сосредоточивъ въ себѣ разноличность образцовъ храмовой архитектуры, каменной и деревянной, была уже въ состояніи приступить къ переработкѣ обширнаго матеріала на совершенно новыхъ началахъ, какъ художественно-декоративныхъ, такъ и технически-строительныхъ.

Въ предыдущей главѣ были отмѣчены новшества художественно-декоративнаго характера, сводящіяся къ развитію особаго, чисто московскаго покрытія верховъ храмовъ кокошниками и къ введенію карниза съ присущими ему мелкими деталями (обломами). Отмѣчено было и появленіе шатровъ.

Легкость и нарядность перехода отъ широкихъ основаній къ легкимъ и стройнымъ чисто декоративнымъ главкамъ въ деревянныхъ церквахъ, повидимому, очень прельщала московскихъ строителей, и желавшихъ и какъ бы боявшихся воспроизвести эти формы въ камнѣ. Первый пріемъ такого воспроизведенія даетъ пятиглавый храмъ Усѣкновенія главы Іоанны Предтечи въ селѣ Дьяковѣ, построенный въ 1529 г. *Стр. 35, 37, 39.* Въ немъ все подготовлено, чтобы воспроизвести шатры, и лишь привязанность къ купольной системѣ и къ пятиглавію помѣшали сдѣлать это. Во всякомъ случаѣ, Дьяковскій храмъ содержитъ въ себѣ тѣ элементы, которые составляютъ переходъ отъ «безстолпныхъ» церквей къ «шатровымъ». Вглядываясь въ силуэты «столповъ» Дьяковскаго храма, не трудно замѣтить, что переходы отъ восьмериковъ храма къ шеямъ ихъ главъ, несмотря на дробность декорированія ихъ кокошниками, въ общемъ, пирамидальны и представляютъ собой какъ бы зачаточные невысокіе шатры. Эти зачаточные короткіе шатры твердо несутъ преувеличенно крупныя свѣтовыя главы.

Небольшое увеличеніе первыхъ и небольшое при этомъ уменьшеніе вторыхъ сразу дало бы форму шатровой церкви, идущей восьмерикомъ прямо снизу. Конструктивная трудность перехода отъ свѣтовой главы къ наружнымъ стѣнамъ храма, въ свою очередь, вліяла на недосказанность строительнаго пріема [1]. Получившаяся

[1] Конструктивный пріемъ перехода отъ шей къ стѣнамъ внутри храма весь основанъ на знакомствѣ строителя Дьяковской церкви съ крѣпостной архитектурой, гдѣ форма навѣсныхъ стѣнокъ бойницъ или «машикули» такъ часто примѣнялась. Формы крѣпостной архитектуры введены строителемъ и во внѣшнюю обработку храма, а именно въ видѣ «машикули» обработанъ карнизъ центральной главы и ея оригинальные полукруглые контрфорсы, кстати сказать, являющіеся конструктивнымъ переходомъ отъ восьмигранника къ сферическому своду.

новая форма, средняя между «безстолпнымъ» и «шатровымъ» пріемами, походила на башню или «столпъ», полый внутри [1].

Созданная строителемъ Дьяковской церкви группа «столповъ» не можетъ объясняться простой прихотью строителя, вызванной стремленіемъ его къ вычурности. Въ сооруженіе храма внесена была болѣе глубокая идея, собственно и вызвавшая новыя и притомъ оригинальныя формы. Преданіе сохранило намъ извѣстіе, что Дьяковскій храмъ «завѣтный», т. е. выстроенный по обѣту великимъ княземъ Василіемъ III и его супругой Еленой, скорбѣвшихъ и молившихся о чадородіи. Важность утери престолонаслѣдія доводила до отчаянія. Слезы сомнѣнія, горечь наболѣвшей души вылились въ мольбѣ о покровительствѣ и дарованіи надежды и духовной крѣпости къ тѣмъ святынямъ, которымъ посвящены придѣлы «завѣтнаго» храма.

Главный основной престолъ въ честь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи указываетъ на желаніе имѣть наслѣдника тезоименитаго своему дѣду. Мольба о зачатіи, посвящаетъ два придѣла, зачатію Іоанна Предтечи и зачатію святой Анны. Грѣховность невѣрія и грѣховность сомнѣнія выражаются въ мольбѣ къ апостолу Ѳомѣ, которому былъ посвященъ третій придѣлъ. Четвертый придѣлъ въ честь святителя Петра чудотворца, несомнѣнно, указываетъ на мольбу къ святителю покровителю рода Калиты о дарованіи чуда [2]. Учрежденіе придѣла въ честь матери Елены и царя Константина понятно въ смыслѣ покровительства патроновъ супруги князя [3].

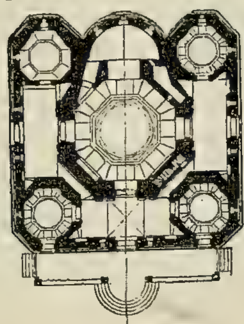
Зодчему предстояла трудная задача объединить всѣ эти храмы-придѣлы въ одну группу, сохраняя притомъ обычную для того времени отдѣльность входовъ.

Не смѣя отойти далеко отъ обычнаго расположенія формъ пятиглавой церкви, зодчій смѣло разрѣшилъ заданіе, принявъ въ основу форму восьмигранниковъ, объединенныхъ ходовыми галереями-папертями. Подходящая плановая форма нашлась, повидимому, въ деревянныхъ храмахъ. Ею блестяще воспользовался зодчій, впервые вводя въ московскую каменную церковную архитектуру форму гранника и впервые

[1] Въ 1536 г. въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ была сооружена церковь во имя Григорія Великія Арменіи, при чемъ «мастеры дѣлали Тверскія земли, большому имя Ермола». Полное Собр. Русск. лѣтописей, т. VI (Софійскія лѣтописи). Спб. 1853, стр. 296. Церковь, по описанію лѣтописца, была «о единомъ версѣ, велми чюдна, яко таковы нѣсть дѣломъ въ Новгородской области: яко околная стѣна, еже округъ церкви, имѣя угловъ восмь, а двери пятеры, въ высоту велми высока, на ней же въ версѣ и колоколы уставища». До сооруженія этого столпа, въ монастырѣ существовала маленькая, также столпообразная церковь во имя того же святого, построенная въ 1445 г. святымъ Евфиміемъ. «А и прежде того была церковь того же святого камена, но не велми высока и кругла яко столпъ, противу сѣверныхъ дверей, и не велика, толко сажени единыя внутри и со олтаремъ, на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ». Тамъ же, стр. 296. Вотъ единичный прообразъ Дьяковскихъ «столповъ». [2] Передъ своей кончиной великій князь Василій III благословилъ своего сына Іоанна крестомъ Петра чудотворца, — тѣмъ самымъ, которымъ благословленъ былъ Іоаннъ Калита. [3] Придѣлъ апостола Ѳомы впослѣдствіи былъ переименованъ въ придѣлъ Двѣнадцати Апостоловъ, а придѣлъ святителя Петра—въ честь Трехъ Святителей Московскихъ. Придѣлы существовали еще въ 1683 г.

Храмъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи

въ селѣ Дьяковѣ подъ Москвой.
1529 г.
(Фот. И. Грабаря).

вводя каменныя открытыя ходовыя галереи[1]. Воспроизводя структуру дерева въ камнѣ, зодчій не отказался отъ традиціонныхъ уступчатыхъ кокошниковъ, придавъ имъ лишь форму фронтоновъ остроконечныхъ и кругло-плоскихъ въ основаніи средней главы, гдѣ притомъ введена интересная деталь распорныхъ кокошниковъ, объединяющихъ и какъ бы связывающихъ въ одно цѣлое верхній и нижній ряды кокошниковъ. Мотивъ этотъ является прототипомъ декоративнаго расположенія кокошниковъ «въ перебѣжку», такъ широко практиковавшемуся въ московской архитектурѣ 17-го вѣка. Строго логичный въ своихъ основныхъ формахъ Дьяковскій храмъ, подобно деревяннымъ сооруженіямъ, блещетъ убранствомъ своихъ «верховъ», оставляя въ умѣренной простотѣ убранство стѣнъ. Декоративность переходовъ отъ стѣнъ къ главамъ не выходитъ изъ предѣловъ логичности и вся группа «столповъ» понятна, ясна и правдива. Не мало прелести добавляетъ храму настѣнная звонничка псковского типа, правда, разработанная по Алевизовски тѣми дробными деталями, которыя повлекло за собой примѣненіе карнизовъ[2]. *Стр. 37.* Дробность ихъ скрадывается, впрочемъ, дробностью деталировки самаго храма. Дробность эта вызвана какъ самымъ матеріаломъ,—кирпичемъ, такъ и новшествами Москвы, вкусившей отъ плода «фряжскихъ» начинаній. Прекрасно выисканныя формы храма, съ его оригинальнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ верхомъ, поражаютъ пластичностью детальной обработки. Свободно и смѣло распорядился зодчій всѣмъ запасомъ новыхъ знаній, вложивъ въ нихъ тайну передачи деревянныхъ формъ, изваявъ какъ бы рѣзцомъ игрушку-храмъ. *Стр. 39.*

Дьяковскій храмъ, при всей своей нарядности, монументально строгъ и величественъ. Съ этого храма Москва дѣлаетъ поворотъ въ сторону воспроизведенія деревянныхъ національныхъ формъ въ камнѣ, отрѣшаясь отъ формъ, прототипы которыхъ дала Византія.

Вставъ на новую дорогу воспроизведенія національныхъ формъ, московскіе зодчіе неминуемо должны были тотчасъ же обратить главное вниманіе на самую характерную, самую выразительную и наиболѣе національную изъ нихъ—форму шатра. Грандіозность шатровыхъ деревянныхъ церквей била въ глаза и, конечно, не давала покоя зодчимъ новаторамъ[3].

[1] Псковъ въ 15—16-мъ вѣкахъ уже имѣлъ ходовыя галереи-паперти, правда, не столь открытыя. Болѣе выразительную открытую ходовую галерею-сѣни находимъ въ подножіи средняго «столпа» храма Василія Блаженнаго. Но при всей своей выразительности она тамъ еще декоративная, такъ какъ не имѣетъ прямого назначенія. Къ Московскому Благовѣщенскому собору открытыя галереи-паперти, какъ входы, пристроены вѣроятно послѣ пожара 1547 г., если не раньше, какимъ то итальянскимъ зодчимъ. Одновременно, повидимому, была пристроена открытая галерея паперть и къ сѣверной стѣнѣ Архангельскаго собора, на мѣстѣ существующаго нынѣ крыльца. [2] Звонница сооружена позднѣе храма; на ея мѣстѣ находились ранѣе двѣ главки. Сооруженіе звонницы едва ли далеко заходитъ за начало 17-го вѣка. [3] Высота деревянныхъ церквей измѣрялась обыкновенно 20-ю саженями, а иногда достигала и 35 саженъ. И. Е. Забѣлинъ, «Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ». Москва, 1900, стр. 97—98.

Храмѣ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи
въ селѣ Дьяковѣ подъ Москвой.—1529 г. (Фот. И. Грабаря).

Прекрасное разрѣшеніе задачи въ упомянутомъ выше первомъ шатровомъ храмѣ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ [1], сооруженномъ черезъ три года послѣ

[1] Сосѣднимъ съ селомъ Дьяковымъ.

Дьяковскаго храма, влечетъ за собою цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ рѣшеній той же задачи воспроизведенія шатра въ камнѣ. Увлеченіе этой формой захватываетъ всецѣло московскихъ строителей. Шатеръ становится ихъ идеаломъ и какъ будто нѣтъ уже мѣста для другихъ національныхъ формъ. Но судьбѣ угодно было еще разъ затронуть тотъ прототипъ шатра, который строитель Дьяковской церкви выразилъ въ формѣ «столпа».

Покровскій соборъ на Рву въ Москвѣ, построенный въ 1555—1560 г., и болѣе извѣстный подъ именемъ храма Василія Блаженнаго, по стеченію обстоятельствъ, заключаетъ въ себѣ идею, очень близкую къ идеѣ Дьяковскаго храма, хотя и вызванную иными обстоятельствами. *Стр. 40, 41, 43.*

Прежде всего, это тоже завѣтный храмъ, посвященный царемъ Іоанномъ IV памяти тѣхъ событій, которыя рѣшили участь царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Память дней событій благочестиво пріурочивалась къ покровительству «святыни» этихъ дней.

Іоаннъ IV, вернувшись съ удачнаго похода, «совѣтъ благъ сотворилъ» съ митрополитомъ Макаріемъ и со всѣми святителями объ исполненіи завѣта. Вскорѣ было поставлено семь деревянныхъ церквей вокругъ главнаго восьмого каменнаго храма Живоначальной Троицы. Имена семи храмовъ слѣдующія: Покрова Пресвятой Богородицы, Входа Господня въ Іерусалимъ, Кипріана и Устиніи [1], Варлаама Хутынскаго, Александра Свирскаго, Григорія епископа Великія Арменіи, Александра, Іоанна и Павла—патріарховъ Цареградскихъ.

Важность огромнаго событія, закрѣплявшаго могущество Москвы, въ полномъ свѣтѣ выясняло могущество и покровительство небесныхъ силъ. Торжество Москвы, торжество всей Руси неминуемо должно было излиться во славу Творца, во славу покровительства небесныхъ силъ. Построенные обѣтные храмы, повидимому, мало удовлетворяли выразительности этой славы. Митрополитъ Макарій, глубокій духовный ученый, художникъ, мыслившій образами и сопоставленіями, совѣтуетъ царю соорудить каменный соборъ, съ вышепоименованными престолами завѣтныхъ храмовъ [2]. Расположеніе престоловъ въ храмѣ Василія Блаженнаго наводитъ на мысль, что въ группировку массъ собора внесена идея не одного только «размѣренія основанія» и что кромѣ зодчихъ Бармы и Посника съ товарищами кто то еще входилъ въ дѣло сооруженія храма и притомъ настолько, что руководящая идея принадлежала ему и что Барма и Посникъ, имена которыхъ сохранила намъ лѣтопись, только «быша примудріи и удобни таковому чюдному дѣлу».

Всматриваясь въ планъ и общія массы собора, не трудно замѣтить, что главные

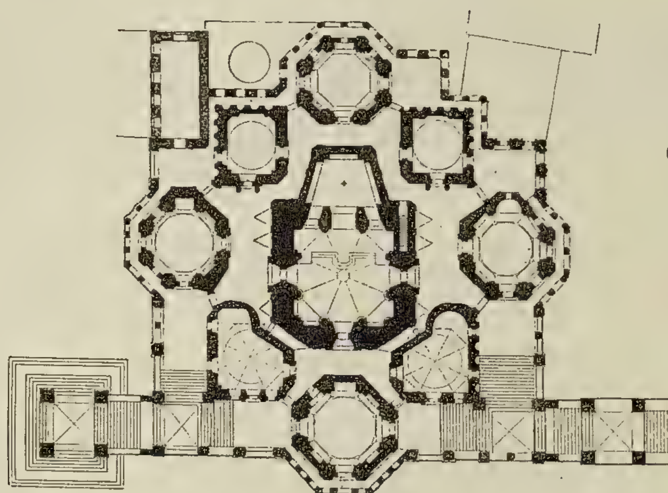
[1] Нынѣ Адріана и Наталіи. [2] Митрополитъ Макарій былъ самъ иконописцемъ и лично участвовалъ въ «приточной» (аллегорически поучительной) росписи Золотой Палаты дворца. И. Е. Забѣлинъ, «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895 г., стр. 158.

Храмѣ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи
въ селѣ Дьяковѣ подъ Москвой.—1529 г. (Фот. И. Грабаря).

четыре столпа, группируясь около средняго, размѣщены не въ обычномъ порядкѣ размѣщенія по угламъ, какъ напримѣръ, въ Дьяковской церкви, а крестообразно. *Стр. 40.* Угловымъ столпамъ придано меньшее значеніе. Чѣмъ же оправдать такое

Храмъ Василія Блаженнаго.

Сѣверный фасадъ и планъ.
1555—1560 г.

Храмъ Василія Блаженнаго или Покровскій соборъ «на Рву» въ Москвѣ.
1555 — 1560 г. Западный фасадъ.

необычное размѣщеніе главныхъ частей собора? Наименованіе престоловъ сразу рѣшаетъ вопросъ. Въ одну линію съ востока на западъ сгруппированы послѣдовательно три престола: восточный—въ честь Живоначальной Троицы, средній—въ честь Покрова Пресвятой Богородицы и западный—въ честь Входа Господня въ Іерусалимъ. Этимъ то престоламъ и придано главное значеніе, повлекшее за собою

Галерея Покровскаго столпа храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ. 1555—1560 г.

сооруженіе лишняго «безымяннаго» престола[1] противъ южныхъ вратъ главной церкви, т. е. главнаго южнаго столпа[2].

[1] Безымянный престолъ былъ вскорѣ нареченъ во имя Николая чудотворца Великорѣцкаго, по случаю многихъ чудотвореній отъ привезенной для реставрированія въ Москву иконы. Обѣтный храмъ тогда, въ іюлѣ 1555 г., былъ возведенъ отъ земли около сажени. [2] Сѣверный главный столпъ былъ посвященъ памяти святыхъ Купріана и Устиніи, т. е. памяти дня взятія Казани.

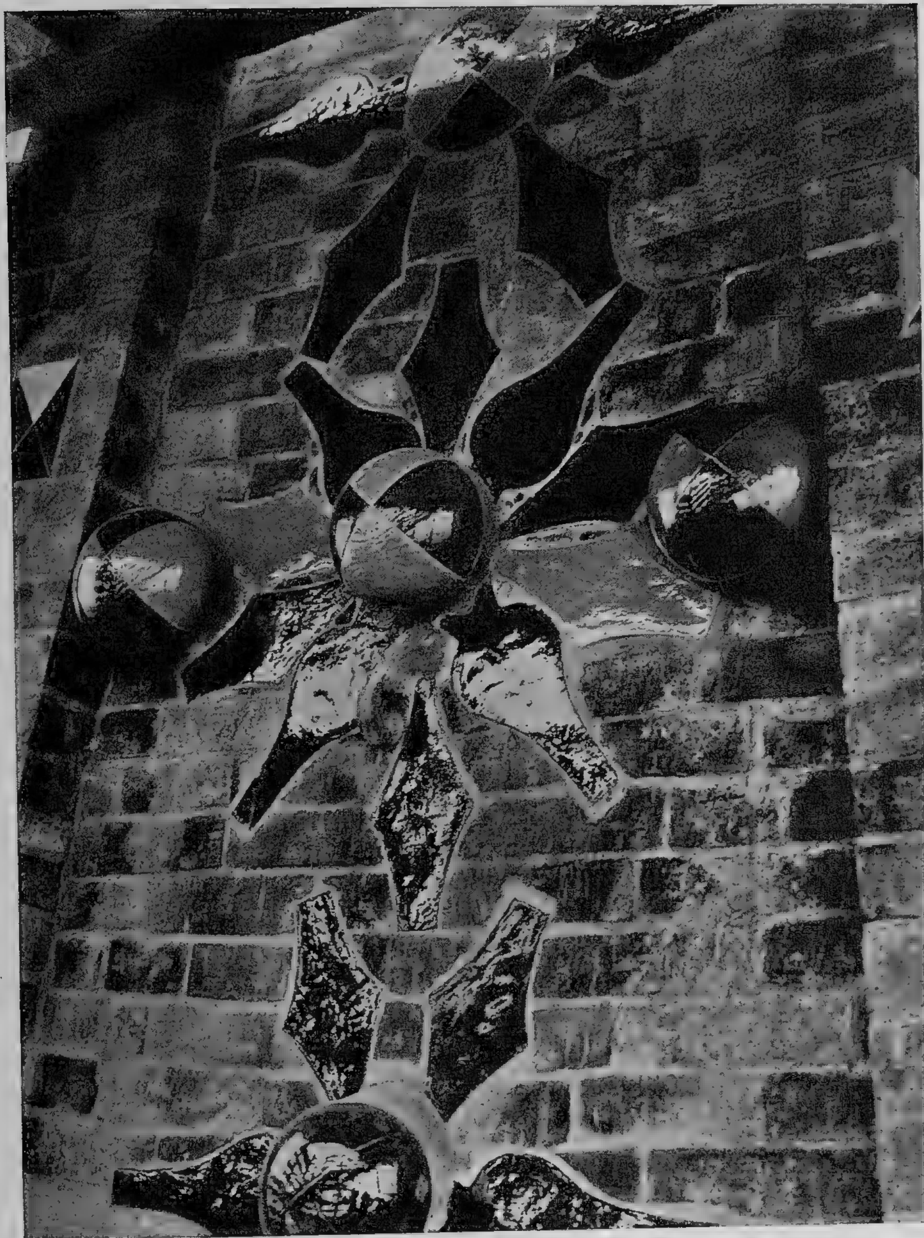
Храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. 1555—1560 г. Южный фасадъ.

Изразчатыя цвѣтныя украшенія граней шатра храма Василія Блаженнаго. 1555—1560 г.

Значеніе престола св. Троицы понятно, какъ значеніе главнаго престола деревянныхъ храмовъ до постройки собора Покрова [1]. На мѣстѣ именно этого храма стоитъ Покровскій соборъ, поэтому престолу святой Троицы подобало первое,

[1] Храмъ Василія Блаженнаго долго именовался Троицкимъ соборомъ.

Изразчатыя цвѣтныя украшенія граней шатра храма Василія Блаженнаго. 1555—1560 г.

главное мѣсто къ востоку. Значеніе средняго престола ясно само собою: это—главный центральный престолъ, Покровъ Пресвятой Богородицы [1]. Значеніе западнаго

[1] День начала приступа къ взятію Казани.

престола Входа Господня въ Іерусалимъ очевидно подчеркнуто съ намѣреніемъ сдѣлать именно этотъ престолъ [1], а вмѣстѣ и самый соборъ, центральнымъ мѣстомъ совершенія духовнаго торжества, выразившагося въ «шествіи на осляти» въ недѣлю Ваій изъ соборовъ Кремля [2] въ «Іерусалимъ».

Подчеркнутая важность Входоіерусалимскаго престола входила, вѣроятно, въ расчетъ строителей, мечтавшихъ создать храмъ, подобный библейскому храму Соломона, этому идеалу всего прекраснаго въ зодчествѣ, идеалу олицетворявшемуся не разъ въ изображеніяхъ небеснаго Сіона [3]. Недаромъ иностранные путешественники называли Покровскій соборъ Іерусалимомъ, Іерусалимской церковью; такъ храмъ, по ихъ словамъ, прозывался въ народѣ [4].

Славѣ покровительства небесныхъ силъ, олицетворенной въ формахъ храма Василія Блаженнаго, этому «чюдному дѣлу», какъ нельзя болѣе подходилъ бы указанный идеалъ. Во всякомъ случаѣ соборъ Покрова есть храмъ торжества и славы. Призванные выразители этого торжества—Барма и Посникъ съ товарищами, принадлежа, повидимому, къ числу зодчихъ новаторовъ, оказались какъ нельзя болѣе подходящими исполнителями оригинальнаго и своеобразнаго замысла. Соборъ Покрова знаменитъ не однимъ своимъ оригинальнымъ своеобразіемъ, онъ знаменитъ и своими глубоко національными формами, начало которыхъ скрывается въ глубинѣ народнаго искусства. Откуда же Барма и Посникъ черпали матеріалъ для созданія этого всенароднаго чуда? Какъ они совершили такое необыкновенное дѣло?

Лѣтописецъ не затруднился въ короткихъ словахъ сразу опредѣлить всю сущность структуры храма: «поставленъ бысть храмъ каменный преудивленъ, различными образцы и многими переводы, на одномъ основаніи девять престоловъ», т. е. храмъ удивителенъ потому, что на одномъ подклѣтѣ или основаніи сгруппировано девять церквей,—отнюдь не придѣловъ. Самыя же формы церквей охарактеризованы лѣтописцемъ какъ заимствованныя отъ многихъ переводовъ и образцовъ. Гдѣ же эти переводы и образцы, т. е. другими словами, копіи и оригиналы для Покровскаго храма?

Общность идеи, связывающая соборъ Покрова съ Дьяковской церковью, заставляетъ видѣть въ послѣдней тотъ главный образецъ, который прежде всего послужилъ для выбора формы столпообразныхъ церквей, связанныхъ одной общей

[1] Лѣстницы «на подклѣтъ» храма сосредоточены около Входоіерусалимскаго престола и устроены такъ, что крестный ходъ могъ итти прямо по назначенію. І. І. Кузнецовъ. «Покровскій соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ», стр. 10. [2] Шествіе на осляти совершалось и въ Новгородѣ; въ Москвѣ оно извѣстно со второй половины 16-го вѣка. [3] Изображеніе Сіона—небеснаго Іерусалима—близкое по группѣ къ храму Василія Блаженнаго, можно видѣть въ сѣни надъ престоломъ храма Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ. Изображеніе Сіоновъ встрѣчается и на царскихъ вратахъ, напримѣръ, въ Краснохолмскомъ монастырѣ Тверской губ. Въ иконографическихъ сюжетахъ изображеніе Сіона встрѣчается неоднократно. [4] И. Е. Забѣлинъ, «Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ». М. 1900, стр. 16 и 18.

Южный порталъ храма Василія Блаженнаго.
1555—1560 г.

ходовой галереей. Невыразительность этой галереи въ храмѣ Покрова, терявшейся межъ столповъ, заставила строителей поставить самые столпы на общее основаніе, на подклѣты съ круговымъ открытымъ внѣшнимъ ходомъ [1]. Увлеченіе шатровой формой заставило строителей дать главному престолу эту форму, иначе говоря,

[1] Употребленіе подклѣта можно прослѣдить, начиная съ Благовѣщенскаго собора и оканчивая Коломенской церковью, откуда, повидимому, Барма и Посникъ заимствовали его, а также и открытый круговой ходъ. Открытые ходы Покровскаго собора, требовавшіе частаго ремонта, вскорѣ были покрыты деревянными кровлями на столбахъ. Послѣ пожаровъ 1635 и 1668 годовъ галереи и шатровыя крыльца воспроизведены въ кирпичѣ. Тогда же была поставлена существующая колокольня *стр. 40, 43* вмѣсто обветшавшей трехпролетной звонницы.

центральный столпъ закончить шатромъ. Увлеченіе шло дальше; шатровому храму придали въ основаніи, т. е. на кровлѣ внутренней галереи-паперти, открытую ходовую галерею, столь присущую деревяннымъ храмамъ и столь непрактичную въ указанномъ мѣстѣ. *Стр. 42.* Эта фальшивая декорація какъ бы приподнимаетъ средній столпъ съ общаго основанія и ставитъ его на кровлю галереи, что по существу не правдиво и не искренно.

Сравнивая столпы Дьяковскаго и Покровскаго храмовъ со стороны конструктивной и художественно декоративной, не трудно убѣдиться, что Барма и Посникъ при отыскиваніи образцовъ прямо копировали Дьяковскія конструкціи внутреннихъ переходовъ отъ внѣшнихъ стѣнъ къ свѣтовой главѣ, какъ напримѣръ, въ центральномъ столпѣ. Копировали и тѣ «машикули», которыя ввелъ строитель Дьяковской церкви внутри и внѣ храма; копировали даже форму кирпича. При воспроизведеніи формъ столповъ Дьяковской церкви Барма и Посникъ нѣсколько уклонились отъ употребленія выдвигающихся рядовъ кокошниковъ, и ихъ главные столпы въ переходахъ отъ стѣнъ къ главамъ обладаютъ однимъ рядомъ кокошниковъ, что нѣсколько нарушаетъ форму столпа, такъ какъ шеи главъ кажутся поставленными на восьмерикѣ. Чтобы сгладить это впечатлѣніе, въ трехъ главахъ введены гранные контрфорсы, заимствованные съ Коломенской церкви, и въ одной главѣ введенъ рядъ миніатюрныхъ кокошниковъ, что нѣсколько исправляетъ рѣзкость перехода. Болѣе удачно скомбинированъ переходъ шатра, трактующій три выдвигающихся ряда полукруглыхъ кокошниковъ съ распорными маленькими кокошниками между ними. Еще удачнѣе переходы въ малыхъ столпахъ, гдѣ впервые видно размѣщеніе трехъ рядовъ кокошниковъ «въ перебѣжку»,—мотивъ развитой изъ пріема Дьяковскихъ распорныхъ кокошничковъ. Пріемъ расположенія кокошниковъ въ «перебѣжку», связывающій ихъ въ одно цѣлое, является прекраснымъ переходомъ отъ квадрата стѣнъ къ круглой главѣ [1]. Этотъ пріемъ далъ возможность строителямъ, сохраняя столпообразность четырехъ меньшихъ престоловъ, дать имъ форму близкую къ формамъ одноглавыхъ «безстолпныхъ» церквей съ ихъ нарядными тремя рядами кокошниковъ-переходовъ къ круглой главѣ. Въ этихъ четырехъ престолахъ какъ бы отдана дань старинѣ, «старому завѣту»; новаторскія гранныя шеи главъ

[1] А. М. Павлиновъ, основываясь на изображеніи храма Олеаріемъ (1634 г.), считаетъ главы передѣланными, допуская даже четырехгранную ихъ форму, т. е. ту, какая имъ придана на рисункѣ Олеарія. Съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ четырехгранная форма такъ же фантастична, какъ фантастична обработка большого столпа на томъ же рисункѣ Олеарія. Несходно съ натурой и изображеніе переходовъ центральнаго шатра. Въ изображеніи Мейерберга 1662 г., болѣе правдивомъ, эти шеи главъ показаны круглыми. Свѣдѣній о передѣлкѣ малыхъ столповъ никакихъ не имѣется и совсѣмъ непонятно, зачѣмъ было ихъ передѣлывать всѣ четыре сразу. Замѣтимъ, что какъ шеи этихъ столповъ, такъ и ихъ кокошники въ перебѣжку совсѣмъ не имѣютъ признаковъ обработки половины 17-го вѣка и, наконецъ, причудливый рисунокъ обработки главъ тождественъ на рисункахъ Олеарія и Мейерберга и сходится съ натурой. Четырехгранники Олеарія просто изображаютъ низы столповъ.

Колокольня «Иванъ Великій» въ Москвѣ.
1532—1624 г.

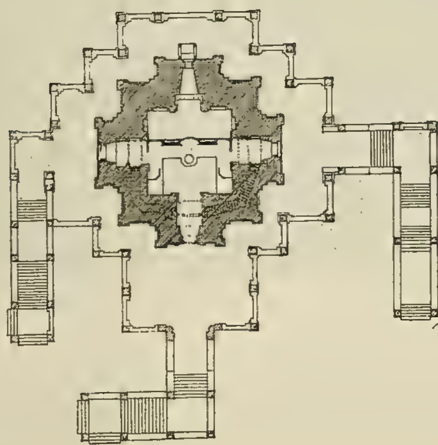
уступили здѣсь мѣсто прежнимъ круглымъ. Несомнѣнно, что лѣтописецъ отнесъ именно эту форму къ числу упомянутыхъ имъ «переводовъ». Недаромъ московскіе зодчіе середины 17-го вѣка такъ любовно воспользовались пріемомъ постановки кокошниковъ «въ перебѣжку», видя въ немъ развитіе старозавѣтныхъ формъ.

Барма и Посникъ, комбинируя «образцы и переводы», не удержались въ предѣлахъ умѣренности и простоты, допуствъ широкую декорацію низовъ, или вѣрнѣе, стѣнъ храма. Впрочемъ, такой простоты могъ не допускать и самый замыселъ необыкновенности. Къ числу чисто декоративныхъ украшеній прежде всего нужно отнести стрѣлы восьмериковъ четырехъ главныхъ столповъ. Мотивъ этотъ, заимство-

ванный съ Коломенскаго храма [1], строители стремятся развить, выдвигая вмѣстѣ съ стрѣлами обрамляемую ими массу. Такимъ образомъ, стрѣлы получили назначеніе быть остроконечными кокошниками, въ которыхъ помѣщались окна [2]. Помѣщеніе кокошниковъ на стѣнахъ восьмерика, гдѣ не требуется декорировать какіе либо конструктивные переходы, съ точки зрѣнія логичности—излишне. Затѣмъ къ числу такихъ же декоративныхъ украшеній нужно отнести вертикальные прорѣзы на стѣнахъ восьмерика центральнаго столпа и на стѣнахъ четвериковъ малыхъ столповъ [3]. О декоративности верхней галереи центральнаго столпа уже сказано выше. Къ числу всецѣло декоративныхъ мотивовъ нужно отнести фигурность убранства всѣхъ главъ собора. О времени возникновенія фигурности главъ говорила уничтоженная въ 1772 году лѣтописная цѣнинная подпись на 560 изразцахъ, сдѣланная въ 1683 г. [4] кругомъ храма. Изъ нея видно, что фигурныя главы сдѣланы изъ дощатаго желѣза «разными обращами» и полужены при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ. Эта лѣтопись ничего не говоритъ о сооруженіи придѣла Василія Блаженнаго, событія не маловажнаго въ исторіи храма. Именно это то событіе и заставило поновить весь храмъ въ 1588 году, когда, вѣроятно, поновили и главы [5]. Были ли онѣ до тѣхъ поръ фигурными или же имѣли иную форму—вопросъ остается открытымъ. Декорація шатра плоскими и выпуклыми изразчатыми украшеніями,—кувшинами, задѣланными горломъ въ кирпичахъ кладки *стр. 44, 45*, заставляетъ предполагать, что и главы до 1588 г. тоже были выпукло фигурными, тѣмъ болѣе, что разнообразіе главъ, вполнѣ отвѣчая разнообразію убранства каждаго столпа и ихъ рисунку, ярко выдѣляетъ независимость и отдѣльность каждаго престола. Не рѣшенъ вопросъ и о времени раскраски собора. По смыслу изразчатой лѣтописи оно какъ будто тоже опредѣляется временемъ царя Θеодора Ивановича. Но иностранцы, видѣвшіе храмъ въ 17-мъ столѣтіи, удостовѣрили, что главы были покрыты свѣтлыми блестящими листами. И. Е. Забѣлинъ имѣлъ основаніе предполагать, что раскраска стѣнъ и главъ была произведена въ концѣ 17-го вѣка [6]. Это предположеніе кажется намъ довольно правдивымъ, принимая во вниманіе, что игрушечная пестрота раскраски производилась, главнымъ образомъ, съ середины 17-го вѣка, когда даже «бѣлокаменная рѣзь» золотилась краснымъ золотомъ и покрывалась цвѣтными красками [7].

[1] Гдѣ онъ также носитъ излишне декоративныя свойства. См. ниже въ описаніи Коломенскаго храма. [2] Мотивъ этотъ примѣненъ и къ круглымъ кокошникамъ храма. Онъ есть и въ Дьяковской церкви. [3] Прорѣзы послѣднихъ скрыты ходовой галереей 17-го вѣка. Верхнія полукруглыя части ихъ видны съ южной стороны надъ крышей галереи. *Стр. 43.* [4] И. Е. Забѣлинъ, «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы», часть I, стр. 341—342; Павлиновъ, «Исторія Русской архитектуры», стр. 146. [5] Возможно, что ранѣе главы были деревянныя, обитыя нѣмецкимъ листовымъ желѣзомъ. При Θеодорѣ, какъ указываетъ надпись, прежнія главы замѣнены желѣзными (вѣроятно желѣзными каркасами), покрытыми дощатымъ желѣзомъ. [6] «Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ», 1900, стр. 18. [7] Въ 1667 г. этой раскраскѣ подверглись Грановитая Палата, Красное крыльцо и Благовѣщенская паперть.

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.

Видъ съ юго-восточной стороны и планъ храма. 1532 г.
(Фот. С. А. Дѣтинова).

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.
1532 г. Западный фасадъ.

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.

Восточный фасадъ. (Фот. С. А. Дѣтинова).

Успенская церковь въ Ва̀рзугѣ Архангельской губ. Кольскаго уѣзда.—1674 г.

Одинъ изъ потомковъ древняго деревяннаго прообраза храма Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ. (Фот. В. А. Плотникова).

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.
Видъ съ сѣверо-восточной стороны. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Возстановляя мысленно первичный видъ Покровскаго собора, не имѣвшаго ни раскраски, ни крытой галереи и крылецъ, возстановляя полностью то основаніе, съ котораго открыто возвышались столпы престоловъ, соединенные въ общую своеобразную группу, лучезарно блестѣвшую своими куполами, мы возстановимъ тотъ идеалъ небесной славы и торжества, которымъ «царственная Москва» какъ бы

создала апоѳеозъ своего искусства. Сплошь съ верху до низу испещренный декораціями Покровскій соборъ уже содержитъ въ себѣ всѣ признаки декоративнаго строительства дальнѣйшей московской архитектуры 17-го вѣка, хотя по существу онъ еще строгъ въ осмысленности художественнаго декорированія конструкцій.

И съ технической, и съ художественной стороны Барма и Посникъ оказались мастерами своего дѣла. Тонкость пониманія рисунка и силуэтовъ, при большомъ знаніи «фряжскихъ» декоративныхъ мотивовъ [1], дала возможность создать оживленную разнообразіемъ группу, гдѣ круглыя формы прекрасно сочетаются съ остроконечными и гдѣ все выискано и все изящно.

Рѣдкость употребленія столповъ въ русской архитектурѣ объясняется рѣдкой исключительностью созиданія групповыхъ церквей. Одиноко стоящій столпъ не производитъ впечатлѣнія храма и болѣе подходитъ къ устройству колокольни, гдѣ высота ихъ оправдывается необходимостью широкаго распространенія благовѣста.

«Столпъ» Ивана Великаго сооруженъ царемъ Борисомъ въ 1600 году съ тою же цѣлью, а отчасти и въ стратегическихъ видахъ. *Стр. 49.* Рядомъ съ нимъ находящаяся звонница сооружена фрязиномъ Петрокомъ Малымъ въ 1632—1643 годахъ. *Стр. 11, 49.* Она увѣнчана довольно высокимъ столпомъ [2], съ оригинальнымъ основаніемъ въ видѣ полукруглыхъ контрфорсовъ, въ которыхъ развитъ мотивъ убранства средней главы Дьяковской церкви, а также и приставныхъ полуколоннъ восьмерика средняго столпа церкви Василія Блаженнаго. Надо думать, что столпообразная глава появилась на звонницѣ одновременно съ Годуновскимъ столпомъ для объединенія общей группы. Рядомъ находящаяся «Филаретовская пристройка», сооруженная въ 1624 г. [3] нѣсколько нарушила эту группу.

[1] «Машикули» въ карнизѣ Троицкой главы и въ карнизахъ восьмериковъ Покровскаго и Входоіерусалимскаго престоловъ; «ромбы» въ галереѣ Покровскаго столпа и въ карнизѣ южнаго и сѣвернаго столповъ; «ширинки» въ карнизѣ главы восьмерика южнаго столпа; тонкость расчлененія и употребленія карнизовъ и проч. Особенно сильно сказалось увлеченіе «фряжскими» декоративными мотивами во внутренней обработкѣ храма, въ его порталахъ *стр. 47* и въ обработкѣ стѣнъ и переходовъ къ главамъ. [2] Верхняя половина звонницы упала отъ взрыва 1812 г. и, такимъ образомъ, существующая представляетъ лишь приблизительную копію. [3] Она также упала отъ взрыва въ 1812 г.

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.
1532 г. «Фряжская» обработка пилястръ и «стрѣлъ». (Фот. С. А. Дѣтипова).

IV.

ШАТРОВЫЕ ХРАМЫ.

Подобно деревяннымъ, каменные шатры ставились и на крещатомъ основаніи, и на квадратномъ, и на восьмигранникѣ.

Появленію шатровъ, несомнѣнно, предшествовали тѣ техническія новшества, которыя дали возможность воспроизводить эту форму въ кирпичѣ и камнѣ.

По своей грузности шатеръ не могъ появиться на тѣхъ основныхъ столбахъ, на которыхъ такъ легко покоился куполъ Кіева, Суздаля, Новгорода и ранней Москвы. Шатеръ требовалъ надежныхъ опоръ, глухихъ внѣшнихъ стѣнъ или такихъ комбинацій сводовъ и арокъ, которыя передавали бы тяжесть шатра все тѣмъ же внѣшнимъ стѣнамъ. Иначе говоря, шатеръ появился надъ церквами, не имѣющими внутреннихъ столбовъ.

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.—1532 г.
Низъ храма и галерея съ юго-западной стороны.
(Фот. И. Грабаря).

Псковичи, призванные Іоанномъ III въ концѣ 15-го вѣка, не разъ вызываемые и въ 16-мъ вѣкѣ для выполненія «Государева дѣла», внесли съ собой и «ступенчатую» конструкцію арокъ и сводовъ, и форму и способъ сводчатаго перекрытія безстолпныхъ церквей. Алевизъ въ своихъ многочисленныхъ храмовыхъ постройкахъ, конечно, не разъ имѣлъ случай показать, какъ нужно конструировать сомкнутые своды надъ такими безстолпными помѣщеніями. Внѣшнія декораціи сомкнутыхъ сводовъ требуютъ симметричныхъ фасадовъ и притомъ такихъ, которые гарантируютъ логичный и ясный переходъ отъ стѣнъ къ свѣтовой главѣ. Постепенно вырабатывавшіеся пріемы такой декоративной обработки сомкнутыхъ сводовъ обѣщали появленіе шатровъ,—и то весьма небольшихъ размѣровъ,—очень поздно по той же необходимости надежной передачи тяжести шатра внѣшнимъ стѣнамъ. Иначе говоря,

Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.
1532 г. Деталь шатра съ восточной стороны.
(Фот. С. А. Дѣтинова).

сомкнутый сводъ, нагруженный шатромъ, не былъ прочной опорой. Онъ самъ по своему свойству и безъ тяжести шатра, сильно распиралъ стѣны въ своемъ основаніи.

Обиліе въ Москвѣ деревянныхъ церквей, и притомъ, вѣроятно, очень разнообразныхъ формъ, наводило на мысль воспользоваться той формой плана, которая присуща деревянному шатру и которая дала бы возможность прочно установить на свои стѣны кирпичный шатеръ. Самой подходящей плановой формой оказался «крещатый срубъ». Имъ и воспользовался строитель первой каменной шатровой церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой, построенной въ 1532 году. *Стр. 51—59.* Великолѣпно примѣненная псковская конструкція ступенчатыхъ

8*

арокъ дала возможность легко перейти къ свѣтовому восьмерику, увѣнчанному грандіознымъ шатромъ съ главкой.

Со стѣнъ восьмерика стѣнки шатра идутъ наклонными рядами кирпича, смыкаясь постепенно кверху и копируя, по словамъ Н. В. Султанова, ту конструкцію «шатровъ-стрѣльницъ», которую фрязины занесли къ намъ съ своей родины [1].

Небольшая размѣромъ внутри, церковь, благодаря своей высотѣ и широко раскинувшимся галереямъ подклѣта, производитъ впечатлѣніе грандіозности и важности. Затѣя воспроизведенія деревяннаго храма удалась превосходно. Не отступая отъ установившихся ранѣе окончаній фасадныхъ стѣнъ закомарами, даже сохраняя за ними ранне-московскій типъ [2], строитель сохранилъ и систему выдвигающихся одинъ изъ за другого рядовъ кокошниковъ, оправдавъ послѣдніе рядами соотвѣтствующихъ арочныхъ псковскихъ уступовъ внутри храма [3]. Удовлетворяя затѣѣ въ наружныхъ формахъ, нельзя было пожертвовать существомъ храма—его свѣтовымъ куполомъ. Великолѣпно обойдя техническую трудность перехода отъ восьмерика свѣтовой главы къ основному четырехугольнику храма, благодаря умѣлому введенію угловыхъ арочныхъ переходовъ, зодчій удачно декорировалъ эти переходы снаружи, давъ имъ форму высокихъ скатовъ кровли [4]. Съ внѣшней стороны структура Коломенскаго храма ясно обнаруживаетъ свой прообразъ, создавшійся въ деревѣ. Главный четверикъ, перекрытый крутой четырехскатной кровлей, служитъ подножіемъ восьмерику, покоющемуся на двухъ рядахъ кокошниковъ; къ основному четверику, по сторонамъ, примыкаютъ выступы, соотвѣтствующіе въ деревѣ прирубамъ, покрытымъ «бочкой». Удержана даже прямоугольная форма алтаря, столь присущая деревянному крещатому храму. Эта важная часть церквей византійскаго прототипа здѣсь совершенно исчезла снаружи, потерявшись въ общей массѣ. Смѣлая мысль—поставить на крещатый низъ обширный восьмерикъ—могла возникнуть лишь при взглядѣ на тождественный строительный пріемъ, исполненный изъ дерева, гдѣ онъ такъ простъ и легокъ въ сочетаніи восьмигранныхъ и квадратныхъ срубовъ съ прирубами, дающими крестообразность плану.

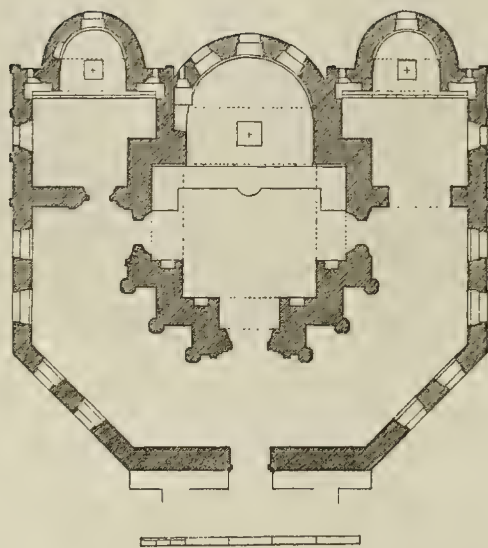
Исполнить такую затѣю въ кирпичѣ и камнѣ трудно, и нужно удивляться, какъ рѣшительно и смѣло зодчій Коломенскаго храма справился съ ней, не потерявъ общей структуры и пропорцій, свойственныхъ деревянному храму. При сумеречномъ

[1] И. Е. Забѣлинъ указываетъ, что еще въ 1585 году Спасская, Троицкая и Тайницкая башни Кремля имѣли деревянные шатры, вѣроятно, таковы же были и остальныя. «Домашній бытъ русскихъ царей». Москва, 1895, стр. 107—108. Слѣдовательно, каменные шатры церквей предшествовали каменнымъ шатрамъ башенъ. Н. В. Султановъ видѣлъ обратное явленіе. «Труды Тифлисскаго Археологическаго съѣзда». [2] Здѣсь закомары не отрѣзаны отъ стѣнъ сплошнымъ карнизомъ, т. е. закомары здѣсь еще не кокошники. [3] Строитель не забылъ поставить традиціонные кокошнички и въ подножіи вѣнчающей шатеръ главки. Пріемъ этотъ неукоснительно повторялся почти во всѣхъ каменныхъ шатровыхъ церквахъ. [4] Строители Покровскаго собора, схвативъ декоративную сто рону этихъ какъ бы двугранныхъ контрфорсовъ, воспроизвели ее почти во всѣхъ столпахъ.

Храмъ Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой.
Около середины 16-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

Храмъ Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой.

Деталь восточнаго фасада и планъ храма. — Около середины 16-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

Храмъ Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой.
(Фот. И. Грабаря).

вечернемъ освѣщеніи, когда теряется различіе въ цвѣтахъ окраски, сильнѣе выступаетъ сходство Коломенскаго храма съ сѣверными деревянными шатровыми церквами, — потомками его прообраза. Круговая открытая галерея подклѣта съ тремя широко раскинувшимися лѣстницами не мало добавляетъ въ указанномъ сходствѣ [1].

Обнаруживъ большое знакомство съ «фряжскими» формами и орнаментаціей, приближающими обработку нѣкоторыхъ деталей Коломенскаго храма къ обработкѣ Московскаго Архангельскаго собора [2] *стр. 57, 59,* зодчій не удержался отъ присущей стилю собора декоративности, выражающейся въ нетерпимости гладкихъ необработанныхъ стѣнъ. «Стрѣлы» средневѣковаго типа, введенныя въ обработку стѣнъ Коломенскаго храма и даже его шатра, пополняютъ кажущійся недостатокъ, отчасти способствуя стройности вертикальныхъ расчлененій массъ [3]. Стрѣлы шатра имѣютъ и конструктивное значеніе. Вмѣстѣ съ ребрами онѣ укрѣпляютъ стѣнки шатра, разумно утолщая ихъ [4]. Необычайное торжество освященія храма «всѣмъ соборомъ» съ митрополитомъ во главѣ въ присутствіи всей царской семьи и знатныхъ бояръ, заключившееся трехдневнымъ пиршествомъ, достаточно указываетъ на пріемъ, оказанный новаторской затѣѣ великаго князя.

«Бѣ же та церковь вельми чудна высотою и красотою и свѣтлостію», отмѣчаетъ лѣтописецъ, говоря, что таковой не было еще на Руси. Несомнѣнно, что здѣсь говорится о высотѣ, красотѣ и свѣтлости внутри храма: «Великій Князь украси ю зѣло святыми иконами и великою добротою» [5].

Упомянутыя качества,—высота и свѣтлость, достигнуты устройствомъ свѣтового восьмерика и свѣтового шатра, который появляется въ каменныхъ церквахъ, дѣйствительно, впервые. Окна, устроенныя въ шатрѣ, здѣсь еще зачаточной формы,— это просто обрамленные наличниками прорѣзы въ наклонныхъ плоскостяхъ шатра [6].

Поощреніе и благосклонность, оказанныя новому пріему каменнаго церковностроительства, окрыляютъ стремленія художниковъ новаторовъ на пути воспроизведенія народныхъ исконныхъ формъ. Коломенскій храмъ кажется какъ бы прямымъ

[1] Существующее нынѣ кровельное покрытіе галереи несовременно храму, что показываетъ поздняя кладка поддерживающихъ кровлю столбовъ. Необходимость покрытія тогда еще не существовала, такія же открытыя галереи были и передъ дворцомъ въ Кремлѣ. [2] Обработка эта отличается нѣкоторой тяжеловатостью, которой нѣтъ въ Архангельскомъ соборѣ. Чрезмѣрно пышный архитравъ пилястръ и подоконки восьмериковыхъ оконъ свидѣтельствуютъ о сильномъ отзвукѣ средневѣковья, достаточно подчеркнутомъ деталировкой «стрѣлъ». [3] Выше было указано, какъ эти стрѣлы въ рукахъ Бармы и Посника декорировали восьмерики главныхъ столповъ Покровскаго собора. [4] Стрѣлы Коломенскаго храма не разъ служили предметомъ подражанія. Интересно отмѣтить эволюцію укрѣпленій шатра ребрами или гуртами. Въ храмѣ Василія Блаженнаго находится по два гурта на каждой грани. Елизаровская церковь копируетъ этотъ пріемъ, вводя Коломенскія стрѣлы. Въ Медвѣдковской церкви плоскіе гурты расположены по угламъ граней и усилены внизу двумя горизонтальными перевязками. Зосимо-Савватіевская церковь Троице-Сергіевой Лавры уже имѣетъ сплошныя горизонтальныя перевязки по тѣлу шатра и гуртамъ, но, впрочемъ, довольно рѣдкія въ сравненіи съ горизонтальными перевязками шатроваго придѣла церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ. [5] «Русскій временникъ», часть II. [6] Въ храмѣ Василія Блаженнаго окна шатра въ видѣ прорѣзныхъ кокошниковъ. Въ Медвѣдковской церкви окна шатра уже развитой формы «люкарнъ» съ фронтонами и наличниками.

Церковь Спаса Преображенія
въ с. Островѣ на Москвѣ рѣкѣ.
(половина 16го вѣка)

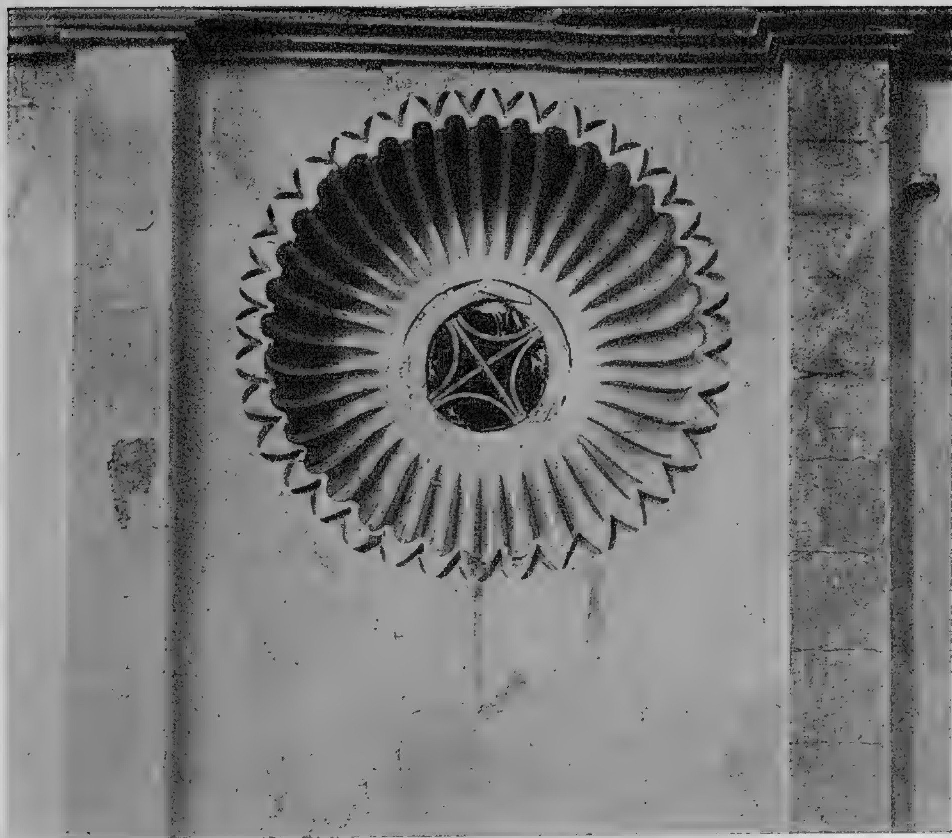

Кокошники храма Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой.
Вторая половина 16-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

сколкомъ съ одной изъ многочисленныхъ деревянныхъ церквей русскаго сѣвера. Особенно бросается это въ глаза при сравненіи его съ церковью въ Варзугѣ. *Стр. 54.* Удерживая въ себѣ всю декоративность верха деревянной церкви, онъ сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старозавѣтный свѣтовой куполъ, сопровождая и то и другое строго продуманными конструкціями. Такое счастливое сочетаніе дало устойчивость созданному типу, вызвавъ цѣлый рядъ исканій и подражаній.

Другой шатровый храмъ, поставленный также на крещатомъ основаніи, сооруженъ въ близлежащемъ дворцовомъ селѣ Островѣ. *Стр. 61, 62, 63, 65 и приложеніе.* Усложненный добавкой двухъ придѣловъ, этотъ замѣчательный храмъ поражаетъ огромнымъ количествомъ кокошниковъ, число которыхъ доходитъ до 200. Они скомбинированы въ весьма оживленныя группы переходовъ отъ стѣнъ къ свѣтовому восьмерику и далѣе къ шатру. Удерживая основной пріемъ выдвиганія рядовъ кокошниковъ одинъ изъ за другого, строитель Островского храма расположилъ ихъ весьма разнообразно, уничтоживъ тѣмъ монотонность пріема. Кокошники придѣловъ *стр. 61, 62, 63* расположены на четверикѣ «по старинѣ». Кокошники перехода отъ крещатаго основанія къ восьмерику *стр. 65* поставлены «въ круговую», при чемъ свободные углы перехода остроумно использованы постановкой на нихъ маленькихъ главокъ, числомъ 12 [1]. Кокошники въ основаніи шатра и верхней главки поставлены по гранямъ. Отрѣзанные карнизомъ отъ спокойной глади стѣнъ, кокошники Островского храма служатъ великолѣпнымъ украшеніемъ его верховъ. Многочисленность ихъ придаетъ Островскому храму какую то фееричность и сказочность. Волны игривыхъ, ритмически правильныхъ и разнообразныхъ переходовъ-покрытій, стройно вздымаютъ массы куполовъ и шатра, придавая имъ легкость и бодрость и вмѣстѣ какую то уютность и мягкость. Не претендуя на грандіозность и важность Коломенскаго храма, Островской храмъ не имѣетъ подклѣта [2]. Простота соединенія храма съ придѣлами говоритъ сама за себя, и храмъ, при всемъ своемъ новаторскомъ замыслѣ, болѣе чѣмъ въ Коломенскомъ храмѣ сохраняетъ старые завѣты, ясно выраженные въ придѣлахъ и алтаряхъ. Спокойный за сохраненіе издревле завѣтныхъ формъ, новаторъ зодчій переноситъ всю жажду исканій самобытныхъ формъ на шатеръ, пренебрегая даже выразительностью свѣтового восьмерика, доведеннаго до минимальной высоты. Вся сила творчества художника-новатора сосредоточивалась на этой глубоко народной формѣ.

[1] Подобный пріемъ расположенія 8 главокъ былъ на «звѣздчатомъ» основаніи шатра храма Василія Блаженнаго. Островскія главки имѣютъ и конструктивное значеніе, зажимая угловой свѣсъ сильно выступающаго бѣлокаменнаго карниза. [2] Низкая открытая ходовая паперть нынѣ превращена въ закрытую. Западные бѣлокаменные столпы, задѣланные кирпичемъ, вѣроятно, предназначены были для звонницы, подобно сосѣдней Бесѣдской церкви, о чемъ подробности ниже.

Окно сѣвернаго придѣла храма Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой.—Около середины 16-го вѣка.
(Фот. И. Грабаря).

Весь сложенный изъ бѣлаго камня Островской храмъ по своимъ декоративнымъ и конструктивнымъ пріемамъ всецѣло принадлежитъ 16-му вѣку [1]. Въ немъ такъ живы и чисты, непоглощенные еще московской дробной декоративностью 17-го вѣка, три основныхъ элемента московской архитектуры 16-го вѣка; во-первыхъ— спокойное ранне-московское расчлененіе глади стѣнъ плоскими выступами-пилястрами съ первичнымъ московскимъ расположеніемъ рядовъ кокошниковъ еще не въ перебѣжку, какъ въ 17-мъ вѣкѣ; затѣмъ фряжскіе элементы въ расположеніи и расчлененіи карнизовъ и высокихъ цоколей, а также и въ пріемѣ «машикули» въ карнизѣ шатра и, въ особенности, въ обработкѣ двухъ круглыхъ оконъ придѣловъ *стр. 67,* своеобразно, съ добавкой элементовъ деревянной «рѣзи», повторяющихъ мотивъ

[1] Всѣ лѣтописи Островского храма сгорѣли и опредѣлить точно годъ его постройки невозможно. Впервые онъ упоминается по поводу освященія, вѣроятно, послѣ ремонта, въ 1646 г. Клировыя преданія относятъ его сооруженіе къ эпохѣ Грознаго.

Шатеръ храма Спаса Преображенія въ селѣ Островѣ подъ Москвой. — Около середины 16-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

закомарныхъ раковинъ Московскаго Архангельскаго собора [1] *стр. 27* и подкарнизныхъ арочныхъ закругленій типичнаго средневѣковаго оттѣнка [2]; наконецъ, чисто псковскіе пріемы обработки шей, главъ и ихъ оконъ, шей маленькихъ главокъ и карнизовъ алтарныхъ абсидъ.

Конструктивный пріемъ сводчатаго перекрытія придѣловъ ступенчатыми взаимно перпендикулярными арками, указываетъ на работу псковичей, прекрасно усвоившихъ сущность московской архитектуры и даже щегольнувшихъ своими «ступенями» при переходѣ отъ продолговатаго четверика къ восьмерику шатра. *Стр. 68.* Перекрытіе придѣловъ псковскими «ступенями», а также и устройство угловыхъ

[1] Характерный элементъ плотничной «рѣзи» имѣется еще во впадинѣ одного изъ кокошниковъ сѣвернаго придѣла. *Т. I, стр. 253.* [2] Близкій мотивъ обработки стѣнъ арочными впадинами примѣненъ къ обработкѣ стѣнъ угловыхъ четвериковъ храма Василія Блаженнаго. *Стр. 43.*

Церковь Петра митрополита въ Переславлѣ Залѣсскомъ.
Вторая половина 16-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

«сдвоенныхъ» оконъ по сторонамъ алтарныхъ выступовъ сближаетъ структуру Островскихъ придѣловъ съ Успенской церковью въ Гдовѣ [1]. *Томъ I, стр. 250.*

[1] Блестяще развитой пріемъ «сдвоенныхъ» оконъ примѣненъ въ углахъ четверика Коломенскаго храма.

Для 17-го вѣка псковскіе декоративные пріемы были бы слишкомъ запоздалыми, но во второй половинѣ 16-го вѣка, къ которой мы относимъ Островской храмъ, пріемы эти были еще въ ходу. Въ 1555 году новгородецъ Ивашка Шпряй съ товарищами, вызванные Грознымъ изъ Пскова, строятъ Казанскія стѣны и при Спасской башнѣ ставятъ изъ бѣлаго камня храмъ въ своемъ псковскомъ стилѣ.

Кирилло-Бѣлозерскія постройки времени Грознаго тоже изобилуютъ Новгородско-Псковскими декоративными мотивами.

Отмѣтимъ, что Островской храмъ въ шатровой архитектурѣ представляетъ извѣстное развитіе типа, а именно, шатеръ усложняется по заимствованному у псковичей обычаю двумя придѣлами. Этотъ пріемъ, какъ увидимъ далѣе, становится господствующимъ въ московской архитектурѣ какъ шатровой, такъ и «старозавѣтной».

Шатровый, на крещатомъ основаніи храмъ Петра митрополита въ Переславлѣ Залѣсскомъ *стр. 69* отмѣченъ провинціальной отсталостью, побудившей строителя дать новымъ формамъ старозавѣтную оболочку. Всѣмъ фасаднымъ сторонамъ основного креста[1] придано троечастное традиціонно византійское дѣленіе, завершающееся каждое кокошникомъ-закомарой, по которымъ и произведено волнистое покрытіе[2]. Восьмерикъ шатра прямо, безъ всякихъ переходовъ, становится на эти кокошники-закомары, совершенно потонувъ въ нихъ. Неясность перехода отъ креста къ восьмерику скрадывается раккурсомъ при постановкѣ храма на высокій подклѣтъ, окруженный съ трехъ сторонъ галереями. Церковь сложена изъ кирпича, имѣетъ внутри псковскія ступенчатыя арки и обычные сводики въ углахъ четверика при переходѣ его въ восьмерикъ, перекрытый, въ свою очередь, открытымъ шатровымъ сводомъ. Церковь, по преданію, построена въ 16-мъ вѣкѣ при Грозномъ[3].

Въ книгѣ избранія на царство Михаила Θеодоровича помѣщено интересное изображеніе шатровой церкви Сергія, при Богоявленскомъ монастырѣ въ Московскомъ Кремлѣ[4]. *Стр. 71.* Эскизный набросокъ «знаменщика» 17-го вѣка не позволяетъ съ точностью опредѣлить форму плана церкви. Однако, она, по нѣкоторымъ признакамъ, ближе всего подходитъ къ формѣ крещатой. Сергіевскій храмъ сооруженъ въ 1557 г.[5], т. е. въ то время, когда созидался Покровскій соборъ (храмъ Василія Блаженнаго)[6]. Такимъ образомъ, Сергіевскій храмъ можетъ быть присоединенъ къ числу тѣхъ «переводовъ», которыми пользовались Барма и Посникъ. Укра-

[1] Крещатость церкви Петра митрополита нѣсколько отличается отъ крещатости предыдущихъ церквей, а именно — въ ней только 8 угловъ, тогда какъ въ послѣднихъ ихъ 12. [2] Такое же троечастное завершеніе проведено и въ сторонахъ восьмерика. [3] В. В. Сусловъ, «Памятники древне-русскаго зодчества», изд. Акад. Худ., вып. III. [4] Разобрана въ 1807—1808 году. Монастырь упраздненъ въ 1764 г. Онъ находился близъ Троицкой башни. [5] Е. Е. Голубинскій, «Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра». Москва, 1909, стр. 339. [6] Покровскій соборъ былъ освященъ 1 октября 1559 г., но тогда еще не былъ готовъ Покровскій «престолъ», освященный годъ спустя.

Сергіевская церковь бывшаго Богоявленскаго монастыря въ Московскомъ Кремлѣ.— 1557 г.

Рисунокъ изъ «Книги избранія на царство Михаила Өеодоровича». 1672—1673 г.

шенія шатра Сергіевскаго храма весьма близки къ изразчатымъ украшеніямъ шатра Василія Блаженнаго. Фигурная главка Сергіевской церкви близка по формѣ къ главкѣ шатра Василія Блаженнаго [1], изображеннаго въ той же книгѣ избранія

[1] Нынѣ главка шатра гладкая, золоченая.

на царство [1]. Фигурность главки церкви Сергія, современницы храму Василія Блаженнаго, можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о сооруженіи фигурныхъ главъ храма Василія Блаженнаго во время его постройки.

Гораздо распространеннѣе шатровъ на крещатомъ основаніи шатры на четверикѣ. Широкое примѣненіе этого пріема указываетъ на устойчивость традиціи строителей «муролей», издревле привыкшихъ закладывать каменные храмы продолговатыми и на четыре угла. Система каменныхъ «безстолпныхъ» одноглавыхъ церквей, практиковавшаяся въ Москвѣ въ 16-мъ вѣкѣ, допускала возможность установки восьмиграннаго шатра при условіи замѣны сомкнутаго свода или псковскихъ «ступеней» конструкціей, дающей возможность перейти отъ четверика къ восьмерику. Переходъ этотъ въ видѣ углового сводика существовалъ, какъ было указано, въ крещатыхъ шатровыхъ церквахъ. Примѣненіе его къ четверику уже не представляло большой трудности.

Такимъ образомъ, каменный шатеръ, примѣненный къ безстолпному храму, замѣнилъ собой ряды кокошниковъ несущихъ главу. Предстояло итти по двумъ направленіямъ,—или довольствоваться главкой, которую несетъ шатеръ, или, подобно крещатымъ шатрамъ, ставить въ подножіи шатра свѣтовой восьмерикъ.

Яркій представитель первой системы—храмъ св. Евфимія на Бѣлоозерѣ *стр. 73* достаточно указываетъ на простоту замысла. Отсутствіе свѣтового восьмерика дѣлаетъ храмъ похожимъ на часовню, что при скромности Новгородско-Псковской обработки выступаетъ весьма рельефно. Эта простота, повидимому, не являлась исчерпывавшею замыселъ. Покровскій храмъ Успенскаго монастыря въ бывшей Александровской слободѣ [2] *стр. 74* имѣетъ уже въ подножіи шатра небольшой восьмерикъ, увѣнчанный карнизомъ. Въ этомъ восьмерикѣ прорѣзаны два окна, прорѣзывающія вмѣстѣ съ тѣмъ и сомкнутый восьмигранный сводъ, который совершенно отдѣляетъ шатеръ отъ храма, дѣлая его глухимъ, т. е. всецѣло декоративнымъ, подобно шатру деревянной церкви. Этотъ исключительный примѣръ устройства двухъ сводовъ одинъ надъ другимъ, перекрывающихъ одно и то же помѣщеніе [3], объясненъ В. В. Сусловымъ какъ первоначальный пріемъ непосредственной передачи деревянныхъ формъ въ камнѣ [4].

Древность храма, дающая основаніе видѣть въ немъ первый примѣръ устройства каменнаго шатра, заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно относиться къ этому при-

[1] Тоже у Олеарія и Мейерберга. [2] Въ 1513 году «въ новомъ селѣ Александровскомъ священа бысть церковь Покровъ святыя Богородицы, тогда же князь великій и во дворъ вшелъ». Богослужебный сборникъ XVI стол. № 647. «Памятн. древне-русскаго зодчества», изд. Академіи Художествъ, вып. IV и II. [3] М. Т. Преображенскій въ своемъ трудѣ «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи», на стр. 59, совершенно отрицаетъ существованіе глухихъ шатровыхъ церквей. Мы съ своей стороны хотя и допускаемъ это, но главнымъ образомъ въ памятникахъ 17-го вѣка, когда на сомкнутый сводъ ставили одинъ, два и три шатрика, а иногда и крупные шатры, какъ напримѣръ, въ сломанномъ Алексѣевскомъ монастырѣ въ Москвѣ, въ «Дивной» церкви въ Угличѣ и др. [4] В. В. Сусловъ, «О раціональномъ развитіи отечественнаго зодчества». Докладъ въ Спб. Общ. архитекторовъ.

Церковь св. Евфимія Великаго въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. — Середина 16-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

мѣру. Необходимо точное обслѣдованіе кладки стѣнъ храма и сводовъ. Извѣстно, что Иванъ Грозный приспособлялъ дворцовое село подъ монастырь и возвелъ тамъ много построекъ. Послѣ смерти Грознаго слобода была забыта, а въ «Литовское разореніе» разграблена. Въ 1642 году разоренныя церкви были поправлены и тогда же основанъ женскій монастырь. Сложность сводчатыхъ конструкцій, пе-

Покровская церковь Успенскаго монастыря въ г. Александровѣ Владимірской губ.—16-й вѣкъ.

рекрывающихъ не квадратное, а продолговатое помѣщеніе [1], сложность угловыхъ сводчатыхъ переходовъ и присутствіе граннаго сомкнутаго свода заставляетъ очень сомнѣваться въ раннемъ возникновеніи шатра [2]. Примѣры пе-

[1] Съ кронштейнами и двойными напусками, какъ въ Дьяковской церкви и въ храмѣ Василія Блаженнаго для выравниванія прямоугольника въ квадратъ. [2] Кромѣ указаннаго, поводомъ къ сомнѣнію является сходство нѣкоторыхъ уборныхъ фасадныхъ частей Покровскаго храма, съ находящимся вблизи шатровымъ храмомъ-колокольнею, построеннымъ Грознымъ около 1565 г., имѣющимъ, кромѣ того, и сомкнутый гранный сводъ, отдѣляющій

Никитская церковь въ селѣ Елизаровѣ Владимірской губ. Переяславскаго уѣзда.

Вторая половина 16-го вѣка. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

редѣлки верховъ въ древнихъ церквахъ встрѣчаются не разъ [1]. Преображен-

храмъ отъ шатроваго верха колокольни. Сближеніе этихъ двухъ памятниковъ отводитъ Покровскому глухому декоративному шатру первое мѣсто въ ряду декоративныхъ шатровъ 17-го вѣка. [1] Древній Благовѣщенскій соборъ въ Нижнемъ Новгородѣ Владиміро-Суздальской эпохи перекрытъ позднѣйшимъ шатромъ со всѣми необходимыми переходами отъ четверика къ свѣтовому восьмерику; остаются древними однѣ лишь стѣны до карниза.

ская церковь въ селѣ Спасскомъ, Калужской губ., Перемышльскаго уѣзда [1] имѣетъ тоже въ подножіи шатра небольшой восьмеричекъ безъ оконъ, какъ и самый шатеръ. Восьмерикъ этотъ декорированъ впадинами въ видѣ кокошниковъ. Никитская церковь въ селѣ Елизаровѣ, Переяславскаго уѣзда, Владимірской губ. *стр. 75*, относимая В. В. Сусловымъ къ 16-му вѣку [2], имѣетъ ясно выраженный на фасадѣ переходъ отъ четверика къ восьмерику. Снаружи этотъ переходъ декорированъ кокошниками, поставленными въ подножіи свѣтового восьмерика. Отмѣтимъ двѣ любопытныя детали Елизаровской церкви: «стрѣлы» шатра, позаимствованныя, вѣроятно, съ Коломенской церкви и «звѣздчатое» основаніе главки шатра, повторяющее мотивъ храма Василія Блаженнаго. Упомянутые три храма въ подножіи шатра имѣютъ характерныя «полицы», т. е. переломы кровельныхъ скатовъ [3], такъ сближающія эти шатры съ деревянными шатрами. Шатеръ съ «полицей» имѣется въ подмосковномъ храмѣ дворцоваго села Бесѣды. *Стр. 77.* Отъ древняго храма, благодаря позднѣйшимъ пристройкамъ, сохранился лишь «верхъ» и то лишенный третьяго ряда кокошниковъ, закрытыхъ кровлей [4]. Судя по рисунку А. Мартынова третій рядъ кокошниковъ опирался прямо на карнизъ четверика. Ближайшій примѣръ такого перехода отъ четверика прямо къ кокошникамъ наблюдается въ Благовѣщенской церкви Лютикова монастыря Калужской губерніи (16-й вѣкъ) [5]. Такой переходъ болѣе крутого подъема былъ нами отмѣченъ въ церкви села Коломенскаго. Три ряда кокошниковъ Бесѣдской церкви снабжены распорными кокошниками, подобно шатру храма Василія Блаженнаго. Подшатерный карнизъ Бесѣдской церкви, такъ же какъ и Островской, имѣетъ «машикули» прямого, не полукруглаго перекрытія [6]. Медвѣдковская церковь *стр. 78*, обладая вполнѣ развитыми формами типа шатра на четверикѣ, усложнена устройствомъ нижней церкви въ подклѣтѣ и придѣлами по сторонамъ. Храмъ огибаетъ съ трехъ сторонъ двухъэтажная крытая галерея, заканчивающаяся съ запада небольшой поздней колокольницей. Прекрасная группировка массъ, стройность шатра и изысканность силуэта ставятъ этотъ храмъ въ рядъ выдающихся. Убранство верха, при спокойной глади стѣнъ, изумительно рисуется

[1] М. Т. Преображенскій, «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». [2] «О раціональномъ развитіи отечественнаго зодчества». Докладъ въ Спб. Общ. архитекторовъ. [3] Для удобнаго стока воды. [4] Бесѣдская церковь безъ искаженій у А. Мартынова, «Русская Старина», 6 тетрадь. Четверикъ храма сложенъ изъ бѣлаго камня, восьмерикъ и шатеръ—изъ кирпича. Прежде этотъ храмъ окружала каменная низкая открытая ходовая паперть, съ однимъ западнымъ входомъ, надъ которымъ возвышалась шатровая звонница. Храмъ стоитъ на низкомъ подклѣтѣ. И. М. Снегиревъ относитъ храмъ къ 16-му вѣку. [5] М. Т. Преображенскій, «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». [6] Интересно отмѣтить эволюцію этого пріема. Прямые «машикули» впервые введены въ карнизъ главы Дьяковской церкви, но тамъ онѣ трактованы какъ окна, освѣщавшія куполъ. Въ храмѣ Василія Блаженнаго въ карнизѣ нижняго восьмерика шатра онѣ уже декоративны. Въ Островской церкви удержана еще архаичность пріема, но въ церкви села Бесѣды эти машикули, перерѣзанныя угловыми пилястрами восьмерика, переходятъ уже на роль кронштейновъ. *Стр. 77.* Въ Медвѣдковской церкви машикули уже совершенно перешли на роль кронштейновъ, такъ же какъ и въ Нижегородскомъ Архангельскомъ соборѣ.

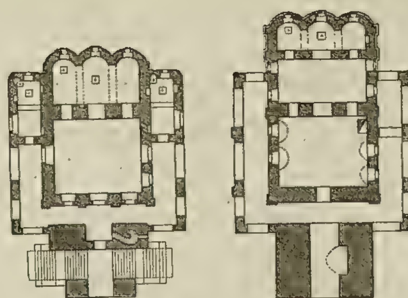

Верхъ церкви Рождества Христова въ селѣ Бесѣдахъ подъ Москвой.—16-й вѣкъ.
(Фот. П. Грабаря).

въ компактной группѣ кокошниковъ и главокъ, поставленныхъ по угламъ четверика [1]. Очевидность намѣренія зодчаго придать храму стройность и стремленіе вверхъ, достигается путемъ смягченія горизонтальныхъ дѣленій въ четверикѣ постановкой главокъ, а въ подножіи шатра устройствомъ группъ кокошниковъ, вмѣсто обычной

[1] Постановка четырехъ главокъ на углахъ четверика встрѣчается въ Николо-Гостинодворской церкви въ Казани, построенной во второй половинѣ 16-го вѣка. Она уже значится въ писцовыхъ книгахъ 1566—1568 годовъ.

Церковь Покрова Богородицы въ селѣ Медвѣдковѣ подъ Москвой.

16-й — 17-й вѣкъ. Видъ съ восточной стороны и планы подклѣта и церкви.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Архангельскій соборъ въ Нижнемъ Новгородѣ. — 1624 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

«полицы» четвериковыхъ шатровъ. Въ достиженіи эффекта стройности зодчій обнаружилъ большое пониманіе формъ ранѣе воздвигнутыхъ шатровыхъ храмовъ и большое пониманіе ихъ конструктивныхъ сторонъ. Сохраняя традиціонность троечастнаго завершенія стѣнъ кокошниками, онъ облегчаетъ ихъ распорными Дьяковскими кокошничками, остроумно обходя трудный угловой переходъ къ главкамъ. Постановка по угламъ четверика главокъ, значительно сузившихъ свѣтовой восьмерикъ, вызвала изумительную внутреннюю конструкцію перехода отъ четверика къ восьмерику. Несомнѣнно, что зодчій былъ хорошо знакомъ съ угловыми сводчатыми переходами Островской церкви и, конечно, съ ея 12 декоративными главками. Восемь главъ Медвѣдковской церкви вызываютъ присутствіе еще одной главы для полноты символическаго числа девяти. Надо думать, что девятая глава находилась, до устройства поздней колокольницы, на звонницѣ, въ отвѣтъ алтарной главѣ. Вѣроятное мѣсто звонницы надъ западной стѣной галереи по главной оси храма. Отмѣтимъ особенность постановки алтарныхъ абсидъ нижняго храма, значительно выдвигающихся впередъ противъ алтарей верхняго храма.

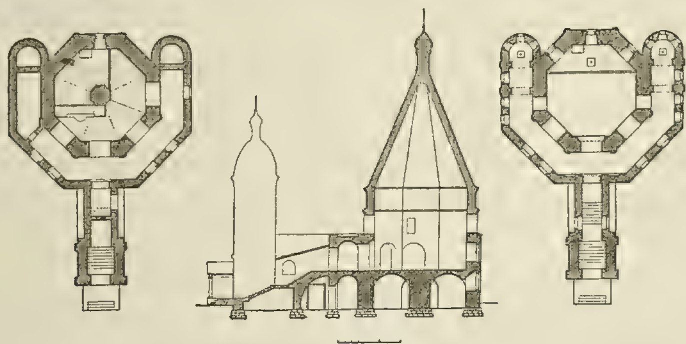
Эта особенность, способствующая общей стройности храма, однако вызвана причиной чисто литургическаго свойства, не позволявшей ставить престолъ надъ престоломъ. Плановой пріемъ Медвѣдковской церкви съ ея придѣлами, крытой галереей колокольницей съ запада и подклѣтами почти совершенно [1] исчерпываетъ плановые пріемы московскихъ церквей до 70 годовъ 17-го вѣка [2].

Упомянутый выше Нижегородскій Архангельскій соборъ *стр. 79*, перестроенный въ 1624 г. изъ древняго храма 1236 года [3], носитъ уже всѣ признаки начинающейся съ 17-го вѣка дробности деталей, превратившей машикули карниза восьмерика въ простые зубчики, а карнизъ четверика—въ сложный и грузный антаблеманъ. Удержанное троечастіе фасадныхъ расчлененій и закругленій повторено и въ фасадахъ восьмерика.

Какъ и въ деревянныхъ церквахъ, шатры возводились не только на четверикахъ, но и на восьмерикахъ. Простой пріемъ восьмистѣннаго оклада, такъ удачно примѣненный впервые къ группамъ «столпообразныхъ» церквей, послужилъ затѣмъ и для прямой передачи формъ деревяннаго шатра въ камнѣ. Городненская церковь *стр. 81, 83* Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи хотя и стоитъ на подклѣтѣ и имѣетъ съ боковъ придѣлы и двойную галерею, но въ основѣ удерживаетъ форму восьмигранника, идущаго снизу. Простой и ясный переходъ отъ стѣнъ къ шатру внутри храма понятенъ самъ собою. Постепенное облегченіе толщины стѣнъ къ

[1] Вводится еще лишь трапезная часть. [2] Время сооруженія Медвѣдковской церкви неизвѣстно. Нѣкогда село Медвѣдково принадлежало князю Дм. Мих. Пожарскому, «Русская Старина» А. Мартынова, тетр. 13. По архитектурѣ храмъ вполнѣ можетъ быть отнесенъ ко времени Пожарскаго, т. е. къ концу 16-го или началу 17-го вѣка. [3] «Зодчій» 1879 г., статья Леонова.

Воскресенская церковь въ селѣ Городнѣ Московской губ. Коломенскаго уѣзда.
Вторая половина 16-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

шатру прекрасно подчеркнуто снаружи рядомъ уступовъ перекрытыхъ «полицами». Своей уютной домовитой формой Городненская церковь близко передаетъ формы деревяннаго храма. Огибающая храмъ по гранямъ ходовая паперть съ небольшими придѣлами, широкое и размашистое крыльцо не мало добавляютъ въ указанномъ сходствѣ. Жаль, что храмъ искаженъ пробивкой и растеской оконъ и устройствомъ надъ рундукомъ всхода поздней колокольни; испорчены и верха придѣловъ. Н. В. Султановъ [1], основываясь на трудахъ Иванчина-Писарева [2], опредѣляетъ храмъ началомъ 16-го вѣка. Съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ потому, что мѣстное преданіе считаетъ этотъ храмъ не старше 350 лѣтъ, а затѣмъ и по той детали, которая обнаружилась на граняхъ шатра у его основанія, благодаря бурѣ, сорвавшей желѣзный кожухъ шатра. Подъ кожухомъ оказались стрѣлы тождественныя Елизаровскимъ. Отсюда ясно, что Городненскій храмъ построенъ позже 1532 г., т. е. времени постройки церкви села Коломенскаго и, можетъ быть, позже храма Василія Блаженнаго [3]. Наконецъ, нѣкоторыя детали ставятъ Городненскій храмъ ближе къ концу 16-го вѣка, нежели къ началу его. Къ числу шатровыхъ храмовъ на восьмерикѣ долженъ быть отнесенъ и вышеупомянутый Распятскій храмъ-колокольня Александровской слободы. *Стр. 84, 85.* Высоко приподнятая на столбахъ крытая галерея весьма выразительно отводитъ мѣсто храму въ подклѣтѣ. Весь верхъ посвященъ обширному звону. Прекрасно комбинированный переходъ отъ галереи къ восьмерику звона даетъ уже знакомые три ряда выдвигающихся кокошниковъ, бодро несущихъ восьмериковый верхъ. Замѣтимъ, что все помѣщеніе для звона вполнѣ примѣнимо къ устройству верхняго храма, имѣющаго даже хоры, скрытые въ нижнемъ рядѣ кокошниковъ. Отмѣтимъ двѣ интересныхъ детали колокольни. Первое по времени устройство на граняхъ шатра слуховъ въ видѣ люкарнъ въ типѣ обработки фронтончатыхъ оконъ [4] и одно изъ первыхъ примѣненіе какъ бы заложенныхъ въ стѣну колоннъ, какъ въ романской архитектурѣ, въ обработкѣ галереи [5].

Чтобы покончить съ шатровыми храмами, надо сказать еще о шатровыхъ группахъ. Чаще встрѣчающаяся группа изъ трехъ шатровъ поясняется символическимъ числомъ три. Имъ задолго предшествовали трехглавыя церкви византійскаго типа. Каменные трехшатровые храмы строились двояко. Или на одномъ четырехугольномъ продолговатомъ основаніи ставились подъ рядъ съ сѣвера на югъ три

[1] «Зодчій» 1883 г. Статья Н. В. Султанова. [2] Иванчинъ-Писаревъ, «Прогулка по Коломенскому уѣзду». Авторъ считаетъ Городненскую церковь такъ же какъ и Коломенскую, произведеніемъ славнаго Алевиза (?). [3] Храмъ въ Городнѣ упоминается впервые въ писцовыхъ книгахъ 1577—1578 года: «Село Городна а въ селѣ церковь Воскресеніе Христово камена вверхъ». Писцовыя книги XVI вѣка, изд. Имп. Русск. Географич. Общ. подъ редакціей Н. В. Калачова. Отдѣленіе I, Спб. 1872, стр. 384. [4] Подобный пріемъ имѣется въ Медвѣдковской церкви. [5] Болѣе древній пріемъ встрѣчается въ обработкѣ подклѣтовъ галереи храма Василія Блаженнаго. Такой декоративный пріемъ даетъ колоннамъ или, вѣрнѣе, полуколоннамъ значеніе контрфорсовъ. Московская архитектура 17-го вѣка широко воспользовалась этимъ пріемомъ.

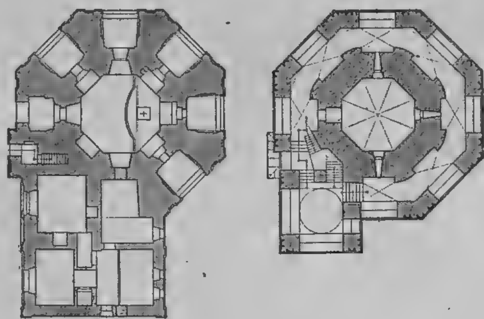

Воскресенская церковь въ селѣ Городнѣ Московской губ. Коломенскаго уѣзда. Деталь южнаго фасада. (Фот. И. Грабаря).

шатра, или же для каждаго шатра ставился свой четверикъ, при чемъ центральный шатеръ приходился надъ главнымъ храмомъ, а боковые надъ придѣлами. Послѣдняя группировка болѣе древняго происхожденія.

Троице-Голенищевскій храмъ *стр. 86* бывшаго помѣстья митрополитовъ и патріарховъ всероссійскихъ [1] построенъ по плану, близкому къ Медвѣдковской церкви, но не имѣетъ подклѣта. Обладая декоративными и конструктивными формами, свой-

[1] «Русская Старина», А. Мартыновъ, тетр. 4.

Планы нижняго и верхняго этажей Роспятской церкви-колокольни въ Успенскомъ монастырѣ г. Александрова Владим. губ. Около 1565 г. (По обмѣрамъ В. В. Суслова).

ственными «шатрамъ» на четверикѣ, Голенищевскій храмъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, а именно, обработку фасадныхъ стѣнъ придѣловъ фронтонами, повторяя основной мотивъ Новгородско-Псковскихъ церквей. Другая особенность—это убранство оконъ люкарнъ придѣльныхъ шатровъ, вмѣсто фронтончиковъ, полукруглыми кокошниками, что даетъ уже развитіе обработки оконъ, вводя ихъ, а вмѣстѣ и самый храмъ въ кругъ построекъ 17-го вѣка [1]. Отмѣтимъ сходство внутреннихъ машикули Голенищевскаго храма, введенныхъ для уменьшенія ширины шатроваго восьмерика, съ машикули Бесѣдской церкви [2] и въ особенности съ машикули Нижегородскаго Архангельскаго собора. Другой трехшатровый храмъ, сходный по пріему разстановки шатровъ съ Голенищевскимъ, находится въ Алексѣевскомъ монастырѣ Углича. Этотъ «дивный храмъ», какъ значится въ церковныхъ лѣтописяхъ, сооруженъ въ 1628 г. [3]. *Стр. 87, 88.* Точно датированный «дивный» храмъ поражаетъ запоздалостью своей ранне-московской алтарной обработки, отодвигающей его на много лѣтъ назадъ. Вся дивность храма заключалась, повидимому, въ красотѣ верха, такъ какъ внѣшность храма обработана очень скромно, а внутренность даже бѣдно, тѣмъ болѣе, что шатры совершенно отрѣзаны отъ храма сводами. Такая народная оцѣнка художественной красоты памятника дѣлаетъ большую честь вкусу цѣнителей. Подобно Голенищевскому храму, малые шатры «Дивной» церкви выступаютъ впередъ на востокъ, давая оживленность группѣ и цѣльность самостоятельному происхожденію каждаго шатра. Всецѣло декоративны три шатра второго пріема постановки ихъ въ рядъ. Такіе глухіе шатры, поставленные на сомкнутомъ или цилиндрическомъ сводѣ, вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ строительнымъ пріемамъ, которые выработались въ московскомъ декоративномъ пятиглавіи въ серединѣ 17-го вѣка.

Главную характерную часть плана этихъ трехшатровыхъ церквей составляетъ продолговатый четверикъ, короткія стороны котораго всегда повернуты на сѣверъ и югъ. Съ востока четверикъ заканчивается обычнымъ троечастнымъ алтаремъ, а съ запада—обширнымъ трапезнымъ помѣщеніемъ, часто значительно большихъ раз-

[1] Время сооруженія храма неизвѣстно. Обработка его нѣсколько сходна съ обработкой Бесѣдской церкви, но позднѣе ея. Это обнаруживается введеніемъ въ карнизъ главнаго шатра кромѣ машикули еще ряда ихъ выродившихся въ зубчики. [2] Въ полукруглыхъ машикули Бесѣдской церкви введены голосники. [3] Въ патріаршество Филарета Никитича, бывшимъ келейнымъ его, старцемъ Михаиломъ. Кипровая вѣдомость за 1899 г.

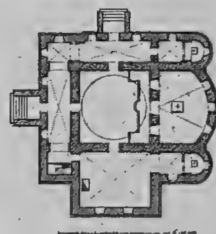

Распятская церковь-колокольня въ Успенскомъ монастырѣ г. Александрова

Владимірской губ.—Около 1565 г.

Троицкая церковь въ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ подъ Москвой.

17-й вѣкъ.
Восточный фасадъ и планъ церкви.

мѣровъ, чѣмъ главная часть храма. Примыкая къ главному четверику, увѣнчанному тремя шатрами, трапезныя значительно менѣе его въ высоту и для удобства сводчатаго перекрытія имѣютъ посрединѣ одинъ, два и четыре столпа. Происхожденіе каменныхъ трапезныхъ помѣщеній, такъ же какъ и деревянныхъ при деревянныхъ церквахъ, носитъ всецѣло гражданскій характеръ. Начиная съ Грановитой палаты, а можетъ быть, и съ Новгородской Владычной, подобный пріемъ распространяется въ монастыряхъ, представляя уютное и вмѣстѣ обширное и часто теплое помѣщеніе для молящейся или бесѣдующей братіи. Въ гражданской каменной архитектурѣ

Успенская «Дивная» церковь въ Алексѣевскомъ монастырѣ въ Угличѣ.
1628 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Успенская «Дивная» церковь въ Алексѣевскомъ монастырѣ въ Угличѣ.
1628 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

пріемъ этотъ служилъ той же цѣли обширнаго и уютнаго вмѣстилища [1]. Тяжесть трехъ каменныхъ шатровъ, нагруженныхъ на сомкнутый сводъ, ограничивала размѣры четверика, не позволяя дѣлать его обширнымъ; примѣненіе обширныхъ папертей или трапезныхъ напрашивалось здѣсь само собою.

Трехшатровыя церкви распространены повсюду, куда проникало московское зодчество 17-го вѣка. Достаточно назвать церковь Воскресенія въ Гончарахъ въ Москвѣ, церковь Іоанна Предтечи въ Казани [2] *стр. 89*, Владимірскую церковь въ Ярославлѣ [3], церковь Александровской пустыни близъ Рыбинска [4], церковь Ивановскаго монастыря въ Вязьмѣ и много другихъ.

Двухшатровые храмы также строились двояко—на двухъ смежныхъ четверикахъ, или на одномъ, не отличаясь, впрочемъ, своимъ наружнымъ видомъ. Къ числу такихъ «двойней» нужно отнести надвратную церковь Ѳерапонтова монастыря *стр. 90* съ ея оригинальной конструктивной постановкой главъ надъ двумя четвериками [5]. Другой примѣръ, болѣе древній, находился въ уничтоженномъ храмѣ Алексѣевскаго монастыря *стр. 91* на мѣстѣ нынѣшняго храма Спасителя, въ Москвѣ. Два величественныхъ и стройныхъ шатра были поставлены на отдѣльныхъ смежныхъ четверикахъ, объединенныхъ обширнымъ притворомъ-трапезой. Лѣтопись подъ 1514 г. относитъ построеніе храма къ работѣ Алевиза Фрязина. Въ сбивчивомъ же указаніи И. М. Снегирева [6] Алевизовской церкви отводится мѣсто въ Зачатьевскомъ мона-

[1] Въ домѣ Юргенсонъ въ Москвѣ 17-го вѣка имѣется помѣщеніе съ двумя столпами въ центрѣ. [2] Построена въ 1649 г. Нынѣ не существуетъ. Оригинальна по несимметричности угловыхъ шатровъ. [3] Постройки 1678 г. [4] Около 1678 г. [5] «Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи», 28 вып. [6] «Русская Старина» А. Мартынова, тетр. 11.

Монастырская церковь Іоанна Предтечи въ Казани. — 1649 г.
Нынѣ не существуетъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Надвратная церковь Богоявленія и преподобнаго Өерапонта въ Өерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ. 1649—1650 г.

стырѣ. Такъ или иначе двухшатровая церковь Алексѣевскаго монастыря не можетъ относиться къ такому раннему возрасту. Этому противорѣчатъ глухіе шатры, поставленные на сомкнутыхъ сводахъ и въ особенности обработка шатровъ, копирующая шатровый верхъ храма Василія Блаженнаго и близкая по дробности мелкихъ деталей къ 17-му вѣку. Надо думать, что болѣе вѣрнымъ временемъ сооруженія будетъ 1625 годъ [1].

Типъ церквей въ два шатра, поставленныхъ на сомкнутомъ сводѣ, ничѣмъ не отличается отъ таковыхъ же трехшатровыхъ церквей при тождествѣ плана. Церкви съ двумя шатрами находятся въ селѣ Спасскомъ, Перемышльскаго уѣзда, Калужской

[1] См. о возобновленіи храма царемъ Михаиломъ въ 1625 г. у И. М. Снегирева, въ статьѣ объ Алексѣевскомъ монастырѣ въ «Русской Старинѣ» А. Мартынова, тетр. 11.

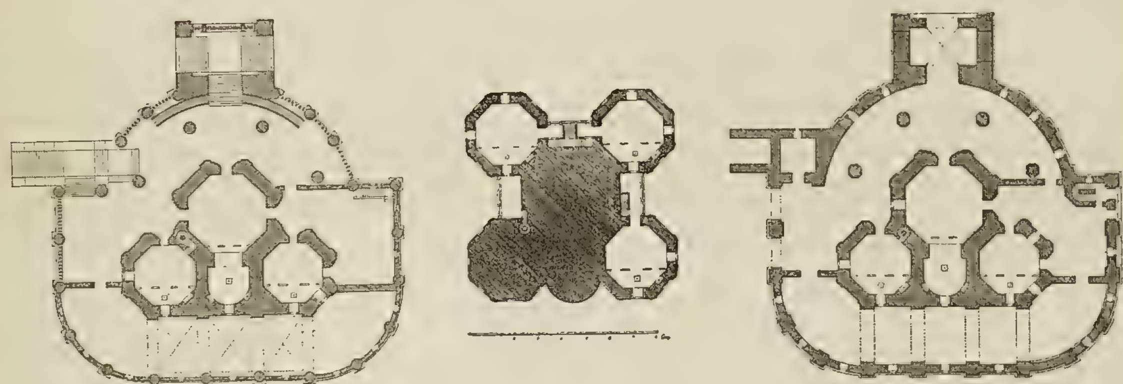
Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ. — 1625 г.
Стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Храма Спасителя.
(Съ картины Рабуса въ собраніи И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).

губ. [1], трапезная церковь Благовѣщенскаго монастыря въ Нижнемъ Новгородѣ и др.

Существовавшій до 1803 г. оригинальный, изъ ряда вонъ выдающійся по своей конструкціи, пятишатровый храмъ города Старицы, Тверской губ. построенъ при участіи Грознаго въ 1558—1561 г. Современникъ храма Василія Блаженнаго,—Старицкій соборъ, богато украшенный бѣлокаменной рѣзью и цвѣтными изразцами съ крупнымъ декоративнымъ изразчатымъ панно Распятія, съ изразчатой лѣтописью подъ карнизомъ храма [2],—несомнѣнно былъ великолѣпенъ и величественъ. Трудно судить о быломъ великолѣпіи храма по несовершенному и технически небрежному чертежу. Планы Старицкаго собора, изданные А. Мартыновымъ, болѣе говорятъ о своеобразности замысла и о смѣлости зодчаго, поставившаго западные шатры на особую систему столбовъ и арокъ. Трудность группировки массъ храма, лѣстницъ и переходовъ обусловливалась размѣщеніемъ девяти придѣловъ въ трехъ этажахъ храма.

[1] Въ бывшемъ Воротынскомъ монастырѣ. М. Т. Преображенскій относитъ ее къ серединѣ 17-го вѣка. «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». [2] «Русская Старина» А. Мартынова, тетр. 14.

Борисоглѣбскій соборъ въ г. Старицахъ Тверской губ. 1558—1561 г.
(Фасадъ собора съ чертежа, сдѣланнаго передъ сломкой его въ 1803 г., планы—по Мартынову).

Церковь Рождества Богородицы

въ Путинкахъ въ Москвѣ.
1649—1652 г.

Несмотря на своеобразность замысла и техническія трудности, Старицкій соборъ удерживаетъ, подобно Дьяковскому храму, размѣщеніе придѣловъ по угламъ. Наиболѣе подходящей плановой формой для придѣловъ и тутъ оказался восьмерикъ. *Стр. 92.*

Къ числу сложныхъ шатровыхъ группъ долженъ быть отнесенъ и Путинковскій храмъ. *Стр. 93, 95.* Представляя по существу типичный трехшатровый пріемъ, Путинковскій храмъ осложненъ устройствомъ одношатроваго придѣла Неопалимой Купины и шатровой колокольни, объединяющей храмы въ одну группу.

Исторія сооруженія храма [1] наглядно показываетъ, какъ созидались многія посадскія церкви на Руси и какъ изощрялись московскіе мастера-строители 17-го вѣка, чтобы согласовать, нарождающіяся во время стройки, требованія практическаго и экономическаго характеровъ. Послѣ пожара 1648 г., истребившаго деревянную церковь, причтъ и прихожане затѣяли каменную постройку и очевидно для усиленія средствъ, черезъ посредство Іерусалимскаго патріарха Паисія, просили царскаго жалованья и каменнаго запаса на построеніе перваго храма Неопалимой Купины. Царь велѣлъ отпустить 300 рублей и запасы. Но этой огромной по тому времени суммы не хватило и, по вторичной просьбѣ, было отпущено еще четыреста рублей. Но и этихъ денегъ не хватило, и въ 1652 г. было выдано еще сто рублей. Очевидно, строился не одинъ храмъ Неопалимой Купины, но вся совокупность храмовъ съ ихъ колокольней, экономически вдвинутой въ общую группу. Задача соединенія храмовъ и колокольни въ одну группу исполнена превосходно, хотя и не безъ дефектовъ въ мѣстахъ соединенія.

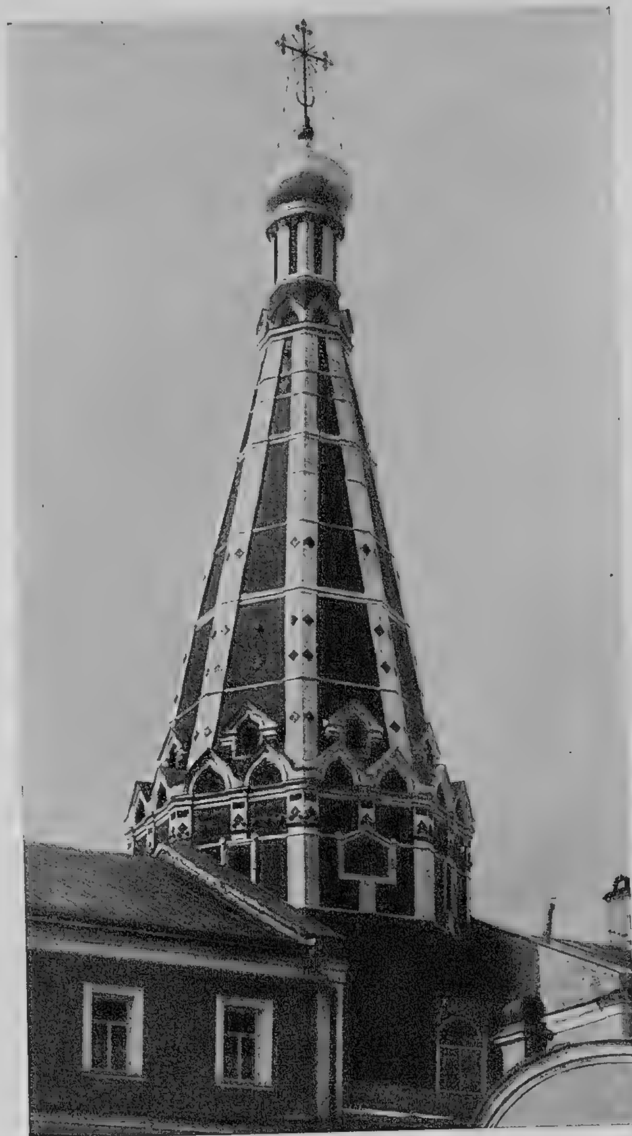
Оживленная группа разнообразныхъ шатровъ прихотливо рисуется при несимметричности ихъ разстановки. Московское всецѣло декоративное зодчество 17-го вѣка вступило здѣсь въ свои права. Колокольня и храмъ Неопалимой Купины, перекрытые кокошниками «въ перебѣжку», испещрены съ верху до низу. Здѣсь есть все, что выработало московское зодчество въ трактовкѣ уборныхъ частей. Нѣсколько строже главный храмъ, отличаясь гладью стѣнъ. Отмѣтимъ особенность устройства верха храма Неопалимой Купины, гдѣ все подготовлено къ постановкѣ главки вмѣсто шатра; обычный восьмерикъ превращенъ въ круглую шею со всей присущей ей обработкой. *Стр. 93.* Для полноты обзора убранства шатровъ необходимо упомянуть еще о верхѣ застроеннаго храма Зосимы и Савватія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. *Стр. 96.* Декоративно убранный изразчатыми шарами—кувшинами, задѣланными горломъ въ кладку, — звѣздами, и изразцами по стѣнамъ [2], шатровый верхъ Зосимо-Савватіевскаго храма, очевидно, копируетъ шатровый верхъ храма Василія Блаженнаго и,

[1] Построеніе первой на Руси церкви въ честь Неопалимой Купины, И. Е. Забѣлинъ, «Археологическія Извѣстія и замѣтки», 1893 г. № 1. [2] Детальный чертежъ храма помѣщенъ въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества», изд. Академіи Художествъ, вып. 7.

Церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ въ Москвѣ.
1649—1652 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

быть можетъ, верхъ Сергіева храма Богоявленскаго монастыря Московскаго Кремля. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что Богоявленскій монастырь былъ отдѣленіемъ Троице-Сергіева. Декоративность верха достигнута другимъ путемъ въ придѣлѣ церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ. *Стр. 97.* Ряды горизонтальныхъ перевязокъ гуртовъ шатра придаютъ ему крѣпость и сочность, давая мягкую свѣтотѣнь. Скульп-

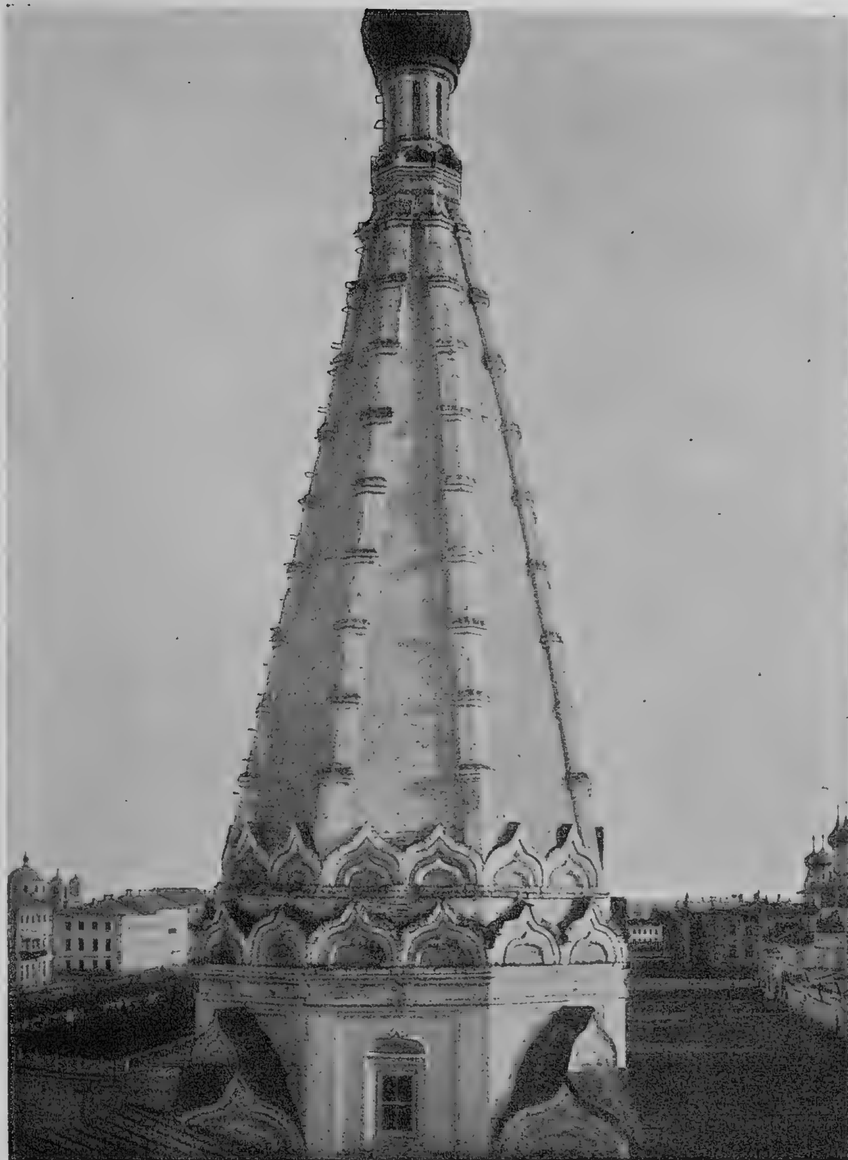

Зосимо-Савватіевская церковь Троице-Сергіевой Лавры. — 1637 г.

турность верха довершается мягкой декораціей подножія шатра выдвигающимися кокошниками. Любопытенъ здѣсь декоративный переходъ отъ четверика къ восьмерику придѣла, столь близкій къ «теремкамъ» тождественнаго перехода въ деревянныхъ церквахъ.

Весьма оригинальна по декоративному пріему Богоявленская церковь въ селѣ Красномъ Костромского уѣзда. *Стр. 98, 99.* Построенная въ 1592 году [1], она отли-

[1] «Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи», вып. 31, стр. 112.

Шатеръ придѣла церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ.
1647 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

чается большой нарядностью верха, сплошь усыпаннаго полукруглыми, безъ заостреній, кокошниками въ различныхъ комбинаціяхъ и размѣрахъ. Группы ихъ въ подножіи шатра, достаточно указываютъ, чѣмъ вдохновлялся зодчій, созидая такой оригинальный храмъ. Ближайшее по времени тождественное завершеніе шатроваго восьмерика

Богоявленская церковь въ селѣ Красномъ Костромского уѣзда.—1592 г.
(Фот. Императорской Археологической Коммиссіи).

встрѣчается лишь въ храмѣ Василія Блаженнаго въ Москвѣ [1]. *Стр. 40.* Оттуда взято также разнообразіе масштаба кокошниковъ и излишне пышное убранство ими стѣнъ.

[1] Позднѣе этотъ же пріемъ былъ примѣненъ къ декораціи двойныхъ шатровъ церкви Алексѣевскаго монастыря въ Москвѣ (1625 г.) *стр. 91* и, при сокращенномъ числѣ кокошниковъ, въ Зосимо-Савватіевской церкви Троице-Сергіевой Лавры (1637 г.). *Стр. 96.*

Богоявленская церковь въ селѣ Красномъ Костромского уѣзда.
1592 г.
(Фот. Императорской Археологической Коммиссіи).

Убранство это строитель всетаки оправдываетъ, декорируя горизонтальные уступы восьмериковыхъ стѣнъ, введенные для облегченія ихъ толщи [1].

При сложности убранства восьмерика шатеръ выглядываетъ бѣднымъ. Къ большому сожалѣнію, желѣзный кожухъ скрываетъ обработку формъ шатра и искажаетъ рисунокъ группъ кокошниковъ, обобщая ихъ несуразной формой фронтоновъ. Конечно искажены и окна и глава. Но болѣе всего страдаетъ храмъ отъ прибавки поздней колокольни и паперти.

Всѣ каменные шатровые храмы за рѣдкимъ исключеніемъ сооружены до 50-хъ годовъ 17-го вѣка. Со второй половины 17-го вѣка [2] цѣлый рядъ запрещеній совершенно изгоняетъ эту своеобразно народную форму, допуская ее лишь въ колокольняхъ и крыльцахъ. Догадки о причинѣ гоненія многими изслѣдователями сводятся къ циклу очистительныхъ преобразованій патріарха Никона и его продолжателей, считавшихъ шатровые храмы несоотвѣтствующими «церковному чину». Н. В. Сул-

[1] Подобное облегченіе толщи стѣнъ, декорированное снаружи «полицами», введено въ Городненской церкви Коломенскаго уѣзда. *Стр. 81.* [2] Е. Е. Голубинскій. «Исторія русской церкви», т. I, 1904 г., вторая половина тома, стр. 148.

тановъ въ «Трудахъ Тифлисскаго Археологическаго съѣзда» приводитъ примѣръ разрѣшенія патріархомъ Іосифомъ постройки шатроваго храма въ подмосковномъ селѣ Вешняковѣ въ 1644 г. и запрещеніе сооруженія шатровыхъ придѣловъ въ томъ же храмѣ патріархомъ Никономъ въ 1656 г., доказывая тѣмъ, что гоненія начаты страстнымъ и вмѣстѣ своеобразнымъ ревнителемъ православія—патріархомъ Никономъ.

Но какъ могъ строгій ревнитель, запрещая шатры, въ то же время сооружать самый грандіозный изъ всѣхъ шатровъ въ своемъ любимомъ дѣтищѣ—Ново-Іерусалимскомъ Воскресенскомъ монастырѣ?! [1].

Не вѣрнѣе ли видѣть причину въ дѣйствіяхъ юго-западнаго духовенства, какъ разъ съ половины 17-го вѣка водворившагося въ Москвѣ и проводившаго свои идеи литургическаго характера повсюду [2]. На смѣну шатровыхъ церквей приходятъ церкви ярусныя,—въ деревѣ и въ камнѣ. Соотвѣтствовали ли эти храмы «церковному чину»? Однако они не запрещались. Въ то же время всѣ преемники Никона вплоть до блюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, продолжали запрещать не только каменные шатровые храмы, но и деревянные. Только на сѣверѣ, вдали отъ патріаршаго ока, продолжалось и расцвѣтало въ богатыхъ формахъ глубоко народное деревянное шатровое зодчество, выраставшее въ цѣлые погосты. Къ большому счастію сохранившіеся до насъ деревянные шатровые храмы въ большинствѣ выстроены въ періодъ запрещеній и послѣ него. Что дошло бы до насъ, если бы властная рука патріарха захватила и сѣверъ? Навсегда сокрытой осталась бы та важнѣйшая и значительнѣйшая сторона народнаго творчества, которая нашла исходъ въ созданіи деревянныхъ шатровыхъ храмовъ богатырей. Сокрытой осталась бы и та могучая сила, которая сумѣла и въ камнѣ передать созданныя народнымъ геніемъ мысли о величіи и славѣ Божества. Въ суровой мощи Коломенскаго храма, въ ласкающей торжественности Островского и, наконецъ, въ наивысшемъ торжествѣ и свѣтозарной славѣ Василія Блаженнаго эти мысли нашли исходъ.

[1] Соборъ при Никонѣ былъ возведенъ до сводовъ, но несомнѣнно, что шатеръ былъ предусмотрѣнъ какъ важная строительная часть, перекрывавшая круглый дворъ собора, самую важную часть храма. [2] См. объ этомъ у Л. В. Даля, «Зодчій», 1879 г., статья о трехшатровыхъ церквахъ.

V.

СОБОРНЫЕ ХРАМЫ.

Московскіе пятиглавые кремлевскіе соборы времени Іоанна III, замѣнившіе прежніе одноглавые соборы ранней Москвы, въ основѣ своей удержали византійскій складъ храма съ его внутренними столбами, свѣтовыми главами и волнистымъ кровельнымъ покрытіемъ. Обширность и свѣтлость Московскаго Успенскаго собора, при его полномъ соотвѣтствіи древнимъ соборнымъ формамъ, настолько укрѣпляютъ за нимъ соборный типъ, что на Руси рѣдко куда онъ не проникъ въ той или иной декоративной обработкѣ, соотвѣтственно времени и мѣсту. Въ городѣ ли, въ монастырѣ ли, когда требовалось дать обширное и величественное церковное сооруженіе, взоры строителей, минуя всѣ новые и часто богатые формами храмы, обращались къ Москвѣ, въ частности,—къ ея величественному Успенскому собору. Въ теченіе 16-го и почти всего 17-го вѣка типъ этотъ непоколебимо держится во всей своей чистотѣ, частично лишь воспринимая вырабатываемыя новыя формы церковнаго зодчества. Кромѣ пятиглавія, соборный типъ выразился въ необходимомъ присутствіи внутреннихъ столбовъ, несущихъ обширныя свѣтовыя главы. Въ близкомъ сродствѣ съ Московскимъ Успенскимъ соборомъ находятся: Смоленскій соборъ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря [1] *стр. 103,* Успенскій соборъ Троице-Сергіевой Лавры [2],

[1] Надпись на плитѣ, вдѣланной въ стѣну алтаря, передъ гробницей первой настоятельницы монастыря Елены Дѣвочкиной, свидѣтельствуетъ о построеніи обители и храма: «Лѣта 7032 (1524) Великій Князь Василій Ивановичъ всея Россіи воздвиже сію пречистую обитель въ ней же храмъ Пречистыя Богородицы» и т. д. Былъ ли этотъ храмъ сначала деревяннымъ и затѣмъ замѣненъ каменнымъ и когда замѣненъ—неизвѣстно. Въ 1598 г. каменный храмъ уже существовалъ. Полустертая настѣнная фресковая надпись внутри храма гласитъ: «Лѣта 7106 (1598), по великой вѣрѣ і по сердечному желанію і по душевному усердію Великіе Государыни, Царицы и Великіе Княгини іноки Александры всея Руси і брата еѣ благовѣрнаго и великаго Государя и великаго Князя Бориса Өеодоровича Всея Русіи Самодержца і многихъ Государствъ Государя и обладателя і его благовѣрные Царицы и великіе Княгини Маріи і его Царскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича Өеодора и великіе Царевны Ксеніи... шися бы... сия... на похвалу чюдному і чюдотворному образу... оленскія... в... а лѣто Государства его, при Святѣйшемъ Іевѣ... птр...». Послѣднюю фразу можно читать двояко: «Совершися бысть сия церковь на похвалу чюдному і чюдотворному образу Смоленскія Божія Матери въ а (первое) лѣто Государства его, при Святѣйшемъ Іевѣ патріархѣ...» или—«совершися бысть сия подпись» и т. д., т. е., что надпись говоритъ о времени фресковой росписи,—что считаемъ вѣрнѣе. Преданіе называетъ имя зодчаго храма—фрязина Алевиза. Но это имя, повидимому, по стольку же являлось нарицательнымъ, по скольку впослѣдствіи имя Растрелли. Во всякомъ случаѣ храмъ по своей ранне-московской архитектурѣ скорѣе принадлежитъ къ началу 16-го вѣка, нежели къ концу его. Любопытное двухсвѣтное размѣщеніе оконъ средняго купола близко къ таковому же размѣщенію оконъ Грановитой палаты—что говоритъ о свѣжести итальянскихъ заимствованій. Возможно, что храмъ былъ, какъ предполагаютъ, починенъ Борисомъ. Придѣлы храма пристроены значительно позже, въ концѣ 17-го или началѣ 18-го вѣка. Священникъ Н. Антушевъ. «Историческое описаніе московскаго Новодѣвичьяго монастыря». Москва, 1885.

[2] Постройки Грознаго.

Храмъ Воскресенія Христова въ Каргополѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. В. В. Суслова).

соборные храмы Ярославля, Вологды и другіе, вплоть до отдаленныхъ Холмогоръ и Каргополя. *Стр. 102.* Послѣдній храмъ уже относится къ серединѣ 17-го вѣка. Перестроенные соборы Суздаля, Ростова и другіе, благодаря тождеству своихъ древнихъ плановъ съ планами московскихъ соборовъ, тоже примыкаютъ къ указанной группѣ. Сюда же нужно отнести соборы Новоспасскаго и Данилова монастырей въ Москвѣ и соборъ Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ.

Измайловскій соборъ *стр. 104,* сооруженный въ 1679 году,—всецѣло еще древній типъ и, несмотря на свою изумительную керамическую декорацію закомаръ и шей главъ и громадныхъ по времени оконъ, все еще близокъ къ формамъ Успенскаго собора, сохраняя даже форму его крыльца. При сооруженіи еще болѣе поздняго храма Бутырскаго полка подъ Москвой (1684 г.), вслѣдствіе необходимости имѣть

Смоленскій соборъ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ.
16-й вѣкъ.

Покровскій соборъ въ селѣ Измайловѣ подъ Москвой.—1679 г.

обширный храмъ, строителямъ пришлось опять таки примѣнить соборный типъ, усложнивъ его присоединеніемъ обширной четырехстолпной трапезы съ придѣлами по бокамъ. Ярославскіе храмы, сохраняя внутренніе столбы, по типу близко подходятъ къ соборнымъ церквамъ. Отмѣтимъ нѣсколько оригинальныхъ и своеобразныхъ измѣненій соборнаго типа.

Успенскій соборъ Старицкаго монастыря.—1530 г.
(Фот. Ѳ. Ѳ. Горностаева).

Бѣлокаменный соборъ Старицкаго монастыря *стр. 105*, отличаясь своими ранне-московскими уборными частями, повидимому, строенъ зодчимъ, увлекшимся поздними Новгородско-Псковскими формами, заставившими его нарушить обычную постановку закомаръ на одной высотѣ [1]. Выдвинувъ вверхъ среднія закомары, зодчій выдвинулъ вмѣстѣ съ ними полуколонки аркатурнаго пояса, нарушивъ тѣмъ Владиміро-Су-

[1] Соборный Успенскій храмъ Старицкаго Успенскаго монастыря построенъ Старицкимъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ въ 1530-хъ годахъ. Игуменъ Арсеній, «Историческое описаніе Старицкаго Успенскаго монастыря». Тверь, 1895.

Планъ и разрѣзъ Преображенской церкви въ селѣ Вяземахъ Московской губ. Звенигородскаго уѣзда. Послѣдніе годы 16-го вѣка. (По обмѣрамъ В. В. Суслова).

здальскій ихъ типъ. Закомары оказались разъединенными и потребовали особаго самостоятельнаго покрытія. Къ сожалѣнію, поздняя желѣзная кровля срѣзала верхъ среднихъ закомаръ. Но можно догадаться, что онѣ были покрыты округло, угловыя же закомары оставались при теперешнемъ плоскомъ покрытіи, бывшемъ, вѣроятно, нѣсколько ниже. Плоская кровля угловыхъ закомаръ, пересѣкая шеи главъ, сходилась угломъ и упиралась въ кокошники подножія средней главы [1]. Центральные кокошники у подножія средней главы непосредственно поставлены на среднія округлыя закомары. Вся эта структура великолѣпно оправдывается внутри псковской ступенчатой конструкціей арокъ.

Благодаря такому пріему средняя глава высоко поднималась надъ угловыми главами и храмъ выигрывалъ въ компактности и стройности [2].

Соборный храмъ въ Вяземахъ *стр. 106, 107*, построенный, по преданію, Борисомъ Годуновымъ [3], приподнятъ на высокій подклѣтъ, усложненъ придѣлами и окруженъ галереей изъ широкихъ открытыхъ арокъ. Послѣ галерей Московскаго Благовѣщенскаго собора, Вяземская галерея должна считаться первою, установившею надолго типъ открытыхъ галерей-сѣней [4]. Тщательно выработанный въ плановой формѣ и массахъ Вяземскій соборъ, весь облицованный, за исключеніемъ шей, главъ и центральныхъ закомаръ, бѣлымъ камнемъ, оставляетъ впечатлѣніе изящества и стройности. Зодчій, сооружавшій храмъ, несомнѣнно, изучалъ Московскій Архангельскій соборъ—такъ много здѣсь общихъ мотивовъ въ оправданіи арочныхъ декорацій фасадовъ и въ особенности фасадныхъ декорацій придѣловъ и всѣхъ

[1] Эти кокошники въ своихъ верхнихъ частяхъ тоже срѣзаны подъ криволинейную кровлю. [2] Шеи боковыхъ главъ нынѣ надложены кирпичемъ на половину своей высоты. [3] «Памятники древне-русскаго зодчества, изданные Императорской Академіей Художествъ», вып. II. [4] Сохранились остатки болѣе ранней галереи Благовѣщенской церкви (1535—1536 г.) въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, давшіе возможность составить чертежъ ея реставраціи. П. П. Покрышкинъ, «Извѣстія Императорской Археологической коммиссіи», вып. 28.

Преображенская церковь въ селѣ Вяземахъ
Московск. губ. Звенигородск. уѣзда.—Послѣдніе годы 16-го вѣка.

семи главъ. Чистота фряжскихъ декоративныхъ мотивовъ и присутствіе ранне-московскихъ деталей въ порталахъ и другихъ частяхъ, примѣненіе псковскихъ ступеней въ сводахъ Вяземской церкви, ставитъ ее въ рядъ построекъ первой половины 16-го вѣка. Ближайшимъ къ Вяземскому храму по характеру обработки и присутствію фряжскихъ, псковскихъ и ранне-московскихъ мотивовъ будетъ соборъ Паф-

Соборная церковь Рождественскаго монастыря въ Москвѣ.
Вторая половина 16-го вѣка.

нутіева монастыря въ Боровскѣ Калужской губерніи [1], построенный въ 16-мъ вѣкѣ. При поглощающемъ количествѣ пятиглавыхъ соборныхъ храмовъ, не прекращается

[1] М. Т. Преображенскій. «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи».

Соборная церковь Рождественскаго монастыря въ Москвѣ.

Вторая половина 16-го вѣка.

и болѣе древній типъ одноглавыхъ соборныхъ церквей со столбами внутри. Случаи примѣненія такихъ формъ сравнительно рѣдки и притомъ они почти не переходятъ за грань 16-го вѣка. Скромный древній пріемъ соборнаго одноглавія, очевидно, въ глазахъ строителей, проигрывалъ въ сравненіи съ торжественнымъ пятиглавіемъ. Одноглавые соборы терялись среди одноглавыхъ «безстолпныхъ» церквей посада и слободъ и только особыя причины заставляли примѣнять этотъ устарѣлый пріемъ.

Освѣженный разработкой верховъ, одноглавый соборъ Ѳерапонтова монастыря *стр. 16,* болѣе послужилъ къ убранству верховъ «безстолпныхъ» церквей, нежели для эволюціи формъ одноглаваго соборнаго типа. Все же, освѣженная форма повторялась и мы встрѣчаемъ ее, напримѣръ, въ Троицкомъ соборѣ Лютикова монастыря Калужской губерніи, построенномъ въ 16-мъ вѣкѣ [1]. Однако, этотъ соборъ значительно позже своего предшественника, третій рядъ кокошниковъ «въ перебѣжку» приближаетъ его къ концу 16-го вѣка.

Съ такими же кокошниками въ перебѣжку построенъ одноглавый соборъ Рождественскаго монастыря въ Москвѣ. *Стр. 108, 109.* Храмъ выстроенъ по обѣту царицы Анастасіи Романовны вмѣсто обветшавшаго прежняго храма, по всей вѣроятности, тоже одноглаваго. Оригинальная компактная масса собора съ своей мощной, бодро вздымающейся главой, положительно, подавляетъ сосѣднюю пятиглавую церковь Іоанна Златоуста (1676 г.), наглядно показывая, какъ бываютъ ничтожны и мелки фасадныя декораціи, не оправданныя здравой конструкціей и архитектурнымъ смысломъ. Рождественскій соборъ весь полонъ этого смысла, а соотвѣтствіе конструкцій формамъ не заставляетъ желать лучшаго. Разительное сходство декоративнаго мотива фасадной обработки Рождественскаго собора съ обработкой собора Старицкаго монастыря *стр. 105* влечетъ за собою тождество конструкцій сводовъ и арокъ съ тою лишь разницею, что въ Рождественскомъ соборѣ введена лишняя арочная ступень, прикрытая снаружи лишнимъ рядомъ кокошниковъ у подножія главы. Ступень явилась благодаря перекрытію возвышенныхъ закомаръ, вмѣсто цилиндрическаго свода, двумя повышающимися одна надъ другой псковскими арками. Разница въ детальной декоративной разработкѣ фасадовъ обоихъ храмовъ сводится къ разности ранне-московскаго областного зодчества съ зодчествомъ царственной Москвы 16-го вѣка. Отброшена аркатура въ подножіи закомаръ и замѣнена зубцами типа позднихъ машикули [2].

Нѣсколько особнякомъ стоятъ три интереснѣйшихъ одноглавыхъ соборныхъ храма,—Введенскій на подолѣ Троице-Сергіевой Лавры, Сошественскій въ самой Лаврѣ и Троицкій соборъ Успенскаго монастыря въ городѣ Александровѣ Влади-

[1] М. Т. Преображенскій. «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». [2] Тамъ же. Такіе же зубцы введены въ карнизъ главы.

Введенскій и Пятницкій храмы бывшаго Пятницкаго монастыря близъ Троице-Сергіевой Лавры.—1547 г.

мірской губерніи. Всѣ эти храмы [1] тѣсно примыкаютъ къ ранне-московскому областному зодчеству, являясь его послѣдними представителями.

[1] Вмѣстѣ съ ними и пятиглавый храмъ Старицкаго монастыря.

Храмъ Сошествія св. Духа въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.—1559 г.

Введенскій храмъ *стр. 111*, построенный въ 1547 году [1], страшно потерпѣлъ во

[1] «Лѣта 7055 поставленъ храмъ каменъ на подолѣ Введенія Святой Богородицы, а ставилъ ее Иванъ Хабаровъ». Рукописная псалтирь Троице-Сергіевой Лавры № 30.

Старая соборная церковь Донской Божіей Матери
въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ
(1593 г.)

время осады Лавры въ 1609 году, попавъ въ область «пушечнаго боя». Полуразрушенный, лишенный внутреннихъ столбовъ, онъ былъ возстановленъ, повидимому, не въ прежнемъ видѣ въ 1621 году, а затѣмъ, несомнѣнно, подвергся крупному ремонту и въ 18-мъ вѣкѣ [1]. Своеобразная обработка алтарныхъ абсидъ элементами рукописныхъ орнаментацій заканчивалась вверху нынѣ утеряннымъ орнаментальнымъ поясомъ [2]. Небольшіе декоративные кокошнички въ основаніи закомаръ, повторены въ сосѣднемъ Пятницкомъ храмѣ, что достаточно указываетъ, какъ они трактовались на стѣнахъ Введенскаго храма. Ближайшій по сходству Сошественскій храмъ Троицкой Лавры своей сохранностью дополняетъ недостающее во Введенскомъ храмѣ [3]. *Стр. 112.* Отмѣтимъ сходство убранства пояса балясникомъ среди орнаментальныхъ полосъ Сошественскаго храма съ поясомъ храма Ризъ Положенія Божіей Матери въ Московскомъ Кремлѣ, а также и съ поясомъ Угличскаго дворца и отдаленныхъ Бѣлозерскихъ храмовъ. Архитектура ихъ одна и та же съ тою лишь разницею, что Троицкіе храмы съ своими пучкообразными полуколонками и фестонами алтарей ближе къ своимъ протооригиналамъ, т. е. къ Владиміро-Суздальскимъ церквамъ [4].

Пучки романскихъ полуколоннъ фасадовъ Введенской и Сошественской церквей, дотянувшіе до середины 16-го вѣка, передаются, какъ уборный мотивъ, и 17-му вѣку, становясь достояніемъ чуть не каждаго московскаго храма [5].

Троицкій соборъ Успенскаго монастыря, бывшей Александровской слободы, построенъ Грознымъ въ 1565 — 1570 годахъ. Это послѣдній вздохъ угасавшаго московскаго областного зодчества. Бѣлокаменные узоры ранне-московскаго типа прихотливо перемѣшаны въ немъ съ мотивами итальянскихъ орнаментацій, но строги еще формы общихъ массъ и деталей, порталовъ, поясовъ и проч.

Угасавшій областной стиль, какъ мы видѣли, передаетъ декоративные мотивы «безстолпнымъ» храмамъ, каковымъ является Пятницкая теплая церковь подъ стѣнами Троицкой Лавры [6]. *Стр. 111.* Подобно Введенской, она также сильно пострадала въ 1609 году, была починена въ 1611 году и, вѣроятно, и позже, такъ какъ окна храма, алтаря и трапезы принадлежатъ къ развитымъ формамъ московской архитектуры середины 17-го вѣка.

[1] Свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, но существующая нынѣ глава по своей архитектурѣ принадлежитъ къ серединѣ 18-го вѣка. [2] См. «Русскія Древности» А. Мартынова, тетрадь 6. [3] Постройки 1559 г. — А. В. Горскій. «Историческое описаніе свято-Троицкія Сергіевы Лавры». Москва, 1890, стр. 26. [4] Въ Георгіевскомъ соборѣ Юрьева-Польскаго, построенномъ въ 1234 г., поясъ «сарацинскихъ арочекъ», какъ называетъ ихъ Н. П. Кондаковъ, т. е. кокошничковъ, такъ же какъ и во Введенскомъ храмѣ подтянутъ подъ основаніе закомаръ. Найдутся на перепутанной орнаментаціи стѣнъ Юрьевскаго храма и прототипы фестоновъ алтарныхъ абсидъ Введенскаго и Сошественскаго храмовъ. Тамъ эти фестоны декоративнѣе и богаче, оканчиваясь головками. Въ московскомъ соборѣ Чуда Архангела Михаила, построенномъ въ 1501 г., арочный поясъ тоже подтянутъ подъ основаніе закомаръ. [5] Въ 16-мъ вѣкѣ этотъ мотивъ встрѣчается въ обработкѣ подклѣта галереи храма Василія Блаженнаго и въ обработкѣ галереи Распятской церкви-колокольни Успенскаго монастыря въ г. Александровѣ. [6] Въ рукописной псалтири Троицкой Лавры № 30: «того же лѣта (7055—т. е. 1547 г.) поставили церковь каменну на Подолѣ Пятницу Великую».

Церковь Бѣлой Троицы въ Твери.—1564 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Среди храмовъ 16-го вѣка выдѣляется церковь Бѣлой Троицы въ Твери, построенная въ 1564 году тверитяниномъ Гаврилой Дмитріевымъ Маковымъ. *Стр. 114.* Постановка трехъ главъ въ рядъ съ сѣвера на югъ, вызванная очевиднымъ стремленіемъ къ символизаціи, дала, при обычномъ угловомъ размѣщеніи остальныхъ четырехъ главъ, оригинальную группу, гдѣ ясность главнаго трехглавія умышленно не перебита боковымъ, идущимъ съ запада на востокъ. Церковь замѣчательна тайниками, раздѣляющими главы съ храмомъ. Кромѣ тайниковъ храмъ обладалъ и подземными ходами [1].

[1] Церковь издана въ журналѣ «Зодчій» въ 1874 г. со статьей В. Кузьмина и въ 1878 г. со статьей М. Каппле.

Преображенскій соборъ Соловецкаго монастыря.—1558 г.
(Фот. В. А. Плотникова).

Соборъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря Московской губ.
1658—1685 г. (Фот. И. Грабаря).

Московское пятиглавіе оригинально выражено въ грандіозной постройкѣ Филиппа Митрополита 1558 года, — въ соборѣ Соловецкаго монастыря. *Стр. 115.* Главный массивъ собора при обычномъ старозавѣтномъ планѣ заканчивается по угламъ подобіемъ башенъ, увѣнчанныхъ главами, подъ которыми скрываются четыре придѣла, соединенные ходами. Соборъ, стоящій на подклѣтѣ съ шестиаршинной толщею стѣнъ при поражающемъ отсутствіи алтарныхъ абсидъ, высматри-

ваетъ крѣпостью, особенно въ настоящее время, когда онъ лишенъ уже своихъ древнихъ закомаръ, какъ лишенъ сѣвернаго и южнаго наружныхъ всходовъ [1].

Устойчивый соборный типъ съ середины 17-го вѣка былъ поколебленъ сооруженіемъ Новаго Іерусалима. *Стр. 116.* Посланный патріархомъ Никономъ въ Іерусалимъ келарь Арсеній Сухановъ вывезъ оттуда «подобіе» собора Воскресенія Христова, т. е. его модель, по которой съ 1658 г. и началась постройка, воспроизведшая въ большой точности плановую разбивку храма и его массъ. Разница въ климатѣ заставила открытый дворъ, гдѣ помѣщалась часовня гроба Господня, накрыть каменнымъ шатромъ [2], хотя вокругъ него, а также вокругъ главъ были устроены открытыя террасы, огороженныя сквознымъ барьеромъ.

Постройка собора, продолжавшаяся непрерывно восемь лѣтъ при неутомимомъ надзорѣ патріарха, создала цѣлую строительную школу, гдѣ работали иноземцы, взятые изъ покоренныхъ городовъ Литвы и Польши. Вслѣдствіе извѣстной размолвки патріарха съ царемъ постройка прекратилась. И тотчасъ же по выѣздѣ изгнанника изъ Москвы въ 1666 г. царскимъ указомъ всѣ мастера были расписаны по Государевымъ дѣламъ и мастерскимъ. Соборъ, возведенный на 15 саженъ, до половины всей высоты, пребывалъ въ «запустѣніи и презрѣніи великомъ» до 1678 года, когда, при покровительствѣ царя Θеодора и царевны Татьяны Михайловны, въ 1685 г. онъ былъ законченъ. При исключительной затѣѣ и широтѣ ново-іерусалимскій храмъ не вызвалъ подражаній, но путь къ оригинальнымъ соборнымъ формамъ былъ проторенъ; онъ вскорѣ же сказался на новомъ соборномъ храмѣ Донского монастыря въ его своеобразной плановой крещатой формѣ съ украинской постановкой главъ [3].

[1] См. статью В. В. Суслова въ журналѣ «Зодчій» за 1883 г., гдѣ приведено старинное изображеніе собора съ среднєй частью, обработанной подобно верху собора Рождества Богородицы въ Θерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ. *Стр. 16.* Угловыя башни-придѣлы собора заканчивались кокошниками трехлопастнаго очертанія, которое В. В. Сусловъ выводитъ изъ древнихъ формъ типа церкви Трифона что въ Напрудной въ Москвѣ. *Стр. 29.* «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества», 1889, стр. 15. Мотивъ пятиглавія въ характерѣ Соловецкаго собора встрѣчается и въ 17-мъ вѣкѣ, какъ напримѣръ, въ церкви Казанской Божіей Матери въ селѣ Марковѣ, Московской губ., Бронницкаго уѣзда, построенной въ 1690 г. [2] Шатеръ этотъ обрушился въ 1723 году и возстановленъ въ деревянныхъ стропильчатыхъ формахъ въ 1750 году К. И. Бланкомъ. [3] Новый соборный храмъ Донской Божіей Матери сооруженъ въ эпоху московскаго барокко въ 1684 г.

Старая соборная церковь Донской Божіей Матери
въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ.—1593 г.

VI.

БЕЗСТОЛПНЫЕ ХРАМЫ.

Страшные пожары, дочиста опустошавшие посады и слободы царственной Москвы, съ ихъ деревянными храмами, подвигали постепенно къ замѣнѣ дерева камнемъ. При сравнительной дороговизнѣ и недостаткѣ средствъ, «посадскіе люди» не могли строить соборовъ, довольствуясь небольшимъ храмомъ. Отсутствіе столбовъ внутри деревяннаго храма передалось и каменнымъ. Небольшой размѣръ послѣднихъ позволялъ крыть ихъ однимъ сводомъ. Укрѣпленный желѣзомъ, сомкнутый сводъ высоко вздымалъ свѣтовую главу и настоятельно требовалъ декоративнаго убранства своей внѣшней стороны. Подходящихъ пріемовъ декорированія было два: при помощи Новгородско-Псковскихъ фронтоновъ или же рядами выдвигающихся кокошниковъ. Представители перваго направленія извѣстны въ формахъ, уже затронутыхъ фряжскими новшествами, какъ напримѣръ, въ Благовѣщенской церкви Стараго Ваганькова *стр. 28,* построенной Алевизомъ, или въ церкви святого Трифона въ Напрудной. *Стр. 29.* Болѣе устойчивъ въ Новгородско-Псковскихъ формахъ храмъ Николы что въ Мясникахъ. *Стр. 31.* Новгородско-Псковской типъ декоративнаго убранства храмовъ фронтонами, не будучи свойственъ московскому зодчеству, сравнительно слабо отразился въ немъ [1]. Тамъ, гдѣ вліяніе Москвы почему либо ослабѣвало, новгородцы и псковичи проводили этотъ своеобразный пріемъ покрытія [2].

[1] Увлеченіе крещатымъ планомъ,—можетъ быть, изъ желанія сохранить форму плана прежняго деревяннаго храма,—встрѣчаемъ въ церкви Ильи пророка въ селѣ Ильинскомъ Калужской губерніи Малоярославецкаго уѣзда; ея планъ близокъ къ плану церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, при фронтончатой фасадной обработкѣ середины и концовъ. Ближайшій примѣръ находился въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ; и тотъ и другой храмъ принадлежатъ 16-му вѣку. Оригинальная крещатость плана внутри Никольской церкви села Коломенскаго Боровскаго уѣзда Калужской губерніи служитъ переходнымъ пріемомъ. Оба храма изданы М. Т. Преображенскимъ въ его изслѣдованіи «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». Листъ II.

[2] В. В. Сусловъ выдѣляетъ эти храмы въ особый типъ, развившійся изъ примѣненія Новгородско-Псковскихъ декоративныхъ мотивовъ къ церквамъ, не имѣющимъ внутреннихъ столбовъ. Господству типа, по его мнѣнію, помѣшала сложная конструкція сводчатаго перекрытія, гдѣ сомкнутый сводъ прорѣзанъ четырьмя люнетами верхнихъ оконъ, надъ которыми зиждется свѣтовой куполъ. Такая конструкція примѣнима лишь къ небольшимъ церквамъ, какъ напримѣръ, церковь Спаса на Сѣняхъ и Блаженнаго Исидора въ Ростовѣ, а также и церковь Благовѣщенія въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ близъ Ростова. Пріемъ такого сводчатаго перекрытія скорѣе под-

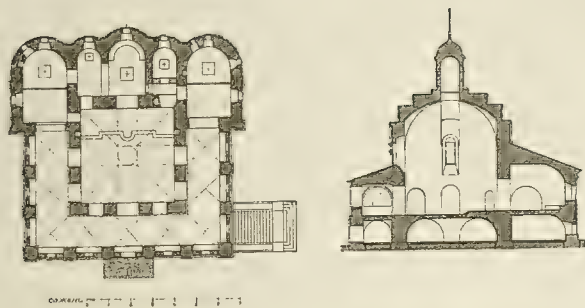

Церковь Покрова Богородицы въ Рубцовѣ въ Москвѣ.—1626 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Къ сожалѣнію, сильно искаженные въ своихъ верхахъ безстолпные московскіе храмы 15—16-го вѣковъ не даютъ возможности ясно представить ихъ первичный видъ [1].

ходилъ къ придѣламъ, какъ напримѣръ, къ собору Никитскаго монастыря близъ Переяславля Залѣсскаго, къ собору Саввина Сторожевскаго монастыря и др. Въ декоративной роли этотъ пріемъ покрытія замѣчается и въ примѣненіи къ деревяннымъ храмамъ, какъ напримѣръ, въ троечастной бочкѣ надъ алтаремъ церкви въ Подпорожьи Архангельской губ. *т. I, стр. 409,* въ деталяхъ каменныхъ церквей, а также и въ художественно промышленномъ дѣлѣ, какъ напримѣръ, въ большомъ Сіонѣ Успенскаго собора (патріаршая ризница), въ кадилахъ, ладонницахъ и пр. См. спеціальную статью В. В. Суслова въ «Очеркахъ по исторіи древне-русскаго зодчества», 1889 г. На стр. 77 этого же изданія В. В. Сусловъ отмѣчаетъ псковское вліяніе на г. Суздаль въ конструктивныхъ «ступеняхъ» и декоративныхъ впадинахъ фасадовъ. Но это самое можно найти повсюду, скорѣе это обстоятельство указываетъ на живучесть исконныхъ Новгородско-Псковскихъ строительныхъ пріемовъ. [1] Храмъ Зачатія св. Анны въ Китай городѣ, храмъ Гребневской Божіей Матери на Лубянской площади, храмъ Никиты

Церковь Покрова Богородицы въ Рубцовѣ въ Москвѣ.
1626 г. Восточный фасадъ.
(Планъ и разрѣзъ по обмѣрамъ В. В. Суслова).

Окно Жилецкой Палаты
подъ теремами Московскаго Кремля. Конецъ 16-го—начало 17-го вѣка.

Хорошо сохранившаяся старая соборная церковь Донской Божіей Матери въ Донскомъ монастырѣ, почти вполнѣ опредѣляетъ развитыя формы «безстолпнаго» храма, усложненнаго двумя поздними придѣлами по сторонамъ и ходовою папертью [1]. *Стр. 118 и приложеніе.* Этотъ небольшой храмикъ, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, какіе сохранились въ Москвѣ отъ 16-го вѣка, носитъ еще слѣды прежнихъ традицій «троечастія» и очень простъ въ своей декоративной обработкѣ, но уже видно въ немъ, какое направленіе принялъ Алевизовскій «карнизъ» и «арки» въ рукахъ московскихъ зодчихъ, воспроизводившихъ ихъ изъ кирпича. Ритмичность рядовъ кладки и небольшіе ихъ свѣсы совершенно стерли всю тонкость фряжской профилировки и всю характерность ихъ свѣшивающихся плитъ, придавъ московскому карнизу тяжелый «романскій» характеръ [2].

Вполнѣ развитой «безстолпный» храмъ Покрова въ Рубцовѣ *стр. 120, 121* приподнятъ на подклѣтъ съ придѣлами и съ открытой галереей-сѣнями по сторонамъ [3]. Плановой пріемъ Покровскаго храма можетъ служить типомъ для московскихъ церквей 17-го вѣка. Въ дальнѣйшихъ храмовыхъ постройкахъ такого пріема приба-

Мученика въ Таганкѣ, а также храмъ Θеодора Студита у Никитскихъ воротъ (1624 г.) и св. Спиридонія на Спиридоновкѣ (патріаршая, 1624—1625 г.). Второй пріемъ декорированія сводовъ—выдвигающимися рядами кокошниковъ,—оказался не только устойчивымъ, но и весьма характернымъ для московскаго зодчества. [1] Построена въ 1593 г., придѣлы же и колокольня—въ концѣ 17-го вѣка. И. Е. Забѣлинъ. «Историческое описаніе Московскаго Ставропигіальнаго Донского монастыря». М. 1893 г., стр. 53. [2] Уничтоженная въ 1846 г. церковь Николы Явленнаго на Арбатѣ въ Москвѣ, постройки 1593 года, по обработкѣ центральной части близко подходила къ Донскому храму. Изображеніе сломаннаго храма помѣщено въ «Русской Старинѣ» А. Мартынова, тетр. 2 и въ изданіи Θ. Рихтера «Памятники древне-русскаго зодчества». Придѣлъ храма сооруженъ въ 1619 г. [3] Нынѣ арки верхней и нижней галерей заложены.

Верхъ церкви Николы что въ Пыжахъ въ Москвѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

вилась лишь колокольня. Въ декоративной обработкѣ стѣнъ Покровскій храмъ такъ же простъ какъ и Донской, и болѣе примыкаетъ къ архитектурѣ 16-го, нежели 17-го вѣка.

Эпоха Смутнаго времени и Литовскаго разоренія на добрую четверть вѣка прекратила строительную дѣятельность не только царственной Москвы, но и всей Руси. Столица же была разорена и выжжена, и нужно было много времени и средствъ, чтобы привести все въ прежній видъ. Двадцатые годы благополучнаго царствованія царя Михаила были посвящены этому дѣлу. Чинились городовыя стѣны и башни. Укрѣплялись соборы и церкви и производился капитальный ремонтъ дворцовымъ палатамъ. Строились вновь лишь обѣтные храмы, да многочисленныя деревянныя сооруженія. Вызванные со всей Руси мастера подкрѣплялись цѣлымъ кадромъ иноземцевъ—«нѣмцевъ», еще со временъ Ивана Грознаго узнавшихъ дорогу къ богатой Московіи [1].

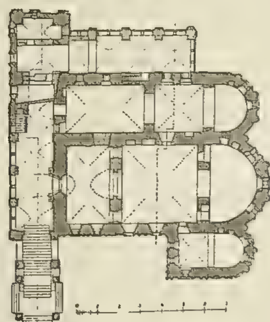
Палатные и городовые мастера Джалтеръ (Джанъ Талеръ) [2], Христофоръ Галовей [3], кирпичныхъ дѣлъ мастеръ Рудерикъ Мартысъ и ихъ сотрудники, Баженко Огурцовъ, Семенко Бѣлый, Трефилъ Шарутинъ, Первуша Исаевъ, Антипъ Константиновъ и многіе другіе каменныхъ и плотничьихъ дѣлъ подмастерья изъ Пскова, Новгорода, Бѣлоозера и проч. трудились надъ «Государевымъ» (казеннымъ) дѣломъ [4].

Сооружаемыя «нѣмцами» и ихъ русскими сотрудниками новомодныя постройки [5] очень видной архитектуры, конечно, производили впечатлѣніе на мастеровъ, собираемыхъ со всѣхъ концовъ Руси. Однако, прямыхъ подражателей новымъ мотивамъ, хотя бы только декоративнаго свойства, встрѣчается очень мало. И лишь съ момента возникновенія знаменитаго Никоновскаго Новоіерусалимскаго храма (1658—1666 г. и 1678 — 1685 г.) вкусъ къ новому значительно опредѣлился и вылился затѣмъ въ формахъ «московскаго барокко».

Полныя три четверти 17-го вѣка, при огромномъ каменномъ церковномъ строительствѣ, захватившемъ всю Россію со всѣми ея городами и даже селами, по существу продолжается та же архитектура, которая сформировалась въ «безстолпныхъ» храмахъ 16-го вѣка. Прибавилось только «освященное пятиглавіе», да сплошная пестрота фасадныхъ стѣнъ. Эту пестроту, въ сущности, вызвала сложная декорація оконныхъ отверстій, навѣянная сосѣднимъ Западомъ. Правда, въ окнахъ-люкар-

[1] При немъ нѣмцы ужъ жили спокойно въ Москвѣ за Яузой, въ новой Нѣмецкой слободѣ, гдѣ имѣли свою церковь. Занимались различными ремеслами и художествами и даже фабричнымъ производствомъ, не говоря уже о многотысячномъ иноземномъ войскѣ, служившемъ при царѣ Ѳеодорѣ. Борисъ Годуновъ въ особенности благоволилъ иноземцамъ. См. объ этомъ у Н. В. Султанова. — Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ. «Памятники древней письменности», 1881 г., вып. VIII, стр. 6 и 7. [2] Въ 1624 г. укрѣплялъ своды Успенскаго собора; въ 1627 г. возобновлялъ Срѣтенскій соборъ и строилъ церковь Великомученицы Екатерины въ Кремлѣ. [3] Надстроилъ верхъ Спасской башни въ 1626 году, участвовалъ въ сооруженіи Книгопечатной Палаты и взвелъ воду на угловую «Водовзводную» башню въ 1633 году. [4] Книга Расходная Оружейной Палаты 7137 г. № 912 и 7143 г. № 776. [5] Верхъ Спасской башни, Книгопечатныя Палаты, Теремной дворецъ, Потѣшный дворецъ и др.

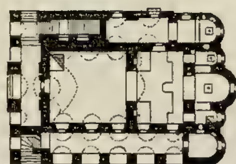

Церковь св. Троицы и Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ.

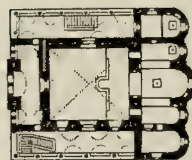
1653 г.

(Фот. П. Ф. Борщевскаго, планъ по обмѣрамъ Л. Даля и В. Леонова).

Церковь Николы въ Столпахъ въ Москвѣ.
17-й вѣкъ.

Церковь Успенія въ Гончарахъ въ Москвѣ.
17-й вѣкъ.

нахъ шатровыхъ церквей 16-го вѣка уже затронута эта обработка. Несомнѣнно и то, что въ Новгородѣ и Псковѣ въ 15—16-мъ вѣкѣ византійскій типъ окна, съ введеніемъ ставней, сильно измѣнился, вызвавъ вокругъ окна прямоугольную впадину. Но все же ранѣе конца 16-го вѣка мы не знаемъ того пріема обработки окна, который характеризуется колонками, связанными вверху и внизу кирпичными

Троицкая церковь въ Останкинѣ подъ Москвой.
1668 г. (Фот. журнала «Старые Годы»).

поясами, несущими фронтонъ. Впервые онъ встрѣчается въ окнѣ «Жилецкой палаты» кремлевскихъ теремовъ [1]. *Стр. 122.* Увлеченіе картинностью оконъ, такъ сильно выра-

[1] Ѳ. Рихтеръ. «Памятники древне-русскаго зодчества», статья И. Е. Забѣлина. Забѣлинъ называетъ эту палату Мастерской и относитъ къ концу 16-го вѣка. Болѣе простые пріемы подобной декоративной обработки оконъ встрѣчаемъ въ «столпѣ» средней части колокольни Ивана Великаго, вѣроятно, современномъ Годуновскому «столпу» и въ палатахъ бояръ Романовыхъ 16-го вѣка. Обращаютъ на себя вниманіе формы балясинъ, трактованныхъ въ видѣ фигурныхъ полуколонокъ. Пріемъ этотъ затѣмъ разрабатывается повсемѣстно. Этимъ балясинамъ-полуколонкамъ соотвѣтствуютъ крупныя балясины-колонны галерей и крылецъ (кубышки) аналогичнаго про-

Церковь Николая Чудотворца на Берсеневкѣ въ Москвѣ.—17-й вѣкъ.

Церковь Сергія въ Пушкаряхъ въ Москвѣ.
1684 г.

зившееся въ царскихъ теремахъ, очевидно захватило московскихъ зодчихъ и они не задумались втиснуть ихъ громоздкую форму въ стѣсненное и безъ того троечастіемъ поле фасадныхъ стѣнъ небольшихъ московскихъ церквей [1]. Загроможденіе окнами совпало со временемъ запрещенія шатровыхъ храмовъ, взамѣнъ которыхъ

исхожденія. Возможно, что эти балясины и кубышки до воспроизведенія ихъ въ камнѣ со всей ихъ орнаментальной «рѣзью» были продѣлываемы изъ дерева столярами и рѣзчиками, черпавшими вдохновеніе изъ нѣмецкихъ источниковъ. Датированные образчики такихъ рѣзныхъ кубышчатыхъ колонокъ находятся въ царскомъ (1556 г.) и святительскомъ (1554 г.) мѣстахъ Новгородскаго Софійскаго собора. Московскій «тронъ Мономаха» (1551 г.) въ достаточной степени блещетъ «наборомъ» своихъ колонокъ кубышчатыхъ и округлыхъ формъ. [1] Стѣны Путинковскаго храма являются яркимъ примѣромъ этой пестрой обработки.

Церковь въ Козьминѣ монастырѣ

Владимірской губ.—17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

было рекомендовано «освященное пятиглавіе». Пять главъ, поставленныхъ на сомкнутый сводъ, безъ того уже нагруженный кокошниками, не могли быть большого размѣра и не могли быть, исключая центральной, открыты внутрь храма. Такимъ

Казанская и Георгіевская церкви
бывшаго Георгіевскаго монастыря въ Москвѣ.—17-й вѣкъ.

образомъ, значеніе московскихъ главъ совершенно уклонилось отъ ихъ греческаго прототипа и перешло въ разрядъ символически-декоративныхъ. Верхъ церкви Николы что въ Пыжахъ, достаточно указываетъ на сплошную декоративность замысла, возможнаго при настойчиво требуемомъ примѣненіи пяти главъ. *Стр. 123.* Малый размѣръ шей главъ, такъ же какъ и въ деревянныхъ храмахъ, заставилъ увеличить объемъ самой главы, превративъ ее въ маковицу съ сильной выпук-

Церковь Николы въ Воробинѣ въ Москвѣ. 1690—1693 г.

лостью и съ большимъ подвышеніемъ къ кресту, давшимъ ей форму луковицы или груши. Декоративный «верхъ» храма, всецѣло декоративное троечастное и четырехчастное расчлененіе его фасадовъ пучками кирпичныхъ «романскихъ» полуколоннъ, декоративная обработка оконъ и необходимое присутствіе сложнаго карниза, тяжесть котораго усугублена кирпичными деталями, все это не давало мѣста былой здравой конструктивно-декоративной логикѣ. Отсутствіе художественной правды, направившее

московскихъ зодчихъ на путь сплошныхъ декорацій, не отняло, однако, чувства художественной мѣры въ выискиваніи формъ и силуэта группъ. Въ этомъ отношеніи работа московскихъ зодчихъ далеко не заурядна, ибо много нужно вкуса, чтобы создать сложную группу храма, придѣловъ, колокольни, галерей и крылецъ, гдѣ всѣ части такъ масштабны, такъ уравновѣшены и такъ скульптурны. Нарядность этихъ храмовъ едва ли расходилась съ представленіемъ о нарядности хоромъ и ихъ обитателей. Житейская обстановка древнихъ храмовъ нынѣ исчезла и только лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ городахъ пестрая ярмарочная сутолока близъ храма оживляетъ и возстановляетъ прежній укладъ. Наиболѣе типичный для московской архитектуры 17-го вѣка храмъ Грузинской Божіей Матери возникъ не сразу. *Стр. 125.* Сооруженный на мѣстѣ деревяннаго въ 1628 г. храмъ былъ значительно увеличенъ въ 1653 г., чѣмъ и объясняется его несимметричный планъ и присутствіе разнородныхъ деталей [1]. Останавливаетъ вниманіе великолѣпное крыльцо съ шатровымъ восьмиграннымъ верхомъ. Будучи необходимой принадлежностью хоромнаго деревяннаго зодчества, крыльцо попало и въ каменный кремлевскій теремъ, а затѣмъ и въ болѣе видныя гражданскія сооруженія. Перенесеніе крыльца въ каменное церковное зодчество не представляло большой трудности. Псковскіе мастера хорошо знали эту форму еще съ 15-го вѣка. Съ устройствомъ въ московскихъ храмахъ крытыхъ галерей-сѣней, устройство крытаго крыльца напрашивалось само собою. Крыльцо въ соединеніи съ храмомъ дало ему тотъ бытовой уютъ и вмѣстѣ ту торжественность, которые присущи дому, но дому Божію. Недаромъ храму Василія Блаженнаго рѣшили придать [2] эту видную и торжественную часть. Исходнымъ пунктомъ устройства и декорированія каменныхъ крылецъ является крыльцо Московскаго Успенскаго собора работы Фіораванте съ его висящими двойными арками. Этотъ мотивъ широко примѣнялся и къ декорированію открытыхъ арокъ-галерей. Церковь Николы въ Столпахъ *стр. 126* обладаетъ такой галереей изъ висящихъ арокъ, вполнѣ сохраняя въ кубышчатыхъ столбахъ преемственность мотива, взятаго съ столбовъ крыльца. Увлеченіе формой кубышекъ, обильно разсыпанныхъ по стѣнамъ храма, придало ему своеобразно игривый колоритъ.

Соревнованіе на почвѣ воспроизведенія игривыхъ формъ сильно сказалось на декораціи стѣнъ и верха Успенской церкви въ Гончарахъ. *Стр. 127.* Подчеркнутое значеніе кокошниковъ въ подножіи главъ нарушило волнистость ихъ общей группы, гдѣ нижній рядъ пришлось подвесть подъ крышу.

Останкинская церковь *стр. 128,* при тождествѣ пріема, сдвигаетъ главы и ставитъ ихъ на общій постаментъ, какъ бы обогнутый двумя рядами кокошниковъ.

[1] Окна теремного типа южнаго фасада и обработка палатки въ Новгородско-Псковскомъ, слегка итальянизированномъ характерѣ, а также и бѣлокаменная рѣзь внутри храма. [2] Во второй половинѣ 17-го вѣка. Тогда же устроена крытая галерея надъ открытой террасой.

Соборъ Успенія Богородицы въ Пертоминскомъ монастырѣ.
Архангельск. губ.—17-й вѣкъ (Фот. В. А. Плотникова).

Въ простѣйшей формѣ это повторяетъ храмъ Сергія въ Пушкаряхъ. *стр. 130.* Въ Берсеневскомъ храмѣ *стр. 129* ряды кокошниковъ уже прикрыты крышей, при чемъ кокошники подножія шей главъ слились съ послѣдними. Въ храмѣ Козьмина монастыря Владимірской губ. *стр. 131* кокошники уже находятся подъ карнизомъ

кровли, представляя простой орнаментъ [1]. Въ Казанской церкви Георгіевскаго монастыря *стр. 132* совсѣмъ отсутствуютъ ряды кокошниковъ и все значеніе ихъ перенесено на кокошники-массивы подножій главъ. Послѣднимъ шагомъ было полное уничтоженіе кокошниковъ. Покрытый прямо по карнизу четырехскатной деревянной или желѣзной кровлей «безстолпный» храмъ утерялъ декорацію своего свода, который очутился подъ крышей. Пять главъ, пронизывая чердачное помѣщеніе, рисуются сверхъ этой крыши какъ дымовыя трубы.

Заканчивая обзоръ церквей, въ которыхъ исчезали послѣдніе намеки на закомарность, нельзя не упомянуть о русскомъ сѣверѣ, довольно рано отказавшемся отъ кокошниковъ и закомаръ и перешедшемъ къ плоскимъ кровлямъ. Однимъ изъ образчиковъ этого типа можетъ служить церковь въ Пертоминскомъ монастырѣ Архангельской губ. *Стр. 135.* Эта церковь отличается притомъ весьма своеобразной декораціей шей главъ, явно выдающей ихъ происхожденіе отъ деревянныхъ формъ.

Такъ постепенно исчезало характерное для Москвы покрытіе «безстолпныхъ» храмовъ кокошниками. Причина этому кроется въ замѣнѣ древняго свинцоваго (запайного) покрытія желѣзнымъ покрытіемъ, сначала тоже запайнымъ, а затѣмъ для дешевизны закройнымъ, такъ мало свойственнымъ мелко волнистой формѣ кровли. Ремонтъ требовался часто и стоилъ дорого, недаромъ у многихъ древнихъ храмовъ и донынѣ кокошники скрыты подъ общей кровлей [2]. На смѣну безстолпнымъ храмамъ съ 70-хъ годовъ 17-го вѣка постепенно приходятъ благословляемыя украинскимъ духовенствомъ все новыя и новыя для Москвы формы. Но еще долго держался безстолпный типъ, получая болѣе или менѣе значительныя декораціи новаго стиля. И даже тогда, когда московскій барокко былъ принятъ всюду, провинція, усвоивая новыя формы, крѣпко еще держится былыхъ фасадныхъ декорацій. Сама Москва въ разгаръ барокко еще строитъ храмы, придерживаясь старины, хотя всѣ новшества здѣсь налицо. Николо-Воробинскій храмъ (1690—1693 г.) *стр. 133* при всей новизнѣ своихъ оконъ и ярусныхъ главъ,—все еще старый типъ, какъ и Георгіевская церковь Георгіевскаго монастыря *стр. 132*, построенная въ концѣ 17-го вѣка.

[1] Совершенно тотъ же пріемъ встрѣчается и въ церкви Флора и Лавра на Мясницкой въ Москвѣ. [2] Когда поверхъ кокошниковъ явилась прямая крыша, то ее крыли для дешевизны тесомъ и дранью.

VII.

УЗОРЧАТОСТЬ ХРАМОВЪ 17-го ВѢКА.

Московскій зодчій, увлекаясь нарядностью, собралъ и примѣнилъ къ декоративной обработкѣ стѣнъ и верховъ храма мотивы ранней Москвы, Новгорода и Пскова, связавъ и обобщивъ ихъ той декоративной логикой, которую внесли къ намъ итальянцы. «Нѣмецкій» фронтонъ окна, съ его фигурными балясинами, быстро пріобрѣтаетъ русскій обликъ, получивъ старозавѣтный кокошникъ, варіируемый безъ конца. Виртуозность отдѣлки храма при сравнительно скудныхъ средствахъ, поистинѣ изумительна. Обтесывая и укладывая кирпичъ и впрямь и вкось, вытесывая колонки и балясы и устраивая хитро сплетенные карнизы, московскій зодчій 17-го вѣка рѣдко примѣняетъ бѣлый камень, довольствуясь лишь иногда лекальнымъ кирпичемъ. Результаты такого труда при обиліи построекъ встрѣчаются всюду. Мы видимъ ихъ не только въ Москвѣ, но и въ глуши, напримѣръ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ г. Соликамска [1] *стр. 138* съ его интереснымъ карнизомъ, балясами и варіантами оконъ, а также и въ стоящемъ рядомъ съ нимъ зимнемъ соборѣ *стр. 139* съ своеобразными «домовитыми» крыльцами и изящнымъ «узорочьемъ» стѣнъ [2]. «Узорчатость» отдѣлки переносится и внутрь храмовъ, служа украшеніемъ главныхъ столбовъ. Иногда эти кирпичные узоры даютъ впечатлѣніе богатыхъ тканей и хитро вытканныхъ ковровъ, какъ мы видимъ на столбѣ Троицкой церкви въ селѣ Ухтостровьи Холмогорскаго уѣзда [3]. *Стр. 140.* Узорчатость простирается даже и на бѣдные храмы, какъ церковь Спаса Преображенія также въ Соликамскѣ *стр. 141*, гдѣ, при скудномъ однообразіи мотива, достигается впечатлѣніе нѣжности кружевного узора [4]. Но для этого нужна гладь стѣнъ. Отдаленные Каргопольскіе бѣлокаменные храмы, сохранивъ традиціонную новгородскую гладь стѣнъ, даютъ изумительные

[1] Соборъ построенъ, какъ видно изъ клировыхъ записей, въ 1687 году. [2] Построенъ, по свидѣтельству клировыхъ записей, въ 1684 году. [3] Церковь эта начата постройкой въ 1682 г., а освящена въ 1690 г. «Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи», вып. I, 1894 г., стр. 279. [4] Построена въ 1684 г.

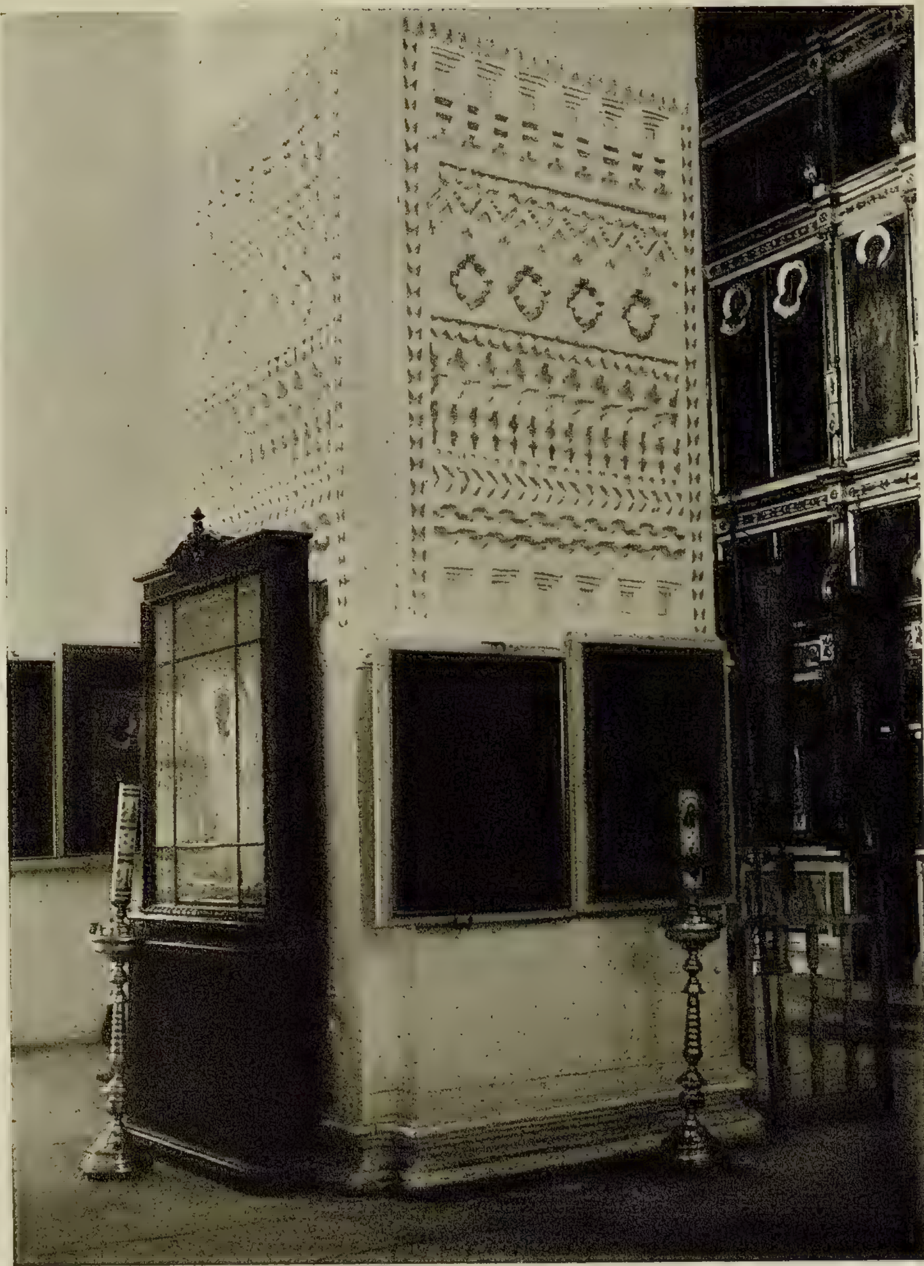

Благовѣщенскій соборъ въ Соликамскѣ.—1687 г.
(Фот. В. А. Плотникова).

Зимній соборъ въ Соликамскѣ.—1684 г.
(Фот. В. А. Плотникова).

эффекты, сочетаясь съ московскимъ «узорочьемъ». Освобожденный отъ кокошниковъ верхъ храма Владимірской Божіей Матери *стр. 142* сосредоточилъ всю заботу строителя на декоративномъ убранствѣ стѣнъ, гдѣ обработка оконъ доведена до изумительнаго разнообразія. Совсѣмъ исключительна по своей красотѣ декорація Благовѣщенской церкви. Тонко выработанныя детали, прихотливо разбросанныя пятна оконъ, классически строгая декорація алтарныхъ абсидъ *т. 1, стр. 15* съ ихъ изумительной бисерной «рѣзью»—все это выдѣляетъ Каргопольскій храмъ изъ всей массы строекъ 17-го вѣка и заставляетъ признать въ немъ наиболѣе совершенный образецъ «московскаго дѣла». Особенно выдѣляются фасады этого храма, мощныя стѣны которыхъ непринужденно, совсѣмъ по новгородски, прорѣзаны прекрасно скомбинированными и строго выдержанными пятнами оконныхъ пролетовъ. *Стр. 143.* Безъ всякой «рѣзи» такой фа-

Кирпичный узорчатый столбъ въ Троицкой церкви села Ухтостровья Архангельской губ. Холмогорск. уѣзда. 1682—1690 г.
(Фот. Д. В. Милѣева).

Преображенская церковь въ Соликамскѣ.
1684 г. (Фот. В. А. Плотникова).

Сѣверный фасадъ церкви Владимірской Божіей Матери въ Каргополѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Я. Билибина).

садъ ужъ обладалъ бы высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Но «узорочье» здѣсь къ мѣсту,—оно даетъ изящность, прекрасно оттѣняя и вмѣстѣ смягчая новгородскую суровость глади стѣнъ.

Прекрасную разбивку декоративныхъ пятенъ, при нѣсколько иной детальной разработкѣ, встрѣчаемъ въ соборной церкви Благовѣщенскаго монастыря въ Муромѣ. *Стр. 144.* Мы уже говорили объ исключительности примѣненія декорацій московскихъ теремовъ. Обработка оконъ и двери центральной части фасада показываетъ, въ какой мѣрѣ пользовались новшествами наѣзжавшіе отовсюду въ Москву провинціальныя артели и мастера, для выполненія «Государева дѣла» [1]. Другой примѣръ встрѣчаемъ въ

[1] Муромскіе мастера-муроли, воспитанные на московскомъ «государевомъ дѣлѣ», славились своимъ искусствомъ. Они схватили всю декоративность московскихъ формъ и развили ее до степени прихотливаго узора.

Южный фасадъ церкви Благовѣщенія въ Каргополѣ.
Середина 17-го вѣка. (Фот. В. В. Суслова).

Казанской церкви и колокольнѣ Троицкаго монастыря въ Муромѣ. *Стр. 145.* Въ большое изумленіе приводитъ живучесть традиціоннаго стремленія «пріукрасить» въ отдаленной и поздней по времени Крестовской церкви въ Иркутскѣ (1758 г.) [1]. *Стр. 146.* Наивное сочетаніе отголосковъ Москвы и Украины причудливо сплелись въ густой узорчатый коверъ, съ своеобразнымъ привкусомъ сосѣдняго Востока.

Муромскіе храмы по характеру своей «узорочности» могутъ составить особую группу. Изъ ряда вонъ выходящая «узорочность» разрушившагося храма Козьмы и Даміана (16-й вѣкъ) трактуетъ какіе то средневѣковые мотивы арочныхъ переплетеній на верхѣ храма. [1] Въ это время въ Петербургѣ уже была основана Академія Художествъ.

Сѣверная стѣна собора Благовѣщенскаго монастыря въ Муромѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

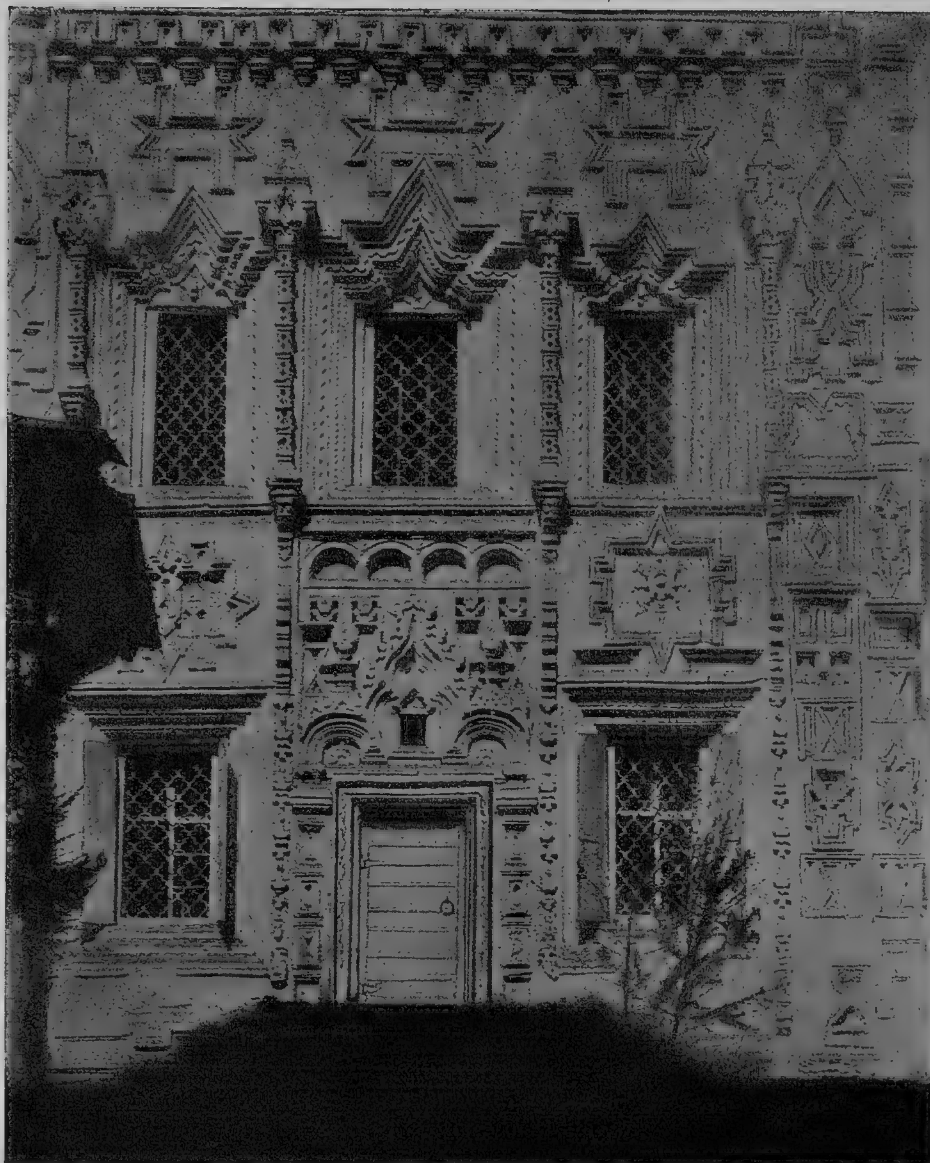
Гончарное дѣло, слабо проявлявшееся въ 16-мъ вѣкѣ, и то лишь въ памятникахъ исключительной важности [1], въ 17-мъ вѣкѣ быстро развивается. Уже одно

[1] Сюда надо отнести убранство верха шатра Василія Блаженнаго и церкви Сергія въ кремлевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, а также панно «Распятіе» Старицкаго собора.

Троицкій монастырь въ Муромѣ.—1648 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

покрытіе возникавшихъ шатровыхъ башенъ черепицей вызываетъ много рабочихъ рукъ. Съ устройствомъ крытыхъ галерей, крылецъ и колоколенъ потребность эта все увеличивается. Нараставшая потребность комфорта направляетъ гончаровъ на художественныя работы по выдѣлкѣ «цѣнинныхъ» печей и ихъ поливныхъ трубъ. Назрѣвшая потребность красочности декорацій вызываетъ изразцы наружу для украшенія стѣнъ храмовъ. И постепенно возникаетъ значительное кафельное производство. Огромное дѣло сооруженія Новаго Іерусалима созываетъ цѣлый кадръ иноземцевъ именно для усиленія «цѣниннаго дѣла», какъ называлась въ старину эта отрасль. Но болѣе всего оно расширяется и процвѣтаетъ въ Ярославлѣ, находя тамъ обширное поле для примѣненія. Небольшіе размѣромъ московскіе храмы, сплошь покрытые густой кирпичной орнаментаціей, не давали мѣста для свободныхъ изразчатыхъ декорацій. Для нихъ являлась возможность служить лишь

Крестовская церковь въ Иркутскѣ.—1758 г.
(Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

украшеніемъ ширинокъ [1]. Случаи изразчатыхъ декорацій соборныхъ храмовъ въ Москвѣ бывали рѣдки. Ими обладаетъ лишь Измайловскій соборъ, которому чудеснаго тона изразцы придаютъ совершенно исключительное очарованіе. *Стр. 104.* Съ соору-

[1] Горизонтальныхъ и вертикальныхъ рядовъ квадратныхъ впадинъ.

Церковь Владиміра «въ старыхъ садѣхъ» въ Москвѣ.
17-й вѣкъ.

Обработка портала церкви Григорія Неокессарійскаго въ Москвѣ.—1679 г.

женіемъ собора тѣсно связано сооруженіе храма Григорія Неокессарійскаго [1]. *Стр. 149.*

[1] Оба храма строились одновременно «изъ казны Великаго Государя царя Алексѣя Михайловича». Григоріевскій храмъ царь построилъ для любимаго своего духовника, Благовѣщенскаго протопопа Андрея Саввинова. Обѣ постройки наблюдалъ каменныхъ дѣлъ подмастерье Иванъ Кузнечикъ. См. Выдержки Расходныхъ книгъ Приказа Тайныхъ дѣлъ царя Алексѣя Михайловича въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о церкви Григорія Неокессарійскаго» свящ. М. Бѣляева. Москва. 1894.

«Красная» церковь Григорія Неокессарійскаго
на Полянкѣ въ Москвѣ.—1679 г.

Карнизъ этого храма обладаетъ великолѣпнымъ изразчатымъ поясомъ [1] и изразчатымъ порталомъ внутри храма. *Стр. 148.* Раскрашенная пестрыми красками, по обычаю того времени, вся наружная «рѣзь» съ прокраской фона сурикомъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяла вкусамъ современниковъ, назвавшихъ храмъ «краснымъ», что значило то же, что нынѣ—«прекрасный». Понятно, что не одна только раскраска вызвала это прозвище, а вся совокупность узорчато пестрыхъ массъ церкви, трапезы и своеобразно обработанной колокольни. Москва, въ противовѣсъ Угличской шатровой «Дивной» церкви, выдвинула свою «Красную» церковь, наглядно показавъ, какъ измѣнились вкусы, захваченные жаждой цвѣтистости и прихотливости убора. Затѣйливая витіеватость формъ отражается и въ изразчатомъ дѣлѣ. Цвѣтные узоры, украшающіе шеи главъ храма Владиміра въ «старыхъ садѣхъ» [2] *стр. 147,* значительно измѣняютъ устойчивый мотивъ [3] аркатуры шей главъ, давая ей видъ плетенья [4].

[1] Тождественнаго рисунка изразчатый карнизъ и поясъ главы находятся на интереснѣйшей церкви Андрея Стратилата (1675 г.) Андреевскаго монастыря близъ Воробьевыхъ горъ Москвы. Къ сожалѣнію, церковь обстроена кругомъ при превращеніи монастыря въ Андреевскую богадѣльню. Карандашные наброски церкви и монастыря изданы А. Мартыновымъ. «Русская Старина», тетр. 16. Подобные же изразчатые пояса карниза и шей главъ собора и колокольни (1680 г.) встрѣчаемъ въ Іосифовскомъ Волоколамскомъ монастырѣ. Менѣе богатый поясъ имѣется въ церкви Адріана и Наталіи на Мѣщанской улицѣ въ Москвѣ. Еще менѣе значительные пояса помѣщены на колокольняхъ Бутырской и Николоявленской церквей и на нѣкоторыхъ другихъ. [2] Нынѣ эти изразчатые узоры забѣлены. [3] Со времени сооруженія Московскаго Благовѣщенскаго собора (1482 г.). [4] Средняя глава Берсеневской церкви *стр. 129* и главы Козьмодемьянской въ Садовникахъ, въ Москвѣ, а также и соборная глава Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ—обладаютъ такимъ же прихотливымъ узоромъ

VIII.

ЯРОСЛАВСКІЕ И РОСТОВСКІЕ ХРАМЫ.

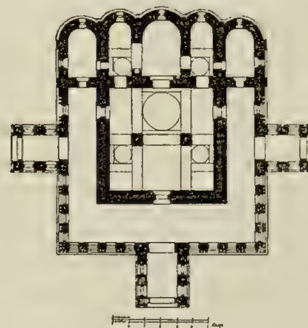
Особую группу въ общей Московской архитектурѣ 17-го вѣка составляютъ ярославскіе храмы. Удерживая основной московскій пріемъ плана въ видѣ центральнаго прямоугольника съ придѣлами по сторонамъ и также окруженные галереей, ярославскіе храмы, однако, удерживаютъ и старозавѣтную разбивку центральнаго прямоугольника столбами, допускающую устройство пяти свѣтовыхъ главъ, т. е. въ томъ типѣ, въ какомъ, напримѣръ, устроенъ Вяземскій храмъ. Разница лишь та, что вмѣсто восточныхъ столбовъ у многихъ изъ нихъ сооружена стѣна [1]. Иными словами Ярославскіе храмы принадлежатъ къ числу соборныхъ, гдѣ центральное помѣщеніе можно крыть не однимъ сводомъ, а девятью. Послѣднее обстоятельство вызвало огромную разницу въ размѣрахъ. Московскій храмъ вдвое меньше и мельче Ярославскаго. Московскія галереи, едва достигавшія 4 аршинъ ширины внутри, въ ярославскихъ церквахъ достигаютъ 6—7 аршинъ. Соотвѣтственно имъ расширяются и придѣлы, растетъ и величина крылецъ. Свѣтовыя главы ярославскихъ церквей не допускаютъ московскаго покрытія кокошниками. Широта стѣнъ даетъ свободное поле для декорацій и Ярославскій зодчій, не считаясь съ московскимъ «троечастіемъ», непринужденно играетъ московскими деталями, обильно пересыпая и украшая ихъ цвѣтными изразцами и причудливой раскраской. Таковъ замѣчательный храмъ Іоанна Предтечи что въ Толчковѣ *стр. 152, 153* съ его широко раскинутыми обширными галереями и тремя крыльцами изумительной детальной обработки.

Размѣръ придѣловъ позволилъ помѣстить надъ ними по пяти главъ. Неописуемъ эффектъ всѣхъ густо позлащенныхъ 15 главъ храма въ сочетаніи съ нѣжно краснымъ ковромъ его стѣнъ, расцвѣченнымъ голубоватымъ узоромъ изразцовъ. Своеобразно красивы расписныя грани его алтарей. *Стр. 153.* И никакая фотографія не передастъ того впечатлѣнія, какое производятъ группы куполовъ, галерей и крылецъ въ совокупности съ отдѣльно стоящей прекрасной колокольней, хотя послѣдняя

[1] За которой скрываются тайники поверхъ алтарныхъ помѣщеній.

Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ въ Ярославлѣ.

1687 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго, планъ по обмѣрамъ А. М. Павлинова).

Алтарная часть церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ въ Ярославлѣ.
1687 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

и выдержана уже въ позднемъ стилѣ «московскаго барокко». Изумительны по тону и сочетанію красокъ обильныя фресковыя росписи внутри храма и его обширныхъ галерей, причудливо изукрашенныхъ характерными сценами апокалиптическаго содержанія. *Стр. 154.*

Эффектъ росписи подчеркиваютъ изразчатыя панели и каменныя расписныя лавки, рѣзко отдѣляющіяся отъ нѣжно-розовыхъ кирпичныхъ плитъ пола. *Стр. 155.* До чего тонко и любовно отнеслись къ дѣлу всѣ украсители храма, показываютъ многочисленныя и разнообразныя орнаментальныя росписи оконъ, панелей и

Часть западной паперти церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ.
1687 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

дверей внутри храма, тонкія насѣчки желѣзныхъ частей замковъ и петель и изразчатыя декораціи, обильно разбросанныя внутри и снаружи храма. Ярославскій зодчій болѣе декораторъ, чѣмъ москвичъ, увлекавшійся одной лишь орнаментальной кирпичной декораціей. Ярославскій зодчій вынесъ красочное пятно наружу, широко имъ воспользовавшись въ убранствѣ крылецъ, стѣнъ и особенно алтарныхъ абсидъ.

Большой декоративный интересъ даетъ другой Ярославскій храмъ, — Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ *стр. 156*, гдѣ вся гладь стѣнъ забѣлена известью, на которой прихотливо рисуются кирпичныя детали архитектурныхъ расчлененій расцвѣченныхъ сложными изразчатыми украшеніями, изъ которыхъ выдѣляется изразчатая декорація крылецъ и, въ особенности, алтарное окно. *Стр. 157.* Не малую

Каменныя скамьи на паперти и въ алтарѣ церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ
въ Ярославлѣ.—1687 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

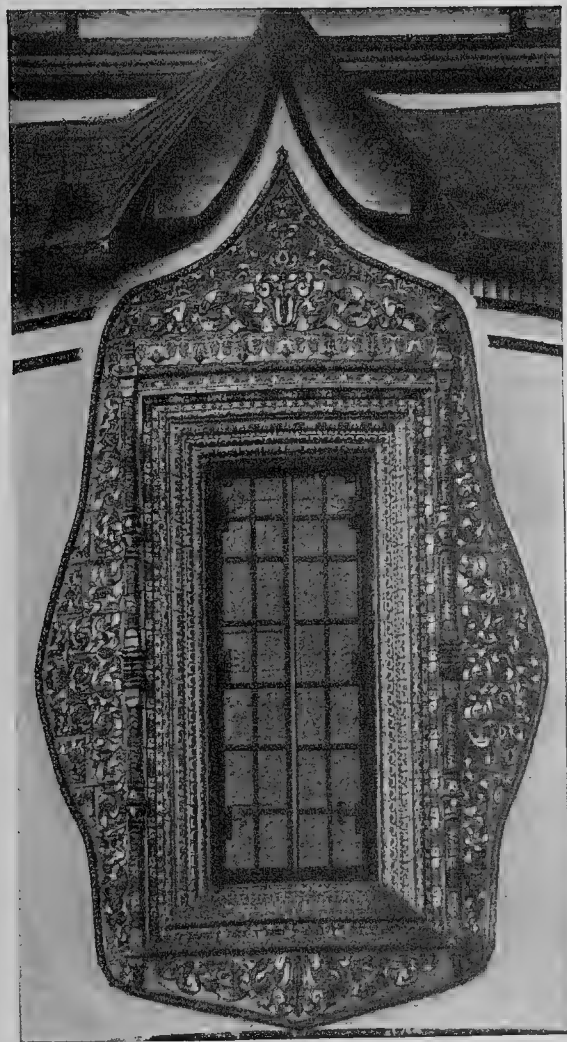

Церковь Іоанна Златоуста въ Коровникахъ въ Ярославлѣ.—1654 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

прелесть даютъ общей группѣ храма его шатровые придѣлы, столь излюбленные въ Ярославскомъ зодчествѣ [1].

Исчезновеніе кокошниковъ въ Московской архитектурѣ въ концѣ 17-го вѣка отразилось и на Ярославскихъ закомарахъ. Церковь Петра и Павла на Волжскомъ берегу Ярославля, построенная въ 1691 году *стр. 158*, отличается необыкновенной величиной своихъ главъ, насаженныхъ на сравнительно тонкія шеи, и прекрасной

[1] Церкви Ильи Пророка *стр. 97* и Николы Мокринскаго *стр. 160* съ двумя шатрами въ оградѣ. Шатровыя прибавки къ колокольнѣ-церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ, Крестовоздвиженскій соборъ въ городѣ Романовѣ и др.

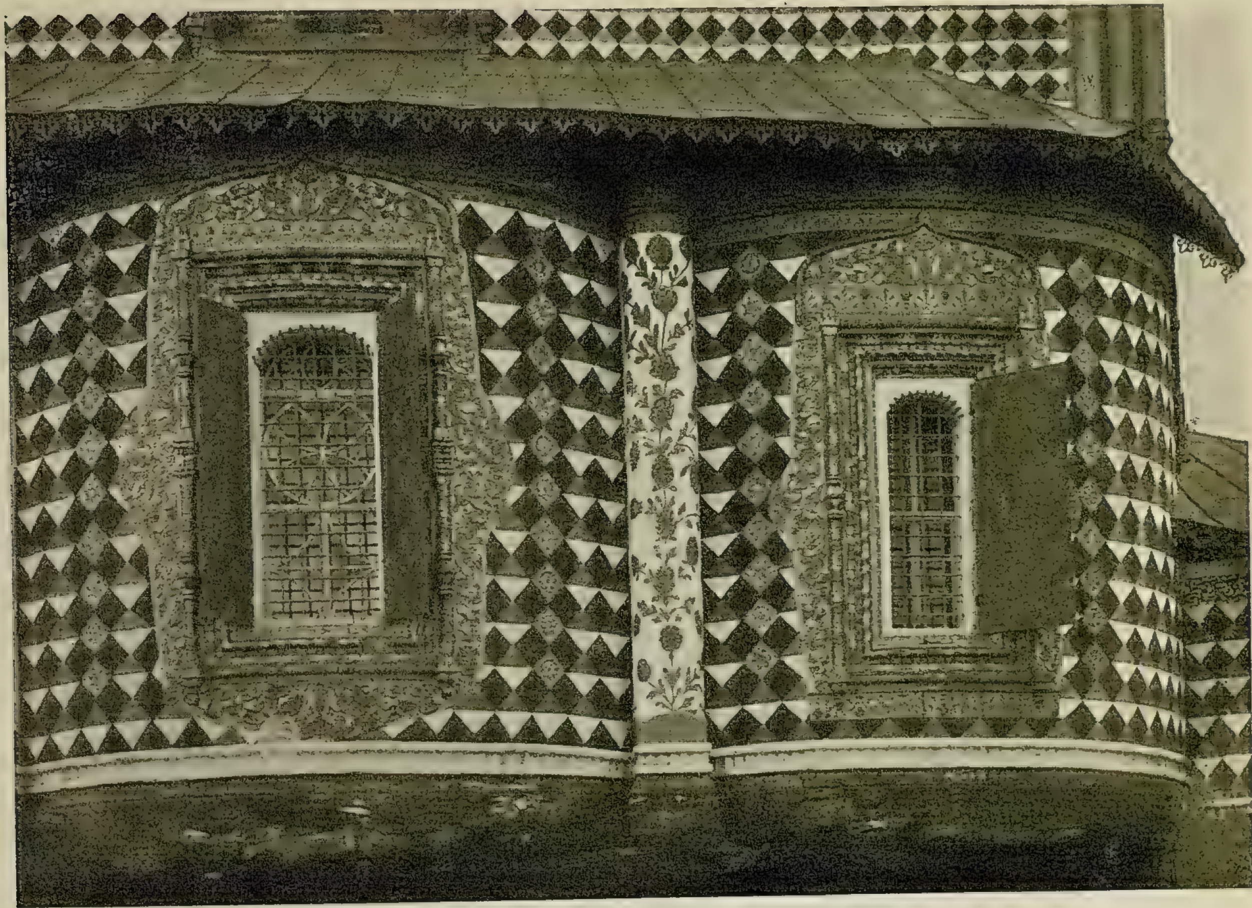

Алтарное окно церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ въ Ярославлѣ.
1654 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

изразчатой обработкой наличниковъ алтарныхъ оконъ. *Стр. 159.* Прекрасной изразчатой обработкой и тонкимъ рисункомъ шатра, покрытаго зеленой черепицей-чешуей, замѣтно выдѣляется входъ въ теплую церковь Николо-Мокринскаго храма, построеннаго въ 17-мъ вѣкѣ. *Стр. 160.* По изяществу обработки и гармоническому сочетанію цвѣтовъ онъ не уступаетъ красочнымъ декораціямъ Толчковскаго храма.

Церковь Петра и Павла на Волжскомъ берегу въ Ярославлѣ.
1691 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Алтарная часть церкви Петра и Павла въ Ярославлѣ.—1691 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Еще одну оригинальную разновидность общей московской архитектуры встрѣчаемъ мы въ созданіи Ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича,—въ его Ростовскомъ кремлѣ. Въ немъ причудливо сочетаются крѣпостное и церковное зодчество. Вѣрнѣе, крѣпостное поглощено церковнымъ, такъ какъ его бойницы превращены въ окна, и крѣпостныя ворота такъ беззащитны и такъ изумительно декоративны, что всякая мысль о защитѣ противъ какого угодно «боя» не приходитъ въ голову. Ростовскій кремль—не крѣпость и даже не замокъ. Это ограда, органически слившаяся въ одно цѣлое съ церквами, палатами и переходами. Однако, каждый надвратный храмъ съ воротами внизу сопровождается двумя башнями; башни размѣщены и по угламъ кремля, какъ бы предназначаясь къ защитѣ. Отсюда и впечатлѣніе кремля-крѣпости.

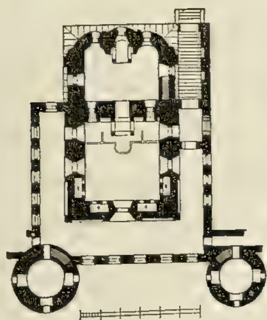

Входъ въ теплую церковь Николо-Мокринскаго храма въ Ярославлѣ.
Вторая половина 17-го вѣка. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Ростовскій кремль обладаетъ двумя надвратными храмами одинаковой обработки, — храмомъ Воскресенія Христова и храмомъ Іоанна Богослова. *Стр. 161.* Непринужденное убранство трехъ пролетовъ вратъ съ иконой въ центрѣ и съ бѣгущей отъ башни къ башнѣ изящной галереей даетъ свободное декоративное панно, прекрасно оттѣняемое мощью круглыхъ башенъ, суровость которыхъ смягчаютъ сосѣднія прелестныя звоннички. Все это служитъ подножіемъ храму, высоко вздымаю-

Церковь Іоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ.

1683 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго, планъ по обмѣру А. М. Павлинова).

Каменный иконостасъ въ церкви Воскресенія въ Ростовѣ.
1675 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

щемуся своими пятью главами надъ стѣнами и ихъ башнями. Архитектура самихъ храмовъ проста и исходитъ, повидимому, изъ ранне-московской архитектуры находящагося вблизи кремля искалѣченнаго Ростовскаго собора. Храмы внутри безстолпны и превосходно украшены фресковой живописью работы ярославскихъ и московскихъ мастеровъ. Живопись стелется густымъ ковромъ по всѣмъ сводамъ и стѣнамъ храма, захватывая и восточную, гдѣ всѣ сюжеты иконостаса написаны по штукатуркѣ и только лишь мѣстныя иконы, по сторонамъ оригинальныхъ царскихъ вратъ, исполнены на деревѣ. Своеобразны и расписные клиросы, высокой стѣнкой вмѣстѣ съ солеей вздымающіеся надъ поломъ храма. *Стр. 162.* Но самымъ оригинальнымъ, изъ ряду вонъ выходящимъ замысломъ является причудливая галерея-сѣнь надъ

Солея въ церкви Спаса на Сѣняхъ въ Ростовѣ.—1675 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

солеей церкви Спаса на Сѣняхъ [1] *стр. 163*, отдѣляющая иконостасъ отъ храма подобіемъ древней алтарной «перегради». Фресковая роспись, объединяющая «переграду» съ храмомъ, своеобразно оживлена эффектомъ сплошного золоченья столбовъ аркады, основанныхъ на клиросахъ.

Картина общаго не можетъ быть передана словами и нужно видѣть храмъ, чтобы оцѣнить его красоты, мѣняющіяся въ зависимости отъ освѣщенія, придающаго

[1] Церковь Спаса (1675 г.) находится въ серединѣ Ростовскаго кремля. Она связана съ Бѣлой палатой и теремами, отсюда и названіе «на Сѣняхъ». Снаружи архитектура храма даетъ запоздалый примѣръ поздней московской разработки Новгородско-Псковскихъ формъ храма. Другой примѣръ, болѣе древній, встрѣчаемъ въ Ростовскомъ храмѣ блаженнаго Исидора (времени Грознаго). Быть можетъ, этотъ храмъ и послужилъ оригиналомъ для церкви Спаса.

Церковь Срѣтенія Господня въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.
Середина 17-го вѣка. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

особые оттѣнки мистическому обаянію «крестовой» церкви убѣжища художника-владыки. Кремль сооруженъ въ эпоху обширнаго церковноздательства Россіи, въ тотъ его моментъ, когда были выработаны всѣ формы московскаго зодчества, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ. [1] Оцѣнить вполнѣ художественныя красоты группы храмовъ,

[1] Скульптурность обработки общихъ массъ высказывалась въ московскомъ зодчествѣ долгимъ строительнымъ опытомъ, довольно близкимъ къ характеру народнаго искусства, гдѣ каждая черта—испытанное достояніе

Наличникъ окна Рождественскаго монастыря во Владимірѣ на Клязьмѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

башенъ и теремовъ Ростовскаго Кремля возможно только на мѣстѣ. Особенно

всѣхъ. Детали каменныхъ архитектурныхъ формъ, какъ нельзя лучше, доказываютъ зависимость ихъ обработки отъ вѣковѣчной «рѣзи» народныхъ бытовыхъ вещей. Увлекшись «узорочьемъ» и овладѣвъ умѣньемъ «наводить лицо» на камень и кирпичъ, строители тотчасъ же перенесли на нихъ все то, что можно и умѣстно было въ деталяхъ взять и перенесть съ «рѣзного дѣла».

красивъ Ростовъ съ своимъ Кремлемъ отраженный въ водной глади озера Неро, на берегу котораго онъ такъ живописно расположенъ.

Въ 15-ти верстахъ отъ Ростова, по направленію къ Угличу, находится Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, имѣющій весьма близкое отношеніе къ архитектурѣ Ростовскаго кремля. Два надвратныхъ храма—Сергія и Срѣтенія Господня *стр. 164,* церковь Благовѣщенія и храмъ Іоанна Предтечи «подъ звономъ»—тождественны по пріему и обработкѣ надвратнымъ храмамъ Ростовскаго кремля, хотя здѣсь все сочнѣе, шире и богаче. Но это зависитъ лишь отъ большаго размѣра Борисоглѣбскихъ храмовъ, допускавшаго при тождествѣ пріема значительно большую широту декоративнаго размаха и большую свободу пятенъ. Неизвѣстно, гдѣ впервые возникла эта интересная архитектура—въ Ростовѣ ли, или въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. В. В. Сусловъ, изслѣдовавшій Борисоглѣбскіе храмы на мѣстѣ, относитъ ихъ архитектуру къ половинѣ 17-го вѣка [1]. Судя по тождеству архитектуры тѣхъ и другихъ храмовъ, возможно предположить, что зодчими ихъ были одни и тѣ же лица.

[1] «Памятники древняго русскаго зодчества». Изданіе Императорской Академіи Художествъ, вып. III и VI.

Окна Срѣтенской церкви въ Гороховцѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

IX.

ОКНА.

Наиболѣе видная декоративная часть храма 17-го вѣка заключается въ обработкѣ оконныхъ обрамленій. До 16-го вѣка церковное полуциркульное окно, сохраняя свой византійскій типъ, имѣетъ простыя обрамленія, идущія вверху по полуциркулю, сообразно пролету отверстія окна. Таковы Кіевскія, Владиміро-Суздальскія и ранне-московскія окна. Новгородъ и Псковъ съ середины 15-го вѣка вводятъ желѣзные ставни, для удобства навѣски которыхъ оказалась необходимой прямоугольная впадина. Эта впадина не осталась безъ обработки. Надъ ней въ Москвѣ въ первой половинѣ 16-го вѣка образовалась треугольная [1], а затѣмъ и полукруглая впадины. Въ даль-

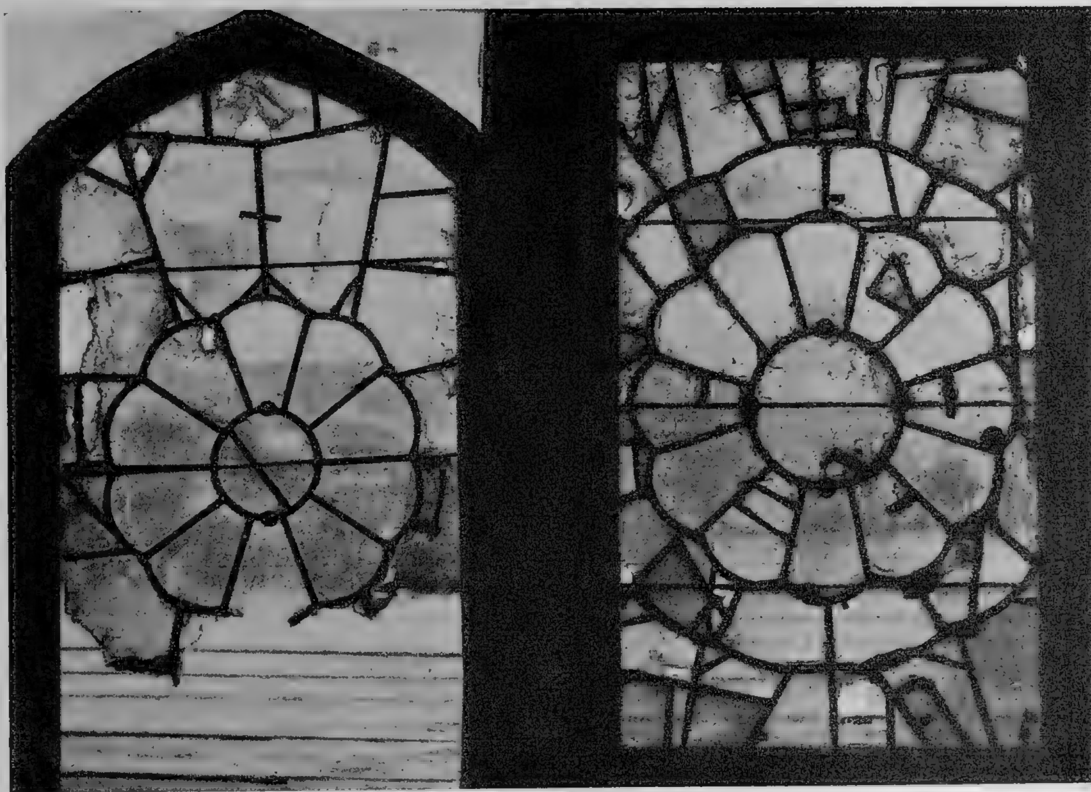
[1] Едва ли не первичный пріемъ треугольнаго окна встрѣчаемъ въ Княгининой палатѣ или Западной, что у Лазаря святого. См. «Памятники древняго русскаго зодчества» Ѳ. Рихтера въ статьѣ «Теремной дворецъ». Окно съ полукруглымъ заостреннымъ обрамленіемъ встрѣчаемъ въ крещатомъ основаніи храма села Коломенскаго.

Стѣна церкви Іоанна Предтечи «подъ звономъ»
въ Борисоглѣбскомъ Ростовскомъ монастырѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

нѣйшемъ развитіи такое «обрамленіе» обводится валикомъ, объединяющимъ прямоугольную и треугольную впадины. Дьяковскій храмъ и храмъ Василія Блаженнаго отражаютъ этотъ типъ, но окна эти еще просты. Сложнѣе обрамленіе оконъ-люкарнъ шатровыхъ церквей, гдѣ окно часто перекрывается двускатной крышей и потому должно имѣть карнизъ. Въ концѣ 16-го вѣка съ появленіемъ оконныхъ фронтоновъ вызывается необходимость имѣть при окнѣ поддерживающіе его полуколонки-столбики съ соотвѣтствующей опорой внизу въ видѣ пояса. Такимъ образомъ, оконная впадина для ставней разрослась въ цѣлое архитектурное сооруженіе съ

Въ Годуновскомъ «столпѣ» Ивана Великаго верхніе «слухи» обрамлены треугольникомъ подобно окнамъ. Треугольное обрамленіе оконнаго пролета до извѣстной степени служило поводомъ къ введенію треугольнаго оконнаго фронтона, какъ послужила образованію фронтона вообще итальянизированная обработка шипцовъ церквей Новгородско-Псковскаго типа. Кокошники Дьяковской церкви по существу—фронтоны. Но явное значеніе фронтона дано дверямъ того же храма.

«Репейчатыя» слюдяныя оконницы
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

фронтономъ и колоннами. Подчиняясь въ деталяхъ формѣ кирпича, колонки видоизмѣняются, слѣдуя или старозавѣтной формѣ ранне-московской колонки съ перехватомъ (бусиной) или «шницерскимъ» [1] балясамъ. Эволюціонируетъ въ этомъ же направленіи и фронтонъ, склоняясь къ излюбленной округлости или принимая такую форму, какая встрѣчается въ Благовѣщенской церкви въ г. Соликамскѣ. *Стр. 138.* Древній типъ закомары или кокошника оказался болѣе устойчивымъ и далъ цѣлый рядъ интересныхъ по рисунку формъ. Первичный фронтонъ, оставаясь болѣе или менѣе неизмѣннымъ, видоизмѣняется въ разорванный фронтонъ теремовъ и его варіантовъ, попадающихся, напримѣръ, въ соборной церкви Благовѣщенскаго монастыря въ Муромѣ. *Стр. 144.* Обрусѣлый первичный фронтонъ встрѣчается иногда въ весьма своеобразныхъ формахъ, какъ мы видимъ въ Рождественскомъ монастырѣ во Вла-

[1] «Шницарь»—испорченное нѣмецкое слово «Schnitzer», рѣзчикъ по дереву.

Окна южной стороны церкви Благовѣщенія въ селѣ Тайнинскомъ подъ Москвой.

Послѣдняя четверть 17-го вѣка. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

димірѣ. *Стр. 165.* Очень оригинальны и окна Марковской церкви, завершающіяся подобіемъ фронтончика. *Т. I, стр. 17.* Этотъ пріемъ обработки неожиданно образовался благодаря самостоятельному верхнему окончанію полуколоннъ, не несущихъ фронтона. Въ прототипѣ такая форма встрѣчается въ окнахъ церкви Владимірской Божіей Матери въ Каргополѣ *стр. 142* и въ Срѣтенской церкви въ Гороховцѣ. *Стр. 167* Но тутъ она передаетъ обликъ «коруны», той издревле освященной части, которая помѣщается вверху царскихъ вратъ [1]. Соединеніе «коруны» съ кокошникомъ даетъ оригинальную «звѣздчатую» форму верха оконъ Марковской церкви *стр. 172,* церкви Николы въ Хамовникахъ *стр. 173* и среднихъ алтарныхъ оконъ Останкинской церкви [2].

[1] Окна Покровской церкви въ Калугѣ еще ближе къ формѣ «коруны». М. Т. Преображенскій. «Памятники древняго русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи». То же встрѣчается и въ Муромѣ. *Стр. 144*

[2] Въ Богородицерождественской Бутырской церкви 1682 г. тоже имѣются «звѣздчатыя» окна.

Алтарное окно церкви Благовѣщенія въ Каргополѣ
Середина 17-го вѣка. (Фот. И. Я. Билибина).

Стр. 128. Разнообразіе оконъ, заканчивающихся формой кокошника, перечислить невозможно, и часто одна и та же форма, при видоизмѣненіи рисунка, даетъ различные эффекты, какъ это особенно выразительно можетъ иллюстрировать одна изъ стѣнъ церкви Іоанна Предтечи «подъ звономъ» въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. *Стр. 168.* Троечастную форму кокошника нижняго праваго окна В. В. Сусловъ не безъ основанія считаетъ развившейся изъ формы троечастныхъ закомаръ типа

Церковь Казанской Божіей Матери въ селѣ Марковѣ

Московской губ. Бронницкаго уѣзда.—1690 г.

(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Церковь Николы въ Хамовникахъ въ Москвѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Деталь Срѣтенской башни Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. 17-й вѣкъ. (Фотографія П. Ф. Борщевскаго).

Трифоновской церкви что въ Напрудной [1]. *Стр. 29.* Сосѣдній кокошникъ даетъ развитіе этой формы. Кокошникъ иногда дробится на два и на три висящихъ кокошничка, повторяя мотивъ кокошниковъ верха Коломенскаго храма. Этотъ мотивъ встрѣчается въ Марковской и Останкинской церквахъ. *Стр. 128.* Въ низкихъ алтарныхъ и трапезныхъ помѣщеніяхъ храма установилась та минимальная величина московскаго окна, которая измѣряется 12—14 вершками въ ширину и 15—17 вершками въ высоту своего свѣтового отверстія, всегда заканчивавшагося криволинейнымъ очертаніемъ [2]. Обрамляющія окно прямоугольныя впадины для ставней, декоративно обрамленныя въ свою очередь колонками и поясками, поддерживающими кокошникъ, представляли вмѣстѣ не малое размѣромъ декоративное пятно, которое приходилось втискивать въ гущу кирпичныхъ орнаментацій стѣнъ. Нѣкоторая свобода въ высоту, возможная при троечастіи стѣнъ храма, вытягиваетъ окно сильно вверхъ. Максимальная высота достигается въ двойномъ окнѣ Тайнинскаго храма *стр. 170.* Кудреватый рисунокъ кокошниковъ, какъ бы заимствованный съ складней, и фигурная, «теремная» прорѣзь свѣтовыхъ отверстій придаютъ окнамъ весьма своеобразный видъ. Огромныя по величинѣ окна соборнаго храма въ селѣ Измайловѣ *стр. 104,* хотя и обработаны деталями 17-го вѣка, но еще въ древнемъ типѣ полуциркульныхъ очертаній.

Свободное развитіе «московское» окно получило при широтѣ и при свободной глади стѣнъ Ярославскихъ церквей. Тутъ оно не придерживается московскаго канона и не подчиняется возможности размѣра, какъ напримѣръ, въ алтарныхъ окнахъ

[1] «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества», 1889, стр. 15. [2] Въ большинствѣ храмовъ это криволинейное очертаніе для увеличенія свѣта уничтожено вмѣстѣ съ впадиной для ставней.

Окно звонницы Саввинскаго Звенигородскаго монастыря.
17-й вѣкъ. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Толчковской церкви. *Стр. 153.* Отсутствіе послѣдняго обстоятельства, при бѣлокаменной кладкѣ, даетъ изумительный эффектъ въ тонкости и затѣйливости деталировки, придающей необыкновенную сочность алтарнымъ окнамъ Благовѣщенской церкви въ Каргополѣ. *Стр. 171.* Такая же сочность достигается и въ болѣе скромной кирпичной обработкѣ Марковской церкви. *Стр. 172.* Совершенно другимъ путемъ достиг-

нута эта сочность при обработкѣ окна такъ называемаго крѣпостного типа, гдѣ свѣтовое отверстіе глубоко удалено въ толщу стѣнъ, какъ въ церкви Іоанна Предтечи «подъ звономъ» въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. *Стр. 168.* Этотъ живописный пріемъ оконной обработки присущъ полуцерковной-полувоенной архитектурѣ надвратныхъ церквей и башенъ Ростова. *Стр. 174.* Понятно, квадратная впадина для ставней здѣсь не имѣетъ мѣста. При полной декоративной свободѣ ярославскихъ церквей окна ихъ то рисуются въ своеобразной окраскѣ на грановитой живописи алтарныхъ стѣнъ Толчковской церкви [1], то среди причудливыхъ сталактитовъ стѣнной декораціи Борисоглѣбскаго собора въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ *стр. 181,* то, наконецъ, въ роскошной формѣ нарядныхъ изразчатыхъ пятенъ служатъ богатымъ украшеніемъ алтарныхъ абсидъ Коровническаго и Петропавловскаго храмовъ. Отмѣтимъ оригинальность верхнихъ оконъ церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ *стр. 156,* уже затронутыхъ надвигающимся «барокко», и близкихъ къ нимъ оконъ входа Николо-Мокринской церкви. *Стр. 160.* Замѣтно оно и въ освобожденныхъ отъ кокошниковъ колонкахъ Марковской церкви *т. I, стр. 17* и въ необыкновенно живописномъ окнѣ звонницы Саввинскаго Звенигородскаго монастыря. *Стр. 175.* Наряду съ развитіемъ «московскаго» окна съ колонками и кокошникомъ, развивается и тотъ его простѣйшій предшественникъ, который выработался въ 15—16-мъ вѣкѣ въ Новгородѣ и Псковѣ. Впадина для ставней обогощается прямымъ наличникомъ, украшеннымъ московской «рѣзью», какъ, напримѣръ, въ Пертоминской церкви. *Стр. 135.* Такой наличникъ иногда былъ выдвинутъ изъ толщи стѣнъ и иногда былъ изразчатымъ. Тяготѣніе къ прямоугольнымъ окнамъ въ 17-мъ вѣкѣ замѣтно болѣе въ тѣхъ городахъ, гдѣ процвѣтало Новгородско-Псковское искусство и тамъ, гдѣ оно непосредственно соприкасалось съ московскимъ. Великій Устюгъ обладаетъ многими церквами, гдѣ прямой наличникъ оконъ выложенъ изъ изразцовыхъ тягъ. Интереснѣйшія изразчатыя окна Новгородскаго Вяжицкаго монастыря, несмотря на близость къ Ярославскимъ, все еще тянутъ къ традиціонной прямоугольной формѣ.

Сужденіе о «нарядности» оконъ осталось бы не полнымъ, если бы не сказать о той своеобразной и типичной обработкѣ слюдяныхъ оконницъ, которыя имѣлись, за рѣдкими лишь исключеніями, въ каждомъ окнѣ церквей, палатъ, хоромъ, посадскихъ избъ и деревянныхъ храмовъ [2]. *Стр. 169.* При общей простотѣ послѣднихъ картинность слюдяныхъ оконницъ выигрывала, замѣтно выдѣляясь своею тонкой

[1] Живописныя грани Ярославскихъ церквей нужно считать современными сооруженію храмовъ, а также современными тождественнымъ гранямъ трапезныхъ палатъ московскаго барокко Симоновскаго и Троице-Сергіева монастырей; неизвѣстно лишь, кто первый примѣнилъ раскраску граней—Москва или Ярославль. Во всякомъ случаѣ, здѣсь въ полной широтѣ проявленъ «вкусъ» 17-го вѣка. [2] Оконницы крестьянскихъ избъ, а также и городскихъ «простого люда», начиная съ глубокой древности, обтягивались пузыремъ, въ особенности рыбьимъ; такія окна назывались «паюсными». Обтягивались также окна промасленнымъ холстомъ и полотномъ.

паутиной и радужнымъ оттѣнкомъ и переливомъ выисканныхъ слюдяныхъ пластинъ [1]. Культура жизни неумолимо изгнала эту живописную и примитивную защиту отъ холодовъ и вѣтра и замѣнила прозаическимъ стекломъ. Не такъ давно свершилась эта перемѣна и цѣлы еще кое гдѣ древнія оконницы, сложенныя на чердакахъ и въ кладовыхъ деревянныхъ и даже каменныхъ приходскихъ и монастырскихъ храмовъ. По древнимъ описямъ извѣстно, что всѣ соборы, и среди нихъ и храмъ Василія Блаженнаго, имѣли слюдяныя окна. Имѣли ихъ и царскія дворцовыя палаты, и терема, и хоромной Коломенскій дворецъ. Стекольчатыя окна употреблялись рѣдко [2], преимущественно въ пріемныхъ комнатахъ, палатахъ а иногда въ окошкахъ чердаковъ-свѣтлицъ и приказныхъ палатъ [3]. Въ 17-мъ вѣкѣ при всезахватывающемъ увлеченіи парядностью, слюдяныя окна стали украшать живописью [4], которая въ эпоху московскаго барокко перешла на стекла [5].

X.

ГАЛЕРЕИ И КРЫЛЬЦА.

Сквозная ходовая паперть Дьяковской церкви, декоративно повторенная наверху храма Василія Блаженнаго *стр. 42*, въ рукахъ итальянцевъ примѣняется съ практической цѣлью въ Благовѣщенскомъ и Архангельскомъ соборахъ Московскаго Кремля, защищая открытую площадку, — ходъ; въ Вяземскомъ храмѣ она накрываетъ открытый папертный ходъ,

[1] Слои слюды небольшой и неправильной формы вполнѣ обусловливали рисунчатый «наборъ», зажатый въ скрѣпленные двойные прутья бѣлаго нѣмецкаго желѣза. Отъ формы вырѣзныхъ пластинъ оконницы назывались «кругчатыми», «клинчатыми», «косящатыми», «кубчатыми», «копытчатыми» и «репейчатыми». Прутья иногда имѣли раскраску сурикомъ и даже позолоту и украшались прорѣзными «орликами» и «денежками» на разноцвѣтной тафтяной подкладкѣ. [2] О существованіи простыхъ и даже цвѣтныхъ стеколъ въ Москвѣ знали давно, ихъ еще въ 16-мъ вѣкѣ получали изъ Новгорода. [3] Несомнѣнно, для удобства пристальной работы. [4] Въ 1676 году велѣно было живописцу Ивану Салтанову написать въ хоромы царевича Петра Алексѣевича оконницу по слюдѣ «въ кругу орла, по угламъ травы. А написать такъ, чтобъ изъ хоромъ вскозе видно было, а съ надворья въ хоромы чтобъ не видно было». И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 138. Далѣе, тамъ же, И. Е. Забѣлинъ сообщаетъ, что различныя изображенія людей, звѣрей и птицъ, писанныя красками, можно видѣть на слюдяныхъ оконницахъ, оставшихся отъ Переяславскаго дворца Петра Великаго, подъ Переяславлемъ-Залѣсскимъ. [5] Церковь Покрова на Филяхъ (1693 г.) подъ Москвой до 1812 года имѣла зеленыя стекла съ гербами, личинами и травами. До двадцати стеколъ находятся еще при церкви. Въ знаменитыхъ палатахъ князя В. В. Голицына въ Москвѣ имѣлись тоже стекольчатыя окна съ личинами.

Сѣверная сторона церкви Преображенія въ селѣ Вяземахъ
Московской губ. Звенигородскаго уѣзда.—Послѣдніе годы 16-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

пріобрѣтая сквозной подклѣтъ. *Стр. 178.* Создается типъ открытой галереи-сѣней, который и повторяется въ Рубцовскомъ храмѣ Покрова. *Стр. 120, 121.* Всѣ эти храмы еще не имѣютъ типичнаго для 17-го вѣка крыльца «на отлетѣ», довольствуясь открытыми лѣстничными «всходами» на «ползучихъ» аркахъ въ типѣ лѣстницъ Коломенскаго храма [1]. *Стр. 51, 52, 55, 58.* Позднее появленіе крыльца въ типѣ Грузин-

[1] Съ введеніемъ крытаго крыльца и крытой галереи на подклѣтѣ, связующій ихъ всходъ тотчасъ получаетъ верхніе ползучіе пролеты арокъ, своей формой декоративно передающіе всю выразительность стремленія лѣстничнаго хода *стр. 186,* всю его парадность *стр. 180* и церемонію торжественнаго шествія процессіи *стр. 185.* Ползучесть лѣстничныхъ арокъ, какъ нельзя лучше воспроизводитъ тѣ переходы отъ покрытій верхняго и нижняго «рундуковъ» наружныхъ деревянныхъ лѣстницъ, которые создали бытовую форму типичнаго хоромнаго крыльца «на отлетѣ». Выразительность особаго значенія, въ укладѣ жизни, рундучныхъ площадокъ нисколько не потерялась при воспроизведеніи крыльца въ кирпичныхъ формахъ, что весьма наглядно показываетъ «крылечный ходъ» зимняго собора въ Соликамскѣ. *Стр. 185.*

Входъ въ соборъ Благовѣщенскаго монастыря въ Муромѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

ской церкви *стр. 125* объясняется позднимъ появленіемъ въ Москвѣ крытыхъ галерей-папертей. Почти вплоть до 17-го вѣка московскіе храмы, подобно Суздальскимъ, или совсѣмъ не имѣли папертей, или были окружены открытой террасой [1]. Съ устройствомъ галерей должны были появиться и крыльца, но это произошло не сразу: ни Вяземская, ни Покровская церкви ихъ еще не имѣютъ. Возможно, что крыльца вначалѣ устраивались изъ дерева [2], и только послѣ удачнаго воспроизведенія ихъ въ камнѣ, въ царскихъ теремахъ, распространились повсюду. «Верхъ» московскихъ крылецъ преимущественно заканчивается шатромъ. Эта форма, повидимому, имѣла когда то еще въ деревѣ глубоко традиціонное значеніе формы осѣняющей храмъ, престолъ, святительское и царское мѣста, часовню и, наконецъ, входъ, гдѣ и въ камнѣ часто

[1] Въ 15-мъ вѣкѣ Псковъ имѣлъ уже паперти съ крыльцами при нихъ, но весьма еще простой формы, не «на отлетѣ». [2] Въ Покровскомъ Рубцовскомъ храмѣ входъ отъ дворца былъ деревянный. На рисункахъ Олеарія и Мейерберга терраса и всходы храма Василія Блаженнаго накрыты деревянными галереями и крыльцами на «кубышчатыхъ» столбахъ. Крыльцо Грановитой Палаты тоже было накрыто деревомъ, съ шатровыми верхами надъ каждой площадкой.

Сѣверное крыльцо Троицкой церкви въ Останкинѣ
подъ Москвой.—1668 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

оставлялось мѣсто образу надъ входомъ, какъ напримѣръ, въ оригинальномъ трехшатровомъ крыльцѣ собора Благовѣщенскаго монастыря въ Муромѣ. *Стр. 179.* Изъ московскихъ крылецъ, начиная съ «царскаго теремного», развиваетъ ту форму двойныхъ висящихъ арокъ, которая была заронена еще Фіораванте, и которой такъ удивлялся лѣтописецъ Московскаго Успенскаго собора. Мотивъ висящихъ двойныхъ арокъ крыльца Успенскаго собора обширно примѣнялся въ декораціяхъ арочныхъ пролетовъ галерей, напримѣръ, въ церкви Николы въ Столпахъ *стр. 126* и въ Останкинской. *Стр. 180.* Особенно онъ выразителенъ въ блестящей декораціи зимняго Соликамскаго собора *стр. 185* и въ галереѣ Срѣтенской церкви Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря *стр. 164.* и доходитъ до необыкновенной пышности и широты въ живописныхъ галереяхъ Воскресенскаго собора въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. *Стр. 181.* Уже чувствуется нѣкоторый упадокъ въ галереѣ Марковской церкви *т. I, стр. 17,* гдѣ обобщающая арка утрачена. Но все еще долго держится эта излюбленная форма, доходя до чрезвычайно своеобразной декораціи галерей Успенскаго Астраханскаго собора *стр. 182,* всѣ остальныя части котораго уже исполнены въ стилѣ барокко.

Воскресенскій соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

Ярославской губ. 1652—1670 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Паперть Успенскаго собора въ Астрахани.
1699 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Мотивъ висящихъ арокъ въ утерянной структурѣ, какъ декоративный придатокъ, встрѣчаемъ въ галерейныхъ окнахъ церкви Іоанна Богослова въ Ростовскомъ кремлѣ, а также въ окнахъ Каргопольскихъ церквей. *Стр. 161, 171.* Пріемъ простого арочнаго пролета въ сдвоенной и ординарной формѣ, какъ въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, находятъ мѣсто: въ сдвоенной формѣ,—въ Грузинскомъ храмѣ, въ простой,—въ огромномъ количествѣ церковныхъ галерей преимущественно внѣ Москвы, начиная съ Вяземской галереи. Изъ нихъ отмѣтимъ обширныя галереи Толчковской церкви, ажурную галерею церкви Воскресенія въ Ростовскомъ кремлѣ и своеобразно обработанную кубышками аркаду входа церкви «что на Дебрѣ» въ Костромѣ. *Стр. 183.*

Московская форма шатровыхъ крылецъ съ двойными висящими арками отразилась и на часовняхъ, что видно на прелестной шатровой часовнѣ 17-го вѣка, по преданію, поставленной на мѣстѣ рожденія царевича Ѳеодора Іоанновича, близъ

Галерея входа церкви Воскресенія «на Дебрѣ» въ Костромѣ.
1652 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Переяславля Залѣсскаго *стр. 184* и на тѣхъ интересныхъ полувоенныхъ-полугражданскихъ звонничкахъ, которыя находятся на стѣнахъ у Спасской башни Московскаго кремля и близъ Воскресенской церкви на стѣнѣ Ростовскаго кремля. Шатровой формой не исчерпывается убранство и перекрытіе крылецъ; въ Зимнемъ соборѣ города Соликамска встрѣчаемъ чрезвычайно своеобразное сочетаніе шатра, бочки и полицъ, явно навѣянное тождественными деревянными формами. *Стр. 185.* Насколько сильно вліяли деревянныя формы на камень, наглядно показываетъ изъ ряду вонъ выходящее по своимъ декоративнымъ свойствамъ, причудливое крыльцо Тайнинской церкви. *Стр. 186.* Кокошникъ или бочка надъ его входомъ настолько не конструктивна для кирпича, что понадобился желѣзный основной скелетъ (каркасъ), чтобы удержать

Часовня Θеодоровскаго монастыря близѣ Переяславля Залѣсскаго.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

эту форму въ равновѣсіи. Деревянная бочка подобной формы и тоже полая внутри была въ красномъ крыльцѣ Коломенскаго дворца и въ деревянномъ храмѣ села Малошуйскаго, Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда. *Томъ I, стр. 473.* Обольстительно своимъ уютомъ и теплотой крыльцо церкви Іоанна Лѣствичника въ Никольскомъ монастырѣ города Гороховца *стр. 187*, не уступающее въ своей важности строгой формѣ псковскихъ крылецъ, несмотря на свои кубышчатые столбы и прочую московскую витіеватость. Отличаются своей огромной величиной торжественныя крыльца Ярославскихъ церквей, столь присущія широтѣ этихъ величественныхъ соборныхъ храмовъ. Благодаря своей величинѣ, эти крыльца-гиганты не поддаются

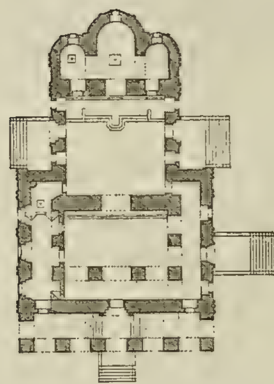

Крыльцо зимняго собора въ Соликамскѣ Пермской губ.
1684 г. (Фот. В. А. Плотникова).

московскому покрытію шатромъ, хотя всѣ декоративныя украшенія вплоть до двойныхъ висящихъ арокъ здѣсь налицо. Покрытіе этихъ крылецъ велось въ знакомой формѣ «клина» или «бочки»[1]. Особенно интересно домовитое крыльцо Толчковской церкви *стр. 190*, съ характерными «полицами», неминуемо сопровождавшими крутой подъемъ клинчатой кровли. Не столь выразительны полицы у изящныхъ крылецъ Коровнической церкви *стр. 156*, но при явномъ стремленіи вверхъ «домовитость» здѣсь не къ лицу. Отмѣтимъ любопытную обработку крыльца церкви въ селѣ Дымковѣ, лежащемъ противъ Великаго Устюга, на правомъ берегу Сухоны. *Стр. 188.* Излишняя забота, проявленная строителемъ въ декорированіи столбовъ крыльца своеобразнымъ сочетаніемъ новомодной витой колонны и староза-

[1] Въ послѣдней формѣ кровли крылецъ Воскресенскаго собора Романова-Борисоглѣбска.

Западный входъ въ церковь Благовѣщенія
въ селѣ Тайнинскомъ подъ Москвой.
Послѣдняя четверть 17-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Крыльцо церкви Іоанна Лѣствичника въ Никольскомъ монастырѣ въ Гороховцѣ Владимірской губ.
1710 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

вѣтной кубышки, много отнимаетъ въ смыслѣ передачи конструктивной устойчивости ихъ. При чрезвычайномъ разнообразіи формъ арокъ и оконъ, зодчій никогда не рѣшался придать аркѣ значеніе окна, т. е. помѣстить арку для увеличенія свѣта въ стѣнѣ храма. Онъ твердо сознавалъ, что эта форма присуща лишь переходамъ и сѣнямъ [1] и предназначена для устройства сводчатой защиты былыхъ открытыхъ папертей. Эти былыя открытыя паперти, подобно площадкѣ кремлевскихъ стѣнъ, огораживались барьеромъ изъ «ширинокъ». Ширинки эти, въ силу традицій, составляютъ неотъемлемую часть любой галереи съ подклѣтомъ или безъ него.

[1] Это чувство мѣры не соблюдалось въ 19-мъ вѣкѣ архитекторами, увлекавшимися «эпохой зрѣлости» русскаго зодчества лишь въ деталяхъ.

Обработка крыльца Успенской церкви въ селѣ Дымковѣ Вологодской губ. Устюжскаго уѣзда.

Конецъ 17-го вѣка. (Фот. В. А. Плотникова).

Наружный порталъ церкви Козьмы и Даміана въ Садовникахъ въ Москвѣ.
Вторая половина 17-го вѣка. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

XI.

ДВЕРИ И ВОРОТА.

Храмы Московскаго областного зодчества, подобно Владиміро-Суздальскимъ, не имѣли паперти и порталы ихъ дверей составляли принадлежность фасадныхъ декорацій стѣнъ. Повторяя основной мотивъ Владиміро-Суздальскаго «романскаго перспективнаго портала», ранне-московскіе порталы усвоили заостренныя арки и бусину-перехватъ колоннъ. Въ такомъ мотивѣ московскій порталъ прошелъ всѣ стадіи развитія

Южное крыльцо церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ въ Ярославлѣ.—1687 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

московскаго зодчества и во многихъ случаяхъ удержалъ свою первичную форму вплоть до появленія стиля барокко. Съ устройствомъ галерей-сѣней порталъ былъ отрѣзанъ отъ внѣшнихъ декорацій храма, но не переставалъ, въ силу традицій, быть предметомъ заботливаго вниманія. Все то, что получило въ 17-мъ вѣкѣ окно,—балясы, кубышки и прочее, примѣнялось, совмѣстно съ прежними «романскими» полуколонками и бусинами, къ украшенію портала. Мало того, — на помощь призывался художникъ-декораторъ, дававшій всему картинный красочный «нарядъ». Таковъ порталъ надвратной церкви Архангельскаго монастыря въ Великомъ Устюгѣ. *Стр. 191.* Таковы порталы обширныхъ галерей Ярославскихъ церквей. И Москва въ своихъ

Обработка двери и портала въ надвратной церкви Архангельскаго монастыря въ Великомъ Устюгѣ.
1682 г. (Фот. В. А. Плотникова).

соборахъ и церквахъ даетъ имъ мѣсто[1]. Дробность деталировки не исчезаетъ и при отсутствіи галерей. Наружный порталъ церкви Козьмы и Даміана въ Садовни-

[1] Богато раскрашенные порталы 17-го вѣка находятся въ Москвѣ, въ Смоленскомъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ церкви Никиты мученика въ Таганкѣ, въ церкви Знаменія въ Каретномъ ряду, въ церкви Григорія Неокессарійскаго на Полянкѣ и др.

Порталъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ.
16-й вѣкъ (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

кахъ *стр. 189* прямо поражаетъ техникой своей «рѣзи» [1]. Этотъ своеобразно изогнутый «перспективный» порталъ убѣдительно доказываетъ, что древнія романскія формы полуколоннъ и арокъ усвоены московскими зодчими не какъ полуколонны и арки, а какъ жгуты раскладки вокругъ дверныхъ пролетовъ. Такъ же понимались и полуколонны главъ, какъ и всѣ тѣ декораціи алтарныхъ абсидъ, которыя предшествовали изумительной декораціи алтарныхъ абсидъ Каргопольскаго храма.

[1] Западный порталъ церкви святого Владиміра «въ старыхъ садѣхъ» въ Москвѣ еще болѣе поражаетъ ажуромъ «рѣзи». Впрочемъ, онъ защищенъ крыльцомъ.

Порталъ сѣвернаго придѣла Преображенской церкви въ селѣ Островѣ подъ Москвой.—Около середины 17-го вѣка.
(Фот. И. Грабаря).

Наряду съ «староzавѣтнымъ» порталомъ развивается и новая его форма, культивированная фряжскими зодчими и своеобразно истолкованная москвичами. Уже въ западномъ порталѣ собора Чуда Архангела Михаила вливается новая струя въ видѣ «фряжскихъ травъ», примѣшивающихся къ знакомой ранне-московской формѣ. *Стр. 19.*

Южный порталъ того же храма уже новъ въ своей орнаментальной декораціи

Порталъ Троицкой церкви въ Останкинѣ подъ Москвой.
1668 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

широкаго наличника вокругъ пролета, но новость эта прошла мало замѣтной и не вызвала подражаній. Большой эффектъ произвели переустроенные порталы Благовѣщенскаго собора [1]. *Стр. 192.* Приноровленная къ узкому пролету и откосамъ двери, тяжеловатая по формамъ, пышная «фряжская» декорація съ ея преувеличенными бусами, слегка отражается въ западномъ порталѣ Троицкаго собора Успенскаго монастыря города Александрова [2], и еще больше въ своеобразныхъ порталахъ храма Василія Блаженнаго. *Стр. 47.* Порталъ Островской церкви, сохраняя ранне-московскій характеръ, уже затронутъ этой «фрязью». *Стр. 193.* Но особенно пышно расцвѣтаетъ онъ у московскихъ зодчихъ 17-го вѣка. Далеко уходя отъ прототипа, онъ даетъ

[1] Время переустройства порталовъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно не позже обновленія всего храма послѣ пожара 1547 г. и ни въ коемъ случаѣ не совпадаетъ съ временемъ устройства придѣловъ (1564 г.). Съ послѣднимъ не согласуется ранній итальянскій стиль порталовъ, а главное эти порталы, какъ прототипъ, несомнѣнно предшествовали близкимъ по формѣ порталамъ храма Василія Блаженнаго (1554—1560 г.). Разница въ обработкѣ придѣловъ и галерей Благовѣщенскаго собора и вмѣстѣ сходство внутреннихъ орнаментальныхъ частей галереи съ орнаментаціей порталовъ заставляетъ предполагать, что порталы и галерея возникли одновременно и притомъ ранѣе устройства придѣловъ, т. е. ранѣе 1563—1564 г. [2] Отражается она значительнѣе въ рѣзномъ деревянномъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, въ порталахъ царскихъ вратъ 17-го вѣка.

Входъ въ сторожку Каргопольскаго собора.
Середина 17-го вѣка. (Фот. В. В. Суслова).

своеобразный пріемъ трактовки декоративныхъ формъ. Въ порталѣ Останкинской церкви *стр. 194* есть все, что восприняло и чѣмъ занималось московское зодчество со времени своего возникновенія и вплоть до появленія барокко [1]. Невозможно перечислить всѣ разновидности указанныхъ двухъ типовъ московскихъ порталовъ,

[1] Останкинскій порталъ не единиченъ. Почти тождественъ порталъ Марковской церкви, а также и порталъ Срѣтенскаго монастыря въ г. Гороховцѣ.

Сѣверная дверь Рождественскаго собора Ѳерапонтова монастыря на Бѣлоозерѣ.—Конецъ 15-го вѣка. (Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

тѣмъ болѣе, что они проникли повсюду: даже Корсунскій порталъ Новгородской Софіи *т. I, стр. 169* принадлежитъ московскому искусству. Раннія его формы въ оригинальной смѣси съ Новгородско-Псковской архитектурой [1] встрѣчаемъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ *стр. 196,* а оригинальнѣйшую московскую декорацію простого треугольнаго дверного обрамленія—въ Каргопольскомъ соборѣ. *Стр. 195.*

[1] Конца 15-го вѣка.

Колокольня церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ въ Москвѣ.
Вторая половина 17-го вѣка.

Колокольня церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго)

Въ древности, подобно сѣвернымъ «погостамъ», городскіе деревянные приходскіе храмы окружались оградой, включавшей кладбище и дома причта. Съ замѣной дерева кирпичемъ, ограды еще долго оставались деревянными, какъ и въ монастыряхъ. Но постепенно кирпичъ введенъ былъ и въ ограду, сначала въ сооруженіи лицевой части,—святыхъ воротъ, а затѣмъ и всей ограды [1]. Конечно, церковная ограда ни-

[1] Совмѣстное существованіе каменныхъ и деревянныхъ оградъ въ монастыряхъ было не рѣдко.

Лѣвый входъ въ церковь Казанской Божіей Матери въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.—17-й вѣкъ.

(Фот. И. Грабаря).

Входъ въ церковь Воскресенія «на Дебрѣ»
въ Костромѣ.—1652 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

когда не достигала ни величины, ни значенія крѣпостной ограды монастыря [1]. Скорѣе послѣдняя, по минованіи нуждъ въ защитѣ, приблизилась къ церковной, какъ напримѣръ, въ Горицкомъ монастырѣ Владимірской губерніи. Святыя врата церковной ограды нерѣдко отличались устройствомъ надъ ними колоколенъ въ отвѣтъ монастырскимъ, гдѣ устраивались надвратные храмы. Изъ такихъ надвратныхъ колоколенъ отмѣтимъ колокольню церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ [2] *стр. 197*, колокольню Троицкой церкви въ Зубовѣ и колокольню Бутырской церкви подъ Москвой. Особенно выдѣляется оригинальнымъ замысломъ Рождественская колокольня-церковь

[1] О характерѣ церковныхъ оградъ отчасти свидѣтельствуетъ строительная запись 189 года. «Мая 27 велѣно на Преснѣ къ церкви Воскресенія Христова, которая строитца вновь, сдѣлать въ прибавку вкругъ церкви и олтарей и трапезы паперти каменные вышиною съ церковнымъ поломъ наровни; и противъ стѣнокъ церковныхъ и противъ трапезныхъ угловъ сдѣлать шесть круглыхъ башенокъ, а въ нихъ межъ перилами по 4 аршина; а паперти сдѣлать шириною въ проходѣ 4 аршина; а на папертяхъ перила сдѣлать вышиною по 2 аршина; на перилахъ ширинки дѣлать, какъ пристойно и скрыть лещадми; а паперти и башенки выслать лещадми жъ въ шахматъ». И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 590. Уничтоженная въ 19-мъ вѣкѣ каменная ограда Троицe-Голенищевской церкви (въ помѣстьи патріарховъ) имѣла нѣсколько воротъ и башенъ. А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 4. [2] Остатки стѣнъ до сихъ поръ видны по обѣ стороны воротъ. Ограда еще въ 19-мъ вѣкѣ была цѣла и обладала башенками. Тамъ же, тетр. 11.

Восточныя ворота Рождественскаго монастыря во Владимірѣ на Клязьмѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. А. Н. Писарева).

Ворота бывшаго Горицкаго монастыря въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ.
17-й вѣкъ (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Южныя ворота подъ Сергіевской церковью въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.—17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

въ Ярославлѣ. *Стр. 197.* Зодчій ея, несомнѣнно, увлекся торжественностью вратъ Ростовскаго кремля, не забывъ притомъ ихъ башенъ [1]. Тамъ, гдѣ надъ святыми вратами не устраивалась колокольня, все же «верху» удѣлялось большое вниманіе. Украшенныя оригинальной рѣзьбой врата Костромского храма Воскресенія «на Дебрѣ», удерживая традиціонное устройство верха деревянныхъ вратъ, увѣнчаны тремя шатрами [2]. *Стр. 199.*

[1] Пріемъ устройства колокольни надъ главными воротами ограды, вѣроятно, послужилъ примѣромъ для помѣщенія колокольни надъ главнымъ входомъ въ храмъ, при чемъ связующей частью всегда являлась низкая обширная трапеза. Таковы московскія церкви: «Красная» на Полянкѣ, Преображенія и Знаменія въ Каретномъ ряду, Николы въ Хамовникахъ, Козьмы и Даміана въ Садовникахъ и многія другія, и даже среди нихъ Останкинская подъ Москвой, гдѣ подклѣтъ ставилъ значительныя затрудненія. Помѣщеніе колокольни надъ входомъ въ храмъ привело къ оригинальной мысли устроить ее и надъ крыльцомъ. Въ Казанской церкви села Коломенскаго *стр. 198.* этотъ пріемъ весьма удачно примѣненъ въ отвѣтъ южному ея крыльцу. [2] Святыя врата въ монастырѣ Ризы Господней въ городѣ Суздалѣ увѣнчаны двумя шатрами—«двойней», вѣроятно, изъ стремленія придерживаться того же принципа. Изданы въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества», изд. Императорской Академіи Художествъ, вып. I.

Главы Архангельскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ.
1505—1509 г.

Верхъ вратъ Воскресенскаго собора Романова-Борисоглѣбска *стр. 181*, очевидно, былъ увѣнчанъ «бочкой», потерявшей нѣсколько форму послѣ надстройки верха изъ ярусовъ; тогда же для устойчивости придѣланы съ боковъ воротъ колонки. Упомянемъ объ оригинальномъ «щипчатомъ верхѣ» святыхъ воротъ Рождественскаго монастыря въ городѣ Владимірѣ [1]. *Стр. 200.* Оригинальное убранство вратъ встрѣчаемъ въ Горицкомъ монастырѣ *стр. 200*, гдѣ кирпичнымъ декораціямъ отведено широкое поле и гдѣ художникъ хватается за малѣйшій предлогъ, чтобы связать и перевязать фасадъ во всѣхъ направленіяхъ. Итти дальше въ пріемахъ декорированія ужъ некуда. Сохраняя кружевное убранство лицевыхъ арокъ, зодчій отодвигаетъ въ глубь и понижаетъ самыя врата, чѣмъ вызываетъ уютъ и пышность. Съ этой же цѣлью глубоко отодвинуты врата Борисоглѣбскаго монастыря *стр. 201*, настолько глубоко, что лицевыя «висячія» арки кажутся галерееи подклѣта.

[1] Изданы въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» Ѳ. Рихтера.

Главы Верхо-Спасскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ.
1678 г.

XII.

ГЛАВЫ.

Луковичная или грушевидная форма главъ считается типичной для Москвы, но это будетъ вполнѣ вѣрнымъ для шатровыхъ и, главнымъ образомъ, для позднихъ пятиглавыхъ церквей. Всѣ прочія трактованы въ иномъ видѣ, приближаясь къ Владиміро-Суздальской формѣ шлема. Чрезвычайно трудно было бы разобраться въ огромномъ количествѣ безпрестанно передѣлываемыхъ главъ [1], если бы счастливый случай не оставилъ для руководства «вѣхъ» въ видѣ кирпичныхъ главъ Архан-

[1] Горѣвшихъ отъ частыхъ пожаровъ, мѣнявшихъ форму отъ починокъ и измѣняемыхъ въ зависимости отъ измѣненія кровель храма.

гельскаго собора [1] *стр. 202* (1505—1509 г.) и кирпичныхъ главъ храма Грузинской Божіей Матери (1653 г.). *Стр. 125.* Первыя прекрасно характеризуютъ главы ранней Москвы, обладавшія едва замѣтной припухлостью—такъ называемой «пучиной»—въ сравненіи съ толщиной шеи. Эту припухлость скорѣе образуетъ подогнутое основаніе главы, образовавшееся отъ срѣза шара немного ниже его центра, при чемъ діаметръ шара равняется діаметру шеи главъ. Шарообразная поверхность главъ Архангельскаго собора довольно сильнымъ изгибомъ переходитъ въ остроконечно выгнутое подвышеніе для креста [2]. Четыре угловыхъ главы древней части Благовѣщенскаго собора *стр. 15* довольно близки къ Архангельскимъ, но шарообразность ихъ нѣсколько сплюснута. Близки по формѣ и угловыя главы Успенскаго собора, не разъ возобновленныя, но, несомнѣнно, близко къ первичной формѣ. Припухлость ихъ ужъ даетъ свѣсъ. Въ такой же формѣ глава собора Чуда Архангела Михаила, глава Троицкаго собора Троице-Сергіевой Лавры и такова же глава Успенскаго Звенигородскаго собора. И въ болѣе позднихъ храмахъ все еще чувствуется форма главъ Архангельскаго собора или болѣе плоская [3], или близкая къ тождественности [4], или же съ небольшой пучиной, подобно очертанію главъ Успенскаго собора [5]. Луковичная или грушевидная глава, вѣрнѣе главка, съ сильной «пучиной» съ 16-го вѣка встрѣчается, главнымъ образомъ, въ шатрахъ. Но два самыхъ раннихъ памятника каменной шатровой архитектуры—Дьяковская и Коломенская церкви еще не обладаютъ луковичными куполами, отдавая дань ранне-московскимъ традиціямъ. Но за то всѣ остальные и среди нихъ храмъ Василія Блаженнаго вполнѣ насыщены этой формой, вытекшей изъ декоративной формы главъ деревянныхъ церквей. Несомнѣнно, что побудительной и вмѣстѣ переходной формой къ луковичности московскихъ главъ были Новгородско-Псковскія главы типа Нередицкой церкви, вся декоративность которыхъ обусловливалась необходимостью отдѣлить сводъ купола отъ кровли чердачнымъ помѣщеніемъ, подобно фронтонамъ-чердакамъ надъ сводами ихъ храмовъ. Къ сожалѣнію, время не сохранило намъ не только главъ, но и всего верха храмовъ, построенныхъ въ Москвѣ новгородцами и псковичами. Но надо думать, что формѣ грушъ Грузинскаго храма предшествовала болѣе грузная форма луковицы. Даже въ главахъ храма Василія Блаженнаго, заканчивающихъ «столпъ», гдѣ требуется стройность, чувствуется луковица. И столпъ Ивана Великаго накрытъ той же луковичной главой. И та же луковичная форма видна въ Смоленскомъ соборѣ Новодѣвичьяго и Рождественскомъ соборѣ Рождественскаго монастырей. Вообще соборы

[1] Исключая средней. [2] Церковь Бѣлой Троицы въ Твери, построенная въ 16-мъ вѣкѣ, имѣетъ главы, тождественныя главамъ Архангельскаго собора. *Стр. 114.* [3] Соборъ Вознесенскаго монастыря, храмъ Покрова въ Рубцовѣ, храмъ Двунадесяти Апостолъ въ Кремлѣ и церковь Іоанна Богослова на Бронной. [4] Церковь въ Вяземахъ, Спаса на Пескахъ въ Каретномъ ряду и Троицы на Листахъ на Срѣтенкѣ. [5] Храмъ Флора и Лавра на Мясницкой, церковь Козьмы и Даміана въ Садовникахъ и церковь Николы на Берсеневкѣ.

Глава церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

и соборные храмы имѣютъ эту форму. Грушевидный куполъ Грузинскаго храма возникъ въ силу необходимости придать значительность декоративному пятиглавію, придавъ ему пучину и вмѣстѣ стройность. Нѣтъ возможности обрисовать эту форму, принадлежащую преобладающему большинству церквей общаго Московскаго зодчества,—форму, вполнѣ зависящую отъ стройности и рисунка храмовъ въ той степени, въ какой, напримѣръ, зависѣлъ отъ нихъ рисунокъ кокошниковъ оконъ. Съ какой щепетильностью относились къ рисунку главъ, показываютъ Записки Строительнаго дѣла 17-го вѣка [1], гдѣ подъ 1678 годомъ приказывается станочному мастеру Максимкѣ Шарову изготовить три главы образцовъ, точеныхъ изъ дерева, для мѣдныхъ главъ церкви Спаса на Верху. Эти главы въ совокупности съ другими составили ту группу, которая красуется надъ храмомъ Спаса, что за Золотой рѣшеткой [2]. *Стр. 203.* Изысканность рисунка главъ допускала одновременно примѣненіе формъ луковицы и груши, напримѣръ, въ Останкинской церкви. *Стр. 128.* Для грушевидной формы типичны—Казанская церковь бывшаго Георгіевскаго монастыря *стр. 132* и церковь Николы въ Пыжахъ. *Стр. 123.* Подъ вліяніемъ барокко, луковичная и грушевидная главы получаютъ грани и ту курьезную подставку, которая, отдѣляя главу отъ шеи, дѣлаетъ ее сходной съ декоративной вазой. Такая форма часто встрѣчается на сѣверѣ *стр. 138,* но можно встрѣтить ее и въ центрѣ. *Стр. 145.*

По степени достатка прихожанъ, а также и значенія самаго храма, покрытіе главъ состояло изъ разнообразнаго матеріала. Самымъ доступнымъ и распростра-

[1] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», изд. 3-е. М. 1895, стр. 613. [2] Собственно главы находятся надъ тремя смежными храмами Спаса, Воздвиженія и Воскресенія Словущаго, по 5 главъ для каждаго храма, что составило въ совмѣщеніи группу изъ одиннадцати главъ.

неннымъ покрытіемъ была деревянная чешуя, непремѣнный спутникъ деревянныхъ храмовъ, нашедшій мѣсто и въ камнѣ. Покрытіе деревянной чешуей было красиво и имъ не гнушались крыть даже соборы [1]. Кресты такихъ главъ были деревянные, опаянные бѣлымъ желѣзомъ. При развитіи гончарнаго дѣла встрѣчается и черепичная чешуя зеленаго и желтаго цвѣта въ перемѣшку [2]. Встрѣчается и подражаніе чешуѣ, исполненное тисненіемъ въ бѣломъ запайномъ желѣзѣ деликатно нарисованной главки церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ 17-го вѣка *стр. 205,* а затѣмъ и въ наборномъ желѣзѣ нѣкоторыхъ Московскихъ и почти всѣхъ Ярославскихъ церквей. *Стр. 126, 132, 153, 158.* Такія главы требовали болѣе нарядныхъ «корсунскихъ» (ажурныхъ) крестовъ, достигшихъ во второй половинѣ 17-го вѣка послѣдней степени своей витіеватости [3]. *Стр. 205.* Опайныя главы изъ бѣлаго желѣза обыкновенно оставлялись безъ всякой окраски. Таковы были «лучезарныя» главы храма Василія Блаженнаго. Позолота желѣзныхъ главъ—явленіе позднее. Древнія главы золотились по мѣди. Съ появленіемъ покрытія главъ простымъ желѣзомъ главы получаютъ разнообразную окраску [4].

Убранство шей главъ со времени сооруженія Благовѣщенскаго собора какъ бы застываетъ на мѣстѣ вплоть до появленія барокко, частично въ мелочахъ лишь отражая эпоху времени. Видоизмѣняется по времени лишь карнизъ главы, доходя до украшенія его изразчатымъ поясомъ, какъ видимъ въ Измайловскомъ соборѣ. *Стр. 104.* Едва найдутся два-три московскихъ храма, гдѣ болѣе или менѣе замѣтно стремленіе пріукрасить шею главы [5]. Ярославцы, свободно распоряжавшіеся московскими деталями, болѣе непринужденно играютъ кокошниками и изразцами *стр. 153, 158,* придавая шеѣ главы менѣе строгій видъ. Болѣе богато убранство гранныхъ шей храмовъ 16-го вѣка «столпообразныхъ» и «шатровыхъ», способствовавшее своимъ вліяніемъ нѣкоторому оживленію декорацій шей главъ типа Благовѣщенскаго собора.

[1] Покровскій соборъ на Государевомъ Дворѣ въ Измайловѣ. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 496, опись Измайловскаго дворца. [2] Церковь Алексѣя Митрополита въ Глинищахъ и церковь Козьмы и Даміана въ Кадашахъ въ Москвѣ, а также Срѣтенская церковь въ г. Гороховцѣ. Обладаетъ черепицей и Медвѣдковскій храмъ въ своихъ угловыхъ главкахъ. [3] Древнѣйшая излюбленная форма крестовъ Московскихъ храмовъ былъ деревянный восьмиконечный крестъ, обитый мѣдью или жестью, но, несомнѣнно, въ 15-мъ и 16-мъ вѣкахъ встрѣчалась форма и «корсунскаго» желѣзнаго креста, которая усложнялась парощеніемъ крестиковъ по концамъ и сторонамъ креста. Такая форма была запрещена Стоглавымъ соборомъ. Древній крестъ подобной формы, принадлежавшій сломанной церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ въ Московскомъ кремлѣ, помѣщенъ на стѣнѣ Боровицкихъ воротъ. [4] Разнообразную окраску имѣла и деревянная чешуя. [5] Храмъ Владиміра «въ старыхъ садѣхъ», Козьмы и Даміана въ Садовникахъ и Николы на Берсеневкѣ. А также соборная глава Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ.

Звонница при Преображенской церкви въ селѣ Вяземахъ
Московской губ. Звенигородскаго уѣзда.—Послѣдніе годы 16-го вѣка.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

XIII.

ЗВОННИЦЫ И КОЛОКОЛЬНИ.

Форма звонницы, усвоенная съ 15-го вѣка Псковомъ и Новгородомъ, передается и Москвѣ. Небольшая звонничка Звенигородскаго Успенскаго собора, звонница собора села Вяземъ *стр. 207,* звонничка Дьяковской церкви *стр. 37* и, наконецъ,

Южный фасадъ Благовѣщенской колокольни-церкви Ѳерапонтова монастыря на Бѣлоозерѣ. **1535—1536 г.**

Чертежъ реставраціи П. П. Покрышкина. (Собственность Императорской Археологической Коммиссіи).

звонница церкви святой Ирины, бывшаго дома Нарышкиныхъ [1], происходятъ отъ Псковского прототипа, но уже въ большей или меньшей степени затронуты «фряжской» деталировкой, иначе говоря, построены не ранѣе 16-го вѣка. Но еще задолго

[1] Нынѣ зданіе Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изображеніе древней церкви издано Ѳ. Рихтеромъ въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» и А. Мартыновымъ въ «Русской Старинѣ», тетр. 1.

Колокольня Ѳерапонтова монастыря на Бѣлоозерѣ.
Конецъ 16-го—начало 17-го вѣка.

до лѣтописныхъ Псковскихъ указаній о постановкѣ колокольницъ на «першахъ» [1], въ Москвѣ имѣлась церковь Іоанна Лѣствичника «иже подъ колоколы», сооруженная Иваномъ Калитой въ 1329 г. [2]. Какую форму имѣла эта первая Московская колокольня — неизвѣстно, но самое названіе «храмъ иже подъ колоколы» заставляетъ видѣть не просто звонницу, надстроенную на стѣнѣ храма, а болѣе видное замкнутое помѣщеніе надъ храмомъ. Что такой замкнутый типъ звонницы существовалъ, хотя и не былъ распространенъ, указываетъ лѣтописное свѣдѣніе о древнемъ (1445 г.) столпообразномъ храмѣ св. Григорія Арменскаго въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ, размѣромъ внутри въ одну сажень «круглу яко столпъ... на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ» [3]. Этотъ храмъ былъ замѣненъ въ 1535 г. болѣе величественнымъ высокимъ восьмиугольнымъ храмомъ, тоже имѣвшимъ колокола вверху. Къ этому же типу примыкаетъ шатровый храмъ-звонница Успенскаго монастыря въ городѣ Александровѣ *стр. 85*, построенный около 1565 г. и, наконецъ, являющійся послѣдней вспышкой угаснувшаго типа—колокольня-храмъ Рождества Христова въ Ярославлѣ [4]. *Стр. 197.* Наряду съ столпообразными храмами-колокольнями существовалъ и другой типъ прямоугольныхъ храмовъ-звонницъ. Благовѣ-

[1] Первое лѣтописное указаніе относится къ 1394 г. «кончаны быша перши у Крому и колокольницу поставиша». Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IV, стр. 194.—Перши—зубцы крѣпостныхъ стѣнъ. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Исторія Москвы», 1902, стр. 76, 77, 78 и 145. Этотъ второй каменный храмъ Москвы былъ невеликъ размѣромъ и сооруженъ всего въ три мѣсяца. [3] Полное Собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI, стр. 296. [4] Далѣе пріемъ устройства колокольни надъ храмомъ разрабатывается въ стилѣ барокко.

щенскій храмъ Ѳерапонтова монастыря на Бѣлоозерѣ *стр. 208,* построенный въ 1535—1536 г. [1], внѣшностью своею походитъ на московскій «безстолпный» храмъ, усложненный прибавкой трапезы. Сводъ храма достигаетъ до пола «звона» и весь «верхъ», при чрезвычайной сложности конструкцій, укрѣпляющихъ главу и арки, посвященъ этому «звону». Такой пріемъ не единиченъ на Бѣлоозерѣ [2], вѣроятно, онъ былъ принятъ и въ другихъ мѣстахъ, но не дошелъ до насъ по какимъ либо причинамъ. Главнѣйшею причиной ихъ неживучести нужно считать желаніе дать звонницѣ видъ храма, увѣнчаннаго главой по величинѣ присущей храму. Конструкція Благовѣщенской звонницы вся построена на этой сути при чемъ «звонъ» оказался глухимъ, стѣсненнымъ и разъединеннымъ. Надвратная колокольница Ѳерапонтова монастыря, замѣнившая прежнюю *стр. 209,* устроенная тоже на четыре угла, какъ и предыдущая, уже накрыта пирамидальнымъ сводомъ, подъ которымъ сосредоточенъ весь звонъ. Въ шатрѣ, для уничтоженія глухоты звука, прорѣзаны «слухи» въ формѣ «люкарнъ». Такое же устройство верха встрѣчаемъ въ болѣе раннихъ колокольняхъ Александровской слободы постройки Іоанна Грознаго [3], но тамъ пирамидальные шатры—не четырехгранной, а восьмигранной формы. Ранѣе было сказано о тождествѣ Распятской колокольни *стр. 85* съ шатровымъ храмомъ на восьмерикѣ, гдѣ такъ легко и понятно устройство шатроваго свода. Болѣе сложно устройство шатра на Успенской колокольнѣ *стр. 213,* гдѣ восьмигранный шатровый сводъ основанъ на квадратѣ стѣнъ. Мотивъ конструктивнаго перехода, повидимому, тутъ навѣянъ сосѣднимъ храмомъ Покрова [4]. Ѳерапонтовская колокольня проще по устройству свода и верхъ ея похожъ на верхушки башенъ Московскаго кремля. Какъ будто найденъ ихъ отзвукъ и какъ будто опредѣлилась ихъ дата. Но обслѣдованіе Ѳерапонтовской колокольни [5] разрушаетъ сходство; подъ деревянной кровлей шатра не оказалось мѣста для полицы. Она явилась слѣдствіемъ уничтоженія покрытій арокъ звона по закомарамъ [6]. Поэтому шатеръ не накрываетъ

[1] См. статью П. П. Покрышкина въ вып. 28 «Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи». [2] Въ «Москвитянинѣ» 1848 г. № 11, стр. 102, приведена рядная запись о построеніи церкви въ 1553 г. на Бѣлоозерѣ: «а церковь ставить, какъ въ Кириловѣ монастырѣ церковь Успенія Пресвятыя, гладкимъ дѣломъ, и въ стѣнахъ доспѣти мѣсто колоколамъ большимъ и меньшимъ, и часовню намъ поставити на церковь».—Статья П. С. Казанскаго. Труды I Археологическаго съѣзда. [3] Въ нихъ можно отмѣтить колеблющійся переходъ отъ храмовъ-колоколенъ къ надвратнымъ колокольнямъ. [4] А. А. Потаповъ въ своемъ трудѣ «Очеркъ древней русской гражданской архитектуры» (глава XIX) считаетъ шатеръ позднѣйшимъ, т. е. несовременнымъ самой звонницѣ 16-го вѣка. Какое же покрытіе предшествовало шатру? Не деревянное ли? В. В. Сусловъ въ «Матеріалахъ къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры», (стр. 24) ссылается на рукописное указаніе о четырехугольной колокольницѣ Юрьева монастыря 1619 г. о пяти шатрахъ. Неизвѣстно однако, была ли она изъ камня. Трехшатровая звонница храма Василія Блаженнаго, изображенная у Олеарія, въ изображеніи у Мейерберга не имѣетъ шатровъ. Возможно, что въ первомъ и во второмъ случаяхъ шатры были деревянные и что вообще деревянные шатры звонницъ предшествовали каменной ихъ формѣ. Примѣръ такого деревяннаго шатра на каменной колокольнѣ мы имѣемъ въ Сійскомъ монастырѣ на Сѣверной Двинѣ, *стр. 212,* гдѣ колокольня-звонница, подобно Ѳерапонтовской колокольнѣ-церкви, такъ явно передастъ формы шатровой церкви. [5] «Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи», вып. 28, статья К. К. Романова. [6] Углы и арки оказались надложенными кирпичемъ подъ одинъ уровень.

Колокольня церкви Дмитрія Солунскаго въ Москвѣ.
17-й вѣкъ.

арокъ звона, а выдвигается изъ нихъ, и кровли арокъ врѣзаются въ шатеръ. Такихъ верхушекъ нѣтъ въ Кремлевскихъ башняхъ и не оттуда онѣ заимствованы. Это

Колокольня въ Сійскомъ монастырѣ на Сѣверной Двинѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. В. А. Плотникова).

мотивъ церковный, онъ есть въ шатровыхъ храмахъ [1], но закомарный видъ Θера-

[1] Напримѣръ, въ церкви села Коломенскаго и въ интересномъ варіантѣ «Дивной» Угличской церкви. Единственный примѣръ крѣпостного закомарнаго основанія шатра находится въ Германовской башнѣ 17-го вѣка, въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ. Но и тамъ она предназначена для колокольни.

Колокольня церкви Успенія Божіей Матери въ Успенскомъ монастырѣ города Александрова.
Около 1565 года.

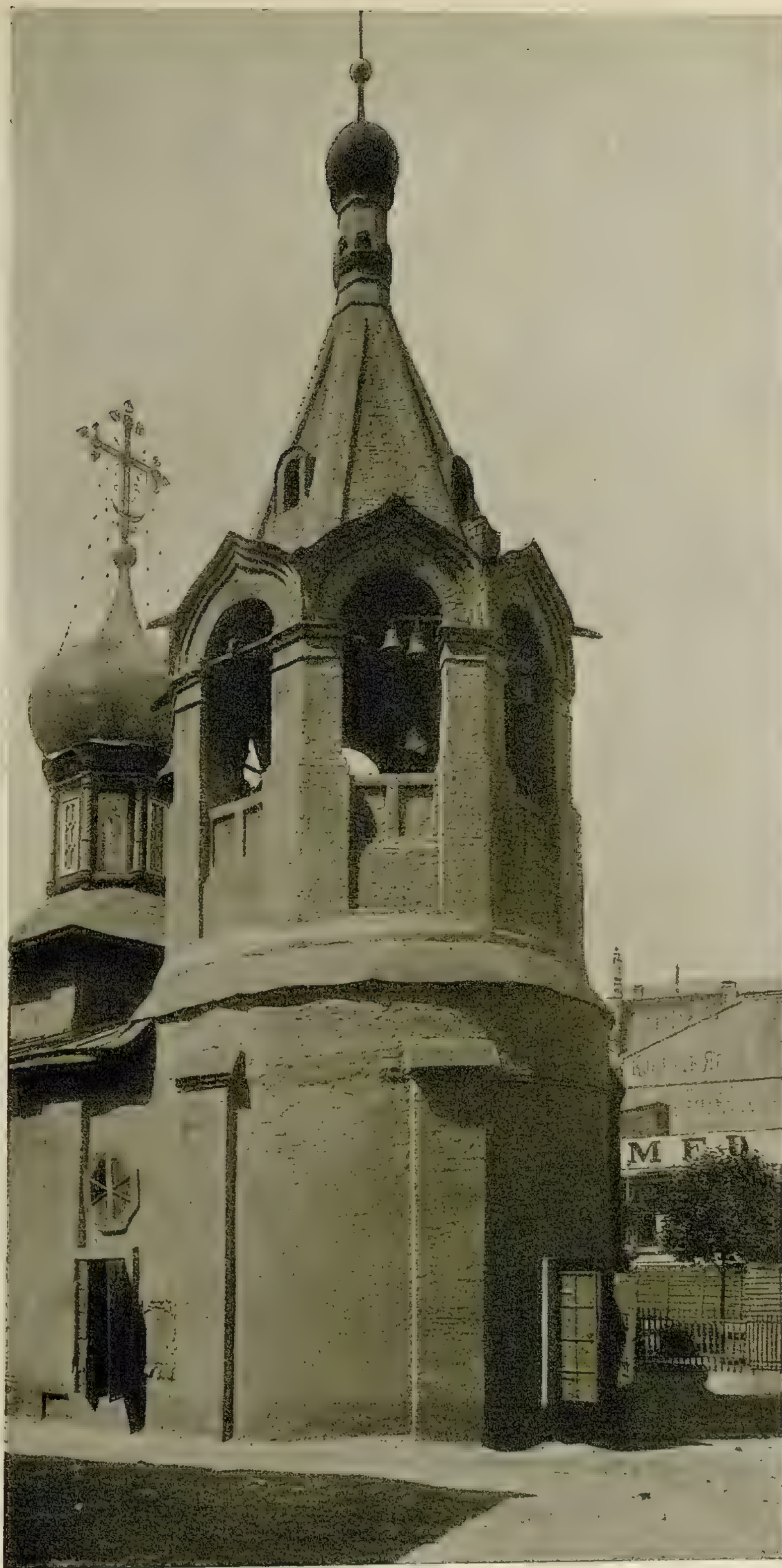
понтовской колокольни заимствованъ, повидимому, съ прежней колокольни-храма. Мотивъ устройства арокъ звона Ѳерапонтовской колокольни оказался подходящимъ

и къ восьмигранной формѣ и распространенъ повсюду. Колокольня Дудина монастыря Нижегородской губерніи [1] даетъ единственный примѣръ устройства колокольни на четыре угла, покрытой четырехграннымъ шатромъ съ полицей поверхъ арокъ звона. Ближайшая по сходству съ Дудинской колокольней по формѣ и числу арокъ надвратная колокольня церкви Дмитрія Солунскаго въ Москвѣ [2] *стр. 211* уже не имѣетъ полицы. Всѣ десять ея арокъ въ обработкѣ 17-го вѣка приняли видъ галереи съ характерными ширинками внизу. Въ сравненіи съ предыдущими, колокольня Дмитрія Солунскаго значительно наряднѣй. Ширинки по угламъ и двойной рядъ значительныхъ «слуховъ» почти закрыли всю гладь поверхъ и ниже звона, вполнѣ отвѣчая узорчатости московскихъ храмовъ 17-го вѣка. Запоздалость четырехугольной формы можетъ быть объяснена желаніемъ усилить звонъ, давая лишнихъ два пролета для колоколовъ. Въ это время господствовалъ уже повсюду типъ восьмипролетныхъ гранныхъ колоколенъ.

Переходную форму встрѣчаемъ въ весьма своеобразной колокольнѣ Сійскаго монастыря на Сѣверной Двинѣ, въ Архангельской губ. *стр. 212,* а также и въ надстроенной, на древнѣйшемъ основаніи, колокольнѣ Печерскаго Нижегородскаго монастыря [3].

Почти одновременно съ возникновеніемъ первой каменной колокольни въ Москвѣ, водворяется тамъ и колокольное литье, удовлетворявшее нуждамъ даже богатаго Новгорода [4]. Съ особенной заботой къ литью колоколовъ относится Москва въ концѣ 15-го вѣка. Въ это время въ Москвѣ устраивается литейный дворъ для колоколовъ и пушекъ подъ руководствомъ венеціанца Павла Дебоше. Торжественность новыхъ соборовъ кремля потребовала широты благовѣста. Храмъ Іоанна Лѣствичника долженъ былъ уступить мѣсто новой колокольнѣ работы Бона Фрязина 1505 г. [5]. Но возраставшее могущество Москвы требовало большей и большей пышности обстановки. Для церковной торжественности оказалась недостаточной и колокольня Бона. Къ ней въ 1532 г. пристраиваютъ ту огромную звонницу (средняя

[1] Построена въ 1600 г. Издана Л. В. Далемъ въ «Зодчемъ» 1879 г. Тамъ же издана колокольня въ селѣ Пурѣхъ Нижегородской губерніи Балахнинскаго уѣзда, сходная съ Успенской колокольней города Александрова». [2] Время сооруженія ея неизвѣстно, но, судя по довольно строгой обработкѣ и потому, что она находилась при трехшатровомъ храмѣ, возможно отнести къ серединѣ 17-го вѣка. [3] Издана Л. В. Далемъ въ «Зодчемъ» 1879 г. О древности низа см. у В. В. Суслова «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества», 1889, стр. 73. [4] Въ лѣтописи подъ 1342 г. находимъ: «повелѣ владыка Василій сліять колоколъ великъ къ святой Софіи и привезе мастера съ Москвы, человѣка добра, именемъ Бориса». Подъ 1346 г.—«на Москвѣ слиты быша три колокола большихъ, да два меньшихъ, а лилъ мастеръ Бориска» (Никоновская лѣтопись называетъ Бориску Римляниномъ). Полн. Собр. Русскихъ лѣтоп., т. VII, стр. 210. [5] Работой Бона считается средняя часть «Ивана Великаго», но это едва ли такъ. Названіе церкви Іоанна Лѣствичника или «Иванъ Святой» передается и Боновской колокольнѣ, а затѣмъ и Царебарисовскому столпу. Средняя же часть сооружена въ 1532 г. «возлѣ Ивана Святого» и закончена пристройкой храма Воскресенія «подъ колоколы» въ 1543 г. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія Москвы», 1902, стр. 154. Во всѣхъ лѣтописяхъ о Боновской колокольницѣ, за исключеніемъ одной, опредѣленно говорится, что она поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Это совершенно согласуется съ древнимъ неизмѣннымъ обычаемъ ставить новые храмы на прежнемъ мѣстѣ.

Колокольня церкви Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ. 16-й—17-й вѣкъ.

Звонница Саввина Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ.
Московской губ.—17-й вѣкъ.

Звонница Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря.
16—17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Колокольня церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ въ Ярославлѣ.—1654 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

часть Ивана Великаго), которая существуетъ и донынѣ [1]. Несомнѣнно, что эта звонница предназначалась для громаднаго колокола «Благовѣстника» въ 1000 пудовъ, слитаго Николаемъ Нѣмчиномъ (онъ же Фрязинъ) въ 1533 г., но этотъ колоколъ не былъ поднятъ на колокольню и долгое время находился на деревянной звонницѣ среди соборной площади Кремля. Московская соборная звонница, сооруженная Петрокомъ Малымъ (Фрязиномъ), вполнѣ обслуживаетъ всѣмъ нуждамъ торжественнаго московскаго благовѣста. *Стр. 11, 49.* Подобно Успенскому собору, соборная звонница повторена въ тѣхъ многихъ случаяхъ, гдѣ требовался обширный «звонъ». Звонница Суздальскаго Евфиміева монастыря *стр. 217,* звонница Звенигородскаго Саввина монастыря *стр. 216*, звонница Ростовскаго собора и многія другія болѣе или менѣе отражаютъ этотъ прототипъ въ архитектурной обработкѣ своего времени.

Пристрастіе къ колокольному звону, не разъ отмѣченное отливкой огромнѣйшихъ колоколовъ, захватываетъ всю Москву и распространяется повсюду. Однако, посадскіе и слободскіе храмы, имѣя колокольный звонъ, далеко не всѣ были снабжены каменными колокольнями. Надо думать, что деревянные навѣсы на столбахъ [2], звонницы и колокольницы долгое время удовлетворяли нуждамъ небогатыхъ каменныхъ храмовъ; замѣна дерева камнемъ происходила постепенно, пока не вылилась въ форму типичнаго московскаго пріема устройства колокольни надъ входомъ въ храмъ. Но и во время обширнаго строительства Москвы, когда повсюду возникали каменные храмы, встрѣчаются примѣры пользованія деревянными колоколь-

[1] Верхъ былъ взорванъ въ 1812 году. [2] Изображены у Олеарія, а также и на древнихъ планахъ Москвы.

Колокольня Рождественскаго монастыря во Владимірѣ на Клязьмѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

нями [1]. Надо думать, что типичная московская восьмигранная колокольня, стоящая на четверикѣ, явилась довольно поздно, не раньше второй половины 17-го вѣка. Ей предшествовало непосредственное соединеніе въ одну группу колокольни съ храмомъ [2]. Еще въ шатровыхъ храмахъ звонница находилась въ связи съ храмомъ надъ его западнымъ входомъ. Повидимому, тождественная постановка колокольни въ храмахъ 17-го вѣка, не имѣющихъ трапезы, затрудняла зодчихъ и вызвала постановку колокольни въ сѣверо-западномъ [3] или даже юго-восточномъ углахъ храма. Оригинально поставленная колокольня, надъ южнымъ алтаремъ придѣла Дмитрія Солунскаго, въ храмѣ Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ [4] *стр. 215*, представляетъ, повидимому, одну изъ первыхъ попытокъ устройства восьмигранныхъ шатровыхъ колоколенъ. Отсутствіе въ основаніи четверика, простота декорацій и, въ особенности, широкіе и плоскіе гурты реберъ шатра, прорѣзаннаго четырьмя «слухами» еще не въ типѣ фронтончатыхъ люкарнъ, отодвигаютъ время сооруженія этой интересной колокольни къ концу 16-го вѣка, когда еще были живы традиціи устройства храмовъ «иже подъ колоколы».

[1] Рождественская церковь Измайловской слободы въ 1687 г. еще имѣла колокольню на столбахъ, покрытую, какъ и самый храмъ, «въ два теса со скалою». И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895. стр. 524, опись Измайловскаго Дворца. [2] Типичное для Москвы соединеніе колокольни съ храмомъ черезъ посредство трапезной явилось позже. Надо думать, что этому предшествовало устройство трапезныхъ еще безъ колоколенъ при нихъ. Устройство трапезнаго помѣщенія въ монастыряхъ, какъ основной мотивъ, передалось двухъ и трехшатровымъ небольшимъ церквамъ первой половины 17-го вѣка и уже со второй половины 17-го вѣка встрѣчаемъ его въ «безстолпныхъ» храмахъ, какъ неминуемую потребность увеличенія вмѣстимости храма. [3] Колокольня церкви Грузинской Божіей Матери, колокольня Николы въ Столпахъ. Къ нимъ можетъ быть причислена и колокольня церкви Рождества Богородицы въ Путинкахъ. [4] Придѣлъ святого Дмитрія упоминается въ актахъ 1619 года. А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 7.

Колокольня Іоанно-Предтеченскаго монастыря въ Астрахани.
Конецъ 17-го вѣка. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

До устройства трапезной при храмѣ колокольня стояла и отдѣльно, но этотъ случай рѣдокъ для Москвы [1], онъ чаще встрѣчается при соборныхъ храмахъ, какъ напримѣръ, своеобразно декорированная прямо снизу колокольня Рождественскаго монастыря во Владимірѣ [2]. *Стр. 219.* Ярославскіе храмы, тѣсно примыкающіе къ соборнымъ, также имѣютъ отдѣльно стоящія колокольни. Великолѣпный образчикъ ихъ архитектуры находится при храмѣ Іоанна Златоуста въ Коровникахъ *стр. 218,* гдѣ все убранство сосредоточено вверху при строгой глади низа. Замѣтимъ, что обѣ колокольни имѣютъ большую высоту и восьмигранны прямо снизу; въ такомъ же видѣ созданъ ихъ прототипъ 16-го вѣка при соборѣ Успенскаго монастыря города Александрова. *Стр. 85.* Въ Москвѣ отдѣльно стоящія колокольни нашли мѣсто надъ вратами оградъ, чѣмъ и обусловленъ ихъ размѣръ. Такія колокольни обширны и, находясь надъ проѣздомъ, основаны на четверикѣ [3]. Выдающаяся по развитости формъ колокольня церкви Николы Явленнаго *стр. 197* можетъ служить яркимъ образчикомъ такихъ надвратныхъ колоколенъ. Огромное количество разнообразныхъ «слуховъ», въ четыре ряда опоясывающихъ шатеръ, вполнѣ зависитъ отъ его размѣра. Двойныя арки «звона», сопровождаемыя неразлучными ширинками,

[1] Колокольня церкви Ѳеодора Студита близъ Никитскихъ воротъ. [2] Повидимому, сооруженная Муромскими зодчими. [3] Внутренній конструктивный переходъ отъ четверика надвратной палатки къ восьмерику звона состоитъ изъ ряда угловыхъ концентричныхъ перемычекъ, замѣнившихъ былой сводчатый угловой переходъ 16-го вѣка.

Колокольня зимняго собора въ Соликамскѣ.

1698 г. (Фот. В. А. Плотникова).

какъ нельзя лучше характеризуютъ галерейный свой характеръ и опредѣляютъ время [1]. Примѣръ приверженности къ древнимъ формамъ встрѣчаемъ въ шатровой надвратной колокольнѣ Іоанно-Предтеченскаго монастыря въ Астрахани *стр. 220* съ ея оригинальными кокошниками «въ перебѣжку», вѣнчающими восьмерикъ на четверикѣ въ типичной декораціи барокко. Строительный пріемъ надвратныхъ колоколенъ находитъ мѣсто при трапезахъ надъ входомъ въ храмъ. Число такихъ надвходныхъ колоколенъ огромно, что объясняется и экономичностью и красотою группы, гдѣ колокольня, примыкая къ низкой трапезной, даетъ болѣе торжественный входъ. Перечислить такія, хотя бы лучшія колокольни—невозможно. Начиная съ простѣйшихъ формъ въ зависимости отъ размѣра, колокольни надъ входомъ въ храмъ имѣютъ одинъ, два и три ряда слуховъ. Колокольня надъ входомъ въ Николо-Хамовническій храмъ достигаетъ наибольшей возможной высоты и сложности декорацій.

Шатровый «верхъ», дозволенный на колокольняхъ, съ появленіемъ барокко начинаетъ терять свою значительность и постепенно переходитъ въ разрядъ декоративныхъ. Первый ударъ былъ нанесенъ закомарнымъ аркамъ «звона». Надъ дѣланный надъ ними карнизъ отрѣзаетъ шатеръ отъ звона и придаетъ ему значеніе простой кровли, какъ напримѣръ, въ московскихъ башняхъ. Такой башенный видъ имѣетъ надвратная колокольня-церковь села Подкопаева, Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи, освященная въ 1701 г. [2]. Зодчій этой оригинальной и смѣлой по конструкціи колокольни, несомнѣнно, былъ хорошо знакомъ съ конструкціей кремлевскихъ башенъ. Подобный Подкопаевской колокольнѣ башенный пріемъ встрѣчаемъ въ Ярославской Петропавловской церкви, построенной въ 1701 г. [3], хотя въ ней и сохранена закомарность арокъ [4]. Московскія колокольни церкви Георгія въ Лучникахъ и церкви Успенія въ Печатникахъ имѣютъ маленькіе декоративные шатры, стоящіе на сомкнутыхъ сводахъ. Цѣлая группа изъ пяти шатровъ увѣнчиваетъ оригинальную колокольню храма Успенія на Покровкѣ, въ типичномъ стилѣ московскаго барокко, чѣмъ и доказывается живучесть, изгоняемой уже не запрещеніемъ, а модой, излюбленной формы шатра [5]. Для полноты

[1] Надвратная колокольня Бутырской церкви совершенно тождественна Николо-Явленской; она построена въ 1682 г. Близка по формѣ надвратная колокольня храма Троицы что въ Зубовѣ, но она уже затронута въ обработкѣ звона и оконъ надвигавшимся барокко. [2] Издана М. Т. Преображенскимъ въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи», листъ XI. [3] Издана въ 26-мъ выпускѣ «Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи». [4] Колокольня Срѣтенской церкви въ Ярославлѣ, сохраняя закомарность арокъ звона, уже имѣетъ карнизъ надъ арками шатра, чѣмъ объединяетъ два предыдущихъ пріема, давая переходную форму. [5] Декоративность шатровъ собственно началась въ попыткахъ придать звонницѣ эту излюбленную форму. Звонница Костромского Ипатьевскаго монастыря увѣнчана чрезвычайно стройнымъ шатромъ. Звонница Саввина Звенигородскаго монастыря *стр. 216* въ оживленной группѣ трактуетъ эту форму. Въ звонницѣ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря *стр. 217* шатровый верхъ надъ мѣстомъ для солнечныхъ часовъ искусно декорируетъ соединеніе звонницы съ ея древнѣйшей семигранной частью. Считаемъ не лишнимъ отмѣтить важ-

Колокольня церкви Николая Чудотворца въ Суздалѣ.
17-й вѣкъ. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

обзора колоколенъ нельзя не упомянуть о Соликамской расписной колокольнѣ *стр. 221,*

ность этой гранной древнѣйшей звонницы, бывшей когда то храмомъ Іоанна Предтечи «подъ звономъ» и сооруженной, по всей вѣроятности, одновременно съ соборомъ въ 1511 году. См. объ этомъ въ «Русской Старинѣ» А. Мартынова, тетр. 1, и въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» изд. Императорской Академіи Художествъ, вып. III. Древнѣйшій многогранный низъ колокольни Покровскаго Суздальскаго монастыря донынѣ вмѣщаетъ храмъ Происхожденія Честныхъ Древъ. Соборъ и древній многогранникъ считаются сооруженными одновременно въ 1518 году. Древній восьмисаженный низъ Іосифо-Волоколамской монастырской колокольни (1495 года), а можетъ быть, и сломанная древняя колокольня-звонница Московскаго Симонова монастыря находились, повидимому, въ общей связи и были возможнымъ отзвукомъ Московской соборной Боновской звонницы (1505 года). При строгости тогдашняго контроля Бонъ Фрязинъ вѣроятно повторилъ плановую форму древнѣйшей церкви Ивана Лѣствичника «иже подъ колоколы», какъ повторилъ ее затѣмъ и строитель «цареборисовскаго столпа». Если ближайшее обслѣдованіе указанныхъ древнихъ гранниковъ подтвердитъ предполагаемое время ихъ сооруженія, то будутъ найдены ближайшіе переходные прототипы гранниковъ столпообразной Дьяковской церкви и вмѣстѣ будетъ найденъ тотъ типъ звонницъ, какой предшествовалъ Петроковской звонницѣ, оставившей замѣтный слѣдъ. Считаемъ нужнымъ здѣсь упомянуть, что монастырскія описи второй половины 16-го вѣка устанавливаютъ существованіе въ то время деревянныхъ восьмистолбныхъ звонницъ для «благовѣстныхъ» колоколовъ. См. «Древній Архивъ Краснохолмскаго монастыря». Статья А. К. Жизневскаго. Москва 1879.

сомкнутый сводъ которой декорированъ системой кокошниковъ «въ перебѣжку». Къ сожалѣнію, въ ней не сохранилась глава, замѣненная деревяннымъ шпилемъ [1]. Въ Суздалѣ и его окрестностяхъ встрѣчается весьма любопытная въ конструктивномъ и декоративномъ отношеніи, поздняя форма шатра-шпиля, воспроизведенная изъ кирпича. *Стр. 223.* Этой своеобразной формой, въ расцвѣтѣ московскаго барокко, каменный шатеръ заканчиваетъ свое существованіе, увѣнчивая по новомодному украшенныя арки звона.

Шатры колоколенъ, подобно шатрамъ церквей, обыкновенно ничѣмъ не окрывались отъ дѣйствій влаги. Иногда, при общей раскраскѣ колокольни, раскрашивался и шатеръ. Образчикъ древней раскраски встрѣчаемъ въ «красной» церкви [2]. Въ заботливомъ стремленіи предохранить шатеръ отъ влаги ему давали покрытіе зеленой черепицей, какъ напримѣръ, въ колокольнѣ 17-го вѣка при храмѣ Василія Блаженнаго. Или же иногда каменный шатеръ опаивался «бѣлымъ желѣзомъ» [3]. Позднѣйшее окрытіе простымъ желѣзомъ во многихъ случаяхъ испортило чистоту линій ранѣе ничѣмъ не окрытаго шатра многихъ колоколенъ. Съ прекращеніемъ устройства каменныхъ шатровыхъ колоколенъ окончательно исчезла изъ городовъ глубоко народная излюбленная форма, такъ выразительно олицетворявшая народное понятіе о Божьемъ храмѣ, его величіи и несокрушимой мощи. Продолжаясь въ глуши на сѣверѣ въ исконной деревянной рубкѣ, въ центрѣ—въ городахъ, шатеръ допущенъ былъ лишь въ колокольняхъ, но и въ нихъ народъ, при всей наклонности къ полюбившемуся «узорочью», цѣнилъ ихъ красоту и стройность, отмѣчая въ названіи урочищъ [4].

Ѳ. Горностаевъ.

[1] Вполнѣ сохранная колокольня 1652 г. тождественнаго перекрытія кокошниками, но въ болѣе церковномъ характерѣ, находилась при Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ въ Казани. Она издана В. В. Сусловымъ въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества», изд. Императорской Академіи Художествъ, вып. VII. Тождественнаго пріема колокольня церкви Воздвиженія въ Казани. [2] «1679 г. Сентября въ 25 день по указу Великаго Государя подряженъ Казенной слободы тяглецъ Никифоръ Степановъ сынъ, каменьщикъ у церкви Григорія Неокессарійскаго, прописать колокольню красками разными растески, а гдѣ прямая стѣна, прописать въ кирпичъ сурикомъ, а у шатра стрѣлки перевить, а межъ стрѣлокъ обѣлить, а слухи и закомары и окна прописать разными красками да у той же колокольни, которое рѣзное дѣло каменное разцвѣтить и прописать красками; та колокольня вся до земли». Запись въ расходныхъ книгахъ Приказа тайныхъ дѣлъ царя Алексѣя Михайловича (Дворцовый Архивъ). [3] У колокольни церкви Іоасафа Царевича (1678 г.) въ селѣ Измайловѣ шатеръ опаянъ бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ; крестъ—желѣзный кованый, луженый. И. Е. Забѣлинъ, опись Измайловскаго Дворца, стр. 500. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895. [4] «Хорошія колокольницы на Царицыной улицѣ» (нынѣ Никитской). Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изданіе А. Мартынова, 1875 г. Текстъ И. М. Снегирева. Томъ 1, стр. 23. «Названіе урочищъ въ Бѣломъ городѣ».

XIV.

ОБЛИКЪ СТАРОЙ МОСКВЫ.

Исторія города, которому посчастливилось быть центромъ жизни страны, въ высшей степени поучительна. Какъ въ фокусѣ, здѣсь сходятся равнодѣйствующія всѣхъ вліяній, складывающихъ національный обликъ. Такой городъ, какъ зеркало, отражаетъ развитіе страны. Съ характеромъ этого поступательнаго движенія неразрывно связано и внѣшнее измѣненіе города: то и другое идетъ параллельно. Если зодчество, какъ прямое наслѣдіе привычекъ, вкусовъ, образа жизни и т. д., накладываетъ на внѣшній видъ города характерный, свойственный только этому городу, отпечатокъ, то въ равной степени зодчество обусловливается и тѣмъ необходимымъ строительнымъ матеріаломъ, какой находится подъ рукой для постройки стѣнъ и городскихъ зданій. Если бы центръ жизни, передвинувшись на сѣверъ, благодаря давленію съ юга кочевыхъ монгольскихъ ордъ и безпрестанныхъ разорительныхъ усобицъ южно-русскихъ князей, остановился гдѣ нибудь на берегахъ Оки, богатыхъ природнымъ строительнымъ камнемъ, а не двинулся дальше въ дебри лѣсовъ на болотистые берега Москвы рѣки, то и внѣшній видъ города былъ бы другой. Стоитъ только взглянуть на удивительную технику и красоту кладки и формъ остатковъ древней бѣлокаменной стѣны Серпухова, чтобы убѣдиться въ справедливости этого заключенія. Тогда, конечно, каменное зодчество заявило бы себя съ большей энергіей, давъ формы неожиданныя и, быть можетъ, оставило бы позади деревянное зодчество, съ такой виртуозностью и силой выразившееся въ лѣсной московской сторонѣ. Но ужасы монгольскихъ и княжескихъ погромовъ гнали дальше на сѣверъ пульсъ жизни,—на Волгу, Клязьму, Москву, и послѣдняя, какъ географическій центръ, стоявшій вблизи верховьевъ притоковъ медленно текущихъ великихъ рѣкъ россійской равнины, ставъ въ болѣе выгодныя условія передъ другими уже существовавшими городами суздальской стороны, быстро стала развиваться. Если взглянуть на такъ называемый Сигизмундовскій планъ Москвы 1610 года *стр. 227, 229, 231, 233,* представляющій, въ сущности, огромную деревню, то невольно поражаешься, перенеся взглядъ къ 1910 году—на триста ровно лѣтъ впередъ—къ виду

современной намъ Москвы: такую метаморфозу можно найти развѣ только въ американскихъ городахъ, выростающихъ по щучьему велѣнью изъ нѣсколькихъ лачугъ и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ превращающихся въ огромные города. Начавшись въ 12-мъ вѣкѣ маленькой ячейкой, въ видѣ боярской усадьбы на взлобьи холма при впаденіи Неглинной въ Москву рѣку, на Герберштейновскомъ планѣ 15-го вѣка Москва-городъ уже изображенъ въ видѣ каменнаго кремля съ башнями, каменными храмами и дворцомъ и сплошь покрыта какъ внутри кремля, такъ и въ пригородахъ деревянными домами-избами съ характерными наружными лѣстницами, какія мы встрѣчаемъ и по сіе время въ деревняхъ средней и сѣверной Россіи. Въ началѣ 17-го вѣка на Сигизмундовскомъ планѣ замѣчаемъ уже пригороженной къ Кремлю кирпичную стѣну Китай-города и бѣлокаменную—Царь-города, или Бѣлаго, шедшаго по теперешнему кольцу бульваровъ. Сверхъ того, эти три каменныя твердыни опоясываетъ по современной линіи Садовыхъ улицъ деревянная стѣна съ башнями искусной работы, заключавшая въ себѣ деревянный городъ Скородомъ, онъ же и Земляной городъ, такъ какъ деревянная стѣна возвышалась на земляномъ валу, рядомъ съ которымъ былъ вырытъ глубокій ровъ. За Скородомомъ, названнымъ такъ потому, что здѣсь дома такъ же быстро строились, какъ и сгорали, тянулись пригороды: ямскія слободы, Кукуй, нѣмецкая слобода, Хамовники, деревни и села, непосредственно примыкавшія или на нѣкоторомъ разстояніи расположенныя за стѣной Земляного города. Разсматривая Сигизмундовскій планъ да и всѣ вообще планы Москвы 17-го вѣка, дошедшіе до нашего времени, а ихъ довольно много, такъ какъ всякій путешественникъ считалъ своимъ долгомъ зарисовать интересный городъ, изображая его съ птичьяго полета, невольно кидается въ глаза доминирующее положеніе Кремля. Окруженный съ трехъ сторонъ Бѣлымъ, Землянымъ и Китай-городомъ и съ юга—Стрѣлецкой слободой (Замоскворѣчье) сплошь деревянными, онъ высился среди домовъ съ соломенными и тесовыми кровлями, буквально, какъ-будто среди большой богатой деревни. Вооружившись лупой, при дальнѣйшемъ разсматриваніи Сигизмундовскаго плана, который, кстати сказать, имѣется въ Москвѣ въ двухъ экземплярахъ: въ Историческомъ музеѣ и музеѣ П. И. Щукина—можно увидѣть столько неожиданныхъ подробностей, говорящихъ о внутренней жизни города, что не дастъ того иная книга. Тутъ и одворицы съ садами и грядами для овощей при нихъ, бревенчатыя мостовыя, бани съ журавцами для подъема воды, уличныя рѣшетки въ концахъ улицъ, ведущихъ къ Кремлю, съ воротами изъ крѣпкихъ бревенъ. При этихъ рѣшеткахъ жили рѣшеточные сторожа, запиравшіе ихъ на ночь и во время пожаровъ, съ цѣлью преградить наплывъ народа и грабителей, расхищавшихъ имущество погорѣльцевъ. Продолжая разсматривать древніе планы, можно замѣтить бражныя тюрьмы, куда сажали въ конецъ пропившихся, площади съ продающимися на нихъ

Китай-городъ. Съ такъ называемаго Сигизмундовскаго плана Москвы 1610 года.
(Гравюра Киліана съ рис. Ig. P. A.).

бревнами и цѣлыми срубами домовъ, каковы Лубянская и у Трубы, тамъ, гдѣ теперь Петровскій бульваръ; видны мукомольныя и пороховыя водяныя мельницы, въ Кудринѣ—вѣтряныя; царскіе сады, полигонъ въ Стрѣлецкой слободѣ на болотѣ съ обозначеніемъ пушекъ и т. д. Все это уноситъ въ сѣдую старину и говоритъ понятнымъ языкомъ всѣмъ временамъ и народамъ, какъ пластическое изображеніе давно минувшаго. Изрѣзанная, благодаря высотѣ подпочвенныхъ водъ, массой рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, каковы Яуза, Неглинная, Черторыя, Черногрязка и другія, отъ которыхъ теперь остались только названія урочищъ, Москва изобиловала деревянными мостами и мостиками и, если считать ихъ десятками, то въ этомъ не будетъ большой ошибки. Эта подробность въ топографіи Старой Москвы давала своеобразный характеръ ея пейзажу. Всѣ мосты, за исключеніемъ ведущихъ въ Кремль, были деревянные на сваяхъ и нѣкоторые довольно большіе, какъ напримѣръ, мостъ черезъ болото на мѣстѣ современной театральной площади, начинаясь у Охотнаго птичьяго ряда, кончался почти у Пушечнолитейнаго двора и имѣлъ длины около пятидесяти саженъ. Одни изъ мостовъ—горбатые, другіе пологіе или наклонные къ одному концу, при въѣздахъ на нихъ имѣли иногда часовни и кресты, такъ какъ мостъ считался мѣстомъ опаснымъ, въ особенности въ ночную пору, когда тати и разбойники, хоронившіеся подъ мостомъ, неожиданно нападали на прохожихъ, грабя и убивая ихъ. По словамъ Таннера и другихъ путешественниковъ 17-го вѣка, на прудахъ часто всплывали трупы утопленныхъ, а по городскимъ улицамъ каждое утро подбирали ограбленныхъ и убитыхъ за ночь—жизнь была тревожная. Мостъ, какъ неотъемлемая принадлежность пейзажа Старой Москвы, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и И. Е. Забѣлина, могъ даже послужить поводомъ къ наименованію города, благодаря единственному въ краѣ мосту черезъ большую рѣку. Первоначально селеніе могло называться Мостовой или Мос-т-квой, впослѣдствіи измѣнившись въ сокращенное — «Мос-ква». Въ томъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ единственная сухопутная дорога съ запада и непосредственно съ юга въ сѣверные и сѣверо-восточные суздальскіе города необходимо должна была пересѣчь многоводную тогда рѣку гдѣ нибудь въ среднемъ ея теченіи. Мостъ изображенъ уже на самомъ древнемъ планѣ Герберштейна. Около моста сосредоточилась и жизнь. До 18-го вѣка на Москворѣцкой улицѣ, идущей къ мосту, мы видимъ Мытный дворъ (таможню). Здѣсь церкви Меркурія Смоленскаго и Спаса Смоленскаго говорятъ о связи Москвы съ Смоленскомъ, а слѣдовательно, и о дорогѣ туда. Здѣсь же на многихъ планахъ обозначена торговая пристань и, повидимому, амбары для склада товаровъ, привозимыхъ по рѣкѣ, что также подтверждаетъ догадку о необходимости сосредоточенія жизни именно у моста, послужившаго причиной названія осѣвшаго здѣсь города. То обстоятельство,

Китай-городъ и Бѣлый городъ. Съ Сигизмундовскаго плана Москвы. 1610 года.

что самый замѣчательный архитектурный памятникъ 17-го вѣка былъ Большой Каменный мостъ, или Всесвятскій, говоритъ ужъ за то значеніе, какое придавалось тогда мосту. Называемый современниками восьмымъ чудомъ свѣта — до того онъ поражалъ тогда москвичей технической и художественной стороной—этотъ замѣчательный памятникъ русскаго зодчества былъ варварски разрушаемъ въ продолженіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ со времени его основанія. Разрушали его не иноплеменники, а свои же русскіе люди циркулярами, предписаніями и донесеніями о необходимости разборки этого замѣчательнаго памятника изъ единственнаго желанія передъ кѣмъ то выслужиться, а кстати, изъ камня, полученнаго при разборкѣ, выстроить въ одномъ изъ переулковъ уютный домикъ. Главный мотивъ искусственнаго разрушенія, непрочность,—«грозитъ опасностью жизни», какъ сообщалось въ донесеніяхъ,—самъ собою отпалъ; когда въ половинѣ 19-го вѣка приступили къ окончательной сломкѣ быковъ и сводовъ, то не только не бралъ ломъ крѣпкой цементировки камня, но и порохъ съ трудомъ разрушалъ устои, слѣды основанія которыхъ мы видимъ теперь, идя по такъ называемому по старой памяти «Каменному мосту», торчащими изъ воды его остатками въ видѣ рядовъ дубовыхъ свай. Печальный мартирологъ этого памятника великолѣпно иллюстрированъ сохранившимися рисунками. На гравюрѣ Пикара, представляющей панораму Кремля, современнаго Петру Великому, онъ изображенъ въ полной исправности и прекрасно передаетъ этотъ навѣки погибшій памятникъ русскаго зодчества. *Стр. 235.* Около половины 18-го вѣка онъ изображенъ уже безъ двухъ шатровыхъ башенъ надъ шестью проѣзжими въ Замоскворѣчье воротами, подобныхъ тѣмъ, какія сохранились надъ Иверскими воротами, но еще съ основаніемъ шестиворотной башни и галлереей на мосту. Въ половинѣ 19-го вѣка мостъ представляетъ собой уже только семь массивныхъ арокъ. Мосты въ жизни Старой Москвы имѣли не маловажное значеніе. Помимо того, что у большинства изъ нихъ были водяныя мельницы, на нихъ шла бойкая торговля. Такъ на только что упомянутомъ Всесвятскомъ мосту въ каменныхъ лавкахъ торговали краснымъ товаромъ и пивомъ. Сюда же, какъ на самое бойкое прохожее мѣсто, выводились подъ стражей такъ называемые «языки»—подслѣдственные преступники въ кандалахъ, съ лицами, завѣшенными тряпками съ отверстіями для глазъ, и оговаривавшіе прохожихъ, какъ соучастниковъ. Оговоренныхъ, большею частію несправедливо, схватывали и подвергали пыткамъ. Этотъ варварскій и жестокій пріемъ тогдашняго кривосудія былъ уничтоженъ только въ половинѣ 18-го вѣка. На Спасскомъ мосту у Фроловскихъ воротъ шла торговля книгами; на Воскресенскомъ—у Воскресенскихъ воротъ (Иверскихъ) торговали пряниками, такъ какъ неподалеку жили пряничники. Старый каменный мостъ у Троицкихъ воротъ, возстановленный теперь въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ 16-мъ вѣкѣ, также отли-

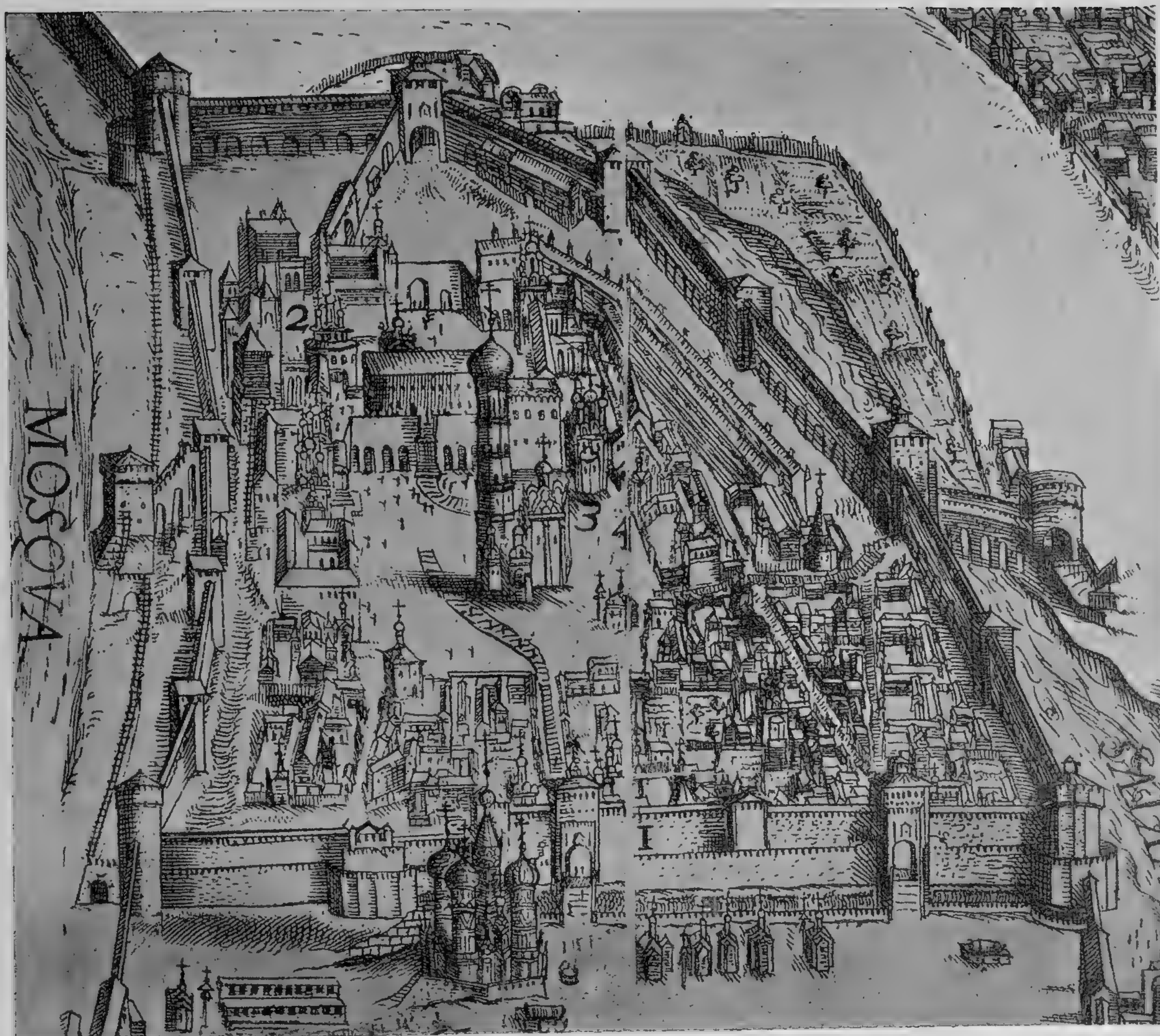
Бѣлый городъ. Съ Сигизмундовскаго плана Москвы 1610 года.
(Гравюра Киліана съ рис. Ig. P. A.).

чался оживленіемъ: это была единственная дорога въ Кремль съ сѣвера — изъ Занеглименья.

При дальнѣйшемъ разсматриваніи Сигизмундовскаго плана, замѣчаются характерныя подробности обывательскихъ построекъ—бочковыя и кубовыя кровли, а также колокольни на столбахъ, о которыхъ упоминаютъ многіе современные путешественники. Эти колокольни по большей части представляли изъ себя простой столбъ съ крышей

наверху и съ колоколами подъ ней, подобно тѣмъ столбамъ, какіе мы и теперь видимъ въ усадьбахъ и на фермахъ съ звонками для созыва рабочихъ. Одна изъ такихъ колоколенъ изображена у церкви Христофора въ Кремлѣ на Ивановской площади. Затѣмъ, на фонѣ моря деревянныхъ построекъ выплываютъ многочисленныя деревянныя церкви одноглавыя и пятиглавыя. На рисункахъ Мейерберга онѣ пріобрѣтаютъ особенно оригинальную форму, отчасти напоминая сохранившіяся до сего времени церкви сѣвернаго края. Разсматривая другіе планы Москвы—Өеодора Борисовича Годунова, Михаила Өеодоровича, Олеарія, Готфрида Меріана, Исаака Массы, Мейерберга и другихъ, мы встрѣчаемся съ тѣми же подробностями, какъ и въ Сигизмундовскомъ планѣ, но съ добавленіемъ новыхъ. Планъ Исаака Массы характеренъ обозначеніемъ золотыхъ куполовъ и архитектурныхъ деталей городскихъ стѣнъ въ Бѣломъ и Китай-городѣ. Годуновскій планъ Кремля *стр. 237,* послужившій И. Е. Забѣлину неисчерпаемымъ кладеземъ для изученія Кремля, даетъ такой же богатый матеріалъ для характеристики каменныхъ построекъ, какъ Сигизмундовскій—для деревянныхъ.

При сравненіи того и другого плана умѣстно сдѣлать заключеніе объ ихъ художественныхъ достоинствахъ. Если Годуновскій планъ, благодаря значительно большему масштабу, болѣе точенъ и сдѣланъ съ вполнѣ правильными пріемами топографическаго искусства, то Сигизмундовскій обнаруживаетъ въ авторѣ несомнѣннаго художника. Это, въ сущности, пейзажъ, сдѣланный съ птичьяго полета, какъ дѣлались вообще всѣ планы древней Москвы. Часть ея, взятая съ улицами Никитской, Воздвиженкой, Знаменкой съ переулками и церквами *стр. 231,* очень характерна въ этомъ отношеніи, художественно и вѣрно передавая деревянныя постройки древней Москвы. Въ лѣвомъ углу картины изображены: старый Земскій приказъ, часть кремлевской стѣны и Троицкія ворота съ мостомъ черезъ Неглинненскіе пруды и башней Кутафьей, по нѣкоторымъ даннымъ, съ подъемнымъ мостомъ. Затѣмъ идетъ пустое пространство въ сто саженъ, отдѣляющее Занеглименье отъ Кремля для предохраненія послѣдняго отъ пожаровъ. Видны уличныя рѣшетки при въѣздахъ въ улицы со стороны Кремля, мостовыя, стѣны Бѣлаго города, пространство, отдѣляющее его отъ Земляного города и площадь съ церковью, вѣроятно, у Конюшеннаго двора,—тамъ, гдѣ до 1880 года была пересылочная тюрьма и гдѣ теперь построенъ Музей Изящныхъ Искусствъ. При сличеніи Годуновскаго и Сигизмундовскаго плановъ Кремля замѣчаются нѣкоторыя особенности того и другого, свои неточности и совпаденія; послѣднія говорятъ за большую вѣроятность достовѣрности изображенія. Такъ, совпадаютъ намѣченныя улицы, идущія отъ Никольскихъ воротъ Кремля: Никольская, Житная и на перерѣзъ имъ—Троицкая, проходящая отъ Троицкихъ воротъ мимо Троицкаго подворья съ шатровой церковью

Кремль. Съ Сигизмундовскаго плана Москвы 1610 года.
(Гравюра Килiана съ рис. Ig. P. A.).

Сергiя, Цареборисова двора и Чудова монастыря. На обоихъ планахъ на Ивановской площади изображены церковь Христофора и храмъ Черниговскихъ Чудотворцевъ, но звонница Ивана Великаго на Годуновскомъ планѣ, сходная съ современной, возсозданной въ томъ же видѣ, какой она имѣла до разрушенiя въ 12-мъ году, на Сигизмундовскомъ—одноверхая съ закомарами и кокошниками. Хотя, быть можетъ, тутъ виноватъ слишкомъ малый масштабъ Сигизмундовскаго плана, гдѣ арки съ колоколами вслѣдствiе этого вышли похожими на закомары. Зато пропорцiи

Ивановской колокольни и рисунокъ ея взяты вѣрнѣе. Золотая палата на Годуновскомъ планѣ изображена схематически и довольно спутанно; на Сигизмундовскомъ же ясно нарисованы какъ фасадъ, такъ и золотое крыльцо. Видны на томъ и другомъ планѣ въ каменной стѣнѣ Колымажныя ворота, но безъ башни надъ ними, построенной позже, вѣроятно, вмѣстѣ съ теремами. Спасъ на Бору очень тщательно нарисованъ на Годуновскомъ планѣ и даже съ деревомъ на западъ, вѣроятно, имѣвшимъ какое нибудь историческое значеніе. Нѣкоторыя зданія на Сигизмундовскомъ планѣ совершенно отсутствуютъ. Такъ, нѣтъ житницъ у стѣны Кремля, начинавшихся у Никольскихъ воротъ. Но зато на Запасномъ дворцѣ изображены очень интересные деревянные терема, построенные Дмитріемъ Самозванцемъ, которыхъ, естественно, при Годуновѣ не могло быть. Видъ стѣнъ Кремля на Годуновскомъ планѣ, безспорно, болѣе достовѣренъ; это заключеніе подтверждается сравненіемъ съ рисунками Мейерберга, сдѣланными съ натуры во второй половинѣ 17-го вѣка съ нѣкоторыми позднѣйшими добавленіями въ видѣ, напримѣръ, надстройки надъ Фроловскими воротами. *Стр. 239.*

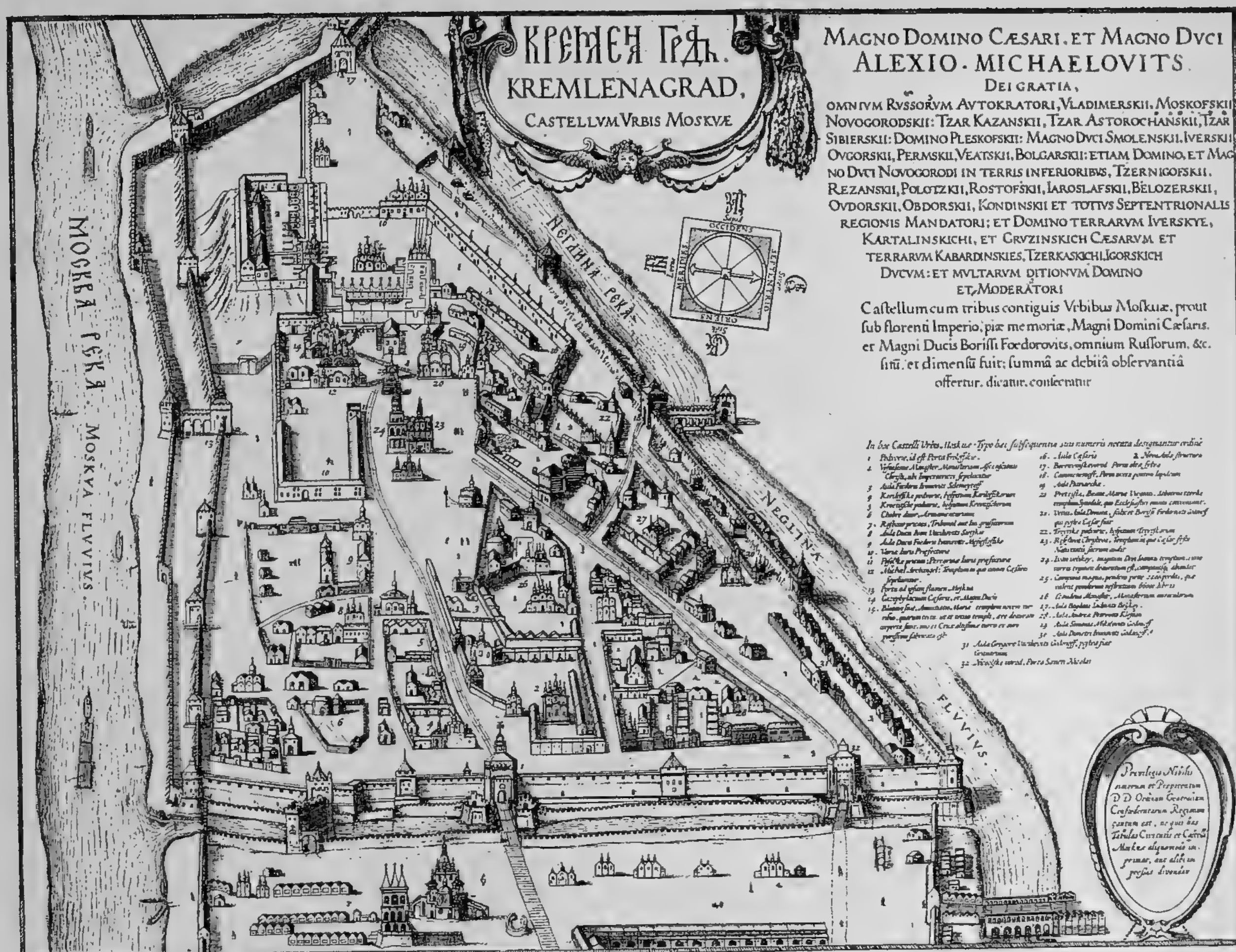
Среди другихъ графическихъ источниковъ, разбросанныхъ по альбомамъ, оставленнымъ художниками, находившимися при посольствахъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе альбомъ Мейерберга, пейзажная сторона котораго даетъ несомнѣнныя доказательства того, что рисунки дѣланы съ натуры, и тѣ архитектурные мотивы, какими переполненъ альбомъ, вносятъ цѣнный вкладъ въ исторію деревяннаго зодчества. Альбомъ Пальмквиста, шведскаго инженера, путешествовавшаго по Россіи въ 1674 г., также даетъ цѣнный графическій матеріалъ. Олеарій уже не такъ достовѣренъ и многія изъ гравюръ въ его путешествіи по Московіи сдѣланы по воспоминанію или по разсказамъ. Правда, рисунки костюмовъ довольно правдоподобны и, какъ будто, взяты съ натуры, что весьма удобно было сдѣлать съ костюмовъ, захваченныхъ съ собой посольствомъ и рисованныхъ потомъ въ Германіи. Искусство деревяннаго строительства въ Старой Москвѣ, такъ высоко стоявшее, по словамъ путешественниковъ, еще болѣе подтверждается тѣми памятниками, какіе дошли до нашего времени или остались въ видѣ точныхъ рисунковъ, каковъ, напримѣръ, Коломенскій дворецъ *стр. 243,* или деревянный теремокъ-кабачокъ, *стр. 245,* существовавшій въ 19-мъ вѣкѣ между Костромой и Ярославлемъ, который зарисованъ въ альбомѣ А. Демидова художникомъ, сопровождавшимъ его въ путешествіи по Россіи въ 1839 г. Въ сороковыхъ годахъ съ этихъ рисунковъ французскій художникъ André Durand сдѣлалъ серію литографій, составившую большой альбомъ, изданный Демидовымъ. Самобытность основныхъ формъ, разнообразіе и оригинальность деталей въ этихъ изображеніяхъ даютъ нѣкоторое понятіе о томъ богатствѣ деревяннаго зодчества, какое процвѣтало до 18-го вѣка и заглохло впослѣдствіи. Смутное представленіе

Видъ Всесвятскаго моста черезъ Москву рѣку со стороны Замоскворѣчья.
1682—1687 г. (Съ гравюры Пикара, исполненной около 1710 года).

о деревянныхъ орнаментахъ, какими украшали свои дома москвичи, можно получить по нѣкоторымъ письменнымъ свидѣтельствамъ. Въ Стоглавѣ въ порицаніе москвичамъ говорится такъ: «надъ вратами домовъ христіанъ поставлены звѣри и зміи, и невѣрные храбрые мужи»; это тѣ самые рѣзаные изъ дерева львы, единороги и сирины, которые и до нашихъ дней можно еще встрѣтить на воротахъ домовъ по деревнямъ и стариннымъ захолустнымъ городамъ. Коломенскій дворецъ, вѣроятно, обильно украшенный этими «звѣрями и невѣрными храбрыми мужами», выражаясь образно, былъ только зеркаломъ, отражавшимъ за восемь верстъ современную ему Москву; въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались всевозможные архитектурные мотивы крышъ, оконъ, переходовъ, гульбищъ и т. д., какими изобиловала

тогдашняя Москва, и упомянутый трактиръ можетъ служить какъ бы добавочнымъ архитектурнымъ звеномъ Коломенскому дворцу; виртуозность замысла здѣсь соединена съ удивительной ловкостью распоряжаться матеріаломъ, послушнымъ подъ топоромъ и долотомъ. Какой бы цѣнный вкладъ былъ сдѣланъ въ русскую архитектуру, если бы памятники деревяннаго зодчества Старой Москвы не пожирались пламенемъ нѣсколько разъ въ столѣтіе! Огонь «растекался рѣкой», по образному выраженію того времени, и эта огненная рѣка сметала и превращала въ пепелъ цѣлые «концы», унося вмѣстѣ съ домами дивные образцы узорочья, одежды, всякую «кузнь», иконы, мебель и иные плоды народнаго труда и творчества. И если бы не сохранившіеся остатки на сѣверѣ въ видѣ деревянныхъ церквей и иконостасовъ, рѣзныхъ расписныхъ фронтоновъ на избахъ, рѣзныхъ наличниковъ, ставней, воротъ, то казалось бы, что связь съ деревяннымъ зодчествомъ прошлаго безвозвратно погибла. Смутные слѣды архитектурныхъ пріемовъ прошлаго, правда, мы видимъ и теперь. Что такое наши полукаменные дома, какъ не намекъ на каменные подклѣты и деревянные жилые терема наверху, подобные деревянному терему Василія Іоанновича на каменномъ Іоанновскомъ теремѣ или подобно дому Морозова въ Кремлѣ на рисункѣ Мейерберга? Что такое наши мезонины, чердаки, какъ не видоизмѣненные терема и теремки, ясные слѣды которыхъ можно замѣтить на Сигизмундовскомъ планѣ, съ тою только разницею, что у насъ конекъ мезонина перпендикуляренъ фасаду зданія, на планѣ же—параллеленъ, отчего получаются по концамъ дома два фронтона, одинъ изъ которыхъ соотвѣтствуетъ нижней части дома, другой—терему. Въ деревняхъ же и въ захолустныхъ городахъ слѣды архитектурныхъ мотивовъ прошлаго можно прослѣдить еще больше. Пройдетъ двадцать, тридцать лѣтъ, и на Москвѣ не останется этихъ слѣдовъ, напоминающихъ деревянное теремное строительство. Уголки Москвы съ мезонинами, крылечками, застекленными галереями, какими мы любуемся еще теперь, будутъ скоро вытѣснены шестиэтажными громадами. Бѣлокаменное зодчество въ сѣдой старинѣ Москвы, начатое Іоанномъ Калитой, продолжалось при его преемникахъ, переходя постепенно, при итальянцахъ, въ кирпичное, достигшее въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ высокаго совершенства. Повторяя въ началѣ основныя формы деревяннаго зодчества, оно дало, именно благодаря этому обстоятельству, совершенно новыя формы. Такъ, наружныя деревянныя лѣстницы Герберштейновскаго плана превратились въ красивые, незанимающіе мѣста внутри зданія, декоративные придатки въ видѣ отметныхъ лѣстницъ на ползучихъ аркахъ съ шатровыми покрытіями надъ площадками между маршами лѣстницъ. Этотъ архитектурный мотивъ, такъ широко развитой въ Старой Москвѣ, теперь, къ сожалѣнію, совершенно забытъ. Прекрасный образецъ такихъ лѣстницъ мы видимъ въ маршахъ всходовъ Василія Блаженнаго; а прежде онѣ были и у Грановитой палаты,

Московскій Кремль. Съ такъ называемаго Годуновскаго плана, исполненнаго въ 1600—1605 г. (Приложенъ къ «Second volume de la Géographie Blavianae» à Amsterdam, 1663).

у приказовъ, у посольскихъ дворовъ какъ на Ильинкѣ, такъ и на Маросейкѣ и у многихъ боярскихъ хоромъ. Павелъ Алеппскій во второй половинѣ 17-го вѣка, описывая храмы и дома московитовъ, украшенные рублеными изъ кирпича орнаментами и изразцами, приходилъ въ восторгъ отъ изящества работы и удивлялся искусству, съ какимъ мастера изъ грубаго матеріала — кирпича вырубали тонкіе узоры. Характеръ природы, гдѣ осѣлъ центръ жизни страны, выразившійся въ деревянномъ зодчествѣ, продолжалъ вліять и на дальнѣйшій ходъ строительнаго искусства. Обиліе лѣса дало возможность обжигать массу кирпича и породило своеобразное искусство «цѣнинное», въ тѣсномъ значеніи — гончарное, давшее въ 17-мъ вѣкѣ поразительные памятники въ видѣ муравчатыхъ печей, фризовъ и цѣлыхъ

церковныхъ главокъ и создавшее такой удивительный памятникъ, какъ Крутицкій теремокъ, равнаго которому въ этомъ родѣ искусства трудно найти не только въ Россіи, но и вообще въ Европѣ. Занесенное съ далекаго востока, изъ Средней Азіи, быть можетъ, черезъ монголовъ цѣнинное искусство быстро привилось къ натурѣ сѣвернаго славянина, склоннаго къ узорочью и краскамъ, и въ началѣ 18-го вѣка быстро заглохло, благодаря переносу центра жизни далеко на сѣверъ, на неприютные болотистые берега Финскаго залива.

По словамъ иностранныхъ пословъ и путешественниковъ, Москва 17-го вѣка не уступала по величинѣ Парижу и превышала многіе выдающіеся города Европы; населеніе ея достигало 200,000 жителей. Но, несмотря на обширную территорію, занимаемую Москвой, ея многолюдство и нѣкоторую городскую организацію — о чемъ рѣчь будетъ впереди — это была всетаки, огромная деревня, притомъ же, деревня трудовая. Всѣ ея концы съ названіями: Кожевники, Сыромятники, Серебряники, Гончары, Оружейники — развѣ не говорятъ о чисто народномъ характерѣ города, раздѣленнаго на участки по роду занятій? Производя впечатлѣніе огромной деревни, старая до-Петровская Москва во многомъ напоминала ее и внутренними распорядками. Непролазная грязь, болота, хотя и вымощенныя по проѣздамъ бревнами, представляли для коннаго и пѣшаго не мало затрудненій. О санитарномъ состояніи города можно судить по весьма характерной подробности въ одномъ изъ документовъ о размежеваніи городскихъ угодій. Въ планахъ Старой Москвы, изданныхъ Археологическимъ обществомъ въ 1861 г. въ одномъ мѣстѣ сказано: «отъ саду до навозной кучи 34 сажени». Если въ центрѣ города, въ Занеглименьи, неподалеку отъ Кремля существовалъ подобный межевой знакъ, вѣроятно, почтеннаго возраста, то на окраинахъ, въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ ихъ было несравненно больше. О безобразіяхъ московскихъ писали многіе изъ путешественниковъ, — Таннеръ, Олеарій и другіе, но это не даетъ еще права считать, по крайней мѣрѣ, Москву 17-го вѣка городомъ азіатскимъ, неустроеннымъ. При этомъ не нужно забывать, что въ то время и города Европы не отличались большимъ благоустройствомъ, и на улицахъ Парижа въ 17-мъ вѣкѣ была такая же непролазная грязь и валялась падаль. Несмотря на деревенскій обликъ, древняя Москва имѣла свое городское управленіе. Былъ Земскій приказъ и не одинъ, а два, — старый и новый. Одинъ стоялъ на мѣстѣ теперешняго Историческаго Музея, а другой неподалеку отъ Троицкихъ воротъ въ Чертольи. Земскій приказъ вѣдалъ городскія дѣла. Въ его распоряженіи находились мостовыя, пожарное дѣло, богадѣльни или убогіе дома, больницы и проч. За мостовыми надзирали такъ называемые «мостовые головы»; на обязанности ихъ лежало слѣдить за починкой мостовыхъ и уборкой съ нихъ грязи на огороды и сады. Мостовыя были

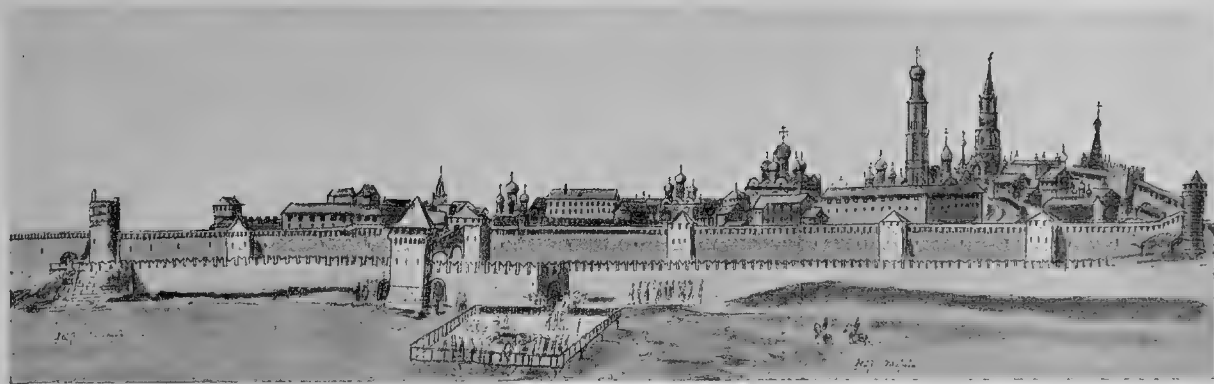

Видъ Кремля съ Красной площади въ 1661 г.
Изъ альбома Мейерберга.

бревенчатыя и шли по всѣмъ главнымъ улицамъ. Слѣды древнихъ мостовыхъ легко можно было замѣтить при прокладкѣ на улицахъ водопроводныхъ и канализаціонныхъ трубъ лѣтъ семь, восемь назадъ. Онѣ представлялись въ видѣ деревянной настилки на аршинъ ниже булыжной мостовой; ихъ можно было наблюдать на Мясницкой, Москворѣцкой, Тверской и другихъ улицахъ. На послѣдней мостовая была, повидимому, изъ бѣлаго камня, что можно было заключить по грудамъ этого матеріала, вынутаго изъ канализаціонныхъ траншей. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ эта улица была самая главная, называлась Царской и по ней обыкновенно совершались торжественные въѣзды пословъ. Въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ,—въ Кремлѣ, Китай-городѣ, поверхъ бревенчатой мостовой вдоль настилались доски, что устраняло тряску. Продольную настилку можно прослѣдить на Годуновскомъ и на частичныхъ планахъ Москвы, изданныхъ въ 1898 г. Комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ѣзда по такимъ мостовымъ, по всей вѣроятности, была несравненно покойнѣе, чѣмъ по современнымъ булыжнымъ. Были извозчики, и путешественники находили ѣзду очень быстрой и недорогой, — за каждый конецъ платилась копейка, при чемъ, проѣхавъ на копейку, извозчикъ останавливался и, если сѣдокъ хотѣлъ ѣхать дальше, требовалъ еще копейку. Существовали «убогіе дома»—богадѣльни. На обязанности божедомовъ лежало воспитаніе подкидышей, а также они должны были подбирать на улицахъ убитыхъ и запившихся. Были «зяблыя больницы»—не то для обморожен-

ныхъ, не то дома для обогрѣванія во время сильныхъ морозовъ. Была своя городская полиція,—«земскіе ярыжки» съ буквами Ѕ и Ж на груди. Были «пожарные головы», завѣдующіе пожарнымъ дѣломъ; а въ концѣ 17-го вѣка появились даже пожарныя трубы-машины, по крайней мѣрѣ въ Кремлѣ. Въ томъ же вѣкѣ въ Кремлѣ былъ устроенъ и водопроводъ. «Хитростройными художествы возвелъ (архитекторъ) воду изъ Москвы-рѣки на царскій дворъ ради великаго потребленія»—какъ сказано въ записяхъ того времени про это знаменательное для москвичей событіе. Вода была проведена съ Портомойной (Свибловской) башни по свинцовымъ трубамъ на Запасномъ дворцѣ, въ висячіе сады, во дворецъ и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, къ Фроловскимъ воротамъ. Все это говоритъ въ пользу того, что культурныя начинанія не были чужды и старой до-Петровской Москвѣ, а такія учрежденія какъ Заиконоспасская Академія, Печатный дворъ, Монетный дворъ, стоявшій на Полянкѣ и отъ котораго осталось только названіе Денежнаго переулка, Пушечнолитейный дворъ и т. д., заставляютъ вспомнить болѣе или менѣе монументальныя зданія, возвышавшіяся среди деревянныхъ обывательскихъ одворицъ, придававшія Москвѣ видъ внушительнаго, культурнаго и богатаго города.

Но что же было главнымъ пульсомъ этого интереснаго города? Что сплочивало его двухсотъ-тысячное населеніе? Сложившееся мнѣніе, что Старая Москва была только вотчиной князя или царя, работавшая на ихъ дворъ, едва ли справедливо. Цѣлые концы и улицы, названные по роду занятій ихъ обитателей, едва ли могли имѣть цѣлью своего производства единственно только снабженіе царскаго или княжескаго дома. Для царскихъ потребностей была при теремахъ «мастерская и оружейная палата», гдѣ вырабатывались предметы самаго разнообразнаго характера, а если чего не хватало, то покупалось на сторонѣ. Если Иванъ Грозный, терзаемый враждой къ боярамъ, основалъ свой отдѣльный въ Москвѣ городъ и для прокорма жадной опричнины окружилъ его улицами и переулками по роду занятій, какія несли опричники при дворѣ, исполняя обязанности хлѣбниковъ, скатертниковъ и проч., оставившіе послѣ себя названія улицъ и переулковъ цѣлаго района, то это не даетъ права заключить, что и другіе концы Москвы,—Котельники, Гончары, Кожевники, Сыромятники, Хамовники и проч. тоже служили исключительно для царскихъ потребностей. Получая изъ за границы и городовъ русскихъ разные товары, Москва должна же была давать что нибудь въ обмѣнъ. А предметы обмѣна, судя по самымъ разнообразнымъ родамъ занятій, какія присвоивались многолюднымъ концамъ Москвы, были многочисленны и давали образцы высокаго искусства въ родѣ цѣннаго дѣла или серебрянаго, породившаго своеобразные виды производства, каковы, напримѣръ, «обронныя» и «сканныя» работы. Всякая «кузнь», куда причислялись и ювелирныя издѣлія, обнаруживала тонкій художественный вкусъ и умѣнье, судя по церковной утвари,

Видъ Кремля со стороны Москвы рѣки въ 1661 г.
Изъ альбома Мейерберга.

басменнымъ и эмалевымъ окладамъ и ризамъ на иконахъ. Техника въ нѣкоторыхъ производствахъ стояла не менѣе высоко. Секретъ выдѣлки кожъ: сафьяна, замши, находившiйся въ рукахъ московскихъ кожевниковъ, ставилъ Москву въ исключительно благопрiятныя условiя для торговли съ иностранцами и русскими городами. Иконное дѣло, достигшее въ Москвѣ въ 17-мъ вѣкѣ небывалаго до того времени подъема въ художественномъ и техническомъ отношенiяхъ, также поставило ее въ очень выгодныя условiя передъ другими русскими городами, давая обильный и цѣнный матерiалъ для обмѣна. Такiя имена какъ Рублевъ, Ушаковъ и образовавшiяся цѣлыя иконописныя школы,—Строгановская, царскихъ писемъ, — говорятъ о недюжинныхъ успѣхахъ этой отрасли художества. Писались цѣлыя руководства по иконописи, составлялись всевозможные техническiе рецепты и совѣты, въ родѣ того, какъ приготовлять золото, краски, грунтовку. Стоитъ вспомнить извѣстное описанiе подготовки грунта къ стѣнописи Успенскаго собора, чтобы убѣдиться въ той серьезности, съ какой относились московиты къ иконописному дѣлу. Помѣченный въ Кремлѣ на рисункѣ Мейерберга иконописный теремъ говоритъ ужъ какъ бы о началѣ въ Москвѣ художественной школы черезъ сто слишкомъ лѣтъ возродившейся на берегахъ Невы въ Академiи Художествъ.

Строй художественнаго и всякаго вообще производства былъ по преимуществу семейно-кустарный. Производство всевозможныхъ узорочiй—вышивокъ, кружевъ, ютилось по теремамъ бояръ, по монастырямъ. Всякая кузнь и цѣнинное дѣло производилось тоже по дворамъ, не развиваясь въ широкое заводское и фабричное производство. Въ этомъ было большое преимущество, дававшее свободу личному творчеству, выразившемуся съ такимъ разнообразiемъ и художественностью въ памятникахъ при-

кладного искусства, дошедших до нашего времени, какими мы теперь любуемся въ церквахъ, музеяхъ и дворцахъ. Такимъ образомъ, трудовой укладъ народнаго города, выразившійся въ раздѣленіи труда на подобіе средневѣковыхъ цеховъ, далъ неизгладимые слѣды въ продуктахъ свободнаго творчества. Этотъ же чисто народный характеръ наложилъ своеобразную печать и на обликъ его жизни.

Попробуемъ перенестись воображеніемъ за триста, четыреста лѣтъ назадъ и прослѣдить то, что подскажутъ намъ мысль и чувство въ воссозданномъ смутномъ образѣ того, что когда то было. Центръ средневѣковаго уклада жизни города сосредоточивался въ Кремлѣ. Здѣсь были главные храмы, жилъ царь, митрополитъ и самые богатые и властные мужики-бояре; здѣсь находились приказы на Ивановской площади, гдѣ шли суды и расправы. Окруженный со всѣхъ сторонъ водой и рвами, онъ имѣлъ видъ неприступнаго «замка» — какъ его и называли иностранцы. Съ юга его замыкала рѣка Москва и двойныя стѣны; со стороны Красной площади— глубокій ровъ, обложенный кирпичемъ и наполненный водой по подземной трубѣ изъ верхняго Неглиннаго пруда, находившагося за Воскресенскимъ мостомъ, тамъ, гдѣ теперь площадь передъ думой; съ запада, на мѣстѣ теперешняго Александровскаго сада,—глубокіе Неглиненскіе нижніе пруды съ мостами и мукомольными мельницами при нихъ. Взглянувъ на Годуновскій планъ Кремля, еще болѣе убѣждаешься въ томъ, какая громадная разница въ характерѣ построекъ между пригородами и собственно городомъ-кремлемъ. Тамъ—дерево, солома, здѣсь же — бѣлокаменные златоверхіе храмы, крѣпкія двойныя и тройныя стѣны съ высокими башнями, каменные дворцы-терема и даже водопроводъ. По тѣмъ незначительнымъ остаткамъ Кремля, какіе уцѣлѣли отъ вандализма честолюбивыхъ чиновниковъ, и судя по гравюрѣ Пикара начала 18-го вѣка, можно до нѣкоторой степени представить все богатство и красоту тогдашняго Кремля. Если бы онъ остался нетронутымъ даже въ томъ видѣ, какой имѣлъ въ началѣ 18-го вѣка, то это былъ бы единственный архитектурный памятникъ средневѣковья, не уступавшій по цѣльности впечатлѣнія острову Сенъ-Мишель въ Бретани. Кремль прежде всего казался буквально биткомъ набитымъ каменными зданіями. Огромнѣйшій дворецъ, начинавшійся подъ горой запаснымъ дворцомъ и взбиравшійся на гору грудой теремовъ со всевозможными надстройками и пристройками *стр. 247,* имѣлъ не одну тысячу комнатъ. Соборы, церкви, приказы, частные дома, башни, которыхъ внутри Кремля находилось три, и всѣ онѣ въ царскомъ дворцѣ, занимавшемъ юго-западный уголъ Кремля—это былъ отдѣльный, собственно царскій кремль-замокъ. Эти башни: Гербовая—надъ Колымажными воротами, ведущими на площадь у Спаса на Бору передъ теремами; круглая — въ нижнемъ набережномъ саду и третья — надъ воротами въ конюшенномъ дворѣ, съ часами. Золото куполовъ, изразцы, сверкающіе яркими цвѣтами, черепичныя поливныя

Коломенскій дворецъ. 1667—1681 г.
(Съ гравюры Гильфердинга, исполненной незадолго до уничтоженія дворца, разобраннаго въ 1768 г.).

кровли на башняхъ, узорчатые золотые кресты, какъ жаръ горящіе въ небѣ, ряды слюдяныхъ оконъ въ замысловатыхъ переплетахъ—какъ это все было оригинально и красиво!

Кремль былъ продуктомъ вѣкового народнаго творчества: здѣсь вылилось въ осязательную форму все то, что могло создать оно. Складывались про него былины, сказки; онъ принималъ обликъ сказочнаго жилища Жаръ-птицы. Что такое эти архитектурные фантастическіе мотивы, постоянно встрѣчающіеся на древнихъ иконахъ московскихъ писемъ въ видѣ башенъ, теремовъ, чудныхъ какихъ то фронтоновъ въ родѣ закомаръ и кокошниковъ, какъ не отголоски сказочнаго современнаго имъ Кремля? Не удивительно послѣ этого, что Кремль во всѣ времена былъ центромъ города—

Москва жила имъ. Отсюда волны народной жизни растекались по Красной площади и по улицамъ и переулкамъ Китай-города. На Красной площади съ утра и до вечера толпился праздный и дѣловой народъ, по пути узнавая новости и слушая бирючей, возвѣщавшихъ царскіе указы. Отсюда вѣсти разносились по всему городу: то о войнѣ, то о казняхъ и новыхъ налогахъ и поборахъ. Отсюда же, вѣроятно, волны народной жизни, взбудораженныя кознями бояръ и насиліемъ тирановъ, ударялись о кремлевскія твердыни, порождая смуты, бунты и крамолу. Красная площадь для Москвы была и Великій торгъ, и то же, что Форумъ для стараго Рима. Здѣсь стояла трибуна «роста», или какъ у вѣчевиковъ «степень»—Лобное мѣсто. Отсюда по Москворѣцкой улицѣ—рукой подать—былъ калачный и рыбный ряды или, какъ называютъ теперь въ провинціи,—«обжорный рядъ». За грошъ—за два здѣсь былъ сытъ обыватель. А въ Китай-городѣ—кружала и харчевни, и погреба въ Гостиномъ дворѣ съ фряжскими винами, продаваемыми на выносъ въ глиняныхъ и мѣдныхъ кувшинахъ и кружкахъ. Тутъ же брадобреи, и стригуны для желающихъ, прямо на открытомъ воздухѣ занимавшіеся своимъ ремесломъ, отчего за многіе годы накопился на улицѣ такой слой человѣческихъ волосъ, что по нему ходили и ѣздили, какъ по войлоку; поэтому и названіе ряда было «вшивый». Здѣсь же, на Крестцахъ, перекресткахъ улицъ, неожиданно раздавшійся вопль и причитанія о покойникѣ, говорили о томъ, что родственники узнали въ выставленномъ на показъ божедомами покойникѣ, своего сродника... Здѣсь же съ бирюзовыми колечками во рту зазывали прохожихъ въ кружала и притоны словоохотливыя веселыя женщины. Слышенъ былъ плачъ дѣтей-подкидышей, вынесенныхъ сюда въ корзинахъ все тѣми же божедомами, собиравшими добровольныя приношенія на ихъ пропитаніе... Пройдетъ толпа скомороховъ съ сопѣлями, гудками и домрами... Раздастся оглушительный перезвонъ колоколовъ на низкой деревянной на столбахъ колокольнѣ... Склоняются головы и спины передъ проносимой чтимой чудотворной иконой... Разольется захватывающая разгульная пѣсня пропившихся до послѣдней нитки бражниковъ... Гремятъ цѣпи выведенныхъ сюда для сбора подаянія колодниковъ... Крикъ юродиваго, пѣсня каликъ перехожихъ... Смерть, любовь, рожденіе, стоны и смѣхъ, драма и комедія—все завязалось неразрывнымъ непонятнымъ узломъ и живетъ вмѣстѣ, какъ проявленіе своеобразнаго уклада жизни средневѣковаго народнаго города. Но вотъ, день клонится къ вечеру; пустѣютъ улицы и площади: народъ разошелся кто по домамъ, кто по церквамъ къ вечернѣ и всенощной, а кто въ бани. Насколько москвичи любили бани, можно судить по тѣмъ подробностямъ, съ какими онѣ изображены на всѣхъ планахъ старой Москвы: у Олеарія, Мейерберга, на Сигизмундовскомъ и другихъ. Онѣ помѣчены у Пушечнолитейнаго двора направо отъ длиннаго охотнорядскаго моста, на мѣстѣ современнаго Метрополя, гдѣ онѣ существовали вплоть до постройки этого

Теремокъ-кабачокъ между Костромой и Ярославлемъ.
Съ литографіи André Durand въ изданіи «A. Demidoff. Excursion pittoresque et archéologique en Russie exécutée en 1839».

дома. Серебрянскія—у Яузскаго моста; онѣ существуютъ и по сіе время, и гравюра 18-го вѣка, изображающая эти бани, вполнѣ передаетъ ихъ видъ, какой онѣ имѣли и въ 17-мъ вѣкѣ. Бани на Москвѣ рѣкѣ у Москворѣцкаго моста и у Каменнаго; въ послѣднемъ случаѣ, повидимому, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ существуютъ и въ наше время. Характерная особенность, съ какой всѣ онѣ изображены,—это отсутствіе крышъ. Подобныя бани можно встрѣтить и теперь по деревнямъ: крыша замѣнена у нихъ толстымъ слоемъ дерна, наваленнаго на бревенчатую настилку потолка, вѣроятно, для большей сохранности тепла. Затѣмъ, всѣ бани помѣчены съ журавцами для подъема воды въ банные желоба изъ Москвы рѣки или прудовъ. Подобные журавцы встрѣчаются и теперь по всей Руси для подъема воды изъ колодцевъ. На

миніатюрѣ въ одномъ синодикѣ половины 17-го вѣка изображенъ пресвитеръ въ передбанникѣ съ банщикомъ, снимающимъ съ ноги его сапогъ; между ними, видимо, идетъ мирный разговоръ; на фонѣ этой жанровой картины надъ крышами зданій изображенъ журавецъ и банщикъ при немъ, подымающій воду. У бояръ, именитыхъ купцовъ бани, баньки и мыленки стояли по дворамъ и въ садахъ и были часто липовыя со всѣми удобствами и комфортомъ. Въ такихъ баняхъ парились въ душистомъ пару отъ брошенныхъ на каменицу мяты или зори, которыя можно встрѣтить и теперь въ провинціи, растущими у бань большими кустами.

Но вотъ, вышли послѣдніе посѣтители изъ общественныхъ бань, отошли давно всенощныя. Заскрипѣли на всѣ лады тяжелыя городскія по башнямъ ворота, окованныя желѣзомъ, — и въ Деревянномъ городѣ, и въ Бѣломъ, и Китай-городѣ, и Кремлѣ, и у царя на дворѣ — день кончился. Теперь ни въ городъ никому не пройти, не проѣхать, ни изъ города: всюду рѣшеточные сторожа, привратники, крѣпкіе засовы и замки, а гдѣ и подъемные мосты. Догораютъ послѣдніе огни въ слюдяныхъ, паюсныхъ и брюшинныхъ окнахъ; закрываютъ ставни, закрѣпляютъ оконные заслоны изнутри, настаетъ ночь,—тревожная, темная, чреватая бѣдами и напастями. Кто хочетъ пробраться къ сродникамъ или кто запоздалъ, засидѣвшись въ гостяхъ, бери фонарь и крѣпкую охрану съ сулицами и кистенями, а то быть на утрѣ неосторожному у божедомовъ. Выползутъ изъ подъ мостовъ, изъ землянокъ съ окраинъ московскихъ темные люди; идутъ крадучись возлѣ уснувшихъ домовъ... Лай собакъ стоитъ надъ городомъ, постукиваніе въ била сторожей и ихъ оклики, да слышно, какъ шумятъ мельницы у мостовъ. Спятъ серебренники, не стучатъ молоты въ кузнецкомъ концѣ, замолкли Гончары, Хамовники безмолвны, и пусты ихъ улицы. Гдѣ то крикъ о помощи... Вдругъ набатъ, завыли псы... всполыхнуло зарево надъ Москвой! Реветъ, сзываетъ сполошный колоколъ на кремлевской башнѣ, что у Фроловскихъ воротъ. Отвѣчаетъ ему тревожнымъ крикомъ какая то маленькая деревянная церковка, ярко освѣщенная заревомъ сверху до низу. А тати не дремлютъ, имъ пожива. Крѣпче замкнули рѣшеточные сторожа уличныя рѣшетки, участилась дробь колотушекъ караульщиковъ: того и гляди пожаромъ воспользуются грабители и выкрадутъ казну изъ амбаровъ. Такъ и случилось въ 1595 году. Нѣсколько головорѣзовъ съ какими нибудь типичными прозвищами въ родѣ Онипко Безпалый да Ондрейко Сухота затѣяли ограбить великую казну бояръ и купцовъ, хранившуюся въ кладовыхъ подъ Василіемъ Блаженнымъ, воспользовавшись для этого темной бурной ночью и пожаромъ, который они хотѣли произвести, запаливъ Москву съ четырехъ сторонъ. Но замыселъ былъ открытъ, и они поплатились за него своими буйными головами, сложивъ ихъ гдѣ нибудь на Болотѣ или «у той ли лужи поганой». Но вотъ, еле замѣтный свѣтъ утра прокрался на небѣ. Загудѣли колокола

Видъ Кремля со стороны Замоскворѣчья около 1710 года.
(Съ гравюры Пикара).

на Иванѣ, пошли перезвоны по всей Москвѣ къ заутренѣ и ранней обѣднѣ — начался день. Опять заскрипѣли городскія ворота, впуская мужиковъ изъ деревень съ провизіей и запоздалыхъ съ вечера пріѣзжихъ гостей, ночевавшихъ за городомъ по постоялымъ дворамъ и дожидавшихся разсвѣта. Загремѣли замки и цѣпи въ Гостиномъ дворѣ, застучали молоты въ Кузнецкомъ концѣ, и въ Серебреникахъ, и у Котельниковъ, заскрипѣли банные журавцы, пошли по площадямъ блинники, кисельники, сбитенщики, вывалилъ московскій народъ на улицы—пошелъ чредою шумный день.

Городъ жилъ чудной, полной страстей жизнью. Будетъ большой ошибкой считать жизнь старой Москвы скучной, монотонной и неодухотворенной. Масса

народа гудѣла, какъ улей, и волновалась подчасъ бурно и жестоко; стоитъ только вспомнить народные бунты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Трудовой народъ, составлявшій главный контингентъ населенія Москвы, имѣлъ свои, отсутствующія теперь, зрѣлища и забавы; они вливали въ жилы энергію, смѣлость и бодрость. Торжественные царскіе выходы, помпезные въѣзды пословъ, великолѣпные крестные ходы въ родѣ вербнаго или Крещенскаго водосвятія, обставленные театрально и красиво. Такіе же крестные ходы, хотя и менѣе торжественные, происходили въ продолженіе всего года. То крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь въ память избавленія Москвы отъ нашествія Тамерлана, то въ память избавленія отъ моровой язвы, отъ которой, къ слову сказать, вымерло больше половины жителей. Періодически повторявшіяся ярмарки также не мало способствовали оживленію городской жизни. Грибной торгъ на льду рѣки Москвы въ первую недѣлю Великаго поста, когда москвичи запасались постной провизіей на весь Великій постъ. Птичій торгъ на Трубѣ, вербный на Красной площади, торгъ подъ Новинскимъ, торгъ подъ Ново-Дѣвичьемъ монастыремъ новинами и всякимъ крестьянскимъ рукодѣліемъ. Наконецъ, народныя гулянья на масленицѣ и на Пасхѣ—все это было пищей для того, чтобы развлечь и облегчить ходъ тяжелой трудовой жизни. Тутъ еще медвѣжьи и кулачные бои на льду Москвы рѣки; есть гдѣ разгуляться удали и потѣшиться, въ особенности, когда ударитъ стѣнка на стѣнку и, къ примѣру сказать, котельники начнутъ тузить гончаровъ и серебрениковъ. Затѣмъ, не маловажное зрѣлище представляли изъ себя и судебные поединки у Троицы на Поляхъ въ углу у стѣны Китай-города, вѣроятно тамъ, гдѣ теперь площадка на востокъ отъ церкви съ лавочками букинистовъ у Проломныхъ воротъ съ лѣстницей, ведущей къ памятнику первопечатника Ивана Ѳедорова. А то, вдругъ, перекатится по улицамъ города: «на Москвѣ рѣкѣ головы рубятъ»—какъ стремглавъ несутся туда толпы москвитянъ. Такъ и случилось однажды при Іоаннѣ III. Лѣчилъ нѣмчинъ дочь жившаго при дворѣ одного татарскаго князя и не вылѣчилъ; дочь умерла и отецъ билъ челомъ на нѣмчина великому князю, а тотъ головой выдалъ нѣмчина татарину, который, не долго думая, свелъ лѣкаря на Москву рѣку, да тамъ у Москворѣцкаго моста по татарски и зарѣзалъ его. Жизнь стоила дешево. Рубили же головы часто и помногу: рубили на Красной площади, рубили на болотѣ, рубили у «той ли лужи поганой», т. е. теперешнихъ Чистыхъ прудовъ, бывшихъ прежде грязной лужей. И москвичи молча толпами стекались на казни,—одни съ гнѣвомъ и местью въ сердцѣ, другіе—со страхомъ и рабской покорностью... Мрачный духъ средневѣковья не жалѣлъ людей. Если итти отъ Москвы рѣки къ Василію Блаженному, то слѣдующая за угловой Беклемишевской стрѣльней будетъ башня Застѣнокъ. Виденъ рядъ оконъ узкихъ, какъ бойницы; они начинаются отъ Безымянной башни и идутъ вплоть до Застѣнка. Здѣсь

Панорама Кремля въ концѣ 18-го вѣка.
Съ акварели Кваренги. (Историческій музей въ Москвѣ).

то и было мѣсто пытокъ, и проходившій въ тѣ давнія времена мимо мрачныхъ стѣнъ слышалъ стоны, мольбы и проклятія изъ этихъ узкихъ, какъ бойницы, черныхъ отверстій... Эта башня была тогда значительно больше; она перекидывалась черезъ ровъ двумя уступами, оканчиваясь уже за рвомъ такъ называемой Отводной башней; имѣла справа ворота Константиноеленскія по церкви того же названія, сохранившейся и до нашихъ дней. Судя по рисунку Мейерберга, черезъ ровъ, вѣроятно, былъ подъемный или передвижной мостъ. Видъ она имѣла внушительный и мрачный. Теперь это—единственная изъ кремлевскихъ башенъ, которая обитаема, и видъ ея самый невинный. Все минется, все прейдетъ.

Средневѣковый строй жизни до-Петровской Москвы сказывался во всемъ и проявлялся иногда въ такихъ непонятныхъ для насъ формахъ, которыя можно понять развѣ только переселившись и живя въ то стародавнее время. Взять хоть слѣдующій обычай. Какъ извѣстно, безвременно погибшихъ отъ пьянства или насильственной смерти, подобранныхъ на улицахъ божедомы выносили на Крестцы, не опознаетъ ли кто въ погибшемъ своего сродника? Если родственниковъ не находилось, то такихъ безъ роду и племени увозили божедомы въ такъ называемыя «гноевища»—общія ямы въ обширномъ сараѣ и складывали ихъ рядами, гдѣ они и должны были лежать до Троицына дня, дожидаясь погребенія. Не трудно представить, во что превращались сложенные въ этихъ «гноевищахъ» трупы во время весенняго тепла... И вотъ, въ Троицынъ день приходили москвичи, приносили рубахи и саваны, разбирали покойниковъ, омывали ихъ гноящіяся склизкія тѣла, одѣвали, клали въ гроба и, совершивъ погребальный обрядъ, хоронили. Для погре-

бавшихъ это были совершенно чужіе люди, быть можетъ, разбойники, убитые во время ночныхъ нападеній на темныхъ улицахъ. Въ этой поразительной чертѣ народнаго характера нужно удивляться не то безпримѣрному самоотверженію и христіанскому человѣколюбію, не то чудовищной небрезгливости москвичей. Не менѣе удивительна была и Радуница — день поминовенія усопшихъ, приходившійся въ весеннее время. Сначала по кладбищамъ на могилахъ служились панихиды: печальное пѣніе, кадильный ладонъ, колеблющееся красноватое пламя восковыхъ свѣчей, воткнутыхъ въ могилы. Затѣмъ, на могильныхъ насыпяхъ появлялась разная поминальная снѣдь, брага, медъ, пиво, приходили скоморохи съ домрами и сопѣлями— начиналось веселіе: плесканіе рукъ, скаканіе и всякія непотребы, принимавшія особенный разгулъ, когда на кладбищѣ появлялись веселыя женки съ бирюзовыми колечками во рту. Древній богъ Ярило опять праздновалъ весеннюю побѣду надъ смертью, какъ въ сѣдой старинѣ, и потрясая снопомъ и серпомъ, плясалъ босыми ногами на могильныхъ курганахъ, плелъ вѣнки, игралъ въ горѣлки, умыкая дѣвицъ въ лѣсныя чащи. Этотъ остатокъ язычества, съ которымъ упорно боролось духовенство въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, дошелъ и до нашего времени, хотя далеко не въ такой степени. Своеобразный укладъ народной жизни, какъ результатъ духовнаго облика московитовъ, неизбѣжно долженъ былъ отразиться и на искусствѣ. Цѣлый кадръ мастеровъ «травнаго дѣла» въ росписяхъ стѣнъ, въ иконахъ, декоративныхъ украшеніяхъ теремовъ, говоритъ ужъ о серьезности и большой потребности къ этого рода украшеніямъ. Вспоминая приземистыя, пузатыя колонны московскаго періода въ архитектурѣ, выразительные низкіе своды и маленькія растесанныя конусообразно внутрь окна, распалубки, многоцентровыя арки, массивы куполовъ-луковицъ, золотыхъ, черепичныхъ и раскрашенныхъ, и въ то же время памятуя легкія гульбища теремовъ, свѣтлицы, воздушные переходы съ колонками расписныхъ галерей, — мы невольно поражаемся многообразіемъ формъ въ архитектурѣ и живописи, выражающимъ настроеніе народнаго духа, въ основѣ мятежнаго, совмѣщающаго въ себѣ нерѣдко самые противорѣчивые элементы, которые, тѣмъ не менѣе, живучи и развиваются, несмотря на ихъ, повидимому, непримиримость и диссонансы.

Аполлинарій Васнецовъ.

XV.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО.

Съ тѣхъ поръ какъ стала извѣстна Русь, въ ней имѣлись не только простыя клѣти и избы съ подклѣтами, но и хоромы и даже златоверхіе хоромы-терема. Извѣстія о древнихъ златоверхихъ теремахъ можно найти и въ лѣтописяхъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» [1]. Теремъ Юрія Долгорукаго въ Кіевѣ за Днѣпромъ назывался по своей преукрашенности раемъ. Былъ и въ Москвѣ у Дмитрія Донского златоверхій набережный теремъ въ Кремлѣ у Благовѣщенія. Что это были за постройки— судить, конечно, трудно, но нужно думать, что типъ ихъ созидался постепенно, исходя изъ клѣти и избы, расширяясь и возрастая до крупной группы хоромъ съ ихъ гриднями [2] и расписными «повалушами» [3], съ необходимыми подклѣтами, сѣнями-переходами и широко раскинувшимися торжественными крыльцами.

Время не оставило намъ такого образца. Чудомъ сохранившійся до 1768 года ненужный, заброшенный, когда то роскошный царскій загородный дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, былъ по ветхости разобранъ... Этотъ лучшій представитель хоромнаго зодчества, къ счастію, не исчезъ безслѣдно. Изъ ряда вонъ выходящая его своеобразная картинность, даже въ развалинахъ, останавливала вниманіе, притомъ во время начинающагося увлеченія классической архитектурой. *Стр. 243.* Отъ вниманія страстной любительницы архитектуры, императрицы Екатерины II, по счастію, не ускользнули «живописныя развалины» дворца. И только ей обязаны мы тѣмъ, что съ Коломенскихъ хоромъ снятъ «планъ съ фасадомъ» [4]. *Стр. 252, 253, 254, 255.* Желаніе ея

[1] Златоверхій теремъ великаго князя Святослава Кіевскаго. [2] Обширныя сѣни—родъ пріемной. [3] Повалуша или повалыша, повидимому, интимная семейная часть хоромъ, отдѣленная отъ горницы и комнатъ сѣнями. Повалуши были въ два и въ три житья (этажа) и ихъ было по двѣ и по три въ богатыхъ хоромахъ. Встрѣчались повалуши и казенныя, т. е. приспособленныя къ храненію казны. Крылись повалуши разнообразно и имѣли чердаки, т. е. холодныя помѣщенія, имѣли вышки, шатры и бочки. См. о повалушахъ въ матеріалахъ, изданныхъ И. Е. Забѣлинымъ, «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 438—444. На сѣверѣ до сихъ поръ въ большомъ употребленіи слово «повалиться»—спать. [4] Тогда же была сдѣлана деревянная модель, хранившаяся до 1812 года въ одномъ изъ залъ зданія суда. Существующая модель, находящаяся въ Оружейной палатѣ, сдѣлана въ 70-хъ годахъ 19-го вѣка художникомъ Смирновымъ по древнимъ чертежамъ и описямъ, разработаннымъ И. Е. Забѣлинымъ. Эта модель въ деталяхъ снабжена довольно сильно моднымъ въ то время Ропетовскимъ стилемъ. Въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка въ музеѣ П. Свиньина существовала еще модель Коломенскаго дворца работы Салина. Въ 1758 году въ теремахъ находилась модель деревяннаго дворца, которую присвоивали Коломенскому дворцу, но она принадлежала другому — Воробьевскому. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей». 1895, стр. 456. Чертежи

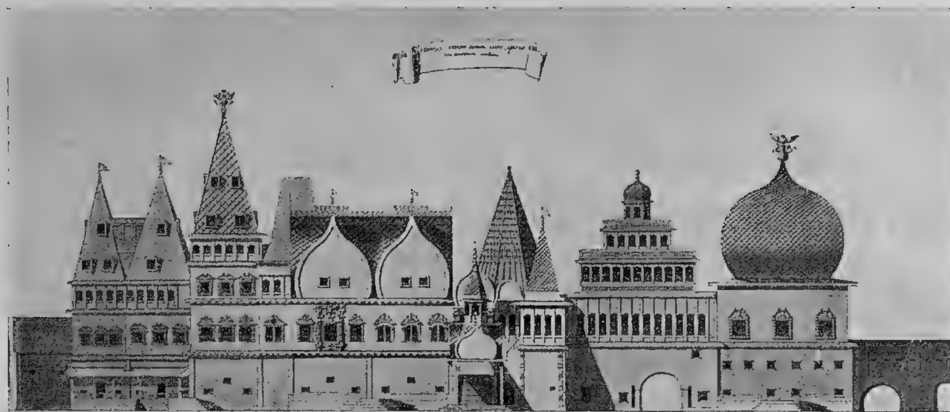
Государевы хоромы. *Хоромы царицы.* *Хоромы царевенъ.*

Фасадъ Коломенскаго дворца съ сѣверо-восточной стороны.

1667—1681 г. (Съ чертежа, снятаго передъ тѣмъ, какъ дворецъ былъ разобранъ).

«возможно старатца чтобъ былъ исправленъ» дворецъ—осталось втуне [1]. Причудливое сочетаніе двоенъ, троенъ, пятерней и семерней, гульбищъ и повалышъ-смотриленъ, соединенныхъ переходами-сѣнями съ ихъ живописно поставленными крыльцами, создалось, конечно, не по прихоти, а по нуждѣ. Лишь болѣе или менѣе парадная часть зданія отмѣчена достоинствомъ работы. Здѣсь есть всѣ рубки отъ самой утонченной «въ усъ», въ «брусъ» и въ «стойку» и до простыхъ «въ обло» и «въ зубъ». Большое оживленіе клѣтямъ и сѣнямъ даютъ ихъ кровли. Здѣсь есть всѣ формы, какія выработала изобрѣтательность народнаго искусства. Обиліе шатровъ указываетъ на обычность примѣненія этой излюбленно-торжественной своенародной формы. Лишь изрѣдка встрѣчается здѣсь епанча и плоскоскатное покрытіе служебныхъ переходовъ и избъ. Священной формой крещатой и обыкновенной бочки отмѣчены хоромы царя и хоромы царицы съ парадными къ нимъ крыльцами. Широкимъ домовитымъ «кубомъ» отмѣчена столовая изба, важнѣйшая часть зданія [2]; красивой группой теремовъ рисуется надстройка надъ столовыми сѣнями (видъ древней гридни). Вся въ «стойку», рядами ярусовъ все уменьшаясь кверху, она доходитъ до восьмигранной кубчатой главки выхода. Ряды уступовъ здѣсь использованы, какъ гульбища (балконы), откуда открывался широкій кругозоръ на рѣдкую по красотѣ окрестность. Причудливой шатровой двойней отмѣчены хоромы царевича.

Воробьевскаго дворца изданы Н. В. Султановымъ въ «Древностяхъ» Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, томъ III. Н. В. Султановъ всѣ деревянныя части дворца считаетъ сдѣланными «по древнимъ образцамъ» въ 1776 году. [1] См. объ этомъ у И. Е Забѣлина. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 452—455. [2] Въ былое время здѣсь стояла повалыша, увѣнчанная орломъ и единорогомъ со львомъ, стоящими на глобусѣ. Этотъ орелъ былъ перенесенъ и на столовую избу.

Хоромы царевича. *Государевы хоромы.* *Терема.* *Столовая.*

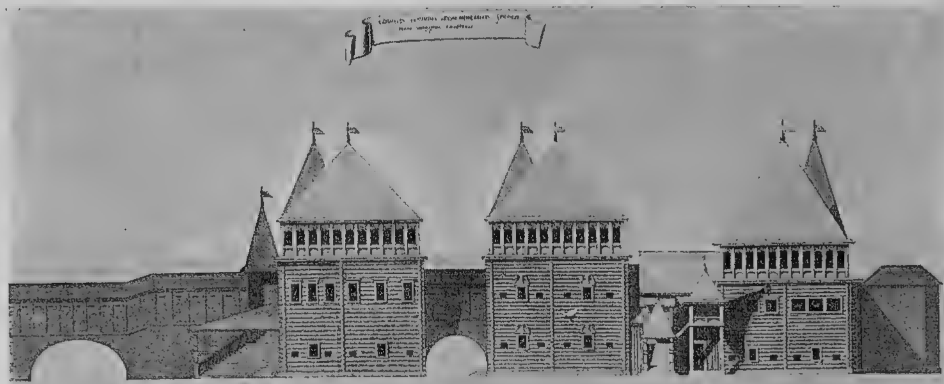
Фасадъ Коломенскаго дворца съ юго-восточной стороны.

1667—1681 г. (Съ чертежа, снятаго передъ тѣмъ, какъ дворецъ былъ разобранъ).

При чрезвычайномъ разнообразіи и выработанности формъ покрытія, Коломенскій дворецъ несложенъ въ пріемахъ декорированія стѣнъ. Придерживаясь простоты и логики въ соединеніи частей, строители не увлекались широкой возможностью ввести «причелину», ограничась лишь устройствомъ наличниковъ вокругъ оконъ, чѣмъ въ сущности отдали дань лишь вкусу къ нарядности, господствовавшему съ середины 17-го вѣка.

Допущенный наличникъ не испортилъ формъ, скорѣе онъ оттѣнилъ ихъ значительность, придавъ соотвѣтствующую выразительность помѣщенію царя, царицы и даже комнатамъ, гдѣ находились троны. Всѣ эти «шпренгеля» и «кзымсы»[1] своей раскраской и позолотой оживили скромную гладь стѣнъ, дополнивъ и смягчивъ ту красочность лазоревыхъ чешуй, которыми покрыты были столовая изба и вышки царицыной и царской повалышъ, увѣнчанныхъ блестяще свѣтлыми «лужеными» орлами. Другія чешуи и бочекъ и шатровъ имѣли зеленый цвѣтъ. Особенно красивъ былъ верхъ надъ помѣщеніемъ царицы, гдѣ рѣзь подзора надъ окнами ажурной галереи теремовъ была окрашена въ «чернильный» цвѣтъ, красиво сочетаясь съ зеленой чешуей и разноцвѣтными наличниками низа. Блестяще свѣтлые коньки-рѣшетки кровель съ «прапорами» (флюгерами) шатровъ и вышекъ, перемежались золоченьемъ висячихъ кружевныхъ подзоровъ и крылечныхъ кровель, давая яркій блескъ на мѣдномъ позлащенномъ гребнѣ крещатой бочки хоромъ царя.

[1] «Шпренгель»—оконный или дверной щипецъ-фронтонъ, а также и декоративный верхъ окна. *Стр. 290.* «Кзымсъ» или «гзымсъ»—карнизъ.

Коломенскій дворецъ. 1667—1681 г. Хоромы царевенъ.
(Съ чертежа, снятаго передъ уничтоженіемъ дворца).

Красиво группируясь средь зелени садовъ на живописномъ берегу Москвы рѣки, Коломенскій дворецъ производилъ чарующее впечатлѣніе. Симеонъ Полоцкій въ своихъ «виршахъ» назвалъ его восьмымъ дивомъ міра. Иностранцы не разъ отмѣчали своеобразіе и красоту дворца, который одному изъ нихъ казался «игрушкой, только что вынутой изъ ящика» [1]. Игрушка эта создалась не сразу. Постепенно, со времени Ивана Калиты росли и наслоялись постройки, по ветхости и нуждамъ быта замѣняясь все новымъ и новымъ. Во дворцѣ любилъ бывать Василій III; въ немъ ежегодно жилъ Іоаннъ IV, справляя день своего рожденья и именинъ. При Θеодорѣ Іоанновичѣ, въ нашествіе Казы Гирея, дворецъ сгорѣлъ и былъ построенъ вновь. Отъ времени постройки 1591 года до 1671 года еще существовали прекрасныя дубовыя рѣзныя раскрашенныя и позлащенныя ворота передъ дворцомъ, которымъ удивлялись польскіе послы [2]. Дворецъ постройки Θеодора Іоанновича значительно подвергся перестройкѣ обветшавшихъ частей въ 1640 году при Михаилѣ Θеодоровичѣ. При Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ загородные подмосковные дворцы «приведены въ отличное устройство». Въ Коломенскомъ дворцѣ въ 1649—1650 г. староста дворцовыхъ плотниковъ,—Смирной Ивановъ построилъ новыя хоромы и церковь [3]. Въ 1657 г. были поставлены тамъ еще новыя хоромы. Черезъ десять лѣтъ царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ выстроить, для своего обширнаго семейства, обширный новый помѣстительный дворецъ. Въ 1667 г. 2-го мая царь былъ въ Коломенскомъ «для окладыванья своихъ государскихъ хоромъ». Осенью дворецъ былъ выстроенъ вчернѣ. Строителями были плотничій староста

[1] Рейтенфельсъ. [2] «Русская старина» А. Мартынова, тетр. 14. [3] Расходная книга Казеннаго приказа 7157 г., № 994 и 7159 г., № 1077.

Коломенскій дворецъ. 1667—1681 г. Государевы хоромы и хоромы царевенъ.
(Съ чертежа, снятаго передъ уничтоженіемъ дворца).

Семенъ Петровъ и плотникъ Иванъ Михайловъ Стрѣлецъ. Всю зиму 1667—1668 года бѣлоруссы рѣзчики, подъ руководствомъ Арсенія монаха, занимались изготовленіемъ деревянной «рѣзи». Всѣ эти рѣзчики сначала работали у патріарха Никона въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ [1]. Дворецъ до 1671 года отдѣлывался извнѣ и внутри, гдѣ производилась живописная работа на полотнѣ, прибитомъ къ стѣнамъ и потолкамъ. Въ работѣ по росписи участвовалъ и знаменитый иконописецъ Симонъ Ушаковъ. По смерти Алексѣя Михайловича царь Θеодоръ Алексѣевичъ въ 1681 году распространилъ и нѣсколько перестроилъ Коломенскій дворецъ, соображаясь съ раздѣленіемъ семейства на нѣсколько особыхъ хозяйствъ, при чемъ подверглась сломкѣ повалыша, на мѣстѣ которой была поставлена столовая изба, покрытая кубомъ. Такимъ образомъ, опредѣлилось время сооруженія дворца, извѣстнаго по чертежамъ, а именно: 1667—1681 г.

Менѣе ясны формы дворца помѣстья-вотчины Романовыхъ въ Измайловѣ близъ Москвы. Гравюра Зубова и оригиналъ неизвѣстнаго мастера, дающій варіантъ этой гравюры *стр. 257,* въ неясныхъ формахъ изображаютъ заднюю сторону «троекровнаго» дворца, перестроеннаго въ 1701 году. Дворецъ перестраивался не разъ и до 1701 года, главнѣйшее же переустройство, а можетъ быть, и устройство вновь было въ 1665—

[1] Потомъ они работали и въ кремлевскомъ дворцѣ. Для работъ были взяты двѣ патріаршія «книги мастерскія къ рѣзному дѣлу въ лицахъ», вѣроятно, нѣмецкія съ гравюрами. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 446 и 447.

1669 г., т. е. въ то время, когда строился Коломенскій дворецъ [1]. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681 году часть Измайловскаго дворца, а именно, хоромы царицы и царевенъ были перенесены на Прѣсню. Неизвѣстно, были ли утраченныя части впослѣдствіи пополнены.

При всѣхъ пополненіяхъ и переустройствахъ Измайловскій дворецъ не достигъ величины и нарядности Коломенскаго дворца. Скорѣе это помѣщичій домъ-хуторъ, таковымъ онъ и высматриваетъ на приведенномъ рисункѣ, гдѣ передана и окружающая его обстановка—церкви Покрова и Іоасафа, ворота и башня съ интереснымъ каменнымъ мостомъ черезъ рѣчку Серебрянку.

По типу довольно близки къ Измайловскому дворцу Сольвычегодскія хоромы Строгановыхъ 1569 года, существовавшія еще въ 1798 году. Къ сожалѣнію, любительскій рисунокъ мѣстнаго археолога устанавливаетъ лишь общій типъ [2]. Существенно лишь въ немъ указаніе на размѣры хоромъ, достигавшихъ въ длину 34 саженъ при 21 сажени съ аршиномъ въ высоту. Послѣдній размѣръ принадлежитъ «повалышѣ», не уступавшей по высотѣ шатровымъ храмамъ. Характеръ древнѣйшихъ деревянныхъ обывательскихъ строеній устанавливаетъ рядъ плановъ Москвы «съ птичьяго полета», начиная съ древнѣйшаго плана Герберштейна, 15-го вѣка. Не мало детальныхъ чертъ ихъ выясняютъ наброски путешественниковъ иностранцевъ, съ большимъ вниманіемъ слѣдившихъ за бытомъ и внѣшней обстановкой загадочно своеобразной Московіи [3]. Съ 18-го вѣка померкшій интересъ къ «родному», къ сожалѣнію, не запечатлѣлъ тѣхъ интересныхъ своенародныхъ формъ построекъ, въ то время переполнявшихъ не только провинціальные посады и города, но и Москву. Какимъ то чудомъ кажется рисунокъ кабачка, стоявшаго когда то на пути изъ Ярославля въ Кострому *стр. 245,* наглядно передающій тѣ живописныя бытовыя формы, которыя создала жизнь.

Деревянные дворцы Московскаго кремля еще съ 14-го вѣка славились своимъ великолѣпіемъ. Златоверхій дворецъ Донского еще болѣе украсилъ сынъ князя—Василій Дмитріевичъ, выстроивъ на сѣняхъ каменный храмъ Благовѣщенія [4], а на княгининой половинѣ «зѣло чудную» церковь Рождества Богородицы [5]. Дворецъ былъ украшенъ также постановкой «часника», т. е. боевыхъ часовъ средневѣковаго типа, «не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно». Частые пожары и перемѣны въ княжеской семьѣ видоизмѣняли дворецъ вплоть до

[1] И. Е. Забѣлинъ. «Бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 482. [2] Рисунки хоромъ приложены къ книгѣ «Именитые люди Строгановы» и къ «Домашнему быту русскихъ царей» И. Е. Забѣлина. [3] Изъ нихъ наиболѣе выдѣляются довольно точные и подробные рисунки Мейерберга 1661 года и Пальмквиста 1674 года. Рисунки Олеарія 30-хъ годовъ 17-го вѣка довольно фантастичны. Изъ русскихъ источниковъ отмѣтимъ «Книгу избранія и вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича», исполненную «иконописцами знаменщиками» Ив. Максимовымъ и С. Рожковымъ въ 1672 году и «Чертежную книгу Сибири» Ремезова 1701 года. [4] Перестроенъ въ 1484 году. [5] Возобновлена Алевизомъ въ 1514 г. и перестроена и передѣлана изъ пятиглавой въ одноглавую въ 1681—1685 г.

Дворцовое село Измайлово въ 1727—1729 г.

Съ оригинала неизвѣстнаго мастера, представляющаго варіантъ гравюры Ивана Зубова.

замѣны деревянныхъ зданій каменными. Но и послѣ сооруженія каменныхъ «палатъ» деревянныя части дворца были обширны, все разрастаясь въ сторону княгининой половины, на сѣверъ къ Богоявленскому монастырю у Троицкихъ воротъ, и даже при Алексѣѣ Михайловичѣ среди парадныхъ каменныхъ палатъ выстраивалась вновь и украшалась не менѣе парадно и богато брусяная «столовая изба» [1]. Замѣна деревянныхъ дворцовыхъ хоромъ каменными палатами началась при возвышеніи Москвы на степень стольнаго «царственнаго» города, при Іоаннѣ III. Наѣхавшіе вслѣдъ за Аристотелемъ Фіораванте фрязины сооружаютъ церемоніальныя палаты и городскія стѣны. Постройку палатъ началъ въ 1481 году фрязинъ Марко Руффо, соорудивъ «казну» между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ

[1] Она была устроена на мѣстѣ старой въ 1661 году инженеромъ Густавомъ Декентинъ и была внутри обита дорогими тканями, а на потолкѣ ея изображены свѣтила ночи. Объ этомъ свидѣтельствовалъ Адольфъ Лизекъ— секретарь цесарскаго посольства.

Кремлевскій дворецъ во второй половинѣ 17-го вѣка.
(Проектъ реставраціи А. П. Новицкаго).

соборами. Тѣмъ же фрязиномъ Марко въ 1487 году была заложена набережная палата на мѣстѣ златоверхаго терема Донского. Въ 1487—1491 г. тотъ же фрязинъ Марко въ сотрудничествѣ съ Піетро Антоніо Соларіо ставитъ обширную Грановитую палату въ части дворца, выходящей на Соборную площадь. Съ постройкой этихъ парадныхъ зданій Великій князь рѣшился выстроить себѣ палаты «для житья». Въ 1492 году онъ велѣлъ старый деревянный дворъ разобрать и на его мѣсто поставить каменный. Но въ виду большихъ опустошеній, произведенныхъ вскорѣ двумя пожарами, когда выгорѣли и вновь сооруженныя палаты, закладка каменнаго дворца состоялась лишь въ 1499 году, постройка же его окончилась въ 1508 году, когда, 7-го мая, ужъ новый государь Василій III перешелъ на житье во вновь сооруженныя палаты. Строителемъ ихъ былъ фрязинъ Алевизъ Новый.

Однако, не все жилище состояло изъ каменныхъ палатъ; княгинина половина, повидимому, получила лишь каменный подклѣтъ, такъ какъ тотъ же Алевизъ въ 1514 году «переставилъ» разрушившуюся «зѣло чудную» церковь Богородицы въ верхній этажъ. Вѣроятно въ то же время, на востокъ отъ храма, была сооружена

Кремлевская площадь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Рисунокъ Ив. Максимова и С. Рожкова изъ «Книги избранія и вѣнчанія на царство царя и великаго князя Михаила Θеодоровича».

задняя княгинина палата [1], къ которой примыкали ея деревянныя «постельныя» хоромы. Впослѣдствіи на мѣстѣ этихъ хоромъ, вѣроятно, послѣ пожара 1547 года, когда выгорѣлъ весь царскій дворъ, были выстроены «мастерскія палаты» [2], а къ набережнымъ палатамъ въ рядъ лицомъ къ Москвѣ рѣкѣ въ 1561 году пристроены палаты для царевича Іоанна съ домовой церковью Срѣтенія Господня. Хоромы для царицы, стоявшія на мѣстѣ мастерскихъ палатъ, повидимому, отодвинулись на сѣверъ лицомъ къ патріаршему двору и, можетъ быть, частію стали на вновь сооруженныя мастерскія палаты, какъ на подклѣтъ. До смутнаго времени уже существовала тамъ деревянная церковь св. Екатерины что на царицыныхъ сѣняхъ [3]. Рядомъ съ нею въ концѣ 16-го вѣка уже находилась золотая царицына

[1] Задняя княгинина палата упоминается въ актахъ первой половины 16-го вѣка. [2] Для бѣлья и платья. Мастерскія палаты упоминаются въ актахъ конца 16-го вѣка. [3] На мѣстѣ сгорѣвшей въ 1627 году была построена каменная церковь Джономъ Талеромъ.

Осипъ Старцевъ.
Спасъ за золотой рѣшеткой въ Кремлѣ. 1679—1681 г.

палата[1]. Обширную добавку къ дворцу устроилъ царь Борисъ, поставивъ впереди царевичевыхъ палатъ каменный запасный дворъ въ голодныя годины 1601—1604 г., чтобъ дать возможность «питаться людямъ». Впослѣдствіи надъ палатами Борисова двора Дмитрій Самозванецъ возвелъ роскошныя деревянныя хоромы въ «польскомъ вкусѣ», чѣмъ и открылъ эпоху иноземныхъ новшествъ 17-го вѣка[2]. Недолго существовавшій дворецъ Самозванца былъ замѣненъ хоромами царя Василія Шуйскаго. Послѣ смутъ и польскаго сидѣнья въ Кремлѣ, дворцовыя палаты и хоромы остались безъ кровель и половъ; все деревянное было изведено на топливо. Царь Михаилъ въ теченіе 30-ти лѣтъ приводилъ дворецъ въ порядокъ и довершилъ его благоустройство сооруженіемъ каменныхъ трехъэтажныхъ «теремовъ», для Алексѣя и Іоанна царе-

[1] Палата царицы Ирины. Она передѣлана изъ какой то древней «наугольной палаты», сооруженной итальянскимъ зодчимъ, что выдаютъ карнизъ и окна части фасада, выходящаго въ сторону Успенскаго собора подъ аркой перехода. [2] Набросокъ дворца Самозванца помѣщенъ въ «Сказаніяхъ о смутномъ времени» Геркмана и Массы. Онъ виденъ и на планѣ 1610 г., *Стр. 233 около цифры 2.*

Боярская площадка постельнаго крыльца и Спасъ за золотой рѣшеткой.
Съ картины Ѳ. Я. Алексѣева, писаной около 1800 года. (Румянцевскій музей).

вичей, возведя ихъ въ 1635—1636 г. надъ мастерскими палатами 16-го вѣка. Въ полнѣйшее благоустройство привелъ дворецъ царь Алексѣй Михайловичъ въ концѣ 60-хъ годовъ 17-го вѣка. Все было поновлено, украшено рѣзьбой, позлащено и раскрашено. Надъ запаснымъ дворцомъ, гдѣ были хоромы Самозванца и Шуйскаго, устроенъ былъ «верхній садъ». Къ набережнымъ палатамъ примкнулъ садъ нижній. Картину благоустройства даетъ попытка возстановленія дворца по древнимъ чертежамъ, описямъ [1] и планамъ. *Стр. 258.* Древнее изображеніе дворцоваго строенія (въ 1672 году) *стр. 259,* помѣщено въ «Книгѣ избранія на царство Михаила Ѳеодо-

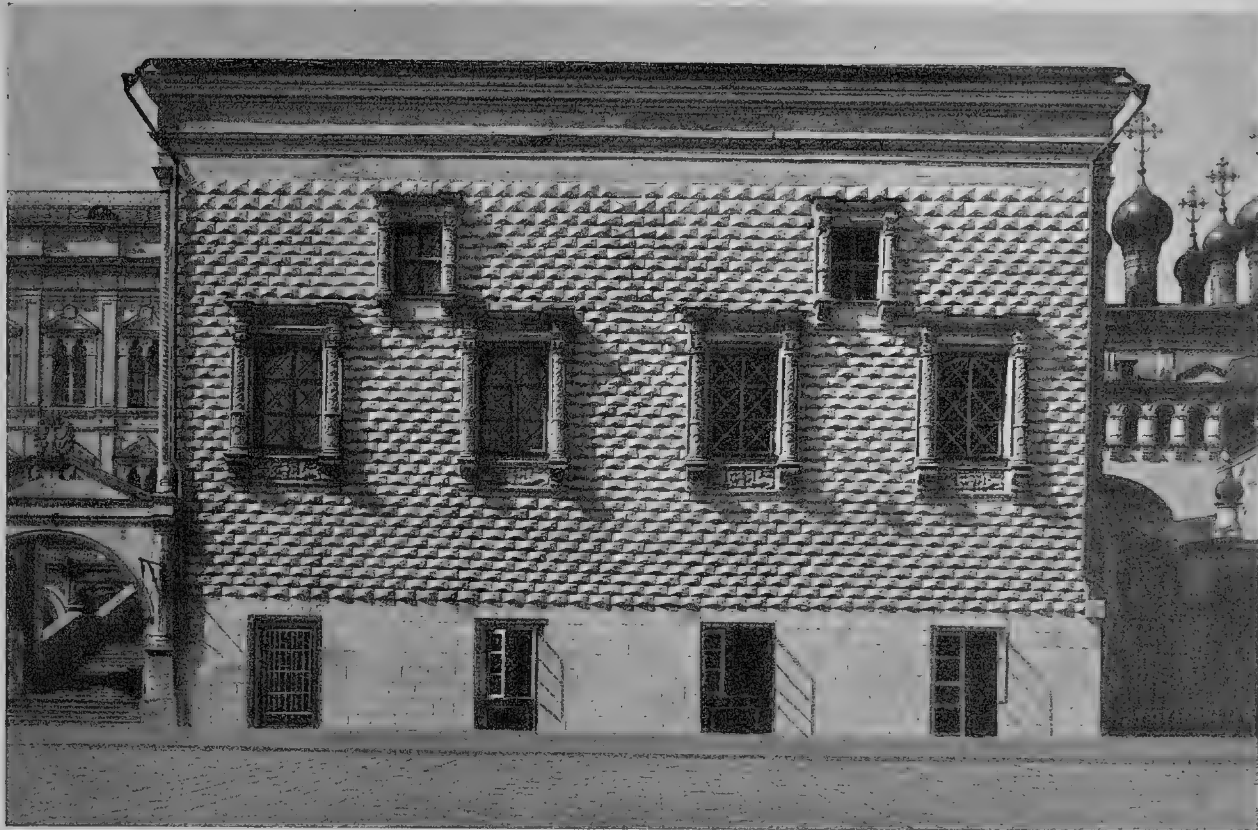
[1] Описаніе дворца и его исторію даетъ И. Е. Забѣлинъ въ своихъ трудахъ «Домашній бытъ русскихъ царей», «Исторія Москвы» и «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», часть I. М. 1884.

ровича». Въ послѣднемъ ясно видны, при окружающей обстановкѣ, главныя части дворца. Особенно выдѣляются «грановитая» и «золотая» (средняя) палата съ краснымъ крыльцомъ-площадкой между ними и съ тремя всходами,—центральнымъ за рѣшеткой, крыльцомъ у Благовѣщенія (обычнымъ всходомъ) и парадпымъ у Грановитой палаты. При царѣ Ѳеодорѣ и правительницѣ Софьѣ при раздѣленіи на многія хозяйства многочисленной царской семьи, къ сѣверу отъ теремовъ было возведено много построекъ каменныхъ и деревянныхъ съ висячими садами и прудами на подклѣтахъ. И къ самымъ «теремамъ» прибавилась довольно видная пристройка объединенныхъ трехъ храмовъ. *Стр. 260.* Всѣ перечисленныя палаты и хоромы соединялись другъ съ другомъ открытыми и закрытыми переходами и обширными площадками. Изъ нихъ особенно выдѣлялась такъ называемая «боярская площадка» съ лѣстницею-всходомъ къ теремамъ и «Спасу что за золотой рѣшеткой». *Стр. 261.* Съ площадки внизъ вело такъ называемое (по мѣсту древнихъ постельныхъ хоромъ) «постельное крыльцо». Типичный крытый переходъ виденъ передъ восточной стороной трехъ объединенныхъ храмовъ [1]. *Стр. 260.* Большое количество каменныхъ и деревянныхъ переходовъ связывало не только помѣщенія, но и дворы. Не выходя наружу, царь, напримѣръ, могъ пройти и къ патріарху и во дворецъ потѣшный. Патріархъ изъ своего двора могъ перейти по «переходу» въ Чудовъ монастырь. Такіе «переходы» вносили большое оживленіе въ былую обстановку «двора», придавая ему жизненно бытовыя черты.

Разросшійся до огромныхъ размѣровъ царскій дворецъ былъ покинутъ и обветшалъ, но онъ существовалъ еще въ 1753 году, когда въ немъ было до тысячи отдѣльныхъ помѣщеній, но уже часть дворца и притомъ самая парадная была занята зимнимъ дворцомъ Императрицы Елисаветы. Устроенный близъ Срѣтенія «покой» Екатерины занялъ мѣсто «царевичевыхъ палатъ» 16-го вѣка. И наконецъ, все мѣсто занялъ большой дворецъ 1838 года. Осталась незастроенной лишь Грановитая палата и терема.

Грановитая палата съ примыкающими къ ней «святыми сѣнями» и тайникомъ надъ ними заложена фрязиномъ Марко Руффо въ 1487 году и, вѣроятно, закончена сооруженіемъ въ 1491 году фрязиномъ Піетро Антоніо Соларіо [2]. Предназначенная для большихъ пріемовъ, съ отдѣльнымъ ходомъ и обширными сѣнями, Грановитая палата обширностью своею рѣзко выдѣлялась среди другихъ палатъ. Обширность достигалась постановкой среди палаты опорнаго столба, что давало возможность перекрыть все помѣщеніе четырьмя крестовыми сводами [3].

[1] Такіе же типичные переходы сохранились въ Ростовскомъ кремлѣ, при Бѣлой Палатѣ и Княжихъ теремахъ. То и другое реставрировано. [2] Архитекторъ Піетро Антоніо Соларіо прибылъ въ Москву въ 1490 году. [3] Одновременно сооруженная набережная палата имѣла тождественный плановой пріемъ. Такой пріемъ впервые былъ примѣненъ въ Новгородѣ при устройствѣ Владычной палаты въ 1432 году. Неизвѣстно какого плана были

Марко Руффо и Піетро Антоніо Соларіо.

Грановитая палата въ Московскомъ Кремлѣ. 1487—1491 г.

Размѣщеніе оконъ на фасадѣ весьма выразительно подчеркиваетъ внутреннее расположеніе палаты [1]. *Стр. 263.* Со стороны фасада отъ первоначальныхъ декорацій остались лишь каменныя грани [2]. Все остальное вмѣстѣ съ крыльцомъ передѣлано нѣсколько разъ. Самой послѣдней передѣлкой 1753 года былъ входъ на лѣстницу, которая до пожара 1696 года была покрыта золоченой кровлей съ шатрами и бочкой надъ рундуками. Вся кровля надъ палатой была прописана по золотому фону цвѣтнымъ орнаментомъ. Сплошная позолота кровель, повидимому, появилась послѣ пожара 1682 года [3], когда палата была заново отдѣлана. Тогда же, вѣроятно, были расширены окна и украшены рѣзнымъ наличникомъ въ обработкѣ типичнаго барокко. *Стр. 265.* Въ «Книгѣ избранія на царство Михаила Θеодоровича» отчасти

первыя каменныя трапезы и палаты митрополита Іоны (1450 г.) и Геронтія (1473 г.), но уже съ 1483 года, когда была заложена въ Чудовомъ монастырѣ трапеза каменная, трапезы строятся и въ другихъ монастыряхъ со столбами и безъ столбовъ. [1] Тождественное расположеніе оконъ встрѣчается въ шеѣ средняго купола Смоленскаго собора Новодѣвичьяго монастыря. *Стр. 103.* [2] Отъ нихъ палата и получила свое названіе. [3] До пожара кровли шатровъ крылецъ были изъ бѣлаго желѣза. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 71.

можно видѣть, что представляли эти окна извнѣ и изнутри до 1682 года. *Стр. 259.* Несмотря на потерю первичнаго вида, благодаря большому измѣненію оконъ, Грановитая палата сохраняетъ всю празднично торжественную важность, присущую «палаццо» итальянскихъ городовъ; пышная рѣзьба оконъ въ архитектурныхъ формахъ сдержаннаго барокко пришлась здѣсь кстати. Совсѣмъ въ иномъ характерѣ исполнена рѣзьба входной двери въ сѣни палаты съ Краснаго крыльца *стр. 266,* изящное двойное арочное окно южнаго фасада *стр. 267* и внутреннихъ дверей палаты [1]. Въ нихъ, несмотря на все неряшество и путанность архитектурныхъ формъ, присущее 17-му вѣку, все же чувствуется ихъ «фряжское» происхожденіе. Особенно выдѣляется изящной обработкой орнамента сплошь позлащенный дверной порталъ палаты. *Стр. 268.* Роскошная и тонкая орнаментація портала, типичнаго рисунка и техники эпохи итальянскаго возрожденія, не допускаетъ и мысли, что вся эта рѣзьба исполнена въ 1667 году [2]. Пышность формъ и тонкая профилировка карнизовъ и пилястръ отдаляютъ время сооруженія портала къ 15-му вѣку. Итальянскимъ формамъ не чуждъ и верхъ портала. И только неправильное соединеніе базъ съ пьедесталами и перебивка орнаментаціи фриза допускаютъ возможность передѣлки, искусно повторившей, вѣрнѣе, сохранившей орнаментъ прежнихъ формъ [3]. Одновременно украшенная рѣзью Благовѣщенская паперть [4] трактована хотя и въ «фряжскомъ» духѣ, но не въ достаточной ясности и чистотѣ рисунка и орнаментальной схемы, примѣненныхъ къ входу въ паперть и къ окну.

Теремной дворецъ постройки царя Михаила 1635—1636 г. [5], потерпѣвшій не мало измѣненій, по счастію, сохранилъ свой внѣшній обликъ *стр. 269* и внутреннее расположеніе «покоевъ» съ ихъ интереснымъ сводчатымъ покрытіемъ и обстановкой [6]. *Стр. 271.* Особенно выдѣляется изъ нихъ палата «чердака», вся изукрашенная рѣзью по стрѣлкамъ сводовъ и въ подвѣскахъ, гдѣ чрезвычайно любопытны разнообразные сюжеты, близкіе къ той древней обронной рѣзи, которая густымъ ковромъ покрыла древніе Владиміро-Суздальскіе храмы. *Стр. 270.* Среди

[1] Исключая, конечно, тѣхъ дверей-сѣней, которыя для симметріи сдѣланы въ 1842—1845 г. [2] Дѣла дворцовыхъ приказовъ 17-го вѣка въ архивѣ Оружейной палаты. «Въ нынѣшнемъ во 176 году велѣно въ Грановитой палатѣ дѣлать окна и двери вновь, слица и внутри рѣзать фряскіе травы по бѣлому камени и золотить краснымъ золотомъ и расписывать красками цвѣтными, а старые двери задѣлать». [3] Столбъ Грановитой палаты также былъ покрытъ «рѣзью». И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», стр. 1351. Рѣзной столбъ Грановитой палаты изображенъ на картинѣ 17-го вѣка, находящейся въ Будапештскомъ музеѣ. См. «Старые годы» 1909 г., іюль—сентябрь. [4] Дѣла Дворцовыхъ приказовъ 17-го столѣтія въ архивѣ Оружейной палаты. [5] Строителями теремовъ считаются подмастерья Баженъ Огурцовъ, Трефилъ Шарутинъ, Антипъ Константиновъ и Ларіонъ Ушаковъ. Свѣдѣніе это заимствовано изъ расходныхъ книгъ казеннаго приказа за 1635 и 1636 года, гдѣ указывается на царское жалованье этимъ подмастерьямъ за надсматриваніе надъ мастеровыми людьми. Про одного Бажена Огурцова опредѣленно сказано, что онъ дѣлалъ церковь Спаса на Сѣняхъ. Баженъ Огурцовъ еще въ 1624 году совмѣстно съ Джономъ Талеромъ починялъ своды Успенскаго собора. [6] Отъ внутренней росписи теремовъ, гдѣ принималъ участіе Симонъ Ушаковъ, не уцѣлѣло ничего. Существующая роспись сочинена Ѳ. Солнцевымъ во время капитальной реставраціи теремовъ въ 1837 г.

Окно южной стороны Грановитой палаты.
Конецъ 17-го вѣка.

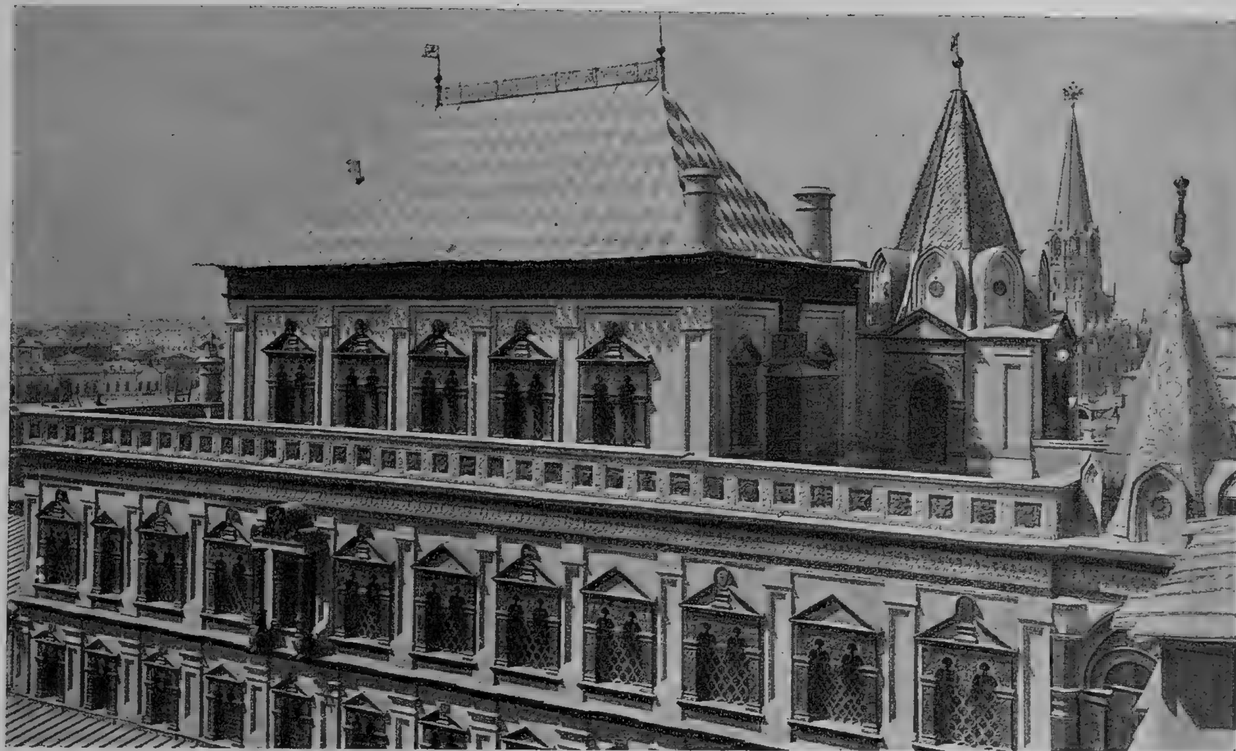
Дверь съ Краснаго крыльца въ Святыя сѣни Грановитой палаты.

Двойное арочное окно южной стороны Грановитой палаты.

Порталъ двери изъ Грановитой палаты въ Святыя сѣни.
1487—1491 г.

Теремной дворецъ въ Московскомъ Кремлѣ. 1635—1636 г.

традиціонно схематическихъ изображеній чудовищъ и извивающихся представителей «звѣринаго стиля» сверкаютъ проблески натурализма въ живописномъ расположеніи летящихъ птицъ. *Стр. 272.* Изъ обстановки замѣтно выдѣляются цвѣтныя печи. Особенно хороша изъ нихъ печь нѣжно фіолетовыхъ оттѣнковъ въ престольной комнатѣ. *Стр. 271.* Созданный по плановому строю деревянныхъ хоромъ, теремной дворецъ сохраняетъ и въ строительныхъ пріемахъ всю выразительность «хоромнаго дѣла», съ смѣло поставленнымъ на своды «чердакомъ» и окружающимъ его «гульбищемъ». Впервые созданное «золотое» каменное крытое крыльцо трактуетъ выразительныя формы «красныхъ» деревянныхъ хоромныхъ крылецъ [1]. «Зѣло пречудныя палаты», несомнѣнно, создались подъ впечатлѣніемъ тѣхъ архитектурныхъ новшествъ, которыя проникли съ «нѣмецкими» строителями съ запада въ концѣ 16-го вѣка,

[1] Къ сожалѣнію, «золотое» крыльцо и верхоспасская площадка передъ нимъ вошли въ общій составъ дворца 1837—1849 года. Неудачное соединеніе отрѣзало верхъ крыльца отъ низа, перерѣзавъ его на половинѣ. *Стр. 273.* Видъ «золотого» верхняго крыльца въ цѣломъ см. у Ѳ. Рихтера «Памятники древняго русскаго зодчества». Въ немъ интересно примѣненіе двойныхъ висячихъ и ползучей арокъ. Ползучія арки ранѣе примѣнены подъ лѣстничными ходами церкви села Коломенскаго. Двойныя висячія арки послѣ крыльца Московскаго Успенскаго собора, какъ будто появляются впервые. Было бы весьма интересно выяснить не были ли онѣ примѣнены къ галереѣ Благовѣщенской колокольни Ѳерапонтова монастыря. *Стр. 208.*

«ЧердакЪ» или «теремокЪ» Теремного дворца.
1635—1636 г.

и которыя, къ сожалѣнію, до насъ не уцѣлѣли. Весьма любопытное изображеніе Посольскаго приказа 1591 года даетъ шведскій инженеръ Пальмквистъ *стр. 274,* видѣвшій его въ 1674 году [1]. Косвеннымъ указателемъ характера переработки западныхъ мотивовъ можетъ служить палата бояръ Романовыхъ конца 16-го вѣка. *Стр. 295.* Весьма видоизмѣненная реставраціей 1858 года, она, однако, сохранила обработку угловъ фасада и оконъ [2]. Въ этихъ памятникахъ конца 16-го вѣка особое вниманіе обращено на обработку оконъ. Теремной дворецъ преимущественно и щеголяетъ этой обработкой. Рѣзьба оконъ, конечно, создалась подъ впечатлѣніемъ «фряжской рѣзи» тѣхъ «Фидіевыхъ изваяній», которыя видѣлъ писатель Михалонъ Литвинъ въ 16-мъ вѣкѣ [3] во дворцѣ царя. Рѣзьба теремовъ значительно отличается отъ фряжской рѣзи Грановитой палаты. Къ ней замѣтно прибавляются

[1] Въ 1675 году царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ сооружать новые Приказы, а въ 1677 году царь Θеодоръ Алексѣевичъ указалъ надстроить надъ ними второй этажъ. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія Москвы», 1902, стр. 236—238. [2] А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 17. [3] Архивъ изд. Калачевымъ. Москва, 1854 г., отд. V, 33.

Престольная или Золотая комната Теремного дворца.
1635—1636 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

«нѣмецкіе» мотивы, усложненные восточной орнаментаціей[1] при старой византійской системѣ «переплетаній». Все это прихотливо сочетается съ геральдическими орлами, птицами, звѣрями, личинами и прочимъ символическимъ «уборомъ», издавна вошедшимъ въ обиходъ рѣзчиковъ по камню и по дереву. Вся эта рѣзь, всѣ эти «размѣтныя травы» подчинены архитектурнымъ формамъ, идущимъ съ запада. Интересно развитой мотивъ висящихъ арочныхъ оконъ, при прямыхъ и разрывныхъ фронтонахъ горницъ и чердака, говоритъ о незаурядномъ вкусѣ строителей, прекрасно понимавшихъ смыслъ орнаментальныхъ декорацій и раккурсы. *Стр. 275.* Кон-

[1] Преимущественно растительнаго—персидскаго характера. Эта орнаментація затронула даже формы въ зубцахъ порталовъ и оконъ. Еще въ 16-мъ вѣкѣ «восточные» мотивы широко примѣнялись въ рѣзьбѣ царскихъ вратъ, также затрогивая ихъ формы.

Скульптурное украшенiе въ подвѣскѣ свода златоверхаго теремка.
1635—1636 г.

структивный ихъ прототипъ въ простомъ прiемѣ висящихъ арокъ золотого верхняго крыльца *стр. 273* оказался болѣе устойчивой архитектурной формой и распространился

Верхнее Золотое крыльцо тетремовъ.
1635—1636 г.

Посольскій приказъ въ изображеніи Пальмквиста.

Рисунокъ 1674 года.

всюду. Изумительно скомпанованный входъ въ чердакъ *стр. 276* въ прекрасно вынсканныхъ пятнахъ, блещетъ той прихотливой орнаментаціей западной Европы, которая когда то увлекалась экзотической природой и орнаментомъ востока и дальнихъ «новыхъ странъ». *Стр. 277.* Однако, среди крылатыхъ грифовъ, рыси заморской и попугаевъ восточнаго портала *стр. 278* въ центральномъ мѣстѣ видна излюбленная фигура «неясыти» [1]. Такое сочетаніе, гдѣ поучительное вяжется съ забавнымъ,

[1] **Птица, терзающая грудь для корма своимъ птенцамъ,—эмблема Христа.**

Гирька окнѣ теремка. 1635—1636 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

несомнѣнно, входило въ расчетъ при сооруженіи «зѣло пречудной палаты» для царевичей Алексѣя и Іоанна, на что опредѣленно указываетъ закладная доска надъ входомъ. *Стр. 277.*

Западный порталъ въ орнаментаціи нѣсколько отличается отъ восточнаго, болѣе приближаясь къ мотивамъ востока. На главномъ мѣстѣ зубчатой арки, въ центрѣ помѣщенъ орелъ среди льва и единорога, трактующіе гербъ царя. Повидимому, это былъ главный входъ въ палату. *Стр. 279.* Къ сожалѣнію, пристроенный каменный тамбуръ закрылъ верхнюю часть портала, по композиціи тождественнаго восточной сторонѣ. Весьма декоративенъ пріемъ зубчатыхъ висящихъ арокъ обоихъ порталовъ. Пріемъ этотъ, одного происхожденія съ декоративными висящими арками

Восточный фасадъ «теремка» или «чердака». 1635—1636 г.
Чертежъ изъ изданія Θ. Рихтера «Памятники древняго русскаго зодчества».
(Фот. журнала «Старые Годы»).

оконъ, возможенъ только при небольшихъ пролетахъ. Повторенный въ большомъ масштабѣ въ позднихъ пристройкахъ къ теремамъ въ шатровомъ выходѣ съ восточной стороны на верхнюю площадку теремовъ *стр. 269* и въ западномъ тамбурѣ теремка *стр. 280,* онъ плотно прилегаетъ, какъ наличникъ, къ круглой аркѣ входовъ. Указанныя пристройки западнаго тамбура и восточнаго шатроваго крыльца *стр. 283,* повидимому, произведены во время реставраціи теремовъ Θ. Солнцевымъ и П. Герасимовымъ въ 1837 году. Ихъ нѣтъ еще въ 1796—1797 г. *стр. 282,* но уже до постройки большого кремлевскаго дворца и при сломкѣ Елисаветинскаго зимняго дворца Растрелли *стр. 282* они имѣются.

Всматриваясь въ реставраціонныя прибавки къ теремамъ, нужно отмѣтить, что композиція лѣстничныхъ оконъ и двери *стр. 269, 283,* а также и двери тамбура *стр. 280* не присущи прямой и открытой структурѣ теремовъ, ибо въ пристройкахъ фронтоны оконъ и двери, будучи связаны съ карнизомъ стѣнъ, вторглись въ силуэтъ основныхъ массъ. Легко отличить и несуразность 19-го вѣка въ трехъ ненужно огромныхъ сухихъ и мелочныхъ окнахъ лѣстницы. *Стр. 283.* Легко отличаются и поддѣлки перехода отъ крыльца къ Распятской церкви, значительно, впрочемъ, разнящіяся отъ выходовъ на верхнюю площадку. Но присутствіе великолѣпно изсѣченнаго

Декоративная скульптура надъ восточнымъ входомъ въ теремокъ.
1635—1636 г.

Деталь восточнаго портала теремка. 1635—1636 г.

Деталь западнаго портала теремка. 1635—1636 г.

Выходѣ на верхнюю площадку Теремного дворца сѣ западной стороны.

пола въ этомъ переходѣ[1] *стр. 284* и, въ особенности, двойной, прекрасно выдержанной арки, слегка затронутой барокко *стр. 285*, наводятъ на мысль,—не воспользовались ли реставраторы какими либо древними частями, добавивъ ихъ посильной композиціей и компилятивнымъ сборомъ лѣстничныхъ балясинъ и столбиковъ, составленныхъ изъ колонокъ оконъ Жилецкой палаты, карнизовъ и слуховъ шатра и пр.

И. Е. Забѣлинъ въ «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей», 1895 г., на стр. 65 указываетъ, что «съ другой стороны теремовъ, въ 1681 году передъ четвертою теремною комнатою было устроено такое же крыльцо, какое находилось передъ Переднею на Каменномъ дворѣ»[2]. А на стр. 134 приводитъ: «Въ 1678 году (въ

[1] Возможно, что полъ этотъ взятъ съ какой либо древней открытой площадки. [2] Тамъ же, въ запискахъ строительнаго дѣла, на стр. 591 находимъ: «къ четвертой государевѣ сдѣлать крыльцо, противъ того, каково у прежней (?) государевы; а снизу поставить столпы витые и коптѣли и гзымсъ, противъ дверей, что въ Грановитые сѣни».

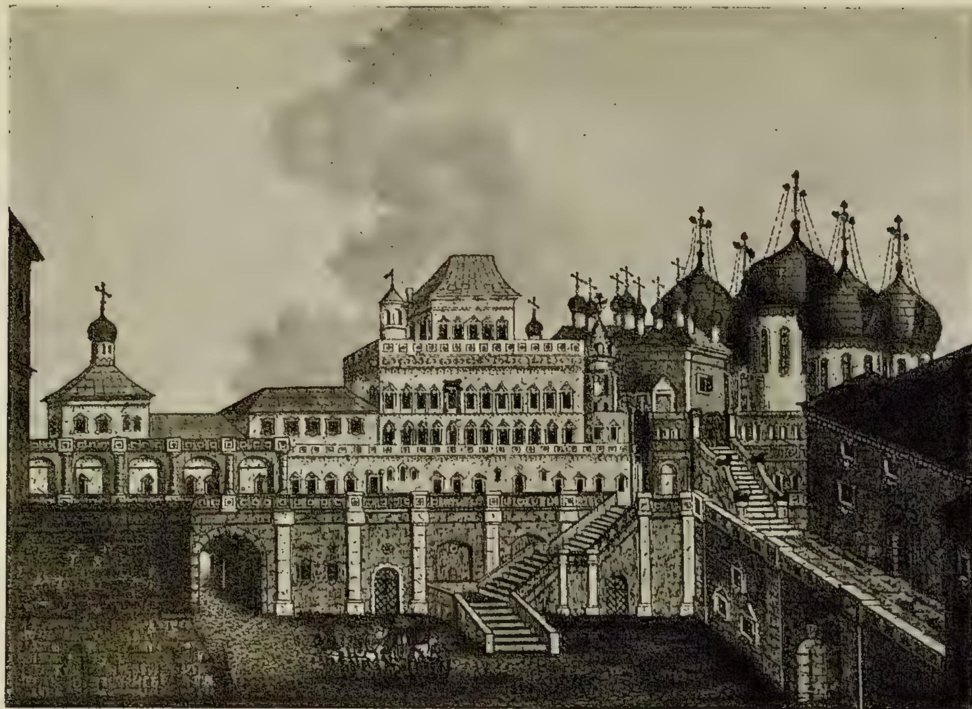

Верхоспасскій соборъ и терема со двора служительскихъ корпусовъ.

(Фот. журнала «Старые годы»).

сентябрѣ) велѣно написать живописцамъ Ив. Салтанову, Ив. Безмину, Ив. Мировскому съ мастерами и съ учениками, у Государя въ Верху «розными краски и аспиды Каменное новое Крыльцо . . . ». Куда дѣвались эти крыльца? [1]

[1] Очень жаль, что до сихъ поръ не опубликованы матеріалы по реставраціи теремного дворца. Несомнѣнно, матеріалы эти, хотя бы въ видѣ оправдательныхъ документовъ по постройкѣ, должны гдѣ либо храниться.

Терема отѣ церкви Спаса на Бору. Съ гравюры Fr. Dürfeld 1796—1797 г.

Терема со стороны строящагося дворца. **Акварель Рабуса конца 1830-хъ годовъ изъ собранія А. П. Бахрушина въ Историческомъ музеѣ. (Фот. журнала «Старые годы»).**

Крыльцо выхода на верхнюю площадку Теремного дворца съ восточной стороны.

Несмотря на позднѣйшія добавки и передѣлки, теремной дворецъ во многомъ сохранилъ свой древній видъ.

Высоко вздымаясь надъ палатами и хоромнымъ строеньемъ, «терема» царили надъ дворцомъ, рисуясь золоченымъ верхомъ, украшеннымъ «репьями» [1]. Два пояса лазурныхъ изразчатыхъ карнизовъ вѣнчаютъ верхніе два этажа, давая переходъ отъ золочено-пестрой кровли и пестраго барьера изъ ширинокъ, къ красочно игривымъ

[1] Иванъ Осиповъ златописецъ въ 1637 году уже наводилъ серебромъ и золотомъ и разными красками репьи на кровлю, т. е. орнаментальныя розетки.

Каменный изсѣченный полъ передъ лѣстничной пристройкой Теремного дворца.

Каменный узорный подоконникъ въ Теремномъ дворцѣ.

Двойная арка лѣстничной пристройки теремовъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

пятнамъ оконъ, среди которыхъ замѣтно выдѣляется окно той комнаты, гдѣ стоитъ тронъ.

Раскрашенный и позлащенный каменный рѣзной орнаментъ теремовъ по существу былъ близокъ къ деревянной раскрашенной рѣзьбѣ и даже къ изразча-

Входъ въ бывшія царицыны палаты въ Саввинскомъ Звенигородскомъ монастырѣ.

Около 1655 года. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

тымъ поливнымъ узорамъ, такъ какъ послѣдніе въ глинѣ штамповались, вѣрнѣе, набивались въ деревянныя рѣзныя формы, лишь только техника обжиганія и поливы не позволяла свободно распоряжаться масштабомъ и игрой цвѣтовъ [1].

[1] Во время перерыва строительныхъ работъ въ Новоіерусалимскомъ храмѣ, рѣзчики, несомнѣнно готовившіе формы для изразчатыхъ украшеній фасадовъ храма, работали деревянные рѣзные наличники для оконъ Коло-

Обработка арки подъ восточной стѣной Троицкой церкви въ Саввинскомъ Звенигородскомъ монастырѣ.—1652 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Изъ зданій, гдѣ болѣе или менѣе широко примѣнялась рѣзьба изъ камня и изразцы, отмѣтимъ царицыны палаты супруги Алексѣя Михайловича въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ, съ ихъ интереснымъ крыльцомъ и раскрашеннымъ бѣлокаменнымъ входомъ. *Стр. 286.* Палаты были построены въ періодъ 1650—1654 г. и значительно потерпѣли отъ пожара и передѣлокъ. Нынѣ помѣщеніе палатъ служитъ монастырской трапезной. Отмѣтимъ интересную деталь арки Троицкаго храма того же монастыря *стр. 287,* сходную съ обработкой входа палатъ, но болѣе крупно разработанную сообразно мѣсту; въ ней любопытны боковыя витіеватыя пилястры, сильно затронутыя надвигающимся барокко. Полуколонна между ними тождественна по пріему полуколоннамъ входа. Къ числу дворцовыхъ построекъ времени царя Алексѣя нужно отнести Кремлевскій дворъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго [1]. Дворъ былъ пожалованъ царемъ своему тестю, въ который онъ перешелъ на новоселье въ 1651 году [2]. Впослѣдствіи, по смерти Милославскаго, дворъ перешелъ опять въ собственность царя, который использовалъ его, устроивъ «новое зданіе Потѣшнаго дворца» [3] Послѣднее, претерпѣвъ рядъ измѣненій, существуетъ и понынѣ. *Стр. 289.* Останавливаетъ вниманіе оригинальная вышка съ висячей пристройкой, смѣло поставленной на выступахъ въ типѣ знакомыхъ «машикули». Такая затѣйливость вылилась непосредственно изъ нуждъ устройства домоваго храма наверху и требованій литургическаго характера, не позволявшихъ подъ алтаремъ устраивать «жилье». Упраздненный храмъ когда то былъ покрытъ на шесть шатровъ (!), составленныхъ изъ цѣльныхъ листовъ мѣди [4], и своеобразно красовался своей группой среди красочныхъ пятенъ оконъ обычной «рѣзи». Переустроенный испорченный дворецъ, потерявшій многое отъ прежней обстановки, починенный и реставрированный не разъ, все еще сохраняетъ любопытныя разновременныя детали [5]. Рѣзьба дворца даетъ уже третью стадію развитія «разметныхъ» травъ.

менскаго дворца, пользуясь все той же «книгой къ рѣзному дѣлу въ лицахъ». Затѣмъ, тѣ же рѣзчики работали и въ кремлевскомъ дворцѣ. Въ 70-хъ годахъ 17-го вѣка славился работой искуснѣйшій рѣзчикъ старецъ Ипполитъ, онъ въ 1679 году рѣзалъ изъ кипариса Распятіе для Голгофы церкви Воскресенія Словущаго и онъ же давалъ рисунокъ для изразчатыхъ украшеній главъ верхоспасскаго собора. [1] Интересное изображеніе внутренности двора и главныхъ воротъ (предполагаемый акварельный рисунокъ Казакова) помѣщено въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» Ѳ. Рихтера. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», 1902, стр. 600. Подобный подарокъ царь сдѣлалъ впослѣдствіи и тестю второй жены боярину К. А. Нарышкину, отдавъ ему зданіе Опричнаго двора. [3] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 91. Ранѣе, на стр. 65, покойный историкъ указывалъ, что въ 1679 году царь Ѳеодоръ возобновилъ тамъ церковь Похвалы и одновременно построилъ Потѣшный дворъ (?), существующій и по сіе время. Все это противорѣчитъ одно другому. Надо думать, что въ указанное время производились лишь приспособленія двора къ новому назначенію «потѣшныхъ палатъ». Большое сходство архитектуры воротъ двора съ архитектурой входа въ царицыны палаты Саввина монастыря отодвигаетъ первоначальное сооруженіе двора къ 50-мъ годамъ 17-го вѣка, тѣмъ болѣе, что царю Ѳеодору пришлось лишь ремонтировать храмъ Похвалы, который помѣщался наверху, слѣдовательно, палаты уже существовали. [4] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», стр. 1343. [5] Въ послѣднюю крупную реставрацію 1875 г. сдѣлано много новыхъ декоративныхъ добавокъ, особенно въ Комендантскомъ входѣ. Было бы своевременно опубликовать и эту реставрацію.

Потѣшный дворецъ въ Московскомъ Кремлѣ.
1652—1679 г.

Фряжскія травы Грановитой палаты видоизмѣнились въ теремахъ въ нѣмецкія съ моднымъ восточнымъ оттѣнкомъ, въ потѣшномъ же дворцѣ онѣ ужъ носятъ тотъ сѣверный орнаментальный стиль Европы, который окрещенъ наименованіемъ Елисаветинскаго стиля. Стадія четвертая даетъ уже рѣзьбу барокко. Переходомъ къ ней являются тѣ изразчатыя «кафельныя» украшенія фасадовъ, которыя въ архитектуру ввелъ, повидимому, впервые Никонъ въ своемъ Іерусалимскомъ храмѣ. *Стр. 291.*

Царскія палаты въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Вторая половина 17-го вѣка. Нынѣ зданіе Московской Духовной Академіи.

Великолѣпныя царскія палаты въ Троице-Сергіевой лаврѣ [1], сооруженныя на мѣстѣ деревянныхъ, по всей вѣроятности, въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ 17-го вѣка, обладаютъ парными (двойными) окнами, украшенными изразцами [2]. *Стр. 290.* Великолѣпный образчикъ кафельныхъ архитектурныхъ декорацій уже всего фасада встрѣчаемъ въ надвратномъ «теремкѣ» Крутицкаго монастыря-подворья [3] въ

[1] Нынѣ Духовная Академія. [2] Дворецъ былъ украшенъ расписными гранями, повидимому, копировавшими выдающееся украшеніе Московской Грановитой палаты. Это подтверждаетъ размѣщеніе огромныхъ междуоконныхъ изразцовъ, передающее тѣ пятна, гдѣ въ Грановитой палатѣ верхній свѣтъ. *Стр. 263.* Не отсюда ли пошла мода расписыванія гранями трапезныхъ палатъ и ярославскихъ храмовъ? [3] Нынѣ Крутицкія казармы.

Изразчатое убранство соборнаго храма Новоіерусалимскаго монастыря.
Вторая половина 17-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

Москвѣ *стр. 292*, сооруженномъ въ цвѣтущую пору монастыря при митрополитѣ Павлѣ (1664—1676 г.). Эта изящная игрушка-теремокъ, дань вкусу времени, искав-

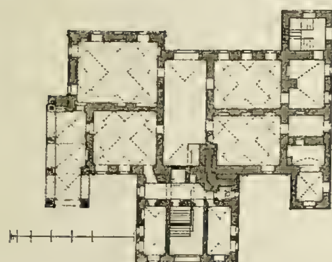
Крутицкій теремокъ въ Москвѣ.
Между 1664 и 1676 г.

шему эффекта красочныхъ уборовъ, принадлежитъ уже барокко въ трактовкѣ архитектурныхъ декорацій еще старозавѣтныхъ формъ зданія.

Неумолимое теченіе времени и ширящаяся жизнь столицы почти не сохранили въ Москвѣ палатъ бояръ и знатныхъ лицъ. Остатки палатъ думнаго дьяка Аверкія Кирилова [1] еще сохранили часть фасадной обработки *стр. 293* и древнее расположеніе комнатъ, перекрытыхъ сводами, типичными для 17-го вѣка. Надстройка верха и уничтоженіе древняго входа, съ пристройкой существующаго нынѣ, совершенно измѣнили древній обликъ палатъ. Значительно сохраннѣе палаты боярина Волкова—близъ храма Трехъ Святителей въ Москвѣ [2], хотя и здѣсь время и новѣйшія

[1] Нынѣ домъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. [2] Нынѣ князя Юсупова.

Часть древняго крыльца палатъ думнаго дьяка Большого Прихода Аверкія Кирилова — нынѣ домъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества. 1657 г.

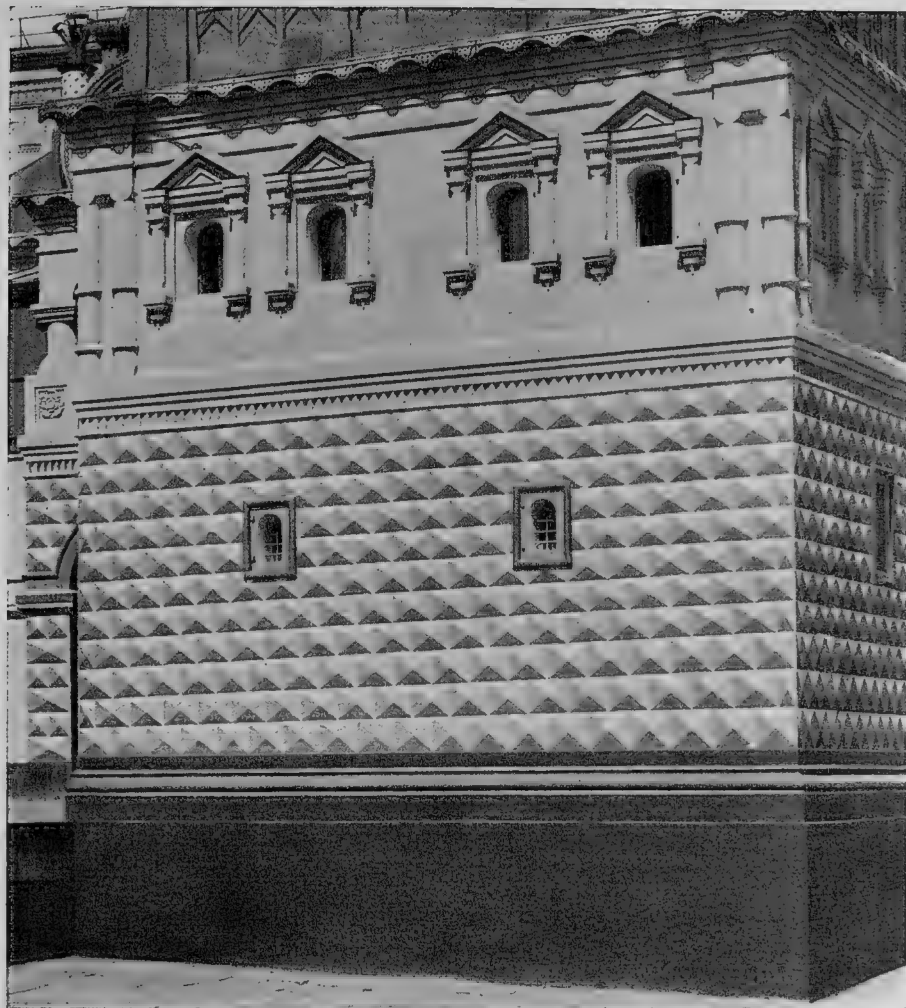

Посольскій домъ въ Китай-городѣ въ Москвѣ.

Рисунокъ изъ альбома путешествія по Россіи Мейерберга въ 1661 г.

условія великосвѣтской жизни и реставрація «подъ старину» свершили свое дѣло. Палаты строены въ эпоху увлеченія моднымъ стилемъ Московскаго барокко, открытаго оберегателемъ Великія Печати княземъ В. В. Голицынымъ въ концѣ 17-го вѣка. Болѣе или менѣе сохранившіеся остатки древнихъ гражданскихъ зданій въ Москвѣ еще довольно многочисленны, но ихъ съ трудомъ отдѣлитъ глазъ отъ позднѣйшихъ добавокъ приспособленій и застроекъ, стершихъ и исказившихъ черты архитектуры 17-го вѣка [1]. Попытки реставрировать ихъ хотя бы на бумагѣ были бы тщетны. Насколько живописна и неожиданна была эта кирпичная гражданская архитектура въ своеобразномъ соединеніи съ деревянной, указываетъ изображенный Мейербергомъ видъ посольскаго дома *стр. 294* съ его вышками, крытыми и открытыми гульбищами, съ широко раскинувшимися крыльцами на отлетѣ и съ переходами, вяжущими всѣ окружающія постройки въ цѣлый дворъ. Реставрированный въ «древнемъ вкусѣ» (въ 1858 г.) домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, несомнѣнно, далекъ отъ

[1] Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.— Домъ Рязанскаго подворья, нынѣ Московской Духовной Консисторіи. Домъ дьяка Украинцева, нынѣ Юргенсонъ. Приспособленный къ помѣщенію типографіи домъ, давно уже потерявшій крыльцо на отлетѣ, снаружи хранитъ еще обликъ 17-го вѣка; внутри частію сохранено древнее расположеніе палатъ и ихъ преинтересныхъ сводовъ.—Домъ Залогиной за Яузой (бывшій загородный дворецъ), хотя и носитъ обработку середины 18-го вѣка, и потерялъ уже крыльцо на отлетѣ, но сохранилъ еще расположеніе помѣщеній 17-го вѣка съ потайными лѣстницами изъ подклѣта въ горницы и изъ второго этажа вверхъ къ слуховому окну на крышѣ. Чаще характеръ древнихъ зданій снаружи совершенно стертъ, внутри же перебиты помѣщенія и уничтожено сводчатое покрытіе, но и здѣсь иногда встрѣчаются неприкосновенные остатки, какъ напримѣръ, сводчатый залъ въ домѣ графа С. Д. Шереметева на Никольской улицѣ въ Москвѣ (нынѣ сломанъ; видъ его помѣщенъ въ «Древностяхъ» Имп. Московскаго Археологическаго Общества 1907 г., т. I).

Часть палатѣ бояръ Романовыхъ,
существовавшая до реставраціи 1858 года. (Грани новыя). 16-й—17-й вѣкъ.

истины, вводя въ заблужденіе обозрѣвающихъ его. Болѣе серьезная реставрація произведена въ 1875 году надъ уцѣлѣвшей частью Печатнаго двора [1]. Хотя и

[1] Московскій Печатный дворъ основанъ Іоанномъ Грознымъ около 1553 года. Послѣ Литовскаго разоренія Печатный дворъ былъ возстановленъ (около 1620 года) и обстроенъ деревянными зданіями съ богатыми деревянными рѣзными воротами на улицу. Въ это время уже существовала во дворѣ каменная палата, послужившая основою зданію 1679 года. См. «Древнія зданія Московскаго Печатнаго двора» В. Румянцева. Москва, 1869 г. Съ расширеніемъ книгопечатнаго дѣла явилась необходимость расширить каменныя палаты, что въ 1642—1643 г. и исполняетъ Трефилъ Шарутинъ, возводя зданія по улицѣ. Въ 1644—1645 г. Иванъ Невѣровъ при участіи «нѣмчина» Христофора Галовея строитъ въ центрѣ уличныхъ палатъ надъ бѣлокаменными рѣзными воротами башню. Стиль башни, судя по рисунку, приложенному къ статьѣ В. Румянцева, былъ близокъ къ поздне готическому стилю Спасской башни Московскаго Кремля, построенной тѣмъ же Христофоромъ Галовеемъ. Въ 1656 году Печатный дворъ былъ расширенъ еще болѣе присоединеніемъ каменныхъ сосѣднихъ палатъ англи-

Трапезныя палаты Чудова монастыря въ Москвѣ
1680—1686 г.

здѣсь прибавлено шатровое крыльцо, но сохранились и приведены въ порядокъ окна, сохранилось и размѣщеніе палатъ и ихъ своды съ росписью, частію счастливо уцѣлѣвшей [1]. Все зданіе палатъ, построенное на древнемъ основаніи около 1679 года *стр. 297,* весьма типично для гражданской архитектуры, еще не затронутой барокко и еще близкой, по обработкѣ деталей, къ церковной. Совсѣмъ ужъ на границѣ новшествъ находятся трапезныя палаты Чудова монастыря въ Москвѣ 1680—1686 г. Церковный типъ оконъ ихъ исполненъ «въ рѣзи», трактующей мотивы явно западнаго происхожденія [2], но тутъ же «восточныя» розетки и чайникъ (!) и фигурные кокошники

чапипа Бѣлоборода. Въ 1679 году древнія палаты во дворѣ были частію сломаны и надстроены. Уличныя палаты Печатнаго двора съ башней существовали до 1773 года и замѣнены нынѣ существующими. [1] Существующая роспись исполнена масляными красками по этимъ уцѣлѣвшимъ образцамъ. [2] Капители и подвѣски полуколоннъ.

Правильная и Книгохранильная палаты Московскаго Печатнаго двора.
Около 1679 г. Реставрированы въ 1875 г., когда пристроено шатровое крыльцо.

нижнихъ оконъ. *Стр. 296.* Трапезныя монастырскія палаты и кельи, еще съ Геронтіевыхъ временъ, какъ указано выше, вошедшія въ кругъ гражданскихъ сооруженій, несомнѣнно, должны быть къ нимъ причислены, съ тою лишь разницей, что въ нихъ отсутствуетъ теремной характеръ и тѣ или иныя черты общественнаго быта, замѣненныя чертами, характеризующими монастырскій укладъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что еще въ древнихъ хозяйственныхъ монастыряхъ подхватывалось и развивалось въ строительномъ дѣлѣ то, что доступно было лишь князьямъ. Съ 16-го вѣка монастыри обзавелись и каменнымъ хозяйственнымъ строеніемъ и каменными обширными палатами для трапезы въ соединеніи съ храмомъ, и для жилья. И, несомнѣнно, тутъ при сооруженіи полуцерковныхъ, полугражданскихъ трапезъ и келій и службъ формировались и сливались воедино всѣ тѣ особенности каменной архитектуры, которыхъ требовала жизнь, которая ихъ и выработала еще задолго въ деревѣ. Зорко слѣдя за новшествами строительной техники, монастыри одни

Домъ Строганова и кн. Голицына въ Усольи
Пермской губ.—1724 г. (Фот. В. А. Плотникова).

изъ первыхъ строятъ трапезы-палаццо въ стилѣ барокко [1], устраивая вновь или переустраивая заново, какъ напримѣръ, надстроенная и перелицованная, нынѣ упраздненная трапеза Симонова монастыря въ Москвѣ. Изъ уцѣлѣвшихъ отъ передѣлки древнихъ трапезъ упомянемъ трапезу Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, построенную въ 1673 году въ стилѣ, послѣднимъ представителемъ котораго является трапеза Чудова монастыря въ Москвѣ. Угасавшій стиль въ эпоху Московскаго барокко находитъ еще мѣсто въ тѣхъ немногихъ каменныхъ палатахъ, которыя созидаетъ провинціальная знать и богатѣи, найдя въ нихъ поводъ отмѣ-

[1] Объ этомъ далѣе, въ главѣ «Барокко Москвы».

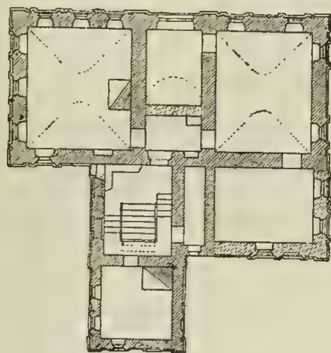

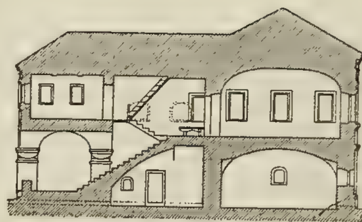
Домъ Коробова въ Калугѣ

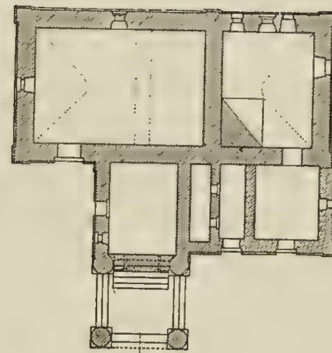
(такъ называемыя палаты Марины Мнишекъ). Конецъ 17-го—начало 18-го вѣка.

тить свое преимущество и сановитость. Сохраняя общій строй и плановую форму, согласную съ устройствомъ деревянныхъ хоромъ на подклѣтахъ, «палаты каменныя» сохраняютъ всю непринужденность ихъ фасадной обработки, вызванной расположеніемъ помѣщеній, ихъ широтой и высотой. Существенная разница съ хоромами заключается лишь въ кровельномъ покрытіи, гдѣ, въ противоположность отдѣльному для каждой клѣти покрытію, въ палатахъ дано общее епанчевое на четыре ската, такъ называемое «полатное» покрытіе, ведущее свое начало отъ грановитой, золотой и набережной палатъ Московскаго Кремля. Среди провинціальныхъ палатъ замѣтно выдѣляется домъ Строганова и князя Голицына въ Усольи, Пермской губерніи, построенный въ 1724 году. *Стр. 298.* Кружевная узорчатость его фасадовъ, несмотря на типичную обработку въ стилѣ барокко, все еще близка стремленіямъ зодчества Москвы середины 17-го вѣка. Прежнія традиціи еще свѣжи въ кирпичной декораціи главнаго карниза и карнизовъ оконъ, сандрики которыхъ такъ неархитектурны, напоминая древніе «прилѣпы». Нѣсколько строже обработка въ стилѣ барокко дома Коробова въ Калугѣ *стр. 299,* но и тутъ карнизъ зданія, крыльцо и окна подклѣта, и даже пропорціи оконъ горницъ наглядно указываютъ лишь на архитектурный опытъ

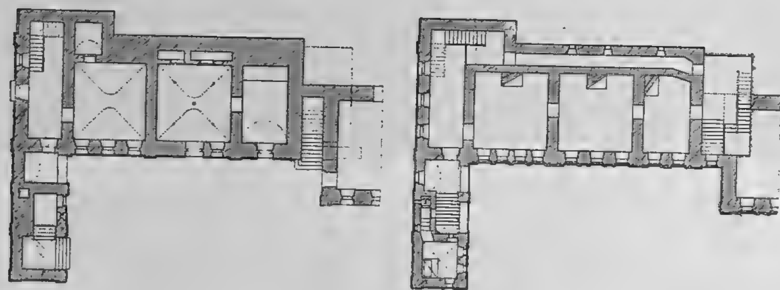

Домъ Сѣрина въ Гороховцѣ. Конецъ 17-го—начало 18-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго, планы и разрѣзъ по обмѣрамъ В. В. Суслова).

Домъ Шумилиной въ Гороховцѣ. Конецъ 17-го—начало 18-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго, планы по обмѣрамъ В. В. Суслова).

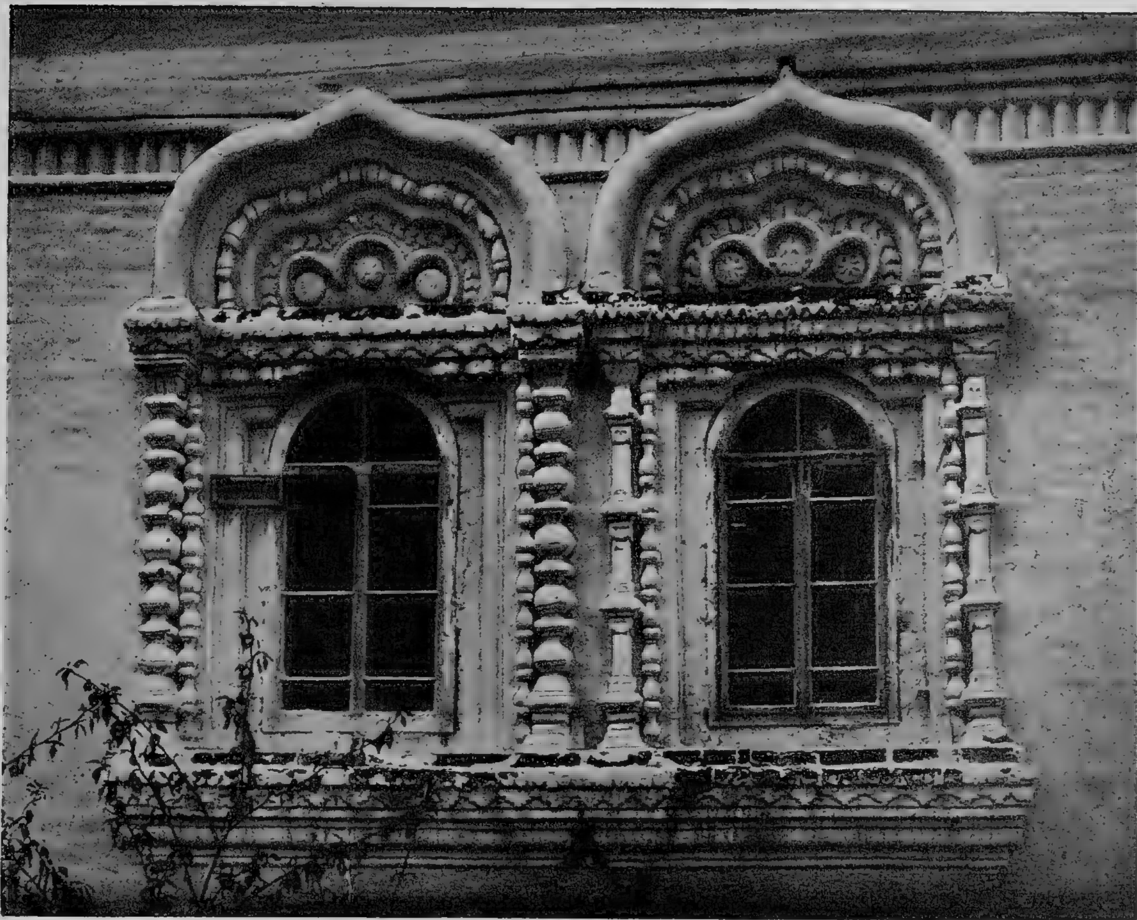
зодчаго въ погонѣ за оживленіемъ новшествомъ традиціонныхъ кубышекъ и неразлучныхъ съ ними ширинокъ. Планъ дома Коробова чрезвычайно простъ и типиченъ для деревянныхъ хоромъ «въ двѣ связи», т. е. въ двѣ клѣти съ сѣнями въ

«Воеводскій домъ» въ Соликамскѣ
Пермской губ.—17-й вѣкъ.

центрѣ на жиломъ подклѣтномъ этажѣ съ крыльцомъ напередъ, какъ напримѣръ, въ древнихъ архангельскихъ избахъ [1]. *Томъ I стр. 504, 505.* Того же планового типа при болѣе сильномъ стремленіи приблизиться въ фасадной обработкѣ къ стилю барокко,

[1] Издаваемая фотографія дома Коробова дастъ лишь существующій видъ, не исчерпывая его полноты. Домъ былъ обстроенъ, имѣлъ галерею, переходъ и пр. См. объ этомъ у М. Т. Преображенскаго, «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи».

Обработка оконѣ «воеводскаго дома» вѣ Соликамскѣ
Пермской губ.—17-й вѣкъ.

устроенъ домъ Зеленщикова въ Чебоксарахъ, Казанской губерніи[1]. Стремленіе это выразилось исключительно въ замѣнѣ кокошниковъ оконъ новомоднымъ разрывнымъ фронтономъ и только онъ и выдаетъ все новшество затѣи, повторяясь надъ окнами всѣхъ горницъ и подклѣта. Все остальное—карнизы, пояса, наличники оконъ и интересное крыльцо исполнено въ формахъ середины 17-го вѣка. Еще съ большей наклонностью къ «старому завѣту» построенъ домъ Сѣрина въ Гороховцѣ, Стр. 300. Его великолѣпное крыльцо съ палаткой-свѣтлицей наверху исполнено въ духѣ, близкомъ къ псковскому,—и только лишь наличники прямоугольныхъ оконъ, карнизъ и тяги арокъ принадлежатъ Москвѣ. Планъ дома Сѣрина тоже примы-

[1] Чертежи изданы въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества», изд. Императорской Академіи Художествъ, вып. I.

каетъ къ типу клѣтей «въ двѣ связи», хотя крыльцо немного сдвинуто налѣво съ центра [1]. Еще свободнѣе отъ новшествъ домъ Шумилиной *стр. 301,* все въ томъ же Гороховцѣ, въ этомъ поистинѣ счастливомъ живописномъ уголкѣ, сохранившемъ не только древнія гражданскія постройки и тѣсно связанные съ ними храмы, но и образцы своеобразной прекрасной кузнечной работы и керамическаго дѣла въ печахъ и черепичныхъ главахъ. Рѣзко отличаясь плановымъ пріемомъ, гдѣ клѣти идутъ «стаей» въ рядъ съ ихъ обобщающими боковыми сѣнями и боковымъ крыльцомъ, домъ Шумилиной, надстроенный и утерявшій древность праваго крыла, все еще поражаетъ своей широтой и древнимъ складомъ. Торжественное пышное крыльцо усложнено свѣтлицей. Палатка эта, заботливо украшенная новомодными фронтонами оконъ, повидимому, представляла важную принадлежность дома съ особымъ ходомъ и внутреннимъ окномъ на лѣстницу. Тождественнымъ фронтончатымъ окномъ отмѣчена лишь комната хозяина—средняя по плану. Во всей другой фасадной обработкѣ дома нѣтъ черты, характерной для новомоднаго барокко, и только косвеннымъ его вліяніемъ служитъ четверня оконъ прихожей комнаты, смежной съ крыльцомъ. Вся эта четверня въ деталяхъ, однако, совершенно чужда стилю барокко. Совершенно уже чистъ отъ него чрезвычайно интересный такъ называемый воеводскій домъ въ Соликамскѣ, Пермской губерніи. *Стр. 302, 303.* Къ сожалѣнію, домъ сильно потерпѣлъ отъ времени и искаженъ, и только лишь детали оконъ и входа отмѣчаютъ всю тонкость и затѣйливость, повидимому, напыщенной фасадной обработки, далеко оставлявшей за собою обработку сосѣднихъ храмовъ. Для заключенія обзора гражданскаго зодчества необходимо еще разъ упомянуть о томъ интересѣ, который представляютъ монастырскія сооруженія во всей ихъ совокупности, во многихъ случаяхъ далеко еще не обслѣдованныя и не изданныя. Картина древней жизни сильнѣе обрисовалась бы и значительно былъ бы пополненъ недостатокъ свѣдѣній объ исчезнувшихъ жилищахъ гражданъ... Эпоха Грознаго въ монастырской жизни выразилась въ устройствѣ тайниковъ, двойныхъ подваловъ и подземныхъ ходовъ [2]. Надо думать, что то же было и въ жилищахъ. 17-й вѣкъ въ монастыряхъ и подворьяхъ отмѣченъ особенной заботой объ удобствахъ жизни. Ростовскій Кремль, въ частности—Бѣлая палата и терема, достаточно

[1] Благодаря примыкающему помѣщенію отхожаго мѣста. Смежная съ нимъ угловая пристройка сдѣлана въ 19-мъ вѣкѣ. Въ Гороховцѣ имѣется еще одинъ домъ подобнаго же типа и обработки, это домъ Сапожникова, хотя крыльцо его принадлежитъ 19-му вѣку, когда былъ надстроенъ третій этажъ. Надо думать, что въ то же время перестроено и крыльцо. Домъ интересенъ и внутри, гдѣ имѣются изразчатыя печи. Домъ Сапожникова и его печи изданы въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества», изд. Императорской Академіи Художествъ, вып. III и VI. [2] Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ сооруженія Успенскаго монастыря въ городѣ Александровѣ. Подземный ходъ подъ Волгой соединялъ когда то сломанный Старицкій соборъ съ соборомъ Старицкаго монастыря. Огромное количество тайниковъ устроено въ Тверскомъ соборѣ Бѣлой Троицы 16-го вѣка. Древній домъ Московской Духовной Консисторіи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большого интереса.

еще объ этомъ говорятъ, хотя ужъ многое исчезло, а Бѣлая палата и терема подверглись реставраціи, уничтожившей былую простоту и придавшей ненужную мишурность теремамъ. Реставрированныя кельи Ипатьевскаго Костромского монастыря, гдѣ помѣщался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, немного сохранили стараго. Къ счастію, реставрація мало коснулась жилища патріарховъ, хотя и потерпѣвшаго отъ времени и перестроекъ, но хранящаго еще немало живописной старины. Крутицкое подворье хранитъ еще кое что, не говоря уже объ интересномъ теремкѣ. Дома Вологодскихъ, Рязанскихъ и Ярославскихъ владыкъ, Суздальскій древній домъ и многіе другіе хранятъ еще завѣтную сѣдую старину. Изъ мелкихъ монастырскихъ построекъ немало издано [1]. Опубликовываются и древніе гражданскіе дома провинціи [2]. Такъ, постепенно, путемъ археологическихъ изслѣдованій и изысканій, полнится и выясняется созданный жизнью пробѣлъ исторіи гражданскаго зодчества.

XVI.

КРѢПОСТНОЕ ЗОДЧЕСТВО.

Съ глубокой древности и до реформъ Петра, необходимой принадлежностью двора, подворья, монастыря и даже храмовъ являлось замкнутое кольцо ограды, такъ или иначе предназначенной служить охраной неприкосновенности имуществъ. Ограда города въ два-три ряда укрѣпленій ничуть не измѣняла издревле установившагося типа находившихся

[1] Въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества» Императорской Академіей Художествъ изданы: два строенія въ Чебоксарахъ, вып. III. Кельи Успенскаго монастыря въ городѣ Александровѣ и живописная галерея при кладовыхъ Спасо-Прилуцкаго монастыря въ Вологдѣ, вып. II. М. Т. Преображенскимъ въ «Памятникахъ древнерусскаго задчества въ предѣлахъ Калужской губерніи» изданъ домъ настоятеля Покровскаго Добраго монастыря. Затронуты въ изслѣдованіи А. А. Потаповымъ въ «Очеркѣ древней русской гражданской архитектуры» кельи Даниловскаго монастыря въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Палаты въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ; кельи въ Воскресенскомъ (Новоіерусалимскомъ) монастырѣ; кельи въ Солодчинскомъ монастырѣ; игуменскія кельи Борисоглѣбскаго Ростовскаго монастыря; трапезная палата въ Никитскомъ монастырѣ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Трапезная палата Спасо-Андроньевскаго монастыря въ Москвѣ и др. [2] Въ 1909 году Курская Ученая Архивная Комиссія издала описаніе дома князей Ромодановскихъ въ г. Курскѣ. А. А. Потаповымъ въ «Очеркѣ древней русской гражданской архитектуры» помѣщены наброски фасадовъ и плановъ: дома Дергаловыхъ,—такъ называемаго «дома Бирона» въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ; дома па Почаевской улицѣ въ Нижнемъ Новгородѣ; домовъ близъ Успенской и Сергіевской церквей и палатъ на Мытномъ дворѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

въ немъ дворовъ. И даже тогда, когда по времени городовыя стѣны утеряли свое стратегическое назначеніе, дворы все еще ограждались попрежнему. Главнымъ матеріаломъ для устройства оградъ служило дерево, однако, встрѣчались каменныя ограды [1] и мѣшаныя, — дерево съ камнемъ [2]. Время давно уже устранило полноту уцѣлѣвшихъ дворовъ бояръ и свѣдѣнія о таковыхъ даютъ лишь описи. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ «государевыми дворами». Характеръ ихъ выясняютъ сохранившіяся части, рисунки, описи и многіе иные документы. Сохранившіеся чертежи двухъ фасадовъ Кадашевскаго монетнаго двора [3] на Полянкѣ въ Москвѣ, даютъ понятіе о характерѣ двора, повидимому, представлявшаго замкнутый четырехугольникъ изъ корпусовъ, лицевыя стороны которыхъ выходили во внутрь двора. Наружная ихъ сторона представляла какъ бы стѣну, усиленную по угламъ круглыми небольшими и низенькими башнями скорѣе декоративнаго, нежели стратегическаго значенія. Въѣздъ во дворъ въ пониженной части «ограды» состоялъ изъ оригинальныхъ по формѣ воротъ съ калиткой, увѣнчанныхъ тремя верхами съ кровлями изъ черепицы. Государевъ Кадашевскій Хамовный дворъ у Каменнаго моста [4] при капитальномъ устройствѣ въ 1658—1661 г. [5] состоялъ изъ четырехугольника, обнесеннаго бѣлокаменной оградой въ периметрѣ 157 саженъ и высотою въ двѣ сажени. По угламъ ограды находились четыре круглыхъ башни со сводами и верхомъ изъ кирпича высотою въ полторы сажени. Въ оградѣ находились ворота большія и малыя въ 5 саженъ длины и въ высоту 6 саженъ до «орла». Воротный верхъ окрытъ былъ черепицей. Дворъ рѣшеткой дѣлился на двѣ части— Хамовную и Бѣленную съ палатами въ два этажа, длиною въ 22 сажени и шириною въ пять. Калужскій Житный дворъ, находившійся въ Земляномъ городѣ у Калужскихъ воротъ въ Москвѣ, имѣлъ также двѣ угловыя башни и проѣздныя ворота съ башней. Старый Житный дворъ [6] имѣлъ также двѣ башни по угламъ и каменную ограду. Выше упомянутый Печатный дворъ съ 1645 года уже обладалъ надвратной башней. Самое выдающееся каменное сооруженіе 17-го вѣка — Московскій Гостиный дворъ, Старый—1641 года и Новый—1664 года былъ окруженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ каменными стѣнами, къ которымъ изнутри примыкали лавки. По угламъ ограды помѣщались четыре башни, а на Варварку и Ильинку выходили ворота, украшен-

[1] Дворъ боярина В. И. Стрѣшнева и боярина К. П. Нарышкина на углу Воздвиженки и Моховой. «Археологическія извѣстія и замѣтки», 1893 г., № 11. Статья И. Е. Забѣлина, Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича. [2] У двора кн. В. В. Голицына были ворота каменныя съ палаткой, покрытой черепичнымъ шатромъ. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895. Опись хоромъ князя В. В. Голицына, стр. 566. [3] Изданы Н. А. Найденовымъ съ рисунка А. Мартынова, снятаго съ оригинала, хранящагося за № 29345 въ Архивѣ Военно-историческомъ и топографическомъ при Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба. [4] Нынѣ зданіе Суконныхъ бань. Надо думать, что это зданіе частію состоитъ изъ искаженныхъ корпусовъ прежняго двора. [5] А. Мартыновъ. «Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ». [6] Зданіе Запаснаго дворца у Красныхъ воротъ въ Москвѣ, нынѣ приспособленное для Дворянскаго Пансіона. Запасный дворецъ былъ сооруженъ въ 18-мъ вѣкѣ, въ немъ находился корпусъ времени Анны Іоанновны и, вѣроятно, и болѣе древніе.

Переднія ворота Коломенскаго дворца подъ Москвой.
Около 1672—1673 года.

ныя надписями и рѣзьбой [1]. Такимъ образомъ, Гостиный дворъ, сооруженный по общему типу дворовъ, всѣмъ своимъ строемъ напоминалъ восточный караванъ-сарай [2].

Отъ загородныхъ государевыхъ дворцовъ, по счастію, сохранились части оградъ и башни. Отъ ограды Коломенскаго дворца остались каменныя переднія и заднія ворота и Водовзводная или Соколиная башня. Время сооруженія этихъ воротъ и башенъ неизвѣстно, но опредѣляется свидѣтельствомъ польскаго посольства (1671—1672 г.) о предполагаемой сломкѣ деревянныхъ и предстоящемъ устройствѣ каменныхъ воротъ,—а также сходствомъ архитектуры воротъ съ воротами Измайловскаго дворца, построенными въ 1679—1680 г. Переднія ворота Коломенскаго дворца *стр. 307* съ остатками стрѣлецкихъ карауленъ по сторонамъ, имѣютъ двойственную архитектуру. Надвратный верхъ и башня типичнаго московскаго стиля середины 17-го вѣка, повидимому, надстроены (или достроены) надъ постройкой самихъ воротъ иного стиля. Присутствіе колоннъ, хотя и перевязанныхъ жгутомъ, указываетъ на новую струю вліяній. Если принять 1672—1673 г. за время сооруженія воротъ, то ихъ нужно считать первой постройкой, открывающей эпоху барокко. Каковъ былъ видъ воротъ безъ верха, возможно заключить по заднимъ «краснымъ» воротамъ, покрытымъ деревянной двойной крещатой бочкой [3]. Водовзводная башня *стр. 309* въ простыхъ, внушительныхъ и вмѣстѣ выразительныхъ формахъ, строгимъ силуэтомъ рисуется при своеобразномъ покрытіи верха башни деревянной бочкой.

Измайловскій дворецъ на Острову, огражденный естественной защитой, все же былъ обнесенъ деревянной оградой, которая въ 1679—1680 г. была замѣнена каменной [4] съ двумя трехпролетными нарядными воротами и надвратной внушительной башней, заканчивавшей мостъ. Дворъ посрединѣ былъ разгороженъ на двѣ части—дворцовую и хуторскую. Въ преградѣ этой когда то находились главныя ворота [5], проѣздъ ко дворцу. *Стр. 310.* Ихъ бѣлокаменная рѣзь и нѣкоторыя детали, близкія къ утраченнымъ воротамъ Потѣшнаго дворца и уцѣлѣвшимъ частямъ воротъ Печатнаго двора, отодвигаютъ время ихъ сооруженія къ 40—50-мъ годамъ 17-го вѣка [6]. Переднія и заднія ворота *стр. 311*, сохраняя древній типъ, декорированы въ

[1] Гастевъ. «Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы». М. 1841 г. и «Гостиный дворъ». Московскія Губернскія Вѣдомости 1841 г., № 20. [2] Вѣроятно, такого же характера былъ Архангельскій каменный городъ, построенный въ 1668 г. Петромъ Марселисъ и Виліамомъ Шарфъ, т. е. укрѣпленный стѣнами и башнями гостиный дворъ (Ѳ. Ласковскій. «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Спб. 1858 г., ч. I, стр. 22 и 260). Такимъ же, видимо, былъ и городъ Гурьевъ на устьѣ рѣки Урала, выстроенный гостемъ М. Гурьевымъ въ 1645 г. (Тамъ же, стр. 33). [3] Рисунокъ ихъ изданъ А. Мартыновымъ. «Русская Старина», тетр. 2. [4] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 486. Опись Измайловскаго дворца. [5] Всѣхъ каменныхъ воротъ было семь. А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 12. [6] Ворота Измайловскаго дворца нынѣ находятся на старообрядческомъ Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ они вдѣланы въ стѣну богадѣльни. Не переселились ли ворота откуда либо и ранѣе? Случаи переносовъ построекъ бывали въ старину не рѣдки; изъ того же Измайловскаго дворца, какъ было выше указано, часть хоромъ была перенесена на Прѣсню. Если же ворота эти, какъ и всѣ прочія, были сдѣланы въ 1679—1680 г., то они пополняютъ собою циклъ тѣхъ изумительныхъ поддѣлокъ подъ «теремной характеръ» и др., которыми отмѣчено царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Водовзводная или Соколиная башня Коломенскаго дворца подъ Москвой.—17-й вѣкъ.

Главныя ворота Измайловскаго дворца

(нынѣ перенесены на Преображенское старообрядческое кладбище въ Москвѣ). 17-й вѣкъ.

архитектурныхъ формахъ вступающаго въ свои права барокко съ ему присущими колоннами, которыя даютъ здѣсь главный архитектурный мотивъ, повторенный въ трехъ пролетахъ, сквозномъ барьерѣ и углахъ восьмерика [1]. Былая серьезность массъ исчезла въ стремленіи оправдать значеніе колонны какъ устоя. Шатровый верхъ высматриваетъ суховатымъ, и страннымъ кажется присутствіе въ восьмерикѣ оконъ-слуховъ старозавѣтной формы. Совсѣмъ еще въ старозавѣтной обработкѣ высматриваетъ мостовая башня *стр. 313* съ ея открытыми гульбищами, съ барьеромъ изъ ширинокъ съ цвѣтными изразцами. Нарядными наличниками оконъ

[1] Полуколонны восьмерика помѣщены на своеобразныхъ кронштейнахъ простой округлой формы; болѣе вычурна ихъ форма—въ полуколоннахъ восьмерика сосѣдней церкви Іоасафа царевича (1678 г.). Это первые представители въ Москвѣ, типичной для барокко, формы кронштейновъ.

Заднія ворота Измайловскаго дворца подъ Москвой. 1679—1680 г.

украшенъ средній ярусъ—думная палата [1]. Башня могла быть зимнимъ помѣщеніемъ;

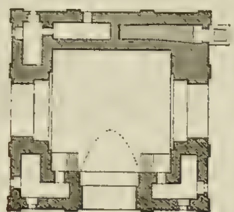
[1] Такъ называемая по преданію. См. объ этомъ у А. Мартынова, «Русская Старина», тетр. 12. Укромность и изолированность палаты не единична. Одновременно въ думную палату была превращена самая верхняя изолированная палатка Кремлевскихъ теремовъ.

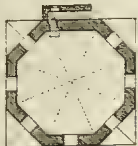
трубы ея печей, поставленныя въ углахъ при переходѣ съ четверика на восьмерикъ, своею обработкой участвуютъ въ общей декоративной композиціи верха башни, когда то обладавшаго часами. Открыто и одиноко стоящая башня съ замурованными тремя проѣздами воротъ, когда то представляла одно цѣлое съ внушительнымъ 50-ти саженнымъ мостомъ при пяти саженяхъ ширины. *Стр. 257.* Украшенный рѣзьбою и цвѣтными изразцами каменный мостъ когда то заканчивался башней и съ противоположной стороны. Обиліе каменныхъ гидравлическихъ сооруженій, плотинъ и мельницъ,—при двадцати искусственныхъ прудахъ,—обширнаго измайловскаго хозяйства, гдѣ были расположены разнообразные государевы заводы [1], мануфактуры и пр., настолько развиваетъ это дѣло, что устраивается цѣлая серія искусственныхъ прудовъ и на государевомъ кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ, въ верхнемъ и нижнемъ садахъ и въ хоромныхъ красныхъ, расположенныхъ надъ палатами и погребами [2]. На смѣну нѣмецкимъ измышленникамъ и часовникамъ являются русскіе часовники [3] и мастера водовзводнаго дѣла, притомъ настолько искусные, что одному изъ нихъ, какому то монаху, поручается отвѣтственное дѣло сооруженія каменнаго моста черезъ Москву рѣку, которое онъ блестяще выполняетъ, соорудивъ въ 1682—1687 г. первый каменный мостъ, вмѣсто былыхъ «живыхъ мостовъ», т. е. подвижныхъ сцѣпныхъ плотовъ. Всесвятскій или Новый Каменный мостъ [4] *стр. 235*, повторяя пріемъ Измайловскаго моста, имѣлъ со стороны Замоскворѣчья три парныхъ въѣзда, т. е. шестеро воротъ. Надъ передними воротами возвышалась шатровая «двойня», близкая къ шатровымъ башнямъ Иверскихъ воротъ, шатры которыхъ сооружены въ 1680 году. Другой конецъ каменнаго моста начинался тоже надвратной башней, но безъ шатровъ.

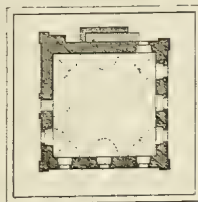
Отъ созданнаго типа оградъ дворовъ не уклонился и царскій дворъ въ Кремлѣ. Казалось бы, что подъ защитой крѣпостныхъ стѣнъ и грозныхъ башенъ Кремля, излишня была бы еще другая стратегическая защита, но таковой по существу являлась зубчатая стѣна отъ церкви Іоанна Предтечи что подъ Боромъ до

[1] Главнымъ механикомъ при устройствѣ ихъ былъ мастеръ Густавъ Декентинъ (пріѣхавшій въ Россію въ 1658 году) съ подмастерьемъ Якубомъ Яновымъ и другими, въ 1665—1669 г. оборудовавшими Измайловское хозяйство. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ рускихъ царей», 1895, стр. 97, 98, 99, 100. [3] Еще въ 1665 году русскій часовникъ Моисей Терентьевъ дѣлалъ «молотильный» образецъ. Въ 1666 году ему велѣно сдѣлать еще три образца, одинъ—«какъ молотить колесами и гирями безъ воды», другой—«какъ воду привесть изъ пруда къ виноградному саду»; третій—«какъ воду выливать изъ ригъ гирями жъ и колесы». И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 482. [4] Названный такъ въ отличіе отъ старыхъ каменныхъ мостовъ черезъ Неглинку у Троицкихъ и Воскресенскихъ (Иверскихъ) воротъ. Исторія сооруженія моста черезъ Москву рѣку началась въ годъ смерти царя Михаила, когда (въ 1643 году) былъ вызванъ изъ Страсбурга палатный мастеръ Яганъ Кристлеръ (Анце Яковсенъ), пріѣхавшій съ дядей Иваномъ Кристлеромъ. Они сдѣлали мостовой образецъ (модель) и смѣту на три статьи. Но дѣло на этомъ и остановилось. Москвичи, видимо пораженные сорокааршинными арочными пролетами моста, по которому долженъ былъ передвигаться «пушечный нарядъ», замяли дѣло. Кристлеръ былъ занятъ составленіемъ чертежей и смѣты для городового дѣла Новгорода и Троице-Сергіева монастыря. Онъ вскорѣ умеръ (въ 1645 году). А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 9.

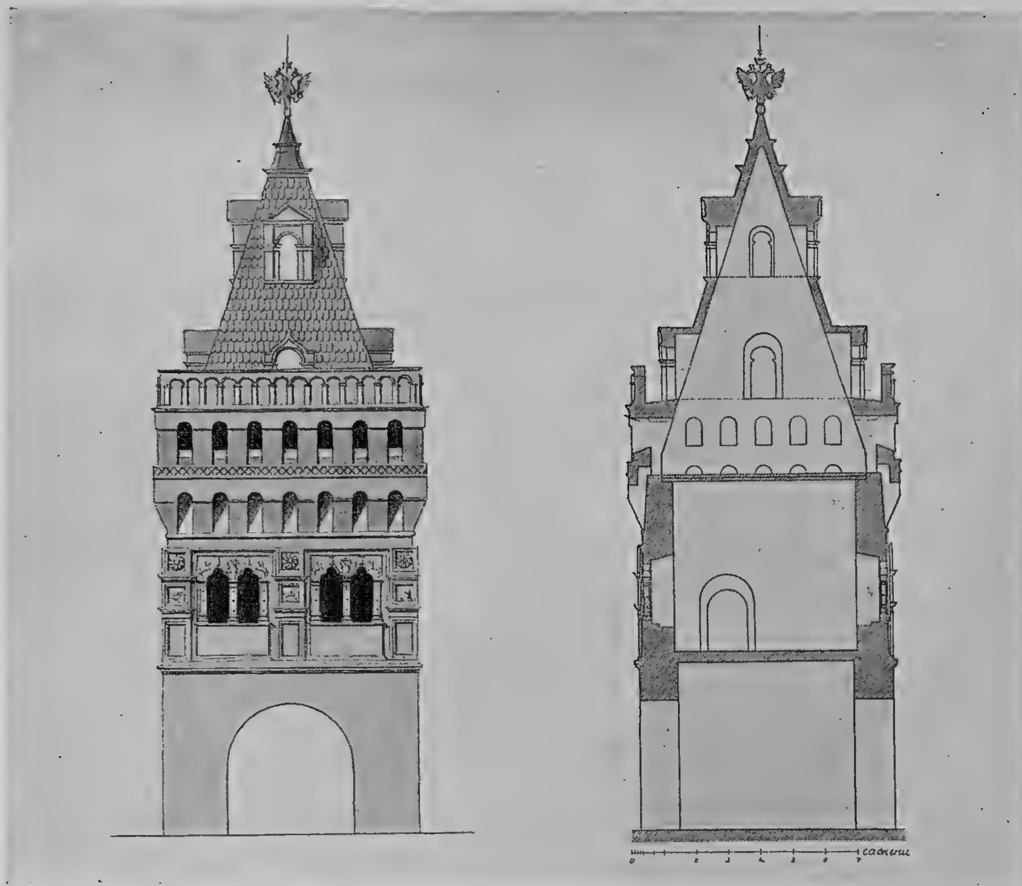

Мостовая башня Измайловскаго дворца подъ Москвой.
1679—1680 г.

Колымажныя или Царскія Золотыя ворота въ Московскомъ Кремлѣ.—Первая половина 17-го вѣка. (Разобраны въ 1801 году).

Дворцоваго приказа и въ ней—совершенно предназначенная для «бою и дозора» башня надъ «Золотыми Государевыми воротами» [1] *стр. 314* съ двумя ярусами бойницъ для различныхъ способовъ обороны. Время сооруженія воротъ неизвѣстно, но, судя по рисунку [2], архитектура ихъ была близка къ архитектурѣ царскихъ «теремовъ», съ ихъ бѣлокаменной узорчатою «рѣзью». Поздне-готическая обработка нижнихъ «слуховъ» шатра навѣяна, повидимому, «верхомъ» Спасской башни, надстроеннымъ «нѣмчиномъ» Христофоромъ Галовеемъ или «Аловеемъ» (Halloway?) въ 1624—1625 г.

[1] Въ концѣ 18-го вѣка ихъ называли «Гербовыми». Это былъ въѣздъ къ внутреннимъ покоямъ дворца. Собственно зубчатая стѣна отдѣляла большой царскій дворъ, такъ называемый Сытный, отъ другихъ малыхъ дворовъ, въ которыхъ находилось нѣсколько воротъ въ оградахъ и въ «подклѣтахъ» палатъ и хоромъ. Оградой былъ обнесенъ въ 1681 г. и нижній набережный садъ съ угловой круглой башней. [2] Изданъ въ IV вып. «Памятниковъ древняго русскаго зодчества», изд. Академіи Художествъ. Въ 5 тетр. «Русской Старины» А. Мартынова тоже имѣется изображеніе воротъ.

Въ 1663 году Колымажныя ворота уже существовали [1]. Въ «Книгѣ избранія на царство Михаила Θеодоровича» (1672 г.) ворота съ шатровымъ верхомъ изображены въ трехъ видахъ. И надо полагать, что Колымажныя ворота современны теремамъ 1635—1636 г. Ихъ излишне стратегическій характеръ, повидимому, представляетъ первую попытку (послѣ Спасской башни) дать башнямъ каменный шатеръ съ смотрильней. Ему предшествовали деревянные шатры, подобно кровлѣ стѣнъ и «забораламъ» [2], являвшіеся необходимостью при навѣсной стрѣльбѣ, а въ деревянныхъ крѣпостяхъ кромѣ того въ силу условій климата. Такой защитѣ подверглись каменныя стрѣльницы и стѣны Московскаго Кремля, сооруженныя въ періодъ 1485—1508 г. На Годуновскомъ планѣ Кремля *стр. 237* достаточно видна эта система, которую подтверждаетъ и планъ Москвы 1610 г. *Стр. 233.* Когда было произведено это характерное для крѣпостей Руси прибавленіе деревянныхъ верховъ и кровель къ типичному итальянскому крѣпостному сооруженію, сказать трудно. Нужно, однако, замѣтить, что ими, повидимому, обладалъ и до-итальянскій каменный Кремль Дмитрія Донского [3].

Верхъ угловой Беклемишевской башни Московскаго Кремля.—17-й вѣкъ.
Низъ башни построенъ Марко Руффо въ 1487 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

[1] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики города Москвы», стр. 1229, 1231, 1233. Шатровый верхъ воротъ изображенъ и у Мейерберга. *Стр. 241 (слѣва).* [2] Подвижные деревянные ставни между каменныхъ зубцовъ стѣнъ. «Заборалы» или «заборали» въ бревенчатыхъ стѣнахъ—ничто иное, какъ огражденіе боевой площади (заборы) со стороны непріятеля. Съ 17-го вѣка имъ дали иное названіе,—«обламы». Θ. Ласковскій, ч. I, стр. 72—73. [3] Итальянецъ Контарини, видѣвшій еще старый Кремль (въ 1475 году), говоритъ, что онъ «расположенъ на небольшомъ холмѣ и что всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости,

Спасскія ворота Московскаго Кремля.

Низъ—1491 г., верхъ—1625 г.

Основной типъ каменныхъ крѣпостныхъ сооруженій устанавливаетъ Московскій Кремль. Собравъ всѣ области Руси, возвысившись до «царственной столицы», Москва должна была стать ихъ оплотомъ отъ ослабѣвшихъ, но еще грозныхъ татарскихъ царствъ. Обширное городовое дѣло исподволь и осторожно началъ великій князь Іоаннъ III. 19-го іюля 1485 года Антонъ Фрязинъ на мѣстѣ Чешковыхъ воротъ заложилъ новую стрѣльницу и ворота, подъ которыя вывелъ подземный ходъ-«тайникъ» къ Москвѣ рѣкѣ. Отсюда и названіе воротъ донынѣ — Тайницкія [1]. Въ 1487 году Марко Фрязинъ ставитъ внизъ по рѣкѣ круглую угловую стрѣльницу Беклемишевскую [2]. *Стр. 315.* На другой годъ Антонъ Фрязинъ закончилъ укрѣпленіе города съ рѣки, т. е. со стороны Татарской Орды, сооруженіемъ вверхъ по рѣкѣ круглой угловой стрѣльницы Свибловой, впослѣдствіи названной Водовзводной [3].

Прибывшій въ 1490 году въ Москву новый мастеръ стѣнной и палатный «архитектонъ» Петръ Антоній (Піетро Антоніо Соларіо) въ томъ же году пополняетъ укрѣпленіе, усиливая его съ обѣихъ сторонъ надвратными стрѣльницами Боровицкой и Константиноеленской.

деревянныя». И. Е. Забѣлинъ допускаетъ, что въ то время обветшавшій Кремль мѣстами могъ быть починенъ деревомъ, или же обиліе всегда устраиваемыхъ кровель и заборалъ придавало стѣнамъ видъ деревянной постройки. «Исторія города Москвы», 1902, стр. 137. Тамъ же, на стр. 140, И. Е. Забѣлинъ даетъ примѣчаніе: «Въ Степенной книгѣ», II, 135, упомянуто, что новый каменный городъ поставленъ округъ деревяннаго (!) града. Ранѣе, на стр. 106, сказано, что въ «скорую татарщину» (1451 г.) подступъ былъ сдѣланъ ко всѣмъ воротамъ и гдѣ не было крѣпости каменной.—Не былъ ли Кремль Дмитрія Донского деревяннымъ, съ каменными башнями? — Древнее слово «крѣпость» означаетъ способы укрѣпленія городовъ. [1] Существующія ворота сооружены вновь «въ прежнемъ вкусѣ» на мѣстѣ сломанныхъ въ 1773 году для закладки Екатерининскаго дворца. Древній видъ воротъ со стѣной у отводной башни и безъ каменнаго шатроваго верха см. у Мейерберга *стр. 241 (въ центрѣ, гдѣ плотъ).* [2] Каменный чрезвычайно стройный верхъ стрѣльницы возобновленъ послѣ взрыва 1812 года. Древній видъ стрѣльницы безъ верха у Мейерберга *стр. 241 (справа).* [3] Въ 1633 году Христофоръ Галовей устроилъ въ нижнемъ этажѣ стрѣльницы бѣлокаменный колодезь съ трубою изъ Москвы рѣки. Изъ колодца вода подымалась лошадьми въ верхній колодезь, выложенный свинцомъ, откуда вода расходилась по разнымъ направленіямъ для обслуживанія нуждъ дворца. Видъ Водовзводной стрѣльницы безъ каменнаго верха у Мейерберга *стр. 241 (слѣва).*

Послѣдняя вскорѣ была укрѣплена сильнѣе прочихъ; имѣя отводную стрѣльницу, она, подобно Тайницкой, была усилена второй отводной стрѣльницей въ стѣнахъ Алевизовскаго рва, при въѣздѣ на мостъ [1]. Въ 1491 году Піетро Антоніо, въ сотрудничествѣ съ Марко, укрѣпляетъ Кремль «съ приступа», т. е. со стороны Большого Посада, двумя, сходными по типу, надвратными стрѣльницами Никольской и Фроловской (Спасской), съ отводными стрѣльницами и форпостами по сторонамъ [2]. Повидимому, онѣ обѣ въ своихъ главныхъ частяхъ имѣли два ряда зубчатыхъ бойницъ [3]. Фроловская стрѣльница

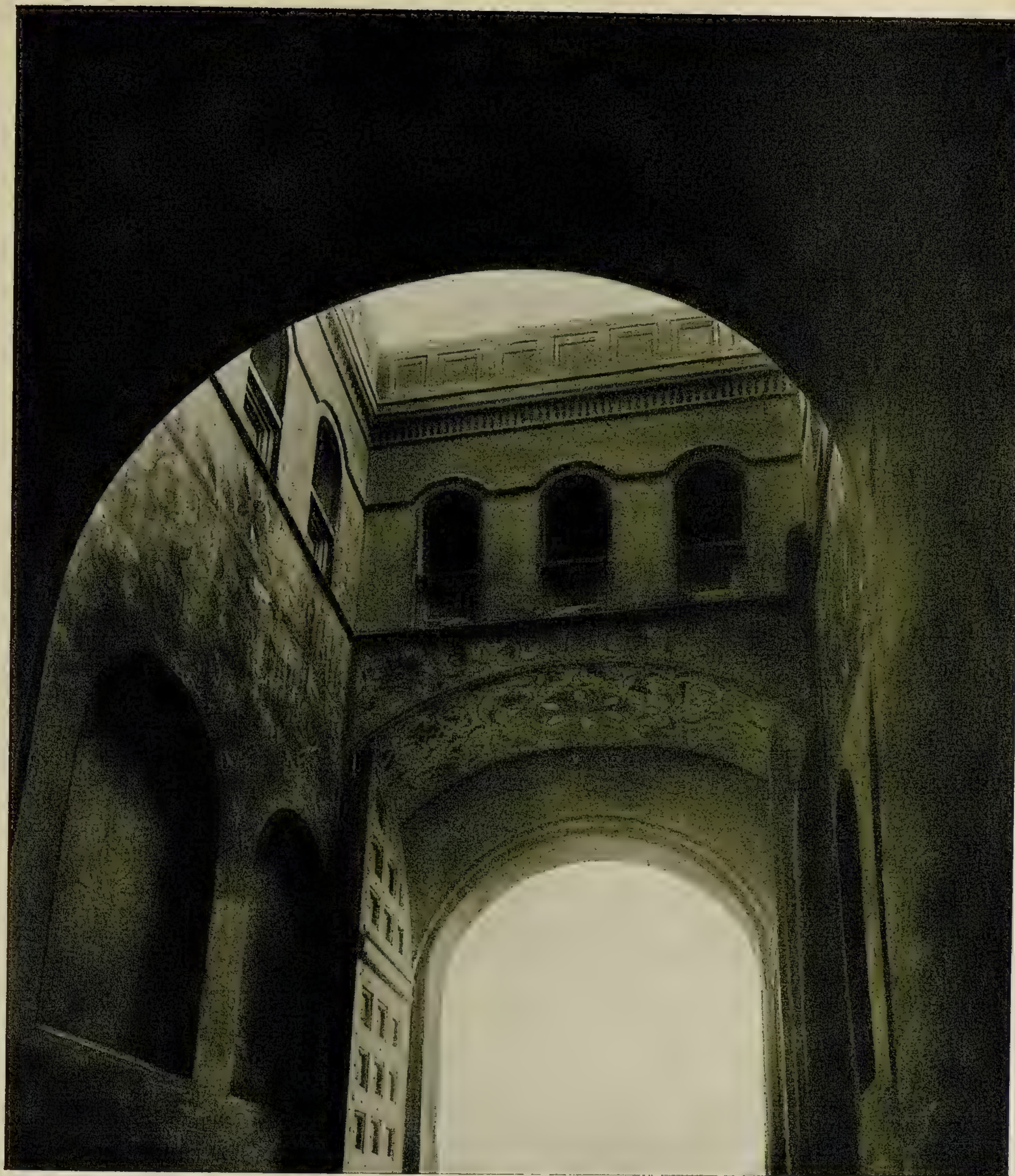

Христофоръ Галовей (Halloway?).
Верхъ Спасской башни Московскаго Кремля. 1624—1625 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

[1] См. у Мейерберга *стр. 239 (слѣва),* и болѣе ясно на Годуновскомъ планѣ *стр. 237 (тоже слѣва).* Главная стрѣльница заканчивалась по угламъ небольшими башенками. [2] Никольская стрѣльница изображена у Мейерберга *стр. 239 (справа).* Въ 18-мъ вѣкѣ верхъ стрѣльницы былъ передѣланъ дважды. Въ 1812 году «готическій» верхъ отъ взрыва на половину обрушился и впослѣдствіи возстановленъ. [3] Кремль города Коломны, сооруженный между 1525 и 1530 г., во многомъ сходный съ Московскимъ Кремлемъ, обладаетъ полуразрушившимися и искалѣченными башнями, могущими служить матеріаломъ для возстановленія первичнаго вида Московскихъ стрѣльницъ. Пятницкая башня Коломенскаго Кремля съ отводной башней, двойными прямыми зубчатыми бойницами, несомнѣнно, близка къ Московской Никольской стрѣльницѣ и, можетъ быть, къ Фроловской. Коломенская башня Коломенскаго Кремля близка къ Московской Беклемишевской стрѣльницѣ—и тутъ и тамъ имѣются навѣсныя бойницы (машикули). Москворѣцкая башня Коломенскаго Кремля имѣла даже два ряда такихъ бойницъ съ зубцами, повторяющихъ формы средневѣковья. А. М. Павлиновъ. «Реставрація древней крѣпости въ Коломнѣ», «Древности», Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, томъ 13, вып. I. На стр. 177 А. М. Павлиновъ приводитъ любопытную реставрацію «висячихъ» подвижныхъ заборалъ, для осей которыхъ имѣются желѣзные крючья, вдѣланные снаружи по сторонамъ зубцовъ стѣнъ Коломенскаго и Московскаго кремлей. Повидимому, такими «висячими» забора́лами не исчерпывались оборонительныя приспособленія московскихъ стѣнъ. Какъ извѣстно, ихъ зубцы стоятъ непосредственно на стѣнахъ, т. е. не висятъ на высту-

(съ 1658 г. Спасская башня) на Годуновскомъ планѣ Кремля *стр. 237 (внизу въ центрѣ)* и на планѣ 1610 года *стр. 233* показана безъ «готическаго» верха, сооруженнаго въ 1624—1625 г. Деревянный верхъ башни, гдѣ помѣщенъ колоколъ, имѣетъ еще дозорную вышку подъ самымъ орломъ. Необходимость широкаго кругозора со стороны Большого Посада обусловливалась сравнительно плоской, мало возвышенной мѣстностью [1] и необходимостью зоркаго надзора за этой, мало защищенной природными условіями, открытой стороной «приступа». Послѣднее обстоятельство заставило, вслѣдъ за сооруженіемъ въ 1492 году наугольной Неглиненской, такъ называемой Собакиной стрѣльницы, и вслѣдъ за сооруженіемъ укрѣпленій вдоль Неглинки въ 1495 году [2], т. е. послѣ окончательнаго оборудованія всѣхъ стѣнъ и стрѣльницъ Кремля, усилить слабую сторону проведеніемъ рва, соединявшаго воды Неглинки съ Москвой рѣкой. Эту весьма серьезную работу, потребовавшую устройства шлюзовыхъ прудовъ, плотинъ, устройства отъ воротъ мостовъ и проч. исполнилъ Алевизъ Фрязинъ въ 1508 году. Ровъ этотъ хорошо виденъ на Годуновскомъ планѣ *стр. 237 (внизу)* [3]. Такимъ образомъ, Кремль сталъ островомъ и походилъ на западно европейскій замокъ, какъ его и называли путешественники иностранцы въ своихъ описаніяхъ и замѣткахъ. Обладающій каменными и деревянными навѣсными бойницами (машикули) и приспособленіями для подошвеннаго, средняго и верхняго «боевъ», защищенный въ воротныхъ проѣздахъ подъемными мостами, двумя и тремя дубовыми окованными желѣзомъ воротами и кромѣ того опускными желѣзными рѣшетками (герсы) [4], Московскій Кремль былъ грозной неприступной крѣпостью, ставшей образцомъ для цѣлаго ряда послѣдующихъ укрѣпленій городовъ и монастырей. Наиболѣе укрѣпленной его стороной была, какъ указано, часть, повернутая къ Большому Посаду. Изъ трехъ грозныхъ ея стрѣльницъ, оберегавшихъ въѣзды въ Кремль, замѣтно выдѣлялась Фроловская, такъ называемая Спасская башня. *Стр. 316.* Надстроенный въ 1624—1625 году «аглицкимъ часовникомъ» Христофоромъ Галовеемъ верхъ для часовъ въ поздне-готическомъ стилѣ съ характерными «аркбута-

пающихъ кронштейнахъ (машикули), дѣлаемыхъ для удобства отраженія скидываемыми камнями, кипяткомъ и проч. непріятеля, лѣзущаго на приступъ, но ихъ замѣняли деревянныя машикули на выпускныхъ дубовыхъ брусьяхъ. Н. В. Султановъ. «Памятники древней письменности», 1881, вып. VIII, стр. 23. [1] Фроловскія или Днѣпровскія ворота Смоленскаго кремля, сооруженнаго въ 1595—1602 г., судя по рисунку на древней иконѣ времени Петра I, повторяютъ въ камнѣ этотъ же самый пріемъ. «Археологическія извѣстія и замѣтки», 1896 г., № 2—3, изд. Московскаго Археологическаго Общества. [2] Крупнымъ сооруженіемъ съ Неглиненской стороны была Ризположенская или Троицкая надвратная стрѣльница съ отводной стрѣльницей, съ невиданнымъ еще въ Москвѣ каменнымъ мостомъ черезъ Неглинку и съ защищавшей въѣздъ на него второй отводной стрѣльницей (Кутафьей). Стрѣльницы и мостъ хорошо видны на Годуновскомъ планѣ *стр. 237 (въ центрѣ)* и на планѣ 1610 года *стр. 233 (справа въ серединѣ)*. Стрѣльница показана еще безъ «готическаго» верха, сооруженнаго въ 1685 году, когда, по всей вѣроятности, была надстроена и Кутафья. [3] Ровъ засыпанъ въ концѣ 18-го вѣка. Онъ былъ глубиною 4 сажени при 17-ти саженной ширинѣ, весь выложенъ бѣлымъ камнемъ съ зубчатыми стѣнами поверхъ земли. [4] Прорѣзы въ сводѣ для опускной рѣшетки существуютъ донынѣ въ Боровицкихъ воротахъ. Въ Троицкихъ и Спасскихъ воротахъ мѣста для рѣшетокъ имѣются, но они, повидимому, задѣланы во время ремонта.

Внутренняя круговая галерея отводной стрѣльницы Спасской башни Московскаго Кремля.

нами», маскируемыми ажурной декорацiей верхней галереи *стр. 317,* хотя и нарушилъ суровость формъ, но придалъ величавость и затѣйливость въ угоду вкусамъ 17-го вѣка, стремившимся къ нарядности. Отбрасывая мысленно всѣ поздніе наросты и дополняя воображеніемъ исчезнувшій подъемный мостъ и ровъ, получимъ строгія, обдуманныя формы защиты и обороны, внесенныя Піетро Антоніо Соларіо, дополненныя вскорѣ Алевизомъ. Отводная стрѣльница-башня, по счастію, уцѣлѣвшая до насъ [1], знакомитъ съ способомъ защиты отъ непріятеля, прорвавшагося черезъ ровъ и первыя ворота. Сквозная ходовая галерея [2] *стр. 319* давала широкую возможность внутренняго обстрѣла непріятеля, разбивающаго вторыя ворота, за которыми скрывались «герсы» и еще ворота [3]. Замковый характеръ Московскаго Кремля съ введеніемъ деревянныхъ кровель значительно видоизмѣнился, приблизившись къ устойчивому типу бревенчатыхъ сооруженій. Стрѣльницы постепенно получаютъ деревянныя надстройки, издревле извѣстныя подъ именемъ «вѣжъ», т. е. высокихъ деревянныхъ башенъ [4], устраиваемыхъ для обстрѣла непріятельскихъ придвижныхъ сооруженій, а также и для дозора. Прототипы ихъ создавались въ древнихъ деревянныхъ городахъ, поздніе образцы которыхъ дошли до насъ. Они приведены въ главѣ о деревянномъ крѣпостномъ зодчествѣ, гдѣ собраны типичные представители деревянныхъ «смотриленъ» или «дозорныхъ вышекъ». *Т. I, стр. 497, 499.* Форма послѣднихъ могла образоваться и не въ крѣпостной архитектурѣ и лишь впослѣдствіи связаться съ ней. Л. В. Даль весьма основательно указывалъ на примитивную форму сторожевой казачьей степной вышки, приподнятой надъ четырьмя наклонными другъ къ другу столбами, какъ на прототипъ каменныхъ дозорныхъ башенъ Московскаго Кремля [5]. Структура казачьей вышки чрезвычайно сходна съ примитивомъ деревянной колокольни въ Кимжѣ. *Томъ I, стр. 443.* Л. В. Даль привелъ примѣръ и рубленой вышки, развивающей предыдущій пріемъ въ формѣ срубчатой башни съ прорѣзными бойницами въ стѣнахъ, съ дозорной вышкой. Подобная же срубчатая одежда примѣнена была къ Ракульской колокольнѣ. *Томъ I, стр. 444, 445.*

Въ дальнѣйшемъ развитіи сторожевыя вышки, при четырехгранной и вось-

[1] Упраздненныя при царѣ Михаилѣ Константиноеленскія ворота не сохранили отводныхъ стрѣльницъ. Отводныя стрѣльницы Никольскихъ и Троицкихъ воротъ хотя и сохранились, но утеряли всю свою структуру: будучи накрыты сводами, они сдѣлались простымъ продолженіемъ воротнаго проѣзда. [2] Едва ли не первая каменная галерея въ Москвѣ. [3] Тождественный пріемъ защиты отчасти сохранился въ «Кутафьѣ», обладавшей двумя боковыми воротами съ подъемными мостами. Въ концѣ 17-го вѣка древній видъ «Кутафьи» былъ нарушенъ надстройкой декоративнаго верха и уничтоженіемъ боковыхъ воротъ, замѣненныхъ однимъ прямымъ проѣздомъ (нынѣ боковыя ворота возстановлены). [4] Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 6667 г. находимъ: «Вѣжа же средѣ города (Холма) высока, яко же бити съ нея окрестъ града, подздана каменьемъ въ высоту 15 лакотъ, создана же сама древомъ тесанымъ и убелена яко сыръ свѣтящися на всѣи стороны». «Вѣжа» — покрышка — палатка—закрытіе. Курбскій въ описаніи осады Казани различаетъ слова «вѣжа» (деревянная) и «башня» (каменная).—Слово «башня» съ середины 16-го вѣка замѣнило древнее названіе «стрѣльница». Ө. Ласковскій, ч. I, стр. 93—96. [5] И. Е. Забѣлинъ въ описаніи Измайловскаго дворца указываетъ на устройство среди полей башенъ-смотриленъ для наблюденія за хозяйственными работами. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 482.

Верхъ Боровицкой башни Московскаго Кремля.
Конецъ 17-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

мигранной формахъ, ставились на рубленыхъ стрѣльницахъ, образуя ихъ верхъ Въ несложной формѣ такой пріемъ даетъ Торговищенская башня. *Томъ I, стр. 497.* Якутскій острогъ обладаетъ уже вполнѣ развитой формой дозорной башни. *Томъ I, стр. 499.* На стрѣльницы каменныхъ городовыхъ стѣнъ форма дозорной башни была перенесена, вѣроятно, вмѣстѣ съ заборалами и кровлей и до конца остава-

Башня Сумбеки въ Казани.
17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

лась деревянной срубчатой или стропильной [1]. Московскій Кремль вначалѣ также обладалъ дозорными деревянными вышками. Ихъ хорошо видно на Годуновскомъ планѣ и планѣ 1610 года. Каменныя декоративныя смотрильни-башни, ненужно унизавшія всѣ безъ исключенія верха стрѣльницъ, явились поздно. Москва съ своимъ Кремлемъ, часто горѣвшая по правдѣ и неправдѣ, нуждалась въ постоянной замѣнѣ сгорѣвшихъ деревянныхъ крѣпостныхъ верховъ. Возобновленіе, конечно, не представляло большихъ хлопотъ и стоило сравнительно недорого, но было обстоятельство, заставившее озабоченно подумать о безопасности нѣкоторыхъ башенныхъ верховъ. Спасская, Тайницкая и Троицкая башни имѣли дорого стоящіе боевые часы. Когда они были поставлены — неизвѣстно, но въ 1586 году они уже тамъ находились въ деревянныхъ шатрахъ или башняхъ [2]. Въ началѣ 17-го вѣка боевые часы были и на Никольской башнѣ [3]. Первый шатровый каменный верхъ для часовъ, какъ было выше сказано, устроилъ Христофоръ Галовей въ 1624—1625 г. [4], надстроивъ его надъ Фроловской стрѣльницей. *Стр. 317.* Этотъ первый каменный шатровый верхъ [5] кремлевскихъ башенъ слѣдуетъ считать открывающимъ эпоху примѣненія нарядности къ суро-

[1] Образчикъ древняго устройства стропильчатаго верха приводитъ М. Т. Преображенскій въ чертежахъ Георгіевской башни Пафнутіева монастыря. Монастырскія стѣны и башни построены разновременно, повидимому, начиная со времени царя Бориса. Въ 1610 году «Тушинскій воръ» осаждалъ каменныя стѣны. Царь Михаилъ въ 1636 году пожаловалъ на ихъ починку и на кровлю 600 рублей. «Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи», стр. 49. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 167. [3] Тамъ же, стр. 167. [4] Новгородская «часозвоня» 1436 г., не имѣющая каменнаго верха, мало имѣетъ отношеній къ Галовеевской часовой вышкѣ, хотя и служитъ прототипомъ часовыхъ башенъ. Часовая башня Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ тоже лишена каменнаго покрытія. Она близка по формѣ къ продолговатымъ каменнымъ колокольнямъ 16-го вѣка «на четыре угла», какъ Дудинская или какъ Успенская въ городѣ Александровѣ. Устройство монастырскихъ стѣнъ и башенъ произведено въ 1533—1538 г., но по времени ограда сильно пострадала и частію построена вновь при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, о чемъ имѣются надписи на вновь сооруженныхъ башняхъ. Часовую башню А. А. Потаповъ считаетъ надстроенной надъ основаніемъ 16-го вѣка около 1624 года, т. е. времени покупки старыхъ боевыхъ часовъ съ Московской Спасской башни. «Очеркъ древней русской гражданской архитектуры», глава X. [5] Л. В. Даль. «Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества». «Зодчій», 1873 г.

вымъ твердынямъ Московскаго Кремля, хотя по существу нарядность здѣсь у мѣста, затѣйливо иллюстрируя весь хитроумный «домыслъ часомѣрья» фигурами плящущихъ звѣрей и тѣми статуями аллегорическихъ изображеній, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, остались лишь мѣста да запись о скромности нашихъ предковъ, одѣвавшихъ ихъ въ суконныя одежды [1].

Начатая Христофоромъ Галовеемъ нарядность, будучи исключительной, не скоро привилась къ Кремлю. Она скорѣе подходила по затѣйливости къ хоромному и палатному строенію, гдѣ вслѣдъ за Спасской башней и распространилась, декорируя верха воротъ. Начиная съ Колымажныхъ воротъ *стр. 314*, которыя, по вышеприведеннымъ причинамъ, считаемъ современными московскимъ теремамъ (1635—1636 г.), надвратныя башни съ каменнымъ шатровымъ верхомъ встрѣчаемъ въ Печатномъ дворѣ (1645 г.), въ Гостиномъ дворѣ (1641—1664 г.), въ Кадашевскомъ дворѣ (1658—1661 г.) и мн. др. Башни Кремля надстроены позже. У Мейерберга (1661 г.) ихъ еще нѣтъ. Ихъ нѣтъ и въ «Книгѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича» (1672 г.). Въ изображеніяхъ Пальмквиста какъ бы намѣченъ ихъ характерный силуэтъ (1674 г.). Свѣдѣнія о времени сооруженія верховъ кремлевскихъ башенъ указываютъ, что верхъ Троицкой башни выстроенъ на мѣстѣ деревяннаго въ 1685 году [2]. Боровицкая башня *стр. 321* надстроена въ концѣ 17-го

Царская башенка Московскаго Кремля.—1680 г.

[1] «133 г. октября 6, по государеву имянному приказу здѣлано на четыре болвана однорядки суконные, сукна пошло аглинского розного цвѣту двѣнадцать аршинъ, по полтинѣ аршинъ; а быть тѣмъ болваномъ на Фроловскихъ воротехъ». Издѣльныя Записи. И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 612. Въ пожаръ 1654 года статуи обрушились, о чемъ свидѣтельствуетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь свѣдѣнія объ отличительной раскраскѣ Спасской башни. Въ 1680 году былъ возбужденъ вопросъ, выбѣлить ли отремонтированныя стѣны и башни известью или расписать ихъ по образцу Спасскихъ воротъ, которыя были «прописаны черленью и бѣлиломъ въ кирпичъ». Государь приказалъ городъ Кремль выбѣлить известью. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», 1902, стр. 166. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 108. Троицкая башня строена по образцу Спасской башни, поддѣлываясь подъ ея стиль, что произведено довольно удачно. *Стр. 289.*

вѣка [1] въ типичномъ московскомъ стилѣ. Сходная съ ней по пріему башня Сумбеки въ Казани *стр. 322* значительно строже въ своемъ уборѣ, но все же удалилась отъ крѣпостного типа, исполняя лишь роль «дозорной вышки» [2]. Царская башенка рядомъ со Спасской башней *стр. 323* построена въ 1680 году [3]. Наконецъ, переустройство башенъ отъ Спасской башни до Москвы рѣки произведено въ 1681 году [4] по образцу переустройства стѣнъ и башенъ со стороны Большого Посада. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ отмѣченными набросками Пальмквиста, отодвигаетъ время начала надстройки надъ башнями каменныхъ верховъ-смотриленъ къ 70-мъ годамъ 17-го вѣка. Стѣны и башни Кремля, Китай города и Бѣлаго города ремонтировались не разъ со времени сооруженія, но самый крупный ремонтъ былъ, повидимому, начатъ съ 1666 года, когда были разосланы по городамъ Государевы грамоты о созывѣ всѣхъ до одного человѣка каменщиковъ, кирпичниковъ и горшечниковъ въ Москву для церковнаго, дворцоваго, палатнаго и городового дѣла въ Кремлѣ, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ [5]. Процессъ починки, повидимому, тянулся долго. Въ 1667 году только еще была составлена опись ветхостей городовыхъ стѣнъ. И надо думать, что къ строительному дѣлу приступили не скоро [6], продолживъ и закончивъ его въ 80-хъ годахъ 17-го вѣка, во время сильнѣйшаго увлеченія нарядностью, какъ бы усилившагося вслѣдъ за появленіемъ новыхъ архитектурныхъ формъ «барокко». Простота, строгость и логичность городовой ограды Московскаго Кремля, довольно долго не имѣвшей декоративныхъ формъ, въ достаточной степени засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ крѣпостныхъ сооруженій, ближайшихъ по времени къ Москов-

[1] В. Е. Румянцевъ. «Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ 17-го вѣка», «Древности», 1886 г. Томъ XI, изд. Московскаго Археологическаго Общества. [2] В. В. Сусловъ относитъ ее къ 17-му вѣку. «Памятники древнерусскаго зодчества», изд. Академіи Художествъ, вып. VII. Татарское названіе «Сумбеки», вѣроятно, ранѣе принадлежало древней башнѣ внутренней цитадели, находившейся во времена Едигера среди дубоваго города съ 14-ю каменными башнями. Развалины цитадели (изданныя А. Демидовымъ) своимъ восточнымъ характеромъ достаточно подтверждаютъ, что существующая башня не имѣла съ ними ничего общаго и, вѣроятно, построена вновь на древнемъ основаніи. [3] В. Е. Румянцевъ. «Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ 17-го вѣка», «Древности», 1886 г., томъ XI, изд. Московскаго Археологическаго Общества. [4] «Лѣта 7189 февраля въ 8 день по Государеву и Великаго Князя Феодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу Еремѣю Ларіоновичу Пятово да подъячему Якову Зыкову. Въ нынѣшнемъ во 189 году по указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца велѣно по Кремлю Городу отъ Спасскихъ проѣзжихъ воротъ до Свирловой наугольной башни, что подлѣ Москвы рѣки, городовыя стѣны и башни всѣ вычинить заново противъ того жъ, какъ построено по Кремлю отъ Спасскихъ же воротъ по другую сторону до Николаевскихъ проѣзжихъ воротъ и до наугольной башни, что позадь Земскаго Двора» и т. д. Н. Е. Бранденбургъ. «Древности», 1894 г., томъ XV, вып. II, изд. Московскаго Археологическаго Общества. Приложеніе къ протоколу № 364. [5] Съ строгимъ наказомъ, что если кто изъ нихъ ухоронится, то женъ ихъ и дѣтей велѣно метать въ тюрьму, покамѣстъ мужья ихъ объявятся. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», 1902, стр. 165. [6] Предшествовавшій ремонтъ Кремля послѣ указа Государя, по изготовленіи необходимаго матеріала, начатъ былъ черезъ десять лѣтъ. Тамъ же, стр. 165. Этотъ примѣръ не единиченъ. Первичное сооруженіе Кремля тянулось свыше десяти лѣтъ. Сооруженіе Смоленскаго Кремля, начатое государевымъ указомъ въ 1595 году, при чрезвычайной энергіи, могло быть выполнено лишь черезъ 7 лѣтъ. См. статью П. Янышевскаго въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» 1901 года, № 20. И. И. Орловскій въ брошюрѣ «Смоленская стѣна 1602—1902 г.» указываетъ, что стѣна строилась 15 лѣтъ.

Петрокъ Малый.

Варварскія ворота Китай-городской стѣны въ Москвѣ. 1534—1538 г.

скому Кремлю. Московская Китай-городская стѣна, сооруженная фрязиномъ Петрокомъ Малымъ въ 1534—1538 г., на планѣ 1610 года *стр. 227, 229* показана безъ каменныхъ шатровыхъ башенъ. Ихъ нѣтъ и въ Нижегородскомъ Кремлѣ 1500 — 1508 г. [1], а также и вышеупомянутомъ Коломенскомъ Кремлѣ 1525—1530 г., ближайшей копіи Московскаго Кремля. Не имѣетъ декоративныхъ верховъ и бѣлокаменный Кремль Серпухова 1556 г., Смоленскій Кремль 1597 г. и даже поздній Астраханскій Кремль 1623 г. еще не имѣетъ ихъ. Всѣ перечисленныя крѣпостныя сооруженія тождественны въ устройствѣ живой защиты и обороны. Все тѣ же отводныя башни, опускныя рѣшетки-«герсы» [2] и подъемные мосты, съ полнѣйшимъ оборудованіемъ стрѣльницъ и стѣнъ для полнаго пищальнаго, мушкетнаго и пушечнаго боя въ три яруса съ прицѣлами въ прямыхъ или закругленныхъ зубцахъ стѣны и башенъ и осадными въ нихъ стоками («косымъ боемъ»). Особенно полно для лучного и огненнаго боя было оборудованіе Китай-городскихъ стѣнъ, обведенныхъ «съ приступа» рвомъ съ «возводными» (подъемными) мостами на «режахъ» или срубахъ [3]. Варварскія ворота 1538 г. *стр. 325* съ ихъ боковыми проѣздами [4] даютъ своеобразный пріемъ приспособленія, въ примыкающей изогнутой стѣнѣ, повернутой угломъ къ воротамъ, для болѣе удобнаго обстрѣла непріятеля, разбивающаго ихъ. Такое приспособленіе отчасти замѣняло отводныя башни. Живописный каменный четырехгранный шатеръ съ слухами, замѣнившій прежній деревянный верхъ, представляетъ простѣйшій пріемъ устройства каменнаго верха надъ башней. Живописныя декоративныя шатровыя каменныя вышки для дозора надъ Ильинскими и Владимірскими воротами Китай-города, повидимому, замѣнили бывшія здѣсь деревянныя. Дозоръ здѣсь былъ такъ же необходимъ, какъ и на стѣнѣ Кремля, повернутой все въ ту же сторону открытаго «приступа». Устройство дозорныхъ вышекъ въ кирпичѣ повторяетъ структуру срубчатыхъ и даже ихъ прототипъ—основу на четырехъ наклонныхъ другъ къ другу столбахъ. Основаніе дозорныхъ башенъ, совпадая съ началомъ «облама», скрывается въ раккурсѣ, и башня получаетъ одно живописное цѣлое съ древнимъ низомъ [5], какъ напримѣръ, въ Владимірскихъ воротахъ [6] *стр. 327*, гдѣ особенно интересны каменныя машикули, такъ живо передающія средневѣковый типъ Болонскихъ зданій, эпохи ранняго возрожденія. Каменный шатровый

[1] Законченъ Петромъ Фрязиномъ (французскимъ). Ѳ. Ласковскій, ч. I, стр. 26—27. В. В. Сусловъ называетъ его Франческо. [2] Въ Китай-городской стѣнѣ уцѣлѣла отводная стрѣльница у Ильинскихъ воротъ, но сводъ ея, повидимому, поздній. Мѣста для «герсъ» имѣются въ проѣздахъ Ильинскихъ и Воскресенскихъ (Иверскихъ) воротъ, они помѣщены нѣсколько иначе Кремлевскихъ «герсъ», не посрединѣ, а во внутреннемъ концѣ воротнаго проѣзда. [3] Судя по древнимъ планамъ, онъ также обладалъ рвомъ отъ Неглинки до Москвы рѣки. [4] Древнія ворота заложены и внутри устроено помѣщеніе часовни иконы Боголюбской Божіей Матери. Нынѣшній арочный пролетъ пробитъ въ стѣнѣ въ началѣ 18-го вѣка. А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 18. [5] См. вышеприведенное указаніе о починкѣ башенъ съ 1666 года, а также статью Н. В. Султанова «Приспособленіе Дмитровской башни Нижегородскаго Кремля подъ музей». «Зодчій», 1895 г. [6] Широкій арочный пролетъ воротъ въ стѣнѣ пробитъ въ концѣ 17-го вѣка во время сооруженія храма Владимірской Божіей Матери 1691—1692 г.

Петрокъ Малый.
Владимірскія ворота и угловая башня Китай-города въ Москвѣ. 1534—1538 г.

верхъ Ильинскихъ и Владимірскихъ воротъ, увѣнчанныхъ дозорной вышкой, въ усложненномъ видѣ встрѣчаемъ въ интересной башнѣ Константиноеленскихъ воротъ Кремля, гдѣ каменный шатровый верхъ поставленъ на огороженную барьеромъ вторую площадку уступа стрѣльницы [1]. *Стр. 329.* Въ дальнѣйшей эволюціи

[1] Нынѣ площадка уступа закрыта кровлей, спускающейся поверхъ барьера.

уступъ сливается съ шатромъ, образуя ту характерную форму, которая присуща большинству декоративныхъ дозорныхъ башенъ Кремля, какъ напримѣръ, въ сосѣдней съ Константиноеленской Набатной башнѣ. *Стр. 329.* При кругломъ основаніи кремлевскихъ угловыхъ башенъ, дозорныя ихъ вышки принимаютъ восьмигранную форму. Но есть попытки и при четырехгранномъ основаніи закончить верхъ восьмиграннымъ каменнымъ шатромъ [1] и даже дать, подобно колокольнямъ, въ основу восьмерикъ, какъ въ Боровицкой башнѣ. *Стр. 321.* Попытки подражаній декоративнымъ придаткамъ Московскихъ стѣнъ довольно рѣдки [2]; среди нихъ замѣтно выдѣляются ограды Іосифо-Волоколамскаго и Симонова монастырей. Волоколамская ограда, сооруженная въ началѣ 17-го вѣка [3], снабжена семью кирпичными шатровыми дозорными верхами надъ всѣми семью башнями въ простѣйшемъ типѣ, за исключеніемъ двухъ: одной—повторяющей пріемъ Московской Беклемишевской башни, и другой—весьма оригинальной, по исключительной формѣ, квадратной Германовской башни, увѣнчанной восьмериковымъ верхомъ, на который водружена обычная дозорная вышка. Оригинальность башни заключается въ восьмерикѣ, обработанномъ во всемъ тождественно звону колоколенъ въ типѣ двойныхъ висячихъ арокъ [4]. Симоновская ограда, сооруженная, по свидѣтельству И. Е. Забѣлина, въ 1630 годахъ [5], поражаетъ мощнымъ видомъ своихъ башенъ [6]. Особенно выдѣляется изъ нихъ грандіозная угловая башня «Дуло», бывшая хлѣбнымъ складочнымъ запаснымъ амбаромъ. *Стр. 330 и приложеніе.* Принципъ устройства надстроенныхъ декоративныхъ гранныхъ верховъ всѣхъ пяти башенъ монастыря однообразенъ. Онъ повторяетъ типъ кремлевскихъ башенъ и близокъ къ нимъ по архитектурѣ, хотя восьмерички смотриленъ закончены своеобразной формой гранныхъ куполковъ, несущихъ «прапоры», какъ напримѣръ, въ чрезвычайно стройной Тайнинской башнѣ [7]. *Стр. 331.* Не знаемъ, былъ ли, подобно перечисленнымъ оградамъ, декорированъ не уцѣлѣвшій, къ сожалѣнію, Бѣлый городъ Москвы, сооруженный въ 1586—1590 г. русскимъ мастеромъ Кономомъ Ѳедоровымъ. Онъ изображенъ на планѣ 1610 года не имѣющимъ декоративныхъ верховъ [8]. *Стр 231.* Другое грандіозное произведеніе русскаго мастера,—Ѳедора Савельева,

[1] Въ двухъ безымянныхъ башняхъ по Москвѣ рѣкѣ, сосѣднихъ съ Беклемишевскою башней. Обѣ эти башни упали отъ взрыва въ 1812 году. [2] Въ Казанскомъ Кремлѣ, въ оградахъ Ипатьевскаго Костромского, Іосифо-Волоколамскаго и Симонова монастырей и др. [3] См. «Памятники древне-русскаго искусства», вып. II, изд. Академіи Художествъ, гдѣ изданы въ прекрасныхъ обмѣрахъ А. К. Иванова двѣ башни. [4] Башня и предназначалась для колокольни. [5] «Исторія города Москвы», 1902, стр. 164. При царѣ Михаилѣ въ 1630 годахъ созданы ограды каменныя у Спаса на Новомъ и у Пречистыя въ Симоновѣ. [6] Симоновская ограда-крѣпость считалась сильнѣйшею еще въ 16-мъ вѣкѣ. На ней, въ память отраженія въ 1591 году Крымскаго хана Казы Гирея, была сооружена и освящена, въ 1693 году, донынѣ существующая надвратная каменная церковь Всемилостиваго Спаса. Не были ли башни древнѣе стѣнъ? — Гдовъ (1431 г.) былъ частію каменный, частію деревянный. Зарайскъ (1531 г.)—тоже. Вязьма имѣла рубленыя стѣны съ 9 башнями, изъ которыхъ шесть были каменныя. Земляной городъ Москвы тоже имѣлъ двѣ каменныя башни. Ѳ. Ласковскій, ч. I, стр. 36, 49, 54, 55, 56. [7] Названной такъ по тайнымъ ходамъ къ пруду. Гранные куполки башенъ имѣютъ сходство съ куполками колоколенъ въ стилѣ «барокко». [8] Судя по древнимъ планамъ, онъ также обладалъ рвомъ отъ Неглинки до Москвы рѣки.

Круглая Башня
Симонова Монастыря въ Москвѣ
(16го и 17го вѣка)

Константиноеленская башня Московскаго Кремля.

Низъ построенъ Піетро Антоніо Соларіо въ 1490 г., верхъ надстроенъ въ концѣ 17-го вѣка.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Круглая башня «Дуло» Симонова монастыря близъ Москвы. 16-й—17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

по прозвищу Коня, тоже не имѣвшее декоративныхъ верховъ, Смоленскій кремль—эта сѣдая, уже рушащаяся и реставрируемая, когда то грозная твердыня, сохранила нѣкоторыя части почти безъ перемѣнъ, какъ напримѣръ, Долгочевскую башню. *Стр. 332.* Эта

Тайнинская башня Симонова монастыря близъ Москвы. 16-й—17-й вѣкъ.

интересная по сохранившейся обработкѣ башня указываетъ на начало декорированія боевыхъ отверстій наличниками, дающими имъ видъ оконъ. Другая характерная особенность Смоленскихъ стѣнъ заключается въ устройствѣ внутренняго ряда каменныхъ зубцовъ-

Ѳедоръ Савельевъ Кòня.

Долгочевская башня Смоленскаго Кремля.—Конецъ 16-го вѣка.
(Фот. Императорской Археологической Коммиссіи).

устоевъ для поддержанія надстѣнной деревянной кровли [1]. Устройство кровли

[1] Подобные устои встрѣчаются и въ примѣненіи къ храму, какъ напримѣръ, въ храмѣ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ. Есть еще одна особенность Смоленскаго кремля—это высокій бѣлокаменный цоколь, но такой же цоколь, заканчивавшійся валикомъ, повидимому, былъ и у Московскихъ кремлевскихъ стѣнъ, гдѣ, кромѣ того, былъ верхній бѣлокаменный поясъ. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», 1902, стр. 165—166. Такой же цоколь былъ въ Тульскомъ кремлѣ 1514 г. и въ Зарайскомъ 1531 г. Весь Серпуховской кремль выложенъ изъ бѣлаго камня. Чрезвычайно живописными высматриваютъ стѣны и башни Соловецкаго монастыря, сложенныя изъ валуновъ, гдѣ цоколь постепенно переходитъ въ стѣны. *Стр. 333.* В. В. Сусловъ датируетъ Соловецкія укрѣпленія 14—15-мъ вѣками. «Обзоръ древне-русскихъ построекъ на Сѣверѣ». «Зодчій», 1883 г. Здѣсь имъ внесена очевидная описка, такъ какъ новгородецъ Зосима въ первой половинѣ 15-го вѣка только положилъ «начало» монастырю. Въ другомъ мѣстѣ («Путевыя замѣтки о сѣверѣ Россіи и Норвегіи», 1888, стр. 56) В. В. Сусловъ датируетъ ограду 15-мъ вѣкомъ, не указывая, откуда заимствовано свѣдѣніе. Но трудно допустить, чтобы и въ 15-мъ вѣкѣ, т. е. во время основанія монастыря, можно было соорудить такую колоссальную стѣну, нѣкоторые камни которой имѣютъ 10-ти аршинный размѣръ (!).

Стѣна и башни Соловецкаго монастыря.
16-й вѣкъ. (Фот. Н. Н. Румянцева).

донынѣ хорошо сохранилось въ монументальной оградѣ Троице-Сергіевой лавры, начатой въ 1513 году и довершенной въ царствованіе Ивана Грознаго въ 1540—1547 г. Послѣ осады 1609—1610 г. значительно поврежденная ограда была вычинена. Починка и переустройство продолжались до 1648 года, когда была закончена обширнѣйшая «Красная башня», обладающая «по духу времени» сложной декораціей бойницъ [1]. Подверглась ей и скромная ограда Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1633 года и Спасо-Прилуцкаго Вологодскаго монастыря 16—17-го вѣка, а также и ограда Саввина Сторожевскаго монастыря 1655 года и многія другія. И

Вѣрнѣе всего, ограда была сооружена одновременно съ постройками Филиппа митрополита, т. е. въ 1552—1558 г.

[1] Ѳ. Ласковскій въ «Матеріалахъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи», 1858 г., ч. I, стр. 135, указываетъ, что сооруженіе «Красной башни» имѣло единственной цѣлью—украшеніе монастырской ограды.

Угловая башня Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря **Тверской губ. 1690—1696 г.**
(Фот. Ѳ. Ѳ. Горностаева).

даже знаменитая «Суздальская крѣпость», — ограда Спасо-Евфиміева монастыря 17-го вѣка въ значительнѣйшей степени подверглась ей въ сплошной узорчатой декораціи святыхъ воротъ [1] и башенъ.

[1] Чертежи башни надъ святыми воротами изданы въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества», изд. Академіи Художествъ, вып. V.

Внутренняя сторона стѣнѣ Ростовскаго Кремля до реставраціи.—1683 г.
(Изъ коллекціи фотографій Л. М. Браиловскаго).

Прекраснымъ образцомъ сплошныхъ узорчатыхъ декорацій святыхъ воротъ, стѣнныхъ палатъ и башенъ служатъ ограды Ростовскаго Кремля (1683 г.), Борисоглѣбскаго Ростовскаго и Горицкаго монастырей и пышныя декораціи ограды Краснохолмскаго Антоніева монастыря конца 17-го вѣка. *Стр. 334.* Въ столицѣ въ это время уже увлекались новшествомъ «барокко», примѣняя модный стиль къ оградамъ Донского и Новодѣвичьяго монастырей [1]. Насколько сильно изощренъ былъ вкусъ въ стремленіи дать всему «уборъ», достаточно указываетъ форма каменныхъ столбовъ-устоевъ для поддержанія надстѣнной кровли Ростовскаго Кремля, едва не превратившая боевой служебный ходъ въ сквозную галерею-сѣни.

[1] Объ этомъ далѣе, въ главѣ «Барокко Москвы».

Начало крѣпостного зодчества «царственной» Москвы — Московскій Кремль къ концу 17-го вѣка подвергся общей участи въ необходимости «наряда», слившись съ церквами, башнями, дворцомъ и теремами въ сказочно дивную, прекрасную картину и нынѣ плѣняющую чувство и затмѣвающую взоръ своими красками и блескомъ куполовъ [1]. Короткое, но важное въ исторіи Московскаго искусства время царствованія Ѳеодора Алексѣевича отмѣчено стремленіемъ внести изящество и красоту повсюду. И никогда такъ не былъ дивенъ кремль, какъ въ это время, весь переполненный послѣднимъ словомъ жизненныхъ удобствъ и декоративныхъ качествъ. Развитіе старозавѣтныхъ формъ шло здѣсь рука объ руку съ развитіемъ «Московскаго барокко». И обликъ всей Москвы ничуть не пострадалъ, скорѣе выигралъ отъ новыхъ формъ палатъ и храмовъ въ ихъ стройной, художественной, тонко прочувствованной, изящной оболочкѣ.

Ѳ. Горностаевъ.

[1] Приблизительную картину былого великолѣпія даетъ гравюра Пикара — видъ Кремля около 1710 г. *Стр. 247.* Но въ ней отсутствуетъ полнота роскоши царскаго дворца, достигшаго къ концу 17-го вѣка огромнѣйшей величины, съ многочисленными дворами, службами, башнями, воротами, висячими садами и позлащенными кровлями трехъ высокихъ «теремовъ». И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей», 1895, стр. 83, 84, 592, 593. «Государевы» каменныя хоромы, неизвѣстнаго назначенія, находились надъ палатами Хлѣбеннаго дворца, выходившими угломъ къ Троицкой башнѣ Кремля (нынѣ уголъ Кавалерскихъ корпусовъ). Въ 1701 году эти хоромы погорѣли. Другой каменный «теремъ» принадлежалъ царицѣ Марфѣ Матвѣевнѣ (онъ находился на мѣстѣ центральной части нынѣшнихъ кремлевскихъ казармъ). Оба «терема» возвышались на одномъ уровнѣ съ существующимъ «теремнымъ дворцомъ» и связывались между собой церковью Спаса Новаго съ церковью Успенія наверху, а также и «Куретными» воротами съ верхней каменной свѣтлицей. Отъ высокихъ угловыхъ Государевыхъ хоромъ до Куретныхъ воротъ и по другую сторону вплоть до Колымажныхъ воротъ, всѣ кровли нижележащихъ Оружейной и Приказной палатъ въ 1681 г. были превращены въ террасы съ лещаднымъ поломъ и сквознымъ арочнымъ барьеромъ по бокамъ. Въ такія же террасы были превращены всѣ кровли сосѣднихъ палатъ, у стѣнъ Кремля, среди которыхъ возвышался своей оригинальной группой Потѣшный дворецъ и башни Колымажныхъ воротъ и Конюшеннаго Аргамачьяго дворца, стоявшія одна противъ другой.

Барокко Украины

XVII.

ДЕРЕВЯННОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО НА УКРАИНѢ.

Достаточно посѣтить нѣсколько селъ въ Малороссіи, чтобы встрѣтить еще во многихъ мѣстахъ старинныя деревянныя церкви съ своеобразными куполами, съ особой конструкціей всего зданія. Многія изъ этихъ церквей еще поддерживаются прихожанами за неимѣніемъ новыхъ храмовъ, а многія стоятъ уже рядомъ съ новыми церквами и ожидаютъ своего близкаго уничтоженія. Несмотря на то, что украинское зодчество еще въ половинѣ 17-го вѣка вызвало искренній восторгъ у сирійскаго путешественника Павла Алеппскаго [1], мы до сихъ поръ ровно ничего не знали о старинныхъ украинскихъ храмахъ. Это неудивительно, когда у насъ такъ мало свѣдѣній о деревянной архитектурѣ даже и сѣверныхъ нашихъ областей. Только въ настоящее время положено систематическое начало разсмотрѣнію вопроса объ украинскихъ художественныхъ древностяхъ. Плодомъ этого явились изслѣдованія, которыя выдвинули на сцену новую, до сихъ поръ мало извѣстную, деревянную архитектуру [2]. Несмотря на разработку матеріала, исторія этой архитектуры едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ. Изслѣдованія и матеріалы, понынѣ обнародованные, еще не даютъ воз-

[1] «Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ 17-го вѣка, списанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ». Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Москва, 1897. [2] П. Мартиновичъ и В. Горленко. «Церкви старинной постройки въ Полтавской Епархіи» («Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» 1888 г., №№ 16 и 17). «Древности Украины», изд. Моск. Археол. Общества, вып. I. 1905 г. Прот. Е. Сѣцинскій. «Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи» (въ X т. Трудовъ Подольскаго церк. историко-археологич. Общества). Статья архитектора В. Карповича «Малороссійское церковное зодчество», въ журналѣ «Строитель», № 10, отъ 15 мая 1905 г. Статья арх. Н. Филянскаго «Наслѣдіе Украины», въ журн. «Искусство», № 3, за мартъ 1905 г. Прот. Е. Сѣцинскій. «Южно-Русское церковное зодчество». Каменецъ-Подольскъ, 1907. Щербаковскій. «Деревляні церкви на Украіні і іхъ типи» (въ VI кн. Записокъ Наукового Товариства імени Шевченко за 1906 г.). Ор. Левицкій. «Новый храмъ въ старомъ украинскомъ стилѣ». Кіевъ, 1907. Наконецъ, когда настоящая глава была уже сверстана, вышелъ въ свѣтъ I томъ сборника этнографическаго отдѣла Р. Музея Имп. Александра III, въ которомъ помѣщена статья Ѳ. К. Волкова «Старинныя деревянныя церкви на Волыни», содержащая много снимковъ церквей.

можности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной картины, и оставляютъ неясными, въ полумракѣ, нѣкоторые весьма существенные и важные вопросы. Такъ, съ точки зрѣнія историка, желающаго освѣтить отличительныя черты этой архитектуры, является настоятельной необходимостью изслѣдовать вопросъ объ источникахъ и о происхожденіи малорусскаго зодчества. Откуда явилась эта архитектура? Есть ли она вполнѣ самобытное произведеніе южно-русскаго генія, воспитаннаго подъ исконнымъ вліяніемъ Византіи, или она явилась подъ вліяніемъ какихъ нибудь архитектурныхъ формъ другихъ народовъ и мѣстностей?

Были уже попытки нѣкоторыхъ ученыхъ доказать, что на южно-русскую церковную архитектуру имѣли вліяніе памятники сѣверно-русскаго зодчества [1]. Другое мнѣніе относительно происхожденія южно-русскаго церковно-строительнаго стиля доказывало, что украинская архитектура есть самобытная, народная архитектура. Изъ этого видно, что какого нибудь твердаго взгляда на украинское зодчество до сихъ поръ еще не выработано. Были высказаны мнѣнія, въ сущности, противоположныя одно другому: одни видѣли его элементы въ сѣверно-русскомъ искусствѣ, другіе въ византійскомъ, третьи считали его самобытнымъ, и т. д.

Легко понять эту противорѣчивость мнѣній и эти колебанія, если вспомнить справедливую мысль, нѣкогда высказанную французскимъ историкомъ Fustel de Coulanges: «Нужны десять лѣтъ анализа для одного дня синтеза».

Болѣе тщательное наблюденіе и изслѣдованіе, кажется, даетъ теперь возможность точнѣе рѣшить вопросъ объ источникахъ украинскаго зодчества. Для того, чтобы пріобрѣсти болѣе или менѣе твердое основаніе для научнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, необходимо остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что многіе формы и мотивы украинскаго архитектурнаго стиля имѣютъ чрезвычайно близкое сходство съ формами и мотивами западнаго искусства. Тѣ признаки стиля, которые считаются специфической особенностью украинскаго зодчества, ясно выступаютъ уже въ архитектурѣ Запада. Выработать эти формы вполнѣ самостоятельно и въ то же время въ столь сходныхъ чертахъ съ западной архитектурой едва ли было возможно для южно-русскихъ мастеровъ. Наконецъ, одновременное каменное зодчество Малороссіи, въ которомъ западное вліяніе слишкомъ очевидно, и неоспоримо доказанное вліяніе Запада на архитектуру московскихъ храмовъ эпохи царей Іоанна и Петра, заставляютъ признать и неоспоримое вліяніе западныхъ образцовъ на образованіе формъ украинскаго деревяннаго зодчества. Московская архитектура конца 17-го и начала 18-го вѣка и архитектура Малороссіи какъ каменная, такъ и деревянная, безъ сомнѣнія, имѣли одинъ общій источникъ для своихъ декоративныхъ формъ—архитектуру Запада.

[1] «Православный Собесѣдникъ», изд. Казанской духовной академіи. 1903 г., сентябрь, стр. 361.

Успенская церковь въ Ярышевѣ

Могилевскаго уѣзда.—1768 г. (Колокольня нынѣ разобрана. Фот. Императорской Археологической Комиссіи, планъ и разрѣзъ—по обмѣрамъ Г. Г. Павлуцкаго).

Время, къ которому относится украинское деревянное зодчество, принадлежитъ къ интереснымъ эпохамъ въ исторіи западной культуры и искусства. То было время контръ-реформаціи, стиля барокко, когда любили блескъ показного, и все самое простое облекалось въ пышныя, многорѣчивыя формы. Архитектурѣ Запада пришлось ударить въ самыя звонкія свои струны; архитектурныя произведенія щеголяли другъ передъ другомъ ошеломляющими эффектами, пытаясь возбуждать чувства и фантазію зрителя; повсюду—господство самой утонченной декораціи.

Архитектурный стиль барокко, созданный въ Италіи и отсюда распространившійся по всему Западу, нашелъ радушный пріемъ въ Малороссіи раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Откуда проникало это западное вліяніе? Безъ сомнѣнія, ближе всего изъ Польши. Польша, гдѣ стиль барокко въ 17-мъ вѣкѣ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, не

могла остаться совершенно чуждой культурѣ Украины, съ которой она была въ слишкомъ живыхъ сношеніяхъ. Съ другой стороны, выходцы изъ Галиціи также, вѣроятно, заносили къ своимъ сосѣдямъ культурные вкусы. Тогдашнее малорусское образованное общество, воспитываясь на основахъ западно-польской культуры, невольно знакомилось и окружало себя западнымъ искусствомъ. Неудивительно поэтому, что западное вліяніе отразилось и на такихъ важныхъ отрасляхъ искусства, какъ церковная архитектура и иконопись.

Какія же особенности представляетъ украинское деревянное церковное зодчество и каково его происхожденіе?

Украинскіе храмы по формѣ бываютъ трехкупольные, пятикупольные, девятикупольные и менѣе сложные—однокупольные. По отношенію къ плану, украинская архитектура строго держится традиціи, сохраняя его идеальное значеніе, выражавшееся въ ясной символизаціи деталей. Самая типичная и наиболѣе распространенная форма—трехкупольная церковь. Она состоитъ изъ трехъ прямоугольныхъ срубовъ, расположенныхъ въ одну линію, по направленію отъ востока къ западу, при чемъ средній срубъ значительно преобладаетъ надъ двумя остальными шириной и вышиной. Весь храмъ дѣлится на три части: алтарь, мѣсто для молящихся и притворъ, или «бабинецъ». Эти три части символизуютъ святую Троицу, идея которой воспроизводится также въ трехъ куполахъ, такъ какъ каждая часть храма имѣетъ свой особый куполъ, и они также расположены на прямой линіи отъ востока къ западу. Въ смежныхъ стѣнахъ срубовъ внутри храма вырѣзаны арки для свободнаго прохода изъ одной части храма въ другую; алтарная арка закрывается высокимъ иконостасомъ. На западной сторонѣ храма всегда находится паперть съ двускатной крышей или небольшое крыльцо, а къ алтарю пристроена—часто только впослѣдствіи—ризница. Очень часто планъ трехкупольнаго храма видоизмѣняется тѣмъ, что наружные, а иногда и внутренніе углы прямоугольныхъ срубовъ какъ бы обрѣзываются или закругляются.

Рядомъ съ типомъ трехкупольнаго храма встрѣчается типъ однокупольнаго. Въ однокупольной церкви планъ остается также трехсоставный, но куполъ возводится только надъ среднимъ срубомъ; алтарь же и притворъ имѣютъ крышу на два ската съ фронтонами; внутри ихъ устраивается плоскій или немного вогнутый потолокъ,—подобіе деревяннаго коробоваго свода.

Третій типъ малорусскихъ церквей—это храмъ съ пятью куполами. Планъ такой церкви представляетъ равноконечный крестъ. Срубы бываютъ прямоугольные, но чаще центральный срубъ имѣетъ видъ восьмиугольника, а вѣтви креста оканчиваются абсидами и принимаютъ форму граней. Въ Подоліи извѣстна только одна пятикупольная церковь въ мѣстечкѣ Ярышевѣ Могилевскаго уѣзда. *Стр. 339.* Въ Кіев-

Церковь Рождества Богородицы въ Ходоровѣ
Кіевской губ. Каневскаго уѣзда.—1768 г. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

ской губерніи весьма интересные памятники подобнаго образца представляютъ соборная церковь Медвѣдовскаго Николаевскаго монастыря въ Чигиринскомъ уѣздѣ [1] и церковь Рождества Богородицы въ мѣстечкѣ Ходоровѣ Каневскаго уѣзда *стр. 341,* а въ Полтавской губерніи—Покровская церковь въ г. Ромнахъ *стр. 342,* перенесенная теперь въ Полтаву. Какъ видно изъ сохранившейся надъ входомъ надписи, она построена въ 1764 г. послѣднимъ кошевымъ атаманомъ войска запорожскаго Петромъ Калнышевскимъ. Наконецъ, надо отмѣтить еще и Покровскую церковь въ мѣстечкѣ Бѣликахъ Кобелякскаго уѣзда.

[1] «Древности Украины», табл. I, 2.

Покровская церковь въ Ромнахъ Полтавской губ.—1764 г. (Въ 1900 году перенесена въ Полтаву).

Если три трехкупольныхъ церкви поставить рядомъ, то получится девятикупольный храмъ, имѣющій въ планѣ квадратъ, раздѣленный на девять частей. Девятикупольныя церкви очень рѣдки. Таковъ Троицкій соборъ въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губ., построенный въ 1772—1779 г. по образцу запорожскаго Троицкаго собора, разобраннаго за ветхостью въ 1887 г.[1].

Стр. 343.

Сложная конструкція Новомосковскаго собора создала въ народѣ легенду о томъ, что строитель его, мастеръ изъ Водолаги, Яковъ Погребнякъ получилъ указаніе, какъ строить храмъ, отъ святителя Николая, явившагося ему во снѣ; по этимъ указаніямъ строитель сдѣлалъ первоначально для предположенной имъ постройки модель изъ оситняка, растущаго въ низменностяхъ и имѣющаго круглые стебли, а затѣмъ выстроилъ и самое зданіе храма.

Таковы общія черты деревянной украинской церковной архитектуры.

Мы не знаемъ сохранившихся памятниковъ деревяннаго зодчества, которые бы восходили ранѣе начала 18-го вѣка. Тѣмъ не менѣе нужно признать безпорнымъ, что украинское зодчество со всѣми своими характерными чертами существовало уже въ 17-мъ вѣкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ Алеппскій,

[1] «Кіевская Старина» за 1888 годъ, т. I; «Древности Украины», вып. I; Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества, т. XVI, 1905 г.

Троицкій соборъ въ Новомосковскѣ
Екатеринославской губ. 1772—1779 г. (Фот. Н. Г. Филянскаго).

который съ такими подробностями описываетъ украинскіе деревянные храмы, что въ нихъ не трудно найти всѣ типическія черты національнаго украинскаго зодчества [1]. Еще болѣе сильное доказательство представляютъ изображенія деревянныхъ церквей на планѣ Кіева Кальнофойскаго 1638 г. и на планѣ Кіева 1695 года [2].

[1] «Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ 17-го вѣка». [2] «Планъ Кіева, составленный въ 1695 году». Кіевъ, 1893.

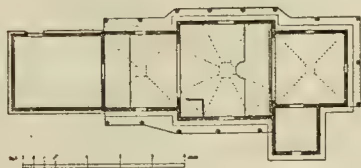
Кажется, можно положительно утверждать, что формы украинскихъ деревянныхъ храмовъ прежде всего являются наслѣдіемъ тѣхъ самыхъ, уже не существующихъ теперь формъ, которыя, основываясь на данныхъ византійскаго стиля, выработались въ окрестностяхъ Кіева въ первые годы Русскаго великаго княжества. Мы знаемъ изъ лѣтописей, что деревянное церковное зодчество сыграло большую роль при насажденіи христіанства на Руси. Совершенно невѣроятно, чтобы отголоски его не дошли въ памятникахъ до болѣе отдаленнаго потомства. Домонгольскій періодъ вовсе не былъ временемъ до такой степени младенческимъ, чтобы деревянная церковная архитектура его не могла найти сочувствія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и не достигла надлежащаго развитія. Безъ сомнѣнія, эта архитектура жила вмѣстѣ съ народомъ. Но еще другія соображенія, гораздо болѣе вѣскія, заставляютъ насъ утверждать, что формы деревянной архитектуры домонгольскаго періода отчасти уцѣлѣли въ памятникахъ до настоящаго времени. На югѣ Россіи, т. е. тамъ, гдѣ сосредоточивалась исторія домонгольской Руси, сохранились обрядныя пѣсни или колядки, форму которыхъ изслѣдователи признаютъ глубоко древней и національной. Колядки считаются остатками героическаго эпоса великокняжеской эпохи, такъ какъ въ нихъ ясно видны слѣды дружинно-княжескаго періода. Одна группа этихъ колядокъ, представляющая «отраженіе набѣга» кочевниковъ, прямо говоритъ о постройкѣ церкви съ тремя верхами[1], т. е. называетъ именно тотъ типъ храма, который является господствующимъ въ Малороссіи[2].

Если обратиться къ типу пятикупольному, то здѣсь мы также имѣемъ положительное доказательство въ пользу того, что пятиглавый храмъ существовалъ въ домонгольскую эпоху. Объ этомъ говорится въ «Сказаніи Іакова мниха о Борисѣ и Глѣбѣ»: Ярославъ въ Вышгородѣ «въздради церковь велику, имѣющую вроховъ пять и исписа всю, и украси ю всею красотою». «Сказаніе» повѣствуетъ, что эта церковь вскорѣ обветшала, и Изяславъ велѣлъ близъ старой соорудить новую церковь, также деревянную, но объ одной главѣ[3].

Эти свидѣтельства древнихъ литературныхъ памятниковъ не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что деревянные украинскіе храмы, хотя сравнительно и поздней

[1] Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. «Историческія пѣсни малорусскаго народа», т. I, Кіевъ, 1874, стр. 34 и сл. [2] Интересно, почему на древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ въ Святославовомъ Сборникѣ и въ Псалтири Егберта, архіепископа Трирскаго (Гр. А. Бобринскій. «Кіевскія миніатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславовича въ Псалтири Егберта, архіепископа Трирскаго», Спб. 1902, табл. XXVI)—изображенъ храмъ съ тремя главами? Не явилось ли это изображеніе оттого, что въ древней Руси уже въ 11-мъ вѣкѣ существовали трехглавые деревянные храмы? Господствующее мнѣніе, что миніатюры Святославова Сборника изображаютъ перспективный видъ пятиглаваго храма, не можетъ быть принято. Какая тамъ перспектива въ 11-мъ вѣкѣ! Тутъ одно изъ двухъ: или это—точное воспроизведеніе византійскихъ миніатюръ, или—традиціонное изображеніе храма, въ основѣ восходящее къ византійскимъ миніатюрамъ, но измѣненное введеніемъ нѣкоторыхъ реальныхъ формъ, заимствованныхъ изъ окружающей дѣйствительности. [3] «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ», изд. О. М. Бодянскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1859 г., кн. 1 и въ 1870 г., кн. 3. «Сильвестровскій списокъ сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ» (XIV в.), изд. И. И. Срезневскимъ. Спб. 1860.

Георгіевская церковь въ Старыхъ Хуторахъ въ Винницѣ
Подольской губ.—1726 г. (Фот. и обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

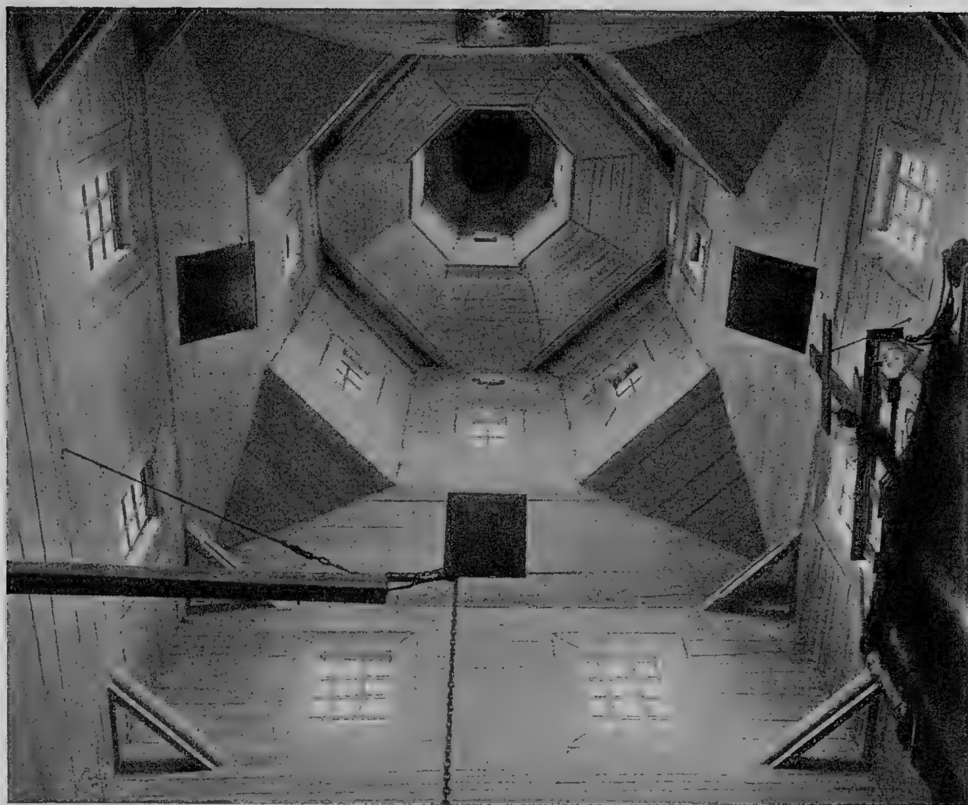
постройки, носятъ въ себѣ черты отдаленной древности и служатъ отчасти образцами тѣхъ строительныхъ замысловъ, которыми руководилось въ своихъ работахъ деревянное зодчество домонгольской Руси. Это послѣднее самобытно росло на національной почвѣ, пока не встрѣтилось съ западнымъ вліяніемъ. Въ 17-мъ вѣкѣ, въ эпоху барокко, западная цивилизація, а вмѣстѣ съ нею и искусство, бросаютъ свои зерна на почву Малороссіи. Ростки, пускаемые этими зернами, вплелись въ канву первоначальнаго основанія южно-русской архитектуры и, хотя не измѣнили кореннымъ образомъ національнаго стиля и мѣстныхъ особенностей, однако, создали новыя, оригинальныя формы.

Украинскій храмъ, уступая общему художественному движенію, проникается новымъ вѣяніемъ. Вліяніе барокко преобразовываетъ форму плана и куполовъ. Многогранная или круглая форма срубовъ, созданная подъ вліяніемъ Запада, беретъ почти окончательно перевѣсъ надъ древней прямоугольной формой. Хотя дошедшая до насъ украинская церковная деревянная архитектура по большей части носитъ на себѣ печать вліянія барокко, однако, ея первоначальныя формы явственно выступаютъ изъ подъ позднихъ наслоеній. Прямоугольная форма срубовъ—несомнѣнно древняя [1] и она, хотя и рѣдко, все же еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ церквахъ, напримѣръ, въ Успенской и Преображенской въ мѣстечкѣ Полонномъ, въ Воскресенской въ Бѣлгородкѣ Кіевскаго уѣзда, въ Георгіевской въ Старыхъ хуторахъ Винницкаго уѣзда. *Стр. 345.* Круглая форма срубовъ дѣлается постепенно излюбленной въ украинскомъ деревянномъ зодчествѣ.

Подъ вліяніемъ барокко вырабатывается также своеобразная форма куполовъ, которая вскорѣ становится типической чертой украинскихъ храмовъ. Въ большинствѣ ихъ купола представляютъ нагроможденіе нѣсколькихъ постепенно уменьшающихся кверху восьмигранниковъ, такъ что снаружи церковь представляетъ соединеніе нѣсколькихъ многогранныхъ пирамидальныхъ башенъ. Благодаря системѣ восьмериковъ, башни украинскихъ церквей не имѣютъ тяжелаго вида. Все нагромождено и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Такъ какъ башни внутри открыты во всю высоту и освѣщены окнами не только въ нижнемъ срубѣ, но и въ восьмерикахъ, то впечатлѣніе внутренности храма выходитъ торжественнымъ и возвышающимъ. *Стр. 347.* Глазъ невольно влечется въ вышину, по уступамъ, которые, благодаря игрѣ свѣта и тѣни, даютъ много живописной прелести и напоминаютъ молящимся, въ какой бы части храма они ни находились, что ихъ помыслы должны стремиться къ небу.

Въ этомъ стремленіи къ выработкѣ башеннаго типа куполовъ украинская архитектура слѣдовала тѣмъ же новымъ принципамъ, незнакомымъ первоначальному южно-

[1] См. изображеніе постройки плотниками прямоугольнаго сруба церкви («церковь великую сгражаютъ») въ «Сказаніи о св. Борисѣ и Глѣбѣ», изд. И. И. Срезневскаго, стр. 123.

Куполъ Никольской церкви въ Лебедяни
Харьковской губ.—18-й вѣкъ. (Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

русскому зодчеству, какимъ слѣдовала и западно-европейская, такъ называемая барочная архитектура 17-го вѣка.

Первоначально въ украинскихъ церквахъ нижніе срубы прямо крылись куполами, имѣющими форму низкаго шатра на четыре грани. Такая форма еще уцѣлѣла въ нѣкоторыхъ церквахъ, напримѣръ, въ боковыхъ башняхъ Георгіевской церкви въ Старыхъ хуторахъ Винницкаго уѣзда. *Стр. 345.* Лишь подъ вліяніемъ барокко изъ этой служебной формы, имѣвшей самостоятельное значеніе и зародившейся изъ свойствъ матеріала—дерева, развилась декоративная форма купола въ видѣ высокой башни.

Такъ какъ купола-башни украинскихъ храмовъ бревенчатые, то форма крышъ часто соотвѣтствуетъ внутреннему устройству этихъ башенъ; верхній восьмерикъ нерѣдко и снаружи имѣетъ форму усѣченной пирамиды, четырехгранной или восьмигранной, являющейся какъ бы низкимъ шатромъ, какъ мы видимъ въ Введенской церкви въ мѣстечкѣ Триполье Кіевскаго уѣзда. *Стр. 348.* Но, кромѣ этой

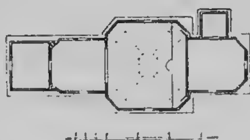
Введенская церковь въ Триполье Кіевскаго уѣзда. — 1797 г. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

простой формы, существуетъ еще два декоративныхъ покрытія свода верхняго восьмерика во вкусѣ барокко. Одна форма— широкая, сдавленная, съ слабымъ перехватомъ у основанія, свойственная низкимъ шатровымъ сводамъ, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ Михайловской церкви въ мѣстечкѣ Зиньковѣ Подольской губ., Летичевскаго уѣзда, построенной въ 1769 г. *Стр. 349.* Другая форма—вытянутый и болѣе вычурный въ линіяхъ куполъ, свойственный высокимъ шатровымъ сводамъ, напримѣръ, Михайловская церковь въ мѣстечкѣ Чемерисахъ Волоскихъ Могилевскаго уѣзда. *Стр. 351.* Этотъ вычурный куполъ замѣнилъ старые купола въ нѣкоторыхъ Кіевскихъ каменныхъ церквахъ, между прочимъ въ Софійскомъ соборѣ и въ церкви Златоверхо-Михайловской. Эта послѣдняя декоративная форма принадлежитъ позднѣйшему періоду, тогда какъ первая—болѣе древняго происхожденія. Стиль барокко вообще обнаруживалъ стремленіе всѣ формы вытягивать вверхъ. Поверхъ верхняго фонарика ставится глава; форма главы—луковичная, съ заостренной вершиной, на подобіе славянскаго шлема. Въ раннее время многія украинскія церкви покрывались гонтомъ; въ настоящее время гонтъ уже почти повсюду замѣненъ жестью и желѣзомъ.

Характерную и весьма живописную особенность украинскихъ трехглавыхъ храмовъ представляютъ галереи или «опасанія», идущія вокругъ всей церкви, въ видѣ простого открытаго навѣса на столбикахъ. Главная цѣль этихъ галерей—служить защитой нижнихъ частей зданія отъ воды и сырости. Сверхъ того, во время переполненія храма молящимися, часть народа можетъ здѣсь укрыться отъ дождя и солнца. Галереи являются самостоятельной прибавкой, органически онѣ не связаны

Михайловская церковь въ Зиньковѣ

Подольской губ. Летичевск. уѣзда. 1769 г. (Фотографія и обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

съ зданіемъ. Иногда крыши галерей поддерживаются особыми кронштейнами или выступающими концами бревенъ на углахъ зданія, такъ что навѣсы исполняютъ роль фартука, защищающаго храмъ отъ сырости. Трудно сомнѣваться въ западномъ происхожденіи этихъ навѣсовъ, такъ какъ они встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ западной части Малороссіи. Мы ихъ находимъ, кромѣ того, въ деревянныхъ храмахъ Галиціи и Силезіи 17-го вѣка, выстроенныхъ въ стилѣ барокко, откуда они и были заимствованы.

Форма дверей, особенно при входѣ въ западный притворъ, всегда одна и та же: прямыя двери вверху имѣютъ отрѣзанные углы, такъ что дубовые дверные косяки-«лутки» состоятъ не изъ трехъ, а изъ пяти частей. Съ наружной стороны они украшены рѣзьбой. Рѣзьбу составляетъ геометрическій или растительный узоръ. Геометрическій узоръ есть, вѣроятно, грубое подражаніе античной орнаментикѣ, такъ какъ среди узоровъ ясно выдѣляются часто встрѣчающіеся іоническіе сердцевидные листья. Къ орнаментамъ нерѣдко присоединяются надписи, указывающія

годъ постройки, гетманство и имя лица, соорудившаго церковь. *Стр. 353.* Самою нарядною частью внутренности малорусскаго храма является рѣзной деревянный иконостасъ, во всю высоту храма, съ золочеными рѣзными орнаментами изъ гроздьевъ и листьевъ винограда и другихъ узоровъ. Почти всѣ дошедшіе до насъ иконостасы представляютъ различные варіанты стиля барокко и рококо. Великолѣпный и чрезвычайно богатый иконостасъ этого типа существовалъ въ Роменской церкви Петра Калнышевскаго.

Въ Малороссіи такъ же какъ и въ Москвѣ, колокольни представляютъ собой явленіе довольно позднее. Онѣ появляются въ 17-мъ вѣкѣ, имѣютъ видъ башни и всегда устраиваются отдѣльно отъ церкви. Въ старину, въ эпоху татарскихъ набѣговъ, колокольни на Украинѣ не только служили прямому своему назначенію, но и исполняли роль дозорной башни. Въ общемъ архитектура ихъ та же, что и церковныхъ башенъ: два или три квадратныхъ—а иногда и восьмиугольныхъ—сруба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ и уменьшающихся кверху; стѣны верхняго сруба замѣняетъ аркатура; колокольня оканчивается четырехграннымъ шатромъ или куполомъ. Однако, эта форма не застываетъ въ единичномъ образчикѣ; зодчіе не хотѣли довольствоваться простымъ повтореніемъ и создавали новыя сочетанія основныхъ элементовъ.

Простѣйшій типъ представляетъ колокольня Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Зиньковѣ. *Стр. 354.* Она—двухъярусная; оба яруса четырехгранные, при чемъ верхній изъ нихъ—сквозной, для звуковъ колоколовъ. Къ этому же типу относится колокольня Преображенской церкви въ мѣстечкѣ Полонномъ Новоградволынскаго уѣзда. *Стр. 355.* Въ сравненіи съ нею Зиньковская колокольня имѣетъ болѣе архаическій или, такъ сказать, деревенскій видъ, благодаря своей крышѣ съ заломомъ, образующей какъ бы навѣсъ вокругъ зданія. Типъ Зиньковской колокольни встрѣчается въ Галиціи и, безъ сомнѣнія, заимствованъ оттуда. Колокольня въ Полонномъ смягчаетъ грубость архаизма, придаетъ красоту и полировку деревенскому типу. Формы Зиньковской колокольни перешли и сюда, но въ болѣе завершенномъ и смягченномъ видѣ.

Но на этомъ форма колокольни не останавливается. Дальнѣйшее развитіе заключается въ увеличеніи ея высоты и въ наростаніи ярусовъ. При этомъ, подъ вліяніемъ церковныхъ башенъ, колокольня нерѣдко изъ прямоугольной переходитъ въ восьмиугольную; этотъ переходъ начинается сверху, съ купола, какъ это мы видимъ на колокольнѣ Михайловской церкви села Могилевки Ушицкаго уѣзда Подольской губ. [1]. Колокольня эта въ нижнемъ ярусѣ—каменная четырехгранная, а выше было еще

[1] Она уже разобрана; изображеніе ея см. у Е. Сѣцинскаго, «Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи».

Купола церкви въ Черемисахъ Волоскихъ
Могилевск. уѣзда.—1766 г.
(Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

три яруса деревянныхъ, изъ которыхъ два нижнихъ также четырехгранные, а верхній ярусъ—восьмигранный, съ восьмиграннымъ же куполомъ. Въ третьемъ ярусѣ находилось съ каждой стороны по четыре окна, или отверстія для звуковъ колоколовъ.

Затѣмъ всѣ верхніе ярусы становятся восьмигранными на четырехгранномъ основаніи. Такова колокольня церкви въ мѣстечкѣ Ярышевѣ Подольской губ. Могилевскаго уѣзда *Стр. 339.* Наконецъ, вся колокольня дѣлается восьмигранной. Образецъ этого типа представляетъ двухъярусная колокольня при старой церкви села Вонячина Литинскаго уѣзда [1].

Наивысшаго развитія форма малорусской колокольни достигаетъ въ высоко художественныхъ, отличающихся живописнымъ характеромъ, колокольняхъ въ Ладыжинцахъ Кіевской губ. Радомысльскаго уѣзда *стр. 357,* въ Шеломкахъ Волынской губ. Овручскаго уѣзда [2], и въ Староселицахъ Кіевской губ. Радомысльскаго уѣзда. *Стр. 356.* Колокольни эти четырехгранныя, трехъярусныя. Верхній арочный колокольный ярусъ—сквозной; крыша двухъ нижнихъ ярусовъ поддерживается столбиками и аркадами, окружающими срубы. За архитектурной обработкой этого типа колоколенъ далеко ходить было нечего: галереи или «опасанія» украинскихъ церквей были снабжены подобными же аркатурами или навѣсами на столбикахъ. Колокольни этой формы отличаются особенной красотой и богатствомъ.

[1] Изображена у Е. Сѣцинскаго. [2] «Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи», вып. 26.

Уцѣлѣвшія украинскія колокольни принадлежатъ 18-му вѣку. Однако, мы встрѣчаемъ колокольни башеннаго типа на планѣ Кіева Кальнофойскаго 1638 г.; трехъярусная башня съ воротами—вѣроятно колокольня—изображена на рисункѣ, представляющемъ видъ Кіево-Софійскаго собора во время въѣзда князя Януша Радзивилла въ Кіевъ въ 1651 г. [1]. Наконецъ, великолѣпная многоярусная колокольня Кіево-Печерской лавры изображена на выходномъ листѣ книги «Пречестныи каноны и акаѳисты» лаврской печати 1677 г. [2].

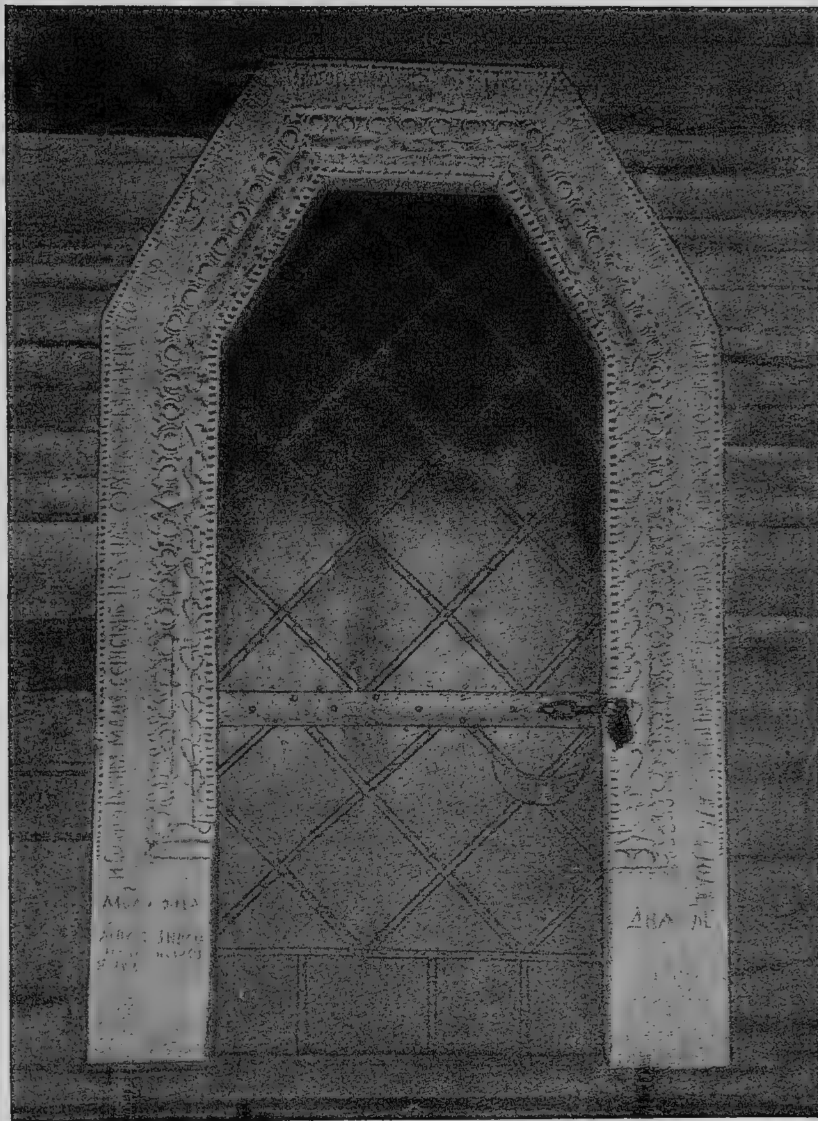
Свой тріумфъ на почвѣ Украины барокко празднуетъ созданіемъ типа девятикупольнаго храма. *Стр. 343.* Этотъ типъ особенно наглядно характеризуетъ приверженность украинской архитектуры къ формамъ барокко. Планъ девятикупольнаго храма явился отраженіемъ собора св. Петра въ Римѣ по проекту Браманте.

Итакъ, мысль о совершенно самостоятельномъ, безъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства, украинскомъ зодчествѣ должна быть оставлена, какъ несогласная съ характеромъ архитектурныхъ формъ. Украинское деревянное зодчество можно прослѣдить въ двухъ направленіяхъ. Одно направленіе представлено памятниками, въ которыхъ есть много такого, что искони существовало на русской почвѣ, что составляло достояніе ея обитателей еще въ домонгольскій періодъ. Прямоугольные срубы, купола въ видѣ низкаго шатра на четыре грани, византійскіе планы—вотъ элементы древне-русскаго зодчества, сохранившіеся въ украинской архитектурѣ.

Другое направленіе, ничуть не отказываясь отъ старыхъ традицій, подчинилось формамъ западнаго барокко.

Вліяніе барокко вызвало соотвѣтствующія измѣненія нѣкоторыхъ частей украинскаго храма: прямоугольные срубы должны были утратить свою форму; повсюду стали господствовать кривыя линіи; низкіе купола замѣнились высокими столпообразными башнями. Измѣненіе формъ придало украинскому храму совсѣмъ другой характеръ; онъ перенялъ отъ западнаго барокко его специфическую особенность—живописный элементъ, элементъ картинности, заключающій въ себѣ нѣчто мистическое. Стиль западнаго барокко создавалъ свои формы только въ зависимости отъ свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектовъ. Ту же черту мы видимъ и въ украинскомъ храмѣ. Вслѣдствіе нагроможденія отдѣльныхъ частей, общая картина зданія безпрестанно мѣняется: выдѣляется множество формъ, линіи безпокойно снуютъ въ разныя стороны, глазъ и фантазія испытываютъ постоянное напряженіе, и все это создаетъ впечатлѣніе необыкновенной живописности, внутренность же храма по-

[1] «Труды III Археологическаго съѣзда» 1874 г.; «Христіанскія древности» Прохорова, 1875, стр. 3; П. П. Лебединцевъ. «Описаніе Кіево-Софійскаго собора». Кіевъ, 1882. «Труды XIII Археологич. съѣзда», 1908 г., т. II, табл. V, 1, стр. 441. [2] «Кіевская Старина», т. XV, 1886 г., іюль.

Входныя двери церкви въ Березнѣ
Черниговской губ.—1761 г. (Фот. Н. Г. Филянскаго).

гружена во мракъ; таинственная темнота въ куполахъ, свѣтъ, пробивающійся черезъ небольшія окна, возбуждаютъ фантазію и настроеніе въ религіозномъ духѣ. *Стр. 347.*

Въ храмахъ этого направленія мы, однако, видимъ такое зодчество, гдѣ барокко, не извращая старыхъ національныхъ преданій, лишь дополняетъ ихъ. Создается храмъ, составляющій не подражаніе въ цѣломъ какой нибудь иноземной постройкѣ, а произведеніе, отмѣченное самостоятельнымъ творчествомъ. На Украинѣ

Колокольня Троицкой церкви въ Зиньковѣ Подольской губ. Летическ. уѣзда. 1762 г. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

сохранилось громадное количество памятниковъ церковнаго зодчества и всѣмъ имъ присущи однѣ и тѣ же основныя особенности, на основаніи которыхъ можно установить стройную архитектурную систему.

Дѣлая обзоръ украинскаго деревяннаго зодчества, нельзя не упомянуть о вліяніи на него формъ сѣверно-русской деревянной архитектуры, занесенной въ лѣвобережную Украину старообрядцами.

Когда Малороссія освободилась отъ власти поляковъ, началось усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную ея часть, какъ со стороны польской, такъ и великорусской. Уже во время Юрія Хмельницкаго существовалъ значительный наплывъ великороссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великорусскихъ городовъ. Это были, главнымъ образомъ, бѣглые крестьяне; одни изъ нихъ покинули свою родину въ поискахъ счастія, а другіе, можетъ быть, скрывались отъ наказанія за совершенныя преступленія или отъ власти помѣщиковъ. Съ 60-хъ годовъ 17-го вѣка притокъ сюда великорусскаго населенія усиливается благодаря тому, что въ Москвѣ воздвигнуто было на ревнителей старины «веліе гоненіе», и они бѣжали изъ нея въ разныя стороны, между прочимъ, и въ предѣлы Сѣверщины, особенно на земли Стародубскаго полка [1]. Стародубскій край издавна находился въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Москвой, изъ которой исходило и распространялось раскольническое движеніе. Первыми организаторами раскола въ Стародубѣ, какъ и

[1] М. И. Лилеевъ. «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вѣка», вып. I. Кіевъ, 1895.

Колокольня Преображенской церкви въ Полонномъ
Волынской губ. Новоградволынскаго уѣзда.—18-й вѣкъ.
(Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

повсюду, были москвичи. Расколъ, не встрѣчая здѣсь препятствій, свободно могъ расширить сферу своей дѣятельности, охватывая крѣпкой сѣтью какъ раньше поселившихся здѣсь, такъ и постоянно вновь приливавшихъ колонистовъ.

Поселеніе раскольниковъ въ Стародубѣ еще болѣе усилилось со времени стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній, въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, и послѣдующихъ конца 17-го вѣка, а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Большинство нынѣ существующихъ стародубскихъ и черниговскихъ раскольническихъ слободъ возникло именно въ эту послѣднюю эпоху.

Архитектурныя формы, принесенныя съ сѣвера поселенцами раскольниками, оказали вліяніе на архитектуру украинскихъ церквей Черниговской и Полтавской губерній.

Колокольня въ Староселицахъ
Кіевской губ. Радомысльск. уѣзда.—18-й вѣкъ.
(Фот. В. В. Совинскаго).

При всемъ сходствѣ деревянныхъ церквей лѣвобережной Малороссіи съ церквами правобережной, въ нихъ замѣчается и нѣкоторая разница. Послѣдняя состоитъ въ формѣ куполовъ и главъ. Въ этомъ отношеніи даже въ церквахъ лѣвобережной Малороссіи можно видѣть два направленія. Однѣ изъ нихъ имѣютъ купола и главы совершенно такіе же, какъ въ правобережной Малороссіи. Другія же нѣсколько отличаются отъ нихъ. Въ правобережной Малороссіи куполъ имѣетъ видъ низкаго шатра, четырехграннаго или восьмиграннаго, или это куполъ брюшистый, въ родѣ тыквы, низкой, придавленной формы, съ слабымъ перехватомъ внизу; глава большая, въ видѣ шляпы съ небольшими полями и съ заостренной вершиной [1]. Такая форма куполовъ и главъ встрѣчается также въ лѣвобережной Малороссіи, напримѣръ, въ Черниговской губ. церковь въ мѣстечкѣ Березна, построенная въ 1761 году [2]. *Стр. 359.* Эта церковь имѣетъ интересную и рѣдкую особенность: два прямоугольныхъ столба, стоящихъ впереди зданія; внутри этихъ прямоугольныхъ башенокъ идутъ витыя лѣстницы, соединяющіяся подъ самой аркой ниши переходной террасой. Эта деталь, надо полагать, явилась подъ вліяніемъ каменныхъ церквей Малороссіи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Рядомъ съ вышеописанной формой куполовъ и главъ мы видимъ въ лѣво-

[1] Какъ на очень характерный, ярко выраженный образецъ такихъ куполовъ и главъ, можно указать на изображеніе верхней части каменной церкви Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ. *Стр. 358.* Настоящій свой видъ церковь приняла, вѣроятно, въ 18-мъ вѣкѣ. П. Лошкаревъ. «Церковно-Археологическіе очерки». Кіевъ, 1898, стр. 105; С. Голубевъ. «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», т. II, стр. 445. Сочетаніе такихъ прихотливо изгибающихся куполовъ въ пятиглавомъ храмѣ придаетъ чрезвычайно живописный характеръ зданію. [2] Н. Филянскій. «Наслѣдіе Украины», въ журналѣ «Искусство», мартъ 1905 г., стр. 36.

Колокольня церкви Рождества Богородицы въ Ладыжицахъ
Кіевской губ. Радомысльскаго уѣзда.—18-й вѣкъ. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

бережной Малороссіи совершенно другую форму: небольшая глава имѣетъ маленькую шейку и затѣмъ пирамидальную крышечку съ прямыми или вогнутыми плоскостями; иногда крышечка представляетъ форму сводика; самый куполъ имѣетъ форму опрокинутаго котла или низкаго колокола, какъ мы видимъ въ церквахъ г. Лохвицы, Лубенскаго и Миргородскаго у. Полтавской губ. [1]. Такая же форма куполовъ и главъ

[1] Такая форма куполовъ и главъ принята и въ Донской области, въ своей архитектурѣ тѣсно примыкающей къ лѣвобережной Украинѣ. В. В. Сусловъ. «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества». Спб., 1889, стр. 19.

Верхъ церкви Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ.
(Фот. А. В. Щусева).

встрѣчается въ церквахъ правобережной Малороссіи, но только въ Чигиринскомъ уѣздѣ, въ селахъ расположенныхъ по Днѣпру (Адамовка, Кожарка, Тѣньки, Медвѣдовскій и Мотронинскій монастыри) [1].

Откуда явилась эта форма куполовъ и главъ въ лѣвобережной Украинѣ? Безъ сомнѣнія, она явилась подъ вліяніемъ старообрядческихъ церквей. Интересный примѣръ ихъ представляетъ Вознесенская церковь въ посадѣ Клинцахъ Черниговской губ., построенная въ 1778—1780 г. [2]. *Стр. 360.* Типичность этихъ церквей заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Это тотъ типъ деревянныхъ церквей, который въ 18-мъ вѣкѣ встрѣчается на сѣверѣ Россіи, въ Вологодской, Новгородской, Тверской, Ярославской, а также Иркутской и Красноярской губ.[3]. Этотъ весьма своеобразный архитектурный мотивъ сѣверныхъ храмовъ не имѣетъ въ себѣ чисто сѣверно-русскаго самостоятельнаго направленія и, безъ сомнѣнія, въ сѣверно-русскихъ церковныхъ сооруженіяхъ сказалось вліяніе украинскаго деревяннаго зодчества. На массивномъ четырехугольномъ срубѣ громоздятся

[1] Здѣсь можно видѣть вліяніе лѣвобережной Украины. [2] Докладъ Ѳ. Ѳ. Горностаева на XIV Археологическомъ съѣздѣ. Приведемъ выдержку изъ сочиненія М. Н. Лилеева о Клинцахъ: «Въ 1707 г. поселена была новая раскольничья слобода въ дачахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Борозды, при небольшой рѣченкѣ Туроснѣ, въ 50 верстахъ отъ полкового города Стародуба. Это столь извѣстные теперь въ промышленномъ отношеніи Клинцы, имѣющіе въ настоящее время 11 большихъ суконныхъ фабрикъ и много иныхъ промышленныхъ заведеній. Первоначально осаживалъ эту слободу, Костромского уѣзда, дворцовой государевой Даниловской волости, крестьянинъ изъ приселка Николы Хабарова, Василій Афанасьевъ, сынъ Клинцовъ, отъ котораго эта слобода и получила свое названіе. Нынѣ называется она «Посадомъ» и управляется на общемъ городскомъ основаніи» (стр. 57 и дал.). [3] См. «Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. VI, стр. 289.

Церковь въ Березнѣ Черниговской губ.—1761 г.
(Фот. Н. Г. Филянскаго).

одинъ на другомъ, все уменьшаясь, нѣсколько восьмигранныхъ срубиковъ, заканчиваясь небольшимъ куполомъ. Такимъ образомъ, старообрядческое церковное зодчество вновь принесло на югъ южные же строительные элементы, но уже переработанные по сѣверно-русскимъ художественнымъ вкусамъ.

Проф. Г. Павлуцкій.

Единовѣрческая церковь Вознесенія Господня въ Клинцахъ

Черниговской губ. 1778—1780 г. (Фот. Н. Н. Ушакова къ докладу Ѳ. Ѳ. Горностаева на XIV Археологическомъ съѣздѣ).

Церковь св. Дмитрія въ селѣ Чорне
близъ Горлицъ въ Галиціи.—1772 г. (Фот. О. О. Маркова).

XVIII.

ДЕРЕВЯННОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ.

Изложеніе послѣдовательнаго развитія русскаго зодчества было бы неполно, если бы ограничиться только памятниками Великой и Малой Руси, ибо и внѣ предѣловъ современной Россіи есть группы русскаго племени, искусство которыхъ такъ или иначе примыкаетъ къ формамъ общерусскимъ. Такимъ славяно-русскимъ племенемъ уже въ глубокой древности были заселены Карпаты, и различныя вѣтви его съ незапамятныхъ временъ занимали, какъ занимаютъ и сейчасъ, все пространство нынѣшней восточной Галиціи, Буковины и Угорской Руси. Въ зависимости

отъ географическаго положенія и историческихъ условій, эти племенныя группы то въ большей, то въ меньшей степени сохраняли свою самобытность и тѣ расовыя особенности, которыя роднятъ ихъ съ Великою и Малою Русью.

Въ другомъ мѣстѣ было уже указано *т. I стр. 336—337,* что наибольшая самобытность на Карпатахъ уцѣлѣла еще въ глухихъ горныхъ селеніяхъ, съ одной стороны гарантированныхъ отъ нивелирующаго тренія съ западными сосѣдями, а съ другой— укрытыхъ и отъ усердствующихъ латинизаторовъ и мадьяризаторовъ Львова, Вѣны и Будапешта. Особенно это относится къ деревянному церковному зодчеству. Каменные храмы строились только въ городахъ, да въ богатыхъ мѣстечкахъ, слишкомъ открытыхъ вліянію католическихъ формъ, а потому и неудивительно, что въ этой области на Карпатахъ не было выработано какихъ либо неожиданно новыхъ и совершенныхъ типовъ. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находилось деревянное строительство какъ на далекомъ русскомъ сѣверѣ, такъ и здѣсь, народъ мало или вовсе не считался съ требованіями дальнихъ духовныхъ властей и всецѣло отдавался своему внутреннему чутью, приведшему его къ созданіямъ высоко художественнымъ и прекраснымъ. Въ нихъ Прикарпатская Русь сказала свое собственное слово, неизвѣстное ни сѣверу, ни югу Россіи [1].

[1] Мы далеки отъ мысли дать въ настоящемъ очеркѣ исчерпывающую картину развитія деревяннаго церковнаго зодчества на Карпатахъ, какъ не задаемся и цѣлью сдѣлать хотя бы только полный подборъ всѣхъ лучшихъ образцовъ этого совершенно еще не изслѣдованнаго искусства. Литература, посвященная Прикарпатскому искусству, отличается чрезвычайной скудостью изданій строго научнаго характера и почти всецѣло состоитъ изъ любительскихъ очерковъ съ плохими иллюстраціями и нерѣдко завѣдомо невѣрными свѣдѣніями, а для нѣкоторыхъ областей, напримѣръ, для Угорской Руси—отсутствуетъ совершенно. При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи объ окончательныхъ выводахъ или безошибочныхъ построеніяхъ. Вотъ матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ деревяннымъ зодчествомъ Галиціи и Буковины: Kazimierz Moklowski. «Sztuka ludowa w Polsce», Lwow, 1903 (много иллюстрацій, но, къ сожалѣнію, почти всѣ рисованы очень бѣгло и небрежно самимъ авторомъ и нерѣдко отличаются явной фантастичностью); Wojciech Dzieduszycki. «Die Baukunst in der Altruthenischen Kirche» (въ «Mitteilungen der Central-Commission zur Erforschung der Baudenkmale», 1888, XIV); W. Dzieduszycki. «Budowla drewniane na Rusi» (въ Przeglad Archeologiczny, 1882); А. С. Петрушевичъ. «О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ XII ст.», Львовъ, 1899—1904; Иларіонъ Свѣнцицскій. «Дещо про церковну старину», Львовъ, 1909 (безъ рисунковъ, о деревянныхъ церквахъ говорится лишь вскользь); «Sprawozdania Komisyi do badania hist. sztuki», II 13—14, III 78—79, IV 9, V 97, 133; «Teka Kola Konserwatorow Galicyi wschodniej», Lwow, I 1892, II 1900; A. Czolowski. «Pomniki sztuki na Rusi czerwonej» (въ «Biblioteka warszawska», 1887, II); M. Sokolowski. «Sztuka cerkiewna na Rusi i Bukowinie» (въ «Kwartalnik historyczny», 1889); A. Wolfskorn. «Ueber Holzkirchen in Schlesien, Galizien, und Mähren»; V. Myskowsky. «Holzkirchen in den Karpaten» (въ «Mitteilungen der Central-Commission zur Erforschung der Baudenkmale», 1858, 1880, Wien); K. A. Romstorfer. «Typus der Klosterkirche in der Bukowina», 1896; M. Sokolowski. «Badania archeolog. na Rusi» (въ Przewodnik nauk.—literacki, 1883); Cuno und Schäfer. «Holzarchitektur vom XIV bis XVIII Jahrh.»; «Церкви древлян. на Буковинск. выставцѣ» (въ журналѣ «Миръ», 1886 г.); В. Щербаківський, «Архітектура у ріжних народів і на Україні», Львов-Кіев, 1910; K. A. Romstorfer. «Die Kirchenbauten in der Bukowina», Wien, 1896 (Sonderabdruck aus den «Mitteilungen in der Central-Commission für Kunst und historische Denkmale in Wien», Jahrgang 1894 bis 1896). Изъ русскихъ источниковъ, кромѣ случайныхъ замѣтокъ въ журналахъ и газетахъ, надо отмѣтить докладъ Ѳ. К. Волкова на XIV Археологическомъ съѣздѣ о деревянныхъ церквахъ на Волыни, въ которомъ авторъ отчасти затронулъ и деревянное церковное зодчество Галиціи. Наконецъ, инженеромъ Лушпинскимъ подготовляется къ печати большое изслѣдованіе о Галицко-русскихъ церквахъ. Объ Угро-русскихъ церквахъ намъ извѣстна только мадьярская книжка «Kincseink» Irta Uriel aldozar Ungvar. 1907 (въ ней рѣчь идетъ собственно объ угорскихъ чудотворныхъ иконахъ, по поводу которыхъ только между прочимъ упоминается о деревянныхъ церквахъ на Угорщинѣ и дано нѣсколько очень приблизительныхъ и неумѣлыхъ рисунковъ церквей).

Церковь Козьмы и Даміана въ Грабѣ Ясельскаго повѣта въ Галиціи. — 18-й вѣкъ. (Фот. О. О. Маркова).

До перваго раздѣла Польши, послѣдовавшаго въ 1772 году, Галиція составляла такую же провинцію польскаго королевства, какой являлась и Украина. Благодаря племенному родству и большой близости — мѣстами почти тождеству — языка, обѣ эти области сливались въ сущности въ одну и вполнѣ естественно, что и зодчество Карпатской Руси должно было имѣть много общаго съ зодчествомъ Руси Днѣпровской [1]. Однако, при всемъ сходствѣ основныхъ пріемовъ деревяннаго церковнаго строительства на Руси Кіевской и Галицкой, послѣдняя выработала свои особенныя формы, притомъ формы, въ высшей степени самобытныя. Въ то время какъ церкви Поднѣпровья сохранили отъ своего исконнаго типа одинъ только первичный планъ, систему рубки и стремящіяся вверхъ громады своихъ пирамидальныхъ завершеній, самый же видъ ихъ пріобрѣлъ явную печать стиля барокко, — церкви глухихъ горныхъ селеній на Карпатахъ сохранили обликъ, убѣждающій въ ихъ древности. Примитивности и глубокой архаичности этихъ удивительныхъ созданій народнаго искусства какъ-то невольно вѣришь.

Что касается помѣщенныхъ нами снимковъ съ Прикарпатскихъ церквей, то всѣ они предоставлены намъ сыномъ славнаго галицко-русскаго дѣятеля, покойнаго О. А. Маркова,—О. О. Марковымъ, которому и считаемъ своей обязанностью принести здѣсь глубокую признательность за доставку какъ литературнаго, такъ и обильнаго фотографическаго матеріала, — въ большинствѣ случаевъ его собственныхъ снимковъ, — безъ помощи которыхъ мы были бы не въ силахъ оріентироваться въ столь сложномъ и мало обслѣдованномъ вопросѣ. [1] Названіе «Украина», «украинскій» никогда не было офиціальнымъ, ни при Польшѣ, ни послѣ возсоединенія съ Москвою. Хотя оно и встрѣчается иногда въ актахъ 17-го вѣка, но до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено, какія земли, населенныя малорусскимъ племенемъ, охватывались въ то время терминомъ «Украина».

Церковь Козьмы и Даміана въ Ходоровѣ въ Галиціи.—1798 г. (Фот. О. О. Маркова).

Русское населеніе древняго Галицкаго княжества, составляя вѣтвь малорусскаго племени, подраздѣляется на нѣсколько группъ, отличающихся одна отъ другой нѣкоторыми особенностями въ характерѣ, обычаяхъ, говорѣ и одеждѣ. Въ западной части нынѣшней Галиціи живутъ «лемки», искусство которыхъ, благодаря сосѣдству съ славянами нерусскаго племени,—словаками и поляками,—утратило яркую самобытную окраску. Юговосточную часть Галиціи населяютъ «гуцулы». Примыкая вплотную къ русской «Подоліи», «Гуцульщина» очень близка въ своихъ деревянныхъ храмахъ къ типамъ, распространеннымъ въ предѣлахъ теперешней Подольской губерніи и здѣсь въ такой же степени, какъ и въ русской Подоліи даетъ себя знать вліяніе польскаго барокко. Третья группа галицко-русскаго племени засѣла въ горахъ южной Галиціи, — это такъ называемые «бойки». На «Бойковщинѣ» южно-русское деревянное зодчество достигло своего наиболѣе пышнаго расцвѣта и здѣсь то создались тѣ изумительные храмы-сказки, которые можно сравнивать развѣ лишь съ ихъ сѣверными братьями, — храмами-богатырями русскаго сѣвера. Наконецъ, въ особую, четвертую группу надо выдѣлить населеніе центральной и сѣверной Галиціи, гдѣ выработался свой храмовой типъ.

Кромѣ этихъ основныхъ типовъ существуютъ еще и переходные виды: по пути изъ Подоліи на Бойковщину можно встрѣтить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ переходовъ отъ подольскаго типа къ бойковскому, какъ, отправляясь съ Бойковщины на Лемковщину, можно прослѣдить незамѣтное вырожденіе бойков-

Церковь Іоанна Богослова въ Княжполѣ

Подольской губ. Каменецк. уѣзда.—1747 г. (Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

скаго типа въ типъ лемковскій, а еще дальше на западъ—вырожденіе лемковскаго въ силезскій.

Типъ древняго Буковинскаго деревяннаго храма отличенъ отъ Галицкихъ, позднѣйшіе же выдержаны въ стилѣ, обычномъ на Гуцульщинѣ. Среди гуцуловъ есть цѣлыя семьи, занимающіяся исключительно постройкой храмовъ, при чемъ техническія знанія у нихъ нерѣдко переходятъ отъ отца къ сыну въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Благодаря этому у нихъ живы еще традиціи, и до самаго послѣдняго времени они продолжаютъ воздвигать въ своемъ народномъ стилѣ храмы по всей галицкой Подоліи и на Буковинѣ. Что касается Угорской Руси, то въ послѣднее время мадьяризація произвела здѣсь такія опустошенія, что древній угро-русскій храмовой типъ исчезъ почти окончательно.

Какъ было уже указано выше, пріемы плотничнаго искусства вырабатывались

Троицкая церковь въ Микуличинѣ на «Гуцульщинѣ» въ Галиціи—Середина 19-го вѣка. (Фот. О. О. Маркова).

съ незапамятныхъ временъ и система рубки деревяннаго зданія можетъ быть сведена къ двумъ основнымъ видамъ: либо строеніе состоитъ изъ горизонтально положенныхъ другъ на друга бревенъ, образуя такъ называемые «вѣнцы», либо бревна ставятся вертикально, на подобіе громаднаго частокола. Первый типъ постройки распространенъ во всемъ славянскомъ мірѣ, второй примѣненъ къ Скандинавскимъ храмамъ и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, былъ въ ходу на всемъ западѣ. Извѣстно, что задолго до водворенія въ Европѣ христіанства различные народы, населявшие ее, строили своимъ богамъ деревянныя капища, достигавшія иногда огромныхъ размѣровъ [1]. Постепенно на всемъ пространствѣ Европы деревянные храмы начинаютъ исчезать, уступая мѣсто каменнымъ, и только въ Норвегіи, да въ славянскихъ земляхъ сохранились еще, а мѣстами и продолжаютъ воздвигаться деревянные храмы. Въ остальной Европѣ они уцѣлѣли только тамъ, гдѣ въ населеніи сильна славянская примѣсь или просто живутъ славяне,—въ Познани, Вестфаліи и Силезіи. Типъ деревянныхъ церквей, доживающихъ свой вѣкъ въ этихъ славянскихъ нѣкогда земляхъ, остается неизмѣнно однимъ и тѣмъ же повсюду: по плану это всегда соединеніе трехъ клѣтей,—главнаго, центральнаго четверика для молящихся, граннаго алтарнаго прируба съ востока и небольшого прямоугольнаго прируба съ запада для притвора. Колокольня обыкновенно стоитъ отдѣльно, а иногда она надстроена

[1] Св. Галлъ нашелъ въ 5-мъ вѣкѣ одинъ такой языческій храмъ въ Кельнѣ, св. Оттонъ въ 1124 г.—другой такой же въ Штеттинѣ. Оба храма были убраны богатѣйшей рѣзьбой (Stephan Beissel. «Holzkirchen in Deutschland» въ «Zeitschrift für christliche Kunst», Düsseldorf, 1903, № 2, S. 49). Не только въ языческія времена, но и позже деревянное зодчество процвѣтало повсемѣстно и изъ камня возводились только соборы и вообще зданія, имѣвшія исключительное значеніе. Недаромъ про одного изъ французскихъ епископовъ средневѣковья его преемникъ, въ вящую похвалу ему, говоритъ: «онъ былъ ревностный епископъ и человѣкъ искусный въ деревянномъ строительствѣ» (Ibidem, S. 50).

Церковь въ Іезуполѣ

близъ Станиславова въ Галиціи.—1778 г. (Изъ матеріаловъ по «Галичинѣ» О. О. Маркова).

надъ притворомъ. Всѣ эти церкви обшиты снаружи шелевкой, внутри же срубъ не прикрытъ ничѣмъ. Потолки—дощатые, то ровные, то выгнутые на подобіе коробоваго свода. Самая рубка произведена при помощи системы вѣнцовъ. Такихъ церквей особенно много сохранилось въ верхней Силезіи, которая, до недавняго сравнительно подъема тамъ фабричной промышленности, была захолустнѣйшимъ уголкомъ Германіи, застывшимъ на бытовыхъ формахъ чуть ли не средневѣковья [1].

Типъ лемковской церкви въ сущности немногимъ отличается отъ силезской и, напримѣръ, церковь въ селѣ Дубецкѣ могла бы свободно стоять не на Лемковщинѣ, а въ Силезіи. Нѣкоторое отступленіе отъ обычнаго Познанско-Силезскаго

[1] Dr. Paul Knötel. «Die Holzkirchen Oberschlesiens» (въ журналѣ «Oberschlesien», Kattowitz, 1902, Heft 4, S. 248). Къ статьѣ приложены снимки церквей въ Микультшюцѣ—славянскомъ Микульчицѣ—и Георгенбергѣ.

Церковь въ Малновѣ

близъ Перемышля въ Галиціи.—1676 г. (Фот. О. О. Маркова).

типа мы видимъ въ церкви села Чорне близъ Горлицъ, построенной въ 1772 году. *Стр. 361.* Общій обликъ церкви, благодаря наслоенію четвериковъ надъ центральной и алтарной частями храма, придаетъ ей больше родства съ церквами Поднѣпровья, нежели Силезіи, и только ея колокольня-вѣжа выдержана въ типѣ Силезскихъ, и сильно суживается кверху.

Нѣсколько иной характеръ носитъ другая лемковская церковь, въ селѣ Грабѣ Ясельскаго повѣта. *Стр. 363.* Стоя на самой границѣ съ Угорской Русью, она представляетъ какъ бы сочетаніе Силезскаго типа съ мадьярскимъ барокко, вылившимся въ необыкновенной вычурности главъ.

Когда въѣзжаешь изъ русской Подоліи въ Подолію галицкую, то почти не замѣчаешь разницы въ архитектурѣ деревянныхъ храмовъ. Церковь Іоанна Бого-

Церковь св. Юрія въ Дрогобычѣ въ Галиціи.—Около 1600 г.
(Фот. О. О. Маркова).

слова въ селѣ Княжполѣ Подольской губ. Каменецкаго уѣзда *стр. 365* могла бы смѣло стоять и въ Галиціи, какъ могла бы стоять въ русской Подоліи церковь галицкаго села Ходорова. *Стр. 364.* Разница ограничивается только формой главки, очень примитивной въ Княжполѣ и болѣе затѣйливой въ Ходоровѣ, какъ наряднѣе въ церкви послѣдняго и вся форма покрытія ея средняго восьмерика. Большинство гуцульскихъ церквей построено по плану латинскаго, неравноконечнаго креста, съ однимъ куполомъ посрединѣ. Такихъ церквей очень много близъ Коломыи и Коссова. Типичнымъ образчикомъ гуцульскаго стиля можетъ служить церковь въ Микуличинѣ *стр. 366*, построенная въ половинѣ 19-го столѣтія, но совершенно тождественная съ болѣе древними церквами въ Быстрецѣ за Жабьемъ, подъ Чорногорой, на

Колокольня при церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ въ Галиціи. — Около 1600 г. (Фот. О. О. Маркова).

границѣ Венгріи, или въ Одаѣ близъ Толмачика. Такія же точно церкви стоятъ и въ Кобакахъ, и въ Старомъ Коссовѣ, и въ Рѣчкѣ, и по всей «Гуцульщинѣ» и «Подгорью», а также по Буковинѣ [1]. Характерной особенностью всѣхъ этихъ церквей является форма ихъ купольнаго покрытія; это—не просто низкій шатеръ, нахлобученный на восьмерикъ церкви, какъ мы видимъ въ Княжполѣ, а шатеръ съ перехватомъ. Похоже на то, какъ если бы въ своей нижней части онъ былъ перехваченъ могучимъ кольцомъ, крѣпко вдавившимъ его грани внутрь. Этотъ

[1] Болѣе древнія Буковинскія церкви совершенно иного типа, довольно близко напоминающаго «клѣтскія» церкви русскаго сѣвера. Такая церковь стояла еще въ концѣ минувшаго столѣтія въ Черновцахъ, откуда она «за ненадобностью» была перевезена въ селеніе Каличанку (Рисунокъ ея помѣщенъ въ изслѣдованіи К. А. Romstorfer. «Die Kirchenbauten in der Bukowina», Wien, 1896, S. 21. Оттискъ изъ «Mitteilungen der K. K. Central-Kommission für Kunst und historische Denkmale in Wien», Jahrgang 1894 bis 1896). Какъ всѣ русскія клѣтскаго типа церкви, она состоитъ изъ трехъ клѣтей. Покрыта она высокой четырехскатной кровлей, восточный скатъ которой захватываетъ и гранный алтарный срубъ. Такая же приблизительно церковь есть и въ Чуморнѣ (Ibidem, S. 27).

Церковь Сошествія св. Духа въ Борынѣ близъ Турки
на «Бойковщинѣ» въ Галиціи.—1746 г. (Фот. О. О. Маркова).

пріемъ хорошо извѣстенъ и въ Малороссіи, и въ той же Подольской губерніи мы видимъ его особенно часто, напримѣръ, въ Михайловской церкви въ Зиньковѣ. *Стр. 349.* Правда, она не одноглавая, какъ большинство гуцульскихъ церквей, а трехглавая, но и на Гуцульщинѣ есть отступленія отъ основного господствующаго здѣсь типа и попадаются церкви двуглавыя, какъ напримѣръ, въ Коршевѣ, трехглавыя, какъ въ Трофановкѣ [1], и даже пятиглавыя, какъ въ Толмачикѣ и Княждворѣ близъ Коломыи [2] или въ Тысьменицѣ возлѣ Станиславова. Пятиглавыя церкви гуцульскаго типа по пріему одинаковы съ пятиглавыми церквами Малороссіи и такъ же точно представляютъ собою обычную трехкупольную церковь, только надъ сѣвернымъ и южнымъ концами ея планового креста поставлено еще по

[1] В. Щербаківський. «Архітектура у ріжних народів і на Україні». Львівъ, 1910, стр. 221. [2] Тамъ же, стр. 222.

Церковь Рождества Богородицы въ Матковѣ

на «Бойковщинѣ» въ Галиціи.—Конецъ 18-го или начало 19-го вѣка. (Изъ матеріаловъ по «Галичинѣ» О. О. Маркова).

куполу, да кромѣ того всѣ четыре конца креста не прямоугольны, а гранны. Такая же пятикупольная церковь есть и въ мѣстечкѣ Іезуполѣ возлѣ Станиславова *стр. 367*, но покрытіе ея свидѣтельствуетъ уже о новомъ, переходномъ типѣ [1]. Вмѣсто обычныхъ на Гуцульщинѣ гранныхъ шатровъ съ перехватомъ, увѣнчанныхъ небольшой главкой, шатры каждаго изъ ея куполовъ какъ бы присѣли, а долженствовавшая вѣнчать ихъ главка выросла въ большую массивную главу. Трудно сказать, какимъ образомъ возникла эта форма главы, комбинирующая украинскую «баню» и московскую гранную «маковицу», но главы Іезупольской церкви—далеко не единичный примѣръ подобнаго покрытія куполовъ въ Галиціи. Нѣкоторое объясненіе происхожденія подобной формы можетъ дать тотъ типъ церкви, который распространенъ въ центральной и сѣверной Галиціи, въ такъ называемой «Галиціи Волынской». Почти всѣ эти храмы трехкупольны, но купола ихъ не имѣютъ такихъ шатровыхъ

[1] По свѣдѣніямъ мѣстнаго причта, она построена въ 1778 году.

Церковь Николая Чудотворца въ Кривкѣ

на «Бойковщинѣ» въ Галиціи.—1763 г. (Изъ матеріаловъ по «Галичинѣ» О. О. Маркова).

гранниковъ, какъ на Украинѣ или Гуцульщинѣ, а приняли нѣсколько огруглую форму. Таковы церкви въ Креховѣ, Глинскомъ и въ Лавриковѣ. Сюда же можетъ быть отнесена и прелестная церковь въ Малновѣ близъ Перемышля [1]. *Стр. 368.* Она также трехкупольная, съ колокольней-вѣжей, приставленной на большихъ столбахъ къ западной стѣнѣ. Ея алтарный прирубъ покрытъ куполомъ такой покатой формы, что его почти можно принять за шатеръ, отъ котораго онъ отличается лишь чуть замѣтной припухлостью своихъ граней. Этотъ куполъ немногимъ разнится отъ

[1] По сообщенію приходскаго священника, она построена въ 1676 г.

Церковь въ Бѣловѣжѣ
близъ Бардіова на Угорской Руси.
18-й вѣкъ.
(Фот. О. О. Маркова).

купольнаго шатра Ходоровской церкви. *Стр. 364.* Западный куполъ—почти такой же формы, а средній имѣетъ уже сильно выпяченные бока, идетъ по направленію къ формѣ украинской «бани», но на полдорогѣ останавливается и, вмѣсто того, чтобы вытянуться въ длинную шею, круто переходитъ къ завершенію, на которомъ водружена короткая шейка, несущая главку.

Дальнѣйшее развитіе типа мы видимъ въ знаменитой церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. *Стр. 369.* Купола Дрогобычской церкви еще дальше, чѣмъ въ Малновской, ушли отъ древняго шатра,—несомнѣнно первичной формы покрытія, — и приблизились къ украинской «банѣ» съ ея характерной тянутой формой [1]. Отсюда уже одинъ шагъ до «луковичной» формы гранныхъ куполовъ Іезупольской церкви. Всѣ эти церкви окружены галереей — «опасаніемъ», съ аркадами. Колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви, отличается внушительной вышиной и затѣйливой обработкой. *Стр. 370.* Церковь св. Юрія внутри вся расписана прямо по деревяннымъ стѣнамъ красками. Будучи пятиглавой церковью, она въ сущности трехкупольна, такъ какъ боковые ея прирубы очень незначительны по размѣрамъ, хотя они и придаютъ храму много живописной прелести.

[1] Существуетъ преданіе, что она вывезена была зимою на саняхъ изъ предѣловъ Россіи. А. С. Петрушевичъ. «О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ». Львовъ, 1899—1904, стр. 213 и слѣд. Это преданіе наводитъ на мысль, что родиной подобной формы купола могла быть южная Россія и въ частности Волынь. Такое предположеніе потверждается полной тождественностью Дрогобычскихъ куполовъ съ куполомъ разобраннаго нынѣ древняго Благовѣщенскаго собора въ г. Ковлѣ. Изображенія его помѣщены при интересной статьѣ Ѳ. К. Волкова «Старинныя деревянныя церкви на Волыни», напечатанной въ I т. «Матеріаловъ по этнографіи Россіи», изд. Этнографическ. отд. Музея Имп. Александра III. Спб. 1910.

Угро-русская церковь па границѣ Угорщины и Галичины.—18-й вѣкъ. (Изъ матеріаловъ О. О. Маркова).

Примѣромъ бойковской церкви упрощеннаго типа можетъ служить церковь въ Борынѣ, въ Турчанскомъ повѣтѣ. *Стр. 371.* Это одна изъ тѣхъ простыхъ ячеекъ, изъ которыхъ выросло впослѣдствіи все нарядное искусство бойковъ. Она состоитъ изъ трехъ четвериковъ, приставленныхъ одинъ къ другому по одной линіи съ востока на западъ. Первичное покрытіе такого примитивнаго храма состояло, несомнѣнно, въ простомъ четырехгранномъ шатрѣ, которымъ накрывался каждый изъ трехъ срубовъ. Въ Борынской церкви шатры эти уже усложнились и у подножія ихъ выросли короткіе четверики, приподнявшіе нѣсколько церковь. Дальнѣйшее развитіе бойковскаго храмового типа шло въ сторону увеличенія числа ярусовъ, что вызывалось тѣмъ же стремленіемъ создать храмъ «преукрашенный» и «предивный», которое

вызвало къ жизни деревянные храмы Норвегіи и русскаго сѣвера, и которое диктовало, конечно, и стремящіяся къ небу линіи готическихъ каменныхъ храмовъ. Вполнѣ законченный и совершенный образецъ многоярусная бойковскаго храма мы видимъ въ Мановѣ близъ Лупкова, около самой границы Угорской Руси [1]. *Томъ I, стр. 333.*

На ряду съ церквами съ четвериковымъ основаніемъ и четвериковыми же ярусами есть на Бойковщинѣ и такія, которыя имѣютъ четверики только въ основаніи, всѣ же ярусы срублены восьмериками. Примитивный типъ такой церкви мы видимъ въ Сѣлецѣ возлѣ Самбора (1700 г.), окончательно же выработанными образцами этого рода являются изумительные храмы въ Ясени [2], въ Матковѣ *стр. 372* и въ Кривкѣ *стр. 373*, — всѣ три въ Турчанскомъ повѣтѣ [3]. Вотъ гдѣ самобытное искусство прикарпатской Руси торжествуетъ свое высшее достиженіе! Здѣсь, въ этихъ легко вздымающихся къ небу стройныхъ силуэтахъ храмовъ, въ дѣтской простотѣ ихъ конструкціи, дающей имъ видъ причудливыхъ игрушекъ,—сказалось все неотразимое обаяніе этого подлиннаго народнаго искусства.

Что касается Угорской Руси, то здѣсь почти уже не сохранилось церквей древняго типа, а уцѣлѣвшія, за рѣдкими исключеніями, всѣ оштукатурены. Изъ неоштукатуренныхъ надо отмѣтить церкви въ Соли близъ Кострины, по дорогѣ въ Ужгородъ, и въ Полянкѣ близъ Зборовой. Послѣдняя цѣликомъ повторяетъ лемковскій типъ и въ частности церковь въ Чорне *стр. 361*, отличаясь отъ нея только вычурностью своихъ куполовъ, принявшихъ тотъ нѣмецко - мадьярскій пошибъ, который мы видѣли въ церкви въ Грабѣ. *Стр. 363.* Такую же форму куполовъ имѣетъ и оштукатуренная церковь въ Бѣловѣжѣ *стр. 374,* около Бардіова. Въ настоящее время это чуть ли не единственный на Угорщинѣ образчикъ древняго угорскаго пятикупольнаго храма. Сочетаніе штукатуренныхъ стѣнъ съ ихъ деревянными кровлями даетъ иногда такіе очаровательные мотивы, какой мы видимъ въ церкви одного изъ угорскихъ селеній, граничащихъ съ Галичиной. *Стр. 375.* Главки здѣсь не приняли еще банальнаго вида и по пріему скорѣе напоминаютъ бойковскіе шатры, нежели выгнутыя линіи мадьярскаго барокко. Въ нихъ не утрачена еще свѣжесть, онѣ все еще дышатъ глубокой примитивностью и наивно народнымъ духомъ.

Игорь Грабарь.

[1] Въ книгѣ Мокловскаго «Sztuka ludowa w Polsce», изъ которой мы заимствовали названіе этой церкви, оно, дано невѣрно: селеніе это называется не Малновъ, какъ мы вслѣдъ за Мокловскимъ ошибочно его назвали (см. т. I, стр. 333), а Мановъ, подлинная же Малновская церковь, какъ мы видѣли выше (*стр. 368*) совершенно другого типа. Малновская церковь построена въ 1676 году, а Мановская относится, по всей вѣроятности, къ началу 18-го вѣка. [2] В. Щербаківський. «Архітектура у ріжних народів і на Україні», рис. 205. [3] Матковская церковь построена, вѣроятно, въ концѣ 18-го или въ началѣ 19-го вѣка, а Кривчанская, по свѣдѣніямъ причта,—въ 1793 г.

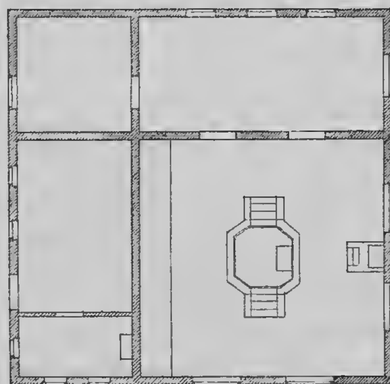
XIX.

СТАРИННЫЯ ДЕРЕВЯННЫЯ СИНАГОГИ ВЪ МАЛОРОССІИ.

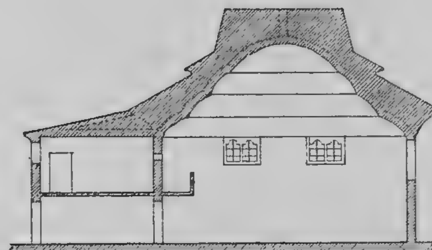
Всякому, кто бывалъ въ мѣстечкахъ Юго-западнаго края, приходилось видѣть мрачное, своеобразной архитектуры, деревянное зданіе, построенное, большею частію, на площади среди еврейскихъ домовъ и заѣзжихъ дворовъ; это—синагога. Деревянныя синагоги въ настоящее время рѣдкость, такъ какъ онѣ сносятся за ветхостью, а нѣкоторыя реставрируются и утрачиваютъ при этомъ все типичное. Евреи въ Польшѣ и Малороссіи могли не скрывать своихъ молитвенныхъ домовъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы. Поэтому синагоги были лучшими зданіями въ мѣстечкахъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ были и каменныя синагоги. Мрачныя, темныя стѣны образуютъ четырехугольникъ; высоко надъ землей вдѣланы широкія окна, а сверху постройку вѣнчаетъ оригинальная крыша, нѣсколькими уступами круто поднимающаяся вверхъ. Вокругъ этого унылаго зданія тѣснятся школки-хедеры, камеры кагальныхъ заправителей; тутъ же рядомъ—еврейскіе жалкіе домишки. Внутренность синагоги—большой залъ, выкрашенный краской; вмѣсто потолка—куполъ, въ основаніи четырехугольный, затѣмъ переходящій въ восьмиугольный. Куполъ расписанъ. Въ мѣстечкѣ Михалполѣ Подольской губерніи *стр. 378* сохранился куполъ, украшенный живописью, которая представляетъ изображенія Іерусалима, виноградника, коровы съ теленкомъ, а въ медальонахъ — рыбъ, зайцевъ, оленей, слоновъ, единорога въ борьбѣ со львомъ и т. п. [1]. Все помѣщеніе синагоги уставлено сплошь скамьями. Противъ входа, у противоположной стѣны помѣщается «уренъ-койдешъ» — деревянный кіотъ или шкафъ *стр. 379;* это — алтарь, въ которомъ хранится тора; онъ помѣщается на нѣкоторомъ возвышеніи. Передъ алтаремъ находится эстрада, — «бима», на которой стоитъ столъ, предназначенный для развертыванія торы въ богослужебные дни. Здѣсь же помѣщаются и хоры для пѣвчихъ. Извѣстны синагоги въ Погребищахъ

[1] Свѣтскій характеръ живописи въ синагогахъ (знаки зодіака и др.) приближается къ той, которая встрѣчается въ росписяхъ потолковъ, стѣнъ, дворцовъ, домовъ въ 17—18-мъ вѣкѣ у насъ, въ Россіи (И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей») и въ Западной Европѣ.

Синагога въ Михалполѣ
Подольской губ. Летичевск. уѣзда.
(Фот. и обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

Бердичевскаго уѣзда, въ Ярмолинцахъ *стр. 380* и Шаровкѣ Проскуровскаго уѣзда, въ Михалполѣ Летичевскаго уѣзда, Подольской губ., въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ Узланахъ Минской губ., въ Заблудовкѣ Гродненской губ., въ Ярышевѣ, Смотричѣ, Снитковѣ Подольской губ. *Стр. 381.*

При постройкѣ синагогъ евреи сохранили стилевую связь съ христіанскимъ деревяннымъ зодчествомъ. Можно утверждать, что синагоги—это деревянныя исчез-

Рѣзной алтарь («уренъ койдешъ») синагоги въ Шаровкѣ
Подольской губ. Проскуровск. уѣзда.—18-ій вѣкъ.
(Изъ матеріаловъ протоіерея Е. Сѣцинскаго).

пувшія шляхетскія хоромы. Матвѣй Берзонъ, извѣстный изслѣдователь деревянныхъ синагогъ въ Польшѣ, считаетъ ихъ лучшими произведеніями еврейскаго зод-

Синагога въ Ярмолинцахъ

Подольской губ. Проскуровск. уѣзда.—18-й вѣкъ. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

чества [1]. Съ нимъ не согласны польскіе историки, по мнѣнію которыхъ евреи не могли принести съ собой изъ Іудеи деревяннаго зодчества, такъ какъ тамъ не было лѣсовъ. Образцомъ для синагоги бралась самая красивая свѣтская постройка; этой постройкой былъ шляхетскій домъ или «будынокъ», съ высокой крышей во вкусѣ барокко, что ясно видно изъ разсмотрѣнія рисунковъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Tygodnik Illustrowany» [2]. Отличительнымъ признакомъ польскаго будынка были пристройки по угламъ, которыя имѣли пирамидальныя крыши. Эту же особенность представляютъ и синагоги въ Заблудовѣ, Насѣльскѣ, Вольцѣ, Погребищахъ, Михалполѣ, Хмѣльникѣ Подольской губ. и самая нарядная изъ нихъ—синагога въ Волпѣ Гродненской губ. *стр. 382*, которую Берзонъ относитъ еще къ 17-му вѣку.

[1] Mathias Bersohn. «Kilka slów o dawniejszych bóznicach drewnianych w Polsce». Warszawa, 1903. [2] Kazimierz Moklowski. «Sztuka ludowa w Polsce». Lwow, 1903, рис. 160 и слѣд.

Синагога въ Снитковѣ

Могилевскаго уѣзда.—18-й вѣкъ. (Изъ матеріаловъ протоіерея Е. Сѣцинскаго).

Вторая особенность деревянныхъ синагогъ — крыши; если изучать разныя сельскохозяйственныя постройки въ Польшѣ и Малороссіи, то можно установить нѣсколько типовъ крышъ. Прежде всего надо отмѣтить пирамидальную крышу на небольшой квадратной постройкѣ; такія крыши имѣли и нѣкоторыя деревянныя церкви, напримѣръ, придѣлы церкви въ селѣ Печановкѣ. Другой типъ крыши — крыша съ дымниками, для выхода дыма на узкихъ ея сторонахъ. Такіе же дымники раньше устраивались въ хатахъ съ соломенными крышами. Въ послѣднемъ случаѣ на верхушкѣ четырехскатной кровли кладется для лучшаго держанія сноповъ покрышка изъ того же матеріала, а на фронтахъ оставляются отверстія для дыма. Хата раздѣляется сѣнями на двѣ половины; въ обѣихъ печи, въ которыхъ трубъ нѣтъ, и потому дымъ идетъ въ сѣни, а изъ сѣней—на чердакъ и, наконецъ, въ дымники, какъ мы видимъ особенно часто въ хатахъ гуцуловъ. Третій типъ крыши образовался благодаря тому, что дымники постепенно увеличивались и стали закрываться щитомъ, украшеннымъ орнаментомъ; такія крыши можно видѣть въ мѣстечкахъ на еврейскихъ домахъ. Въ этомъ же типѣ и хаты Закопян-

Синагога въ Волпѣ
Гродненской губ. на Нѣманѣ.—17-й вѣкъ.
(Изъ книги: Mathias Bersohn. «Kilka Slòw o dawniejszych bòznicach drewnianych w Polsce». Warszawa, 1903.).

скаго стиля, хаты въ Силезіи, у гуцуловъ, паперти въ деревянныхъ церквахъ въ Винницѣ, Малыхъ Хуторахъ и въ Привитовѣ. Четвертый типъ—совершенно обрѣзанная по фронту двускатная крыша и, наконецъ, пятый—четырехскатная барочная крыша съ двойнымъ заломомъ, такъ называемая польская мансарда, которая ведетъ свое происхожденіе отъ французской мансарды. Крыши съ заломомъ мы встрѣчаемъ и въ Кіевѣ, напримѣръ, въ трапезной церкви Михайловскаго монастыря, въ митрополичьемъ домѣ и духовномъ училищѣ въ оградѣ Софійскаго собора, въ корпусахъ келій Печерской лавры. Такую же форму крыши имѣетъ въ Заславлѣ замокъ. На синагогахъ встрѣчаются всѣ эти типы кровель, особенно же часто встрѣчается крыша со щитомъ и барочная крыша съ заломомъ Резюмируя все вышесказанное, можно притти къ заключенію, что памятники этого рода очень важны для исторіи украинскаго искусства, такъ какъ они являются послѣдними, уже исчезающими и въ то же время консервативными образцами свѣтскаго деревяннаго зодчества въ Малороссіи.

XX.

КАМЕННОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО НА УКРАИНѢ.

Въ 17-мъ вѣкѣ въ Малороссіи впервые послѣ долгаго промежутка пробуждается интересъ и любовь къ каменному церковному и гражданскому зодчеству. Общее въ то время въ средѣ православныхъ религіозное одушевленіе, болѣе сознательное отношеніе къ значенію для православія церковныхъ памятниковъ старины, заботы духовенства, направленныя на реставрацію и украшеніе храмовъ, до тѣхъ поръ находившихся во владѣніи уніатовъ и возвращенныхъ въ разоренномъ видѣ, большая жизненная энергія и высокій патріотическій подъемъ, вызванные казацкими возстаніями,—все это побуждало къ архитектурному творчеству. Формы, въ которыя вылилось это народное художественное возбужденіе, получили теперь иной характеръ, чѣмъ въ домонгольскій періодъ. Украинское искусство 17-го вѣка отдѣляютъ отъ искусства домонгольскаго періода цѣлые вѣка, въ теченіе которыхъ была въ ходу исключительно скромная деревянная архитектура; поэтому непрерывной преемственности византійскихъ традицій здѣсь не могло быть. Украинское каменное зодчество 17-го вѣка возникло и развилось въ тѣсной зависимости отъ западныхъ формъ барокко. Въ это время стиль барокко совершилъ свое побѣдоносное шествіе по всей Европѣ. Почва въ Малороссіи была подготовлена къ воспріятію новыхъ художественныхъ идей благодаря вліянію Польши, пропитанной барочными элементами. Въ различныхъ мѣстахъ правобережной Украины сохранилось немало архитектурныхъ образцовъ барокко въ римско-католическихъ костелахъ. Такъ, въ Винницѣ въ 1610 году возникаютъ каменныя зданія іезуитской коллегіи, существующія и до сихъ поръ. Въ Заславлѣ, въ 1602 или въ 1603 году, князь Янушъ Заславскій построилъ монастырь для Бернардинскаго ордена и при немъ костелъ во имя Св. Архангела Михаила. Въ самомъ Кіевѣ въ 17-мъ вѣкѣ было два каменныхъ костела: одинъ — Доминиканскій костелъ св. Николая, выстроенный въ началѣ 17-го вѣка и впослѣдствіи обращенный въ Петропавловскую церковь, а другой— каѳедральный костелъ, построенный въ 1635—1660 годахъ [1].

[1] А. В. Стороженко. «О существовавшихъ въ г. Кіевѣ римско-католическихъ храмахъ» («Eranos», Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь проф. Н. И. Дашкевича. Кіевъ, 1906).

Благодаря вліянію этихъ польскихъ образцовъ, традиціи барокко проникаютъ въ архитектуру Малороссіи. Однако, усвоивая себѣ барочныя формы, украинское каменное зодчество въ то же время даетъ выраженіе и собственнымъ архитектурнымъ вкусамъ.

Всѣ украинскіе каменные храмы опредѣленно дѣлятся на двѣ главныхъ группы. Первую группу составляютъ храмы, типъ которыхъ взятъ съ деревянныхъ церквей, трехкупольныхъ и пятикупольныхъ, со всѣми ихъ стремящимися къ небу частями. Снаружи они одѣты въ барочный нарядъ: ихъ декорацію составляютъ пилястры, капители, карнизы, колонки, фронтоны надъ окнами, неглубокія ниши многогранной или крестообразной формы. Эти украшенія, часто стремящіяся занять собою всѣ стѣнныя пространства, какъ напримѣръ, въ Всесвятской церкви у Экономическихъ вратъ Кіево-Печерской лавры *стр. 403,* представляютъ въ общемъ весьма благородную декорацію, гораздо меньше отвлекающую вниманіе зрителя отъ архитектурныхъ формъ, чѣмъ это можно наблюдать въ московскомъ барокко. Ни въ какомъ другомъ типѣ храма украинскій національный геній не проявился съ такимъ благородствомъ и изяществомъ, какъ въ пятиглавомъ храмѣ съ крестообразнымъ планомъ. Каменный пятиглавый храмъ представляетъ необыкновенно стройный и изящный видъ. Расположеніе частей, взаимное отношеніе ихъ одна къ другой, группировка куполовъ въ общей ихъ массѣ и въ частныхъ соотношеніяхъ,—все это совершенно въ высшей степени.

Строители церквей второй группы въ гораздо большей степени подчиняются воздѣйствію польскаго и западнаго зодчества. Храмы ихъ—базиличной системы и часто снабжены двумя башнями на западномъ фасадѣ и трансептомъ, не соотвѣтствующимъ, собственно говоря, принципамъ древне-русской архитектуры. Въ памятникахъ этой группы находитъ себѣ мѣсто заимствованная отъ польскихъ зданій болѣе или менѣе богатая наружная декорація. Главный элементъ декораціи — это любимые въ ту эпоху фронтоны и каменные щиты, широко примѣнявшіеся къ украшенію зданій: щиты и фронтоны надъ главнымъ входомъ, фронтоны, часто разорванные, надъ боковыми дверями и надъ окнами, щиты на крышѣ зданій не только спереди, но и съ боковъ. По большей части, фронтоны имѣютъ волнообразную форму, такъ какъ по краямъ они разукрашены фантастическими завитками или волютами въ видѣ буквы S. Поле фронтоновъ и щитовъ украшается низкими пилястрами, консолями, картушами многогранной или трехлопастной формы съ закругленіями и лѣпными растительными орнаментами; стержни пилястръ и колонокъ иногда богато разукрашиваются, капители часто представляютъ своеобразныя комбинаціи. Обыкновенно наиболѣе пышно украшается главный порталъ. Гладкія стѣны зданія оживляются только большими пилястрами и окнами, не-

Великая церковь Кіево-Печерской лавры.
(Настоящій видъ получила въ 1729 г. Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

рѣдко круглой или крестообразной формы съ закругленіями; иногда, впрочемъ, окна окаймлены лѣпными цвѣточными орнаментами. Не трудно прослѣдить какъ самые начатки этой декораціи, такъ и постепенное ея развитіе. Первые слѣды ея замѣтны въ зданіяхъ начала 17-го вѣка, когда растительныя формы въ видѣ узоровъ изъ листьевъ еще отсутствуютъ; съ этого времени вкусъ къ подобнымъ украшеніямъ постепенно развивается, богатство украшеній увеличивается. Въ концѣ 17-го вѣка лѣпная орнаментика—уже въ широкомъ употребленіи, а въ началѣ 18-го лѣпныя украшенія образуютъ даже на стѣнахъ сплошную массу узоровъ, фронтоны и щиты отличаются излишествомъ и переполненіемъ въ отношеніи своихъ деталей и украшеній, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры. *Стр. 385.*

Иногда мы встрѣчаемъ въ украинскомъ каменномъ церковномъ зодчествѣ столкно-

Соборъ въ Ромнахъ Полтавской губ.

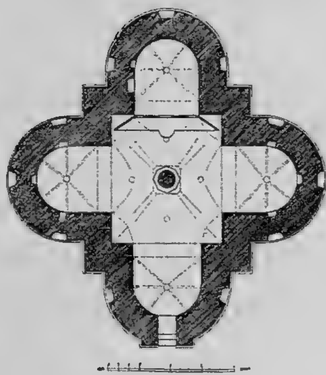
Первая половина 18-го вѣка. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

веніе національныхъ архитектурныхъ формъ съ барочными формами: зодчіе стремятся разработать корпусъ зданія по западному художественному замыслу, украшаютъ его даже обычными щитами, а сверху насаживаютъ три главы по образцу деревянныхъ церквей. Образцами такого смѣшаннаго типа могутъ служить церковь во имя Вознесенія Господня въ Фроловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ и соборъ въ Ромнахъ Полтавской губ. *Стр. 386.*

Первую попытку примѣнить на Украинѣ стиль барокко, кажется, нужно видѣть въ Покровской церкви въ селѣ Сутковцахъ Летичевскаго уѣзда, Подольской губ. *Стр. 387.*

Сутковецкую церковь признавали древнѣйшимъ архитектурнымъ памятникомъ на югѣ Россіи послѣ татарской эпохи и построеніе ея относили къ 15-му вѣку. Единственнымъ основаніемъ для этого служила надпись на одномъ изъ колоколовъ, обозначающая **1476** годъ. Однако, свидѣтельство архитектурныхъ формъ и стиля

Церковь-замокъ въ Сутковцахъ.
17-й вѣкъ.

Подольской губ. Летичевскаго уѣзда.
(Фот. прот. Е. Сѣцинскаго, обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

опровергаютъ предположеніе, что сохранившійся храмъ принадлежитъ 15-му вѣку. Крестообразный планъ съ закругленіями, форма высокой средней крыши на два ската съ уступчатыми фронтонами, башни—восточная, сѣверная и южная, съ высокими конусообразными кровлями, обработка угловъ центральной части, круглыя окна

и, наконецъ, способъ кладки стѣнъ церкви, тождественный способу кладки стѣнъ Сутковецкаго замка, построеннаго въ 1623 году, все это заставляетъ предполагать, что Покровская церковь въ Сутковцахъ построена никакъ не ранѣе конца 16-го или начала 17-го вѣка и была, повидимому, древнѣйшей изъ каменныхъ церквей украинскаго барокко [1].

Первая половина 17-го вѣка въ Малороссіи была необыкновенно дѣятельна по части реставраціи и украшенія старыхъ храмовъ. Ни одна изъ древнихъ церквей Кіева не осталась безъ поправокъ или пристроекъ, болѣе или менѣе значительныхъ, при чемъ эти поправки давали древнимъ сооруженіямъ видъ вовсе не такой, какой они должны были имѣть, судя по своей первоначальной архитектурѣ, а какой пришлось примѣнить по вкусамъ времени.

Изъ церквей, построенныхъ въ Кіевѣ въ великокняжеское время, храмъ Успенія Богородицы былъ разоренъ въ 15-мъ вѣкѣ, повидимому, Менгли-Гиреемъ (1482 г.) и долгое время лежалъ въ развалинахъ. Въ началѣ 17-го вѣка, когда уніаты овладѣли Софійскимъ соборомъ, кіевскіе мѣщане рѣшили возстановить древній Успенскій храмъ и обратить его въ соборную церковь, что и было совершено за счетъ города подъ руководствомъ итальянскаго архитектора Себастіано Брачи, жившаго тогда въ Кіевѣ. Лѣтописецъ по этому поводу говоритъ такъ: «Року 1613, месяца апреля 15 дня... за привилиемъ наяснѣйшого господаря нашого, великого короля Жикгимонта, а за благословениемъ патриархи Тимофея, почали съ фундаменту поправлять церковъ Пресветои Пречистое Успѣнія соборную, стоячую въ рынку мѣсте Киевскомъ, внутри и зъ надворя, бо ошарпалася была велми и розвалялась: верху всего не было. Старый муръ по вышние окна збивши, весь верхъ на ново змуровали; самую баню и тые четыре бани около неи знову робили; бо прежде тыхъ малыхъ бань не было, толко было дошчками покрыто. А поправлялъ тую церковь майстръ зе Влохъ (т. е. изъ Италіи) Севостианъ Брачъ» [2]. Исправленіе храма было окончено 14 августа 1614 года. Успенская церковь не сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ реставрировалъ ее Брачи: неоднократно потомъ она подвергалась пожарамъ. Послѣ пожара 1651 г. она была возстановлена. Павелъ Алеппскій писалъ о ней слѣдующее: «Ввели насъ въ великолѣпную каменную церковь посреди

[1] Мы считаемъ нелишнимъ замѣтить въ то же время, что точь въ точь подобные уступчатые фронтоны и круглыя башни съ высокими конусообразными крышами существовали въ началѣ 17-го вѣка въ архитектурѣ Кіево-Печерской лавры. Понятіе о Лаврскихъ постройкахъ въ первой половинѣ 17-го вѣка можно составить по рисункамъ на выходныхъ листахъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ тогда Кіево-Печерской типографіей. Такіе рисунки имѣются на выходномъ листѣ «Учительскаго Евангелія» 1623 г., при книгѣ «Главизны поучительны» Агапита діакона 1628 г. и на планѣ Кіево-Печерской лавры, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго «Тератургима», изд. 1638 г. «Кіевская Старина» 1886 г., іюнь, стр. 302. [2] «О церкви Соборной мурованой, иже въ Кіевѣ стоитъ на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ», въ Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изд. Кіев. Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1888, стр 81—83.

Ильинская церковь въ Субботовѣ
Черниговской губ. Сооружена Богданомъ Хмельницкимъ въ 1653 г.
(Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

рынка, съ 5-ю крестообразно расположенными куполами, посвященную Успенію Пресвятой Богородицы». На планѣ Кіева 1695 г. она также изображена съ пятью куполами. Надо поэтому думать, что въ такомъ видѣ соорудилъ ее и Брачи. Послѣдовавшіе затѣмъ пожары 1808 и 1811 годовъ повредили церковь такъ сильно, что о возстановленіи ея въ прежнемъ видѣ не могло быть и рѣчи: верхъ былъ разобранъ и вмѣсто пяти куполовъ сооруженъ одинъ. Въ такомъ видѣ существуетъ она и въ настоящее время. Нынѣшняя колокольня пристроена въ 1835 году [1].

Въ то же время стали приводиться въ благоустройство храмы Кіево-Печерской лавры. Очень много было сдѣлано въ этомъ направленіи со времени настоятельства здѣсь

[1] Закревскій. «Описаніе Кіева», стр. 853—859; Н. И. Петровъ. «Историко-топографическіе очерки древняго Кіева», стр. 184.

Елисея Плетинецкаго (1599—1624 г.); нѣсколько позже Іовъ Борецкій (1620—1631 г.) прилагалъ заботы къ поддержанію храма Кіево-Михайловской обители. Особенно неустанны были заботы Кіевскаго митрополита Петра Могилы въ дѣлѣ реставраціи старыхъ храмовъ [1]. Имъ были приведены въ благоустроенный видъ слѣдующіе храмы въ Кіевѣ: Кіево-Софійскій соборъ, Десятинная церковь, Васильевская или Трехсвятительская, Спасская на Берестовѣ и Михайловская церковь въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ. Сосредоточивъ преимущественное вниманіе па приведеніи «въ благолѣпный видъ» Св. Софіи, какъ древней митрополичьей каѳедры, Петръ Могила не задавался цѣлью возстановить въ прежнемъ объемѣ и красотѣ прочія кіевскія церкви, такъ какъ для этого требовались громадныя средства; онъ пользовался при реставраціи каменныхъ храмовъ деревяннымъ матеріаломъ. О возобновленіи Михайловской церкви въ Кіево-Выдубицкой обители Павелъ Алеппскій говоритъ: «Игуменъ успѣлъ устроить эту святыню до хоръ, а верхнюю часть построилъ изъ дерева и оштукатурилъ такъ, что вышло очень красивое зданіе». Деревянной была и Десятинная церковь Могилы. О реставраціи Св. Софіи Кіевской мы можемъ судить по сохранившемуся виду Софійскаго храма на рисункѣ, представляющемъ въѣздъ князя Радзивилла въ Кіевъ въ 1651 г. при митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ [2]. Судя по этому рисунку, не трудно убѣдиться, что Петръ Могила воспользовался при реставраціи барочными украшеніями въ видѣ завитковъ, пилястръ и даже, кажется, фигуръ или иныхъ украшеній на крышахъ храма. Павелъ Алеппскій такъ описываетъ вѣжи Кіевской Софіи: «На каждомъ углу церковнаго корабля съ западной стороны—большая, круглая, высокая башня съ многочисленными зубцами... обвалившіеся ихъ верхи замѣнены новыми шестигранными барабанами и новыми куполами».

Пользуясь описаніемъ Павла Алеппскаго, можно, кажется, установить тотъ фактъ, что вѣжи Кіево-Софійскаго собора были подобны башнямъ Сутковецкой церкви, такъ что съ верхняго помѣщенія можно было защищаться при нападеніяхъ непріятеля. Наружный видъ вѣжъ Св. Софіи и Сутковецкихъ башенъ показываетъ, что онѣ были сооружены въ то время, когда даже при постройкѣ церквей обращали вниманіе на укрѣпленіе и безопасность.

Въ 1653 году была сооружена Богданомъ Хмельницкимъ Ильинская церковь въ селѣ Субботовѣ Чигиринскаго уѣзда. *Стр. 389.* Это—типичный польскій барокко, въ видѣ продолговатаго прямоугольнаго зала съ абсидой многогранной формы, съ коробовымъ сводомъ и высокой двускатной крышей съ фронтонами. Фронтоны—настоящіе барочные—еще простого типа. Нѣкоторыя изъ оконъ — круглыя. Первоначально, до ремонта, надъ серединой церкви возвышалась башня своеобразной барочной

[1] С. Т. Голубевъ. «Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Кіевъ, 1898 г. Т. II, стр. 411 и слѣд. [2] «Труды III Археологическаго съѣзда», 1878 г. Атласъ, табл. VI.

Троицкая церковь въ Густынскомъ монастырѣ
близъ г. Прилукъ Полтавской губ.—1672 г. (Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

формы, какъ видно на снимкѣ, который данъ Н. Д. Бантышъ-Каменскимъ въ его «Исторіи Малороссіи», и на рисункѣ Т. Шевченко [1].

Во второй половинѣ 17-го вѣка, въ развитіи украинскаго барокко не маловажную роль сыграли постройки двухъ обителей въ Полтавской губ. Здѣсь именно были

[1] «Древности Украины», рис. 82.

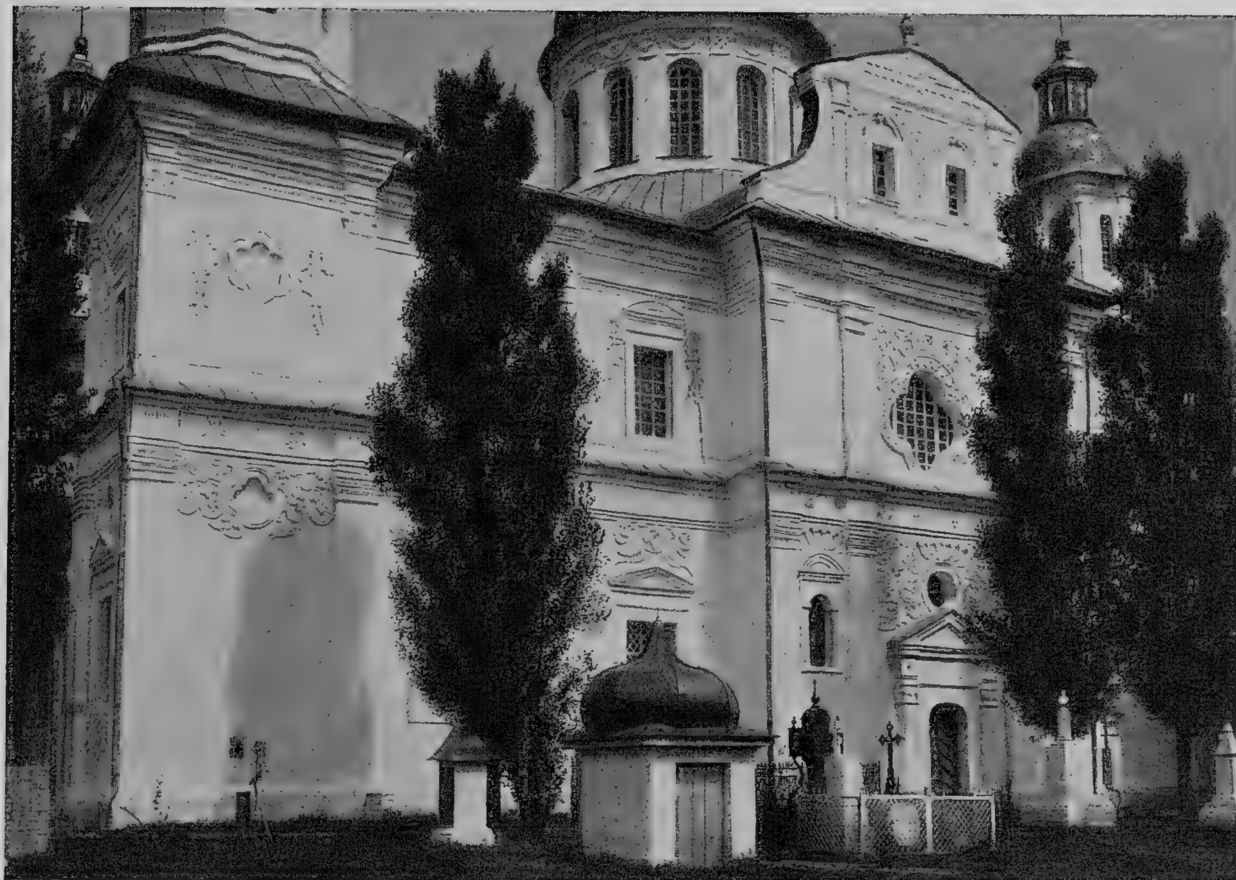
Скульптурное убранство оконъ Мгарскаго монастыря.—1694 г.

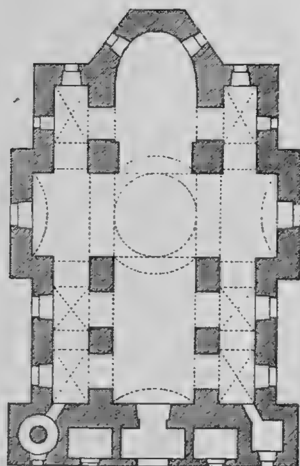
созданы храмы, которые послужили образцами для цѣлаго ряда послѣдующихъ церковныхъ сооруженій.

Въ 1672 г. была заложена каменная церковь во имя Св. Троицы въ Густынскомъ Троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилукъ. *Стр. 391.* Эта обитель была основана въ 1600 году на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ [1]. Строителемъ Троицкой церкви былъ гетманъ Ив. Самойловичъ, щедрый покровитель монастыря послѣ Вишневецкихъ. До сихъ поръ уцѣлѣлъ портретъ Самойловича, написанный на стѣнѣ храма [2], съ подписью внизу: «гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, соорудившій сей храмъ въ 1674 г.».

Храмъ имѣетъ крестообразный планъ съ многогранными концами и пять куполовъ. Наружныя декоративныя украшенія состоятъ лишь въ томъ, что грани закругленій украшены подобіемъ тройныхъ оконъ съ карнизомъ и колонками. Красивы высокія граненыя грушевидныя главы съ перехватомъ внизу. Внутри храма обращаютъ на себя вниманіе двойные хоры.

[1] «Лѣтопись о первозачатіи и созданіи Густынскаго монастыря», изд. Бодянскимъ. Москва, 1848 г. [2] В. Горленко. «Старинные малороссійскіе портреты», «Кіевская Старина» 1882 г., № 12, стр. 604 и сл.

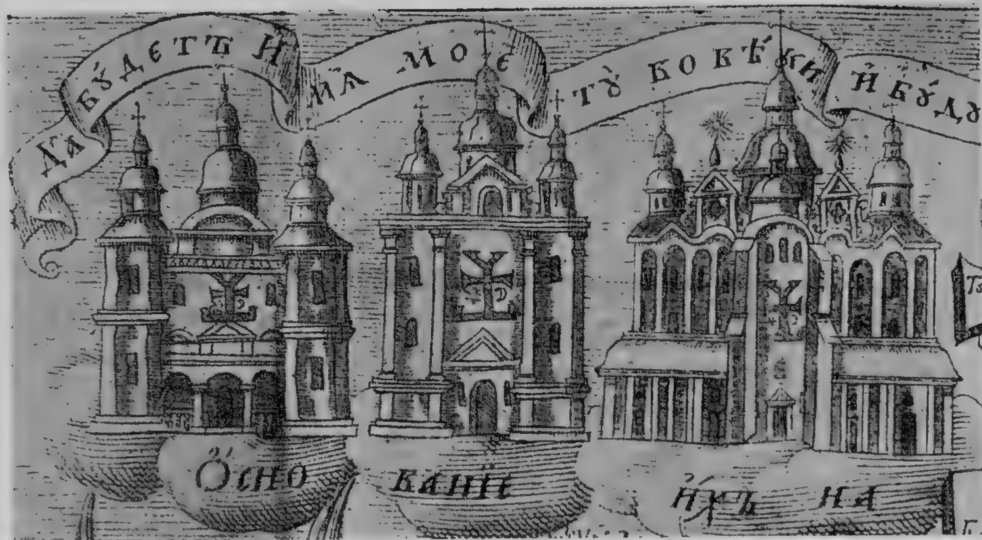

Соборъ Мгарскаго монастыря
близъ города Лубенъ Полтавской губ. Южная сторона.

Постройка начата гетманомъ Самойловичемъ въ 1682 г., окончена Мазепой въ 1694 г. (Фот. и обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

Какъ отрасль монастыря Густынскаго, возникъ въ 1624 году Мгарскій монастырь возлѣ г. Лубенъ, на высокой горѣ, господствующей надъ долиной рѣки Сулы. *Стр. 392, 393.* Когда сгорѣлъ здѣсь деревянный храмъ, гетманъ Самойловичъ началъ

Архидіаконъ Иларіонъ Мигура.

Изображеніе церквей, сооруженныхъ Мазепой. (Деталь гравюры, посвященной Мазепѣ въ 1706 г.).

строить въ Мгарскомъ монастырѣ новую каменную церковь [1]; постройка начата была въ 1682 г., но не была окончена при жизни основателя, низложеннаго съ гетманства въ 1687 г., а достроена уже въ 1694 г. гетманомъ Мазепой, какъ видно изъ монастырской описи. Въ 1728 году куполъ церкви обрушился, но вскорѣ былъ возстановленъ. Это—типичная западно-европейская базилика съ парными башнями по бокамъ западнаго фасада, съ трансептомъ, одной абсидой, внутри круглой, а снаружи трехгранной, съ высокимъ куполомъ надъ средокрестіемъ. Продольный корпусъ раздѣленъ столбами на три нефа. Средній нефъ и трансептъ покрыты коробовыми сводами, а боковые нефы—крестовыми. Планъ церкви очень напоминаетъ планы западныхъ церквей базиличнаго типа. Между западными башнями устроена низкая закрытая паперть. Четыре малыхъ главы, изъ которыхъ двѣ возвышаются надъ башнями, фальшивыя.

Снаружи стѣны церкви обильно покрыты лѣпными украшеніями, которыя сосредоточены, главнымъ образомъ, возлѣ оконныхъ карнизовъ. Украшенія въ высшей степени оригинальны; ихъ составляютъ головы лошадей, барановъ, львовъ и орловъ съ коронами, держащихъ во рту богатый стилизованный цвѣтокъ изъ листьевъ и стеблей [2].

[1] «Лѣтопись Густынскаго монастыря», стр. 24, подстрочное замѣчаніе. [2] Эти украшенія встрѣчаются также и на фасадѣ Великой церкви Кіево-Печерской лавры. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пріемъ покрывать стѣны густыми коврами скульптурныхъ узоровъ занесенъ на Украину пришлыми московскими мастерами. Послѣдніе имѣли въ Москвѣ множество образцовъ, какъ въ видѣ рѣзи раннихъ московскихъ храмовъ, такъ и въ пышной рѣзи кремлевскихъ теремовъ. *Стр. 277.* Но украинскій стѣнной орнаменъ обыкновенно не рѣзной, а лѣпной.

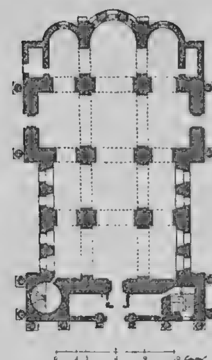
Архидіаконъ Иларіонъ Мигура.
Изображеніе церквей, сооруженныхъ Мазепой. (Деталь гравюры, посвященной Мазепѣ въ 1706 г.).

Стр. 392. Вверху, по краямъ кровли, съ трехъ сторонъ поставлены каменные щиты, украшенные лѣпными орнаментами.

Время гетманства Ивана Мазепы было эрой процвѣтанія каменной архитектуры барокко на Украинѣ. Памятниками ея остаются многія церкви, сооруженныя въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ самимъ гетманомъ и полковниками того времени.

Берлинскій въ своемъ «Краткомъ описаніи Кіева» (стр. 98) сообщаетъ намъ объ интересной особенности первоначальнаго вида храмовъ, сооруженныхъ или реставрированныхъ Мазепой. Онъ говоритъ, что тщеславіе Мазепы простиралось до того, что во всѣхъ воздвигаемыхъ имъ зданіяхъ онъ велѣлъ помѣщать свой дворянскій гербъ на дверяхъ, окнахъ, карнизахъ и т. д., словомъ, повсюду, гдѣ только можно было. Это извѣстіе подтверждается изображеніемъ апоѳеоза Мазепы, съ его портретомъ въ центрѣ картины, исполненнымъ Кіевскимъ граверомъ, архидіакономъ лавры Иларіономъ Дотесевичемъ Мигурой въ 1705 году. Подъ портретомъ гетмана находится дедикація художника всесильному гетману. Вверху апоѳеоза изображены въ рядъ шесть церквей *стр. 394, 395,* на фасадахъ которыхъ мы дѣйствительно видимъ гербъ Мазепы: подобіе опрокинутой буквы Т, по обѣимъ сторонамъ которой находится полумѣсяцъ и шестиугольная звѣзда, — путеводная

Осипѣ Старцевѣ.
Военно-Никольскій соборъ въ Кіевѣ.—1694 г.
(Фот. А. В. Щусева, планъ изъ «Обозрѣнія Кіева» Фундуклея, изданнаго въ 1847 г.).

звѣзда гетмана, съ такимъ блескомъ взошедшая и столь трагически закатившаяся. Впослѣдствіи всѣ эти гербы, безъ сомнѣнія, были уничтожены [1].

На рисункѣ Мигуры нетрудно узнать четыре кіевскихъ церкви, сооруженіе или реставрація которыхъ связаны съ именемъ гетмана; это Кіево-Братская Богоявленская церковь, большая церковь Кіево-Николаевскаго монастыря (нынѣшній Военно-Никольскій соборъ), Великая Лаврская и церковь Всѣхъ Святыхъ на Экономическихъ вратахъ лавры.

Мы знаемъ теперь, благодаря разысканіямъ прот. П. Лебединцева и проф. С. Т. Голубева, имя мастера, который трудился надъ сооруженіемъ Братской и Кіево-Николаевской церквей [2]. Въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (Подлин. Малорос. акты, № 901/880) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну

[1] Необходимо исправить неточность въ рисункѣ и описаніи шляхетскаго герба Мазепы, допущенную княземъ А. В. Дабижа въ статьѣ: «Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы» («Кіевская Старина» 1885 г., декабрь, стр. 715 и слѣд.). Какъ показываетъ гравюра Мигуры, шляхетскій гербъ Мазепы заключалъ въ себѣ не два серебряныхъ полумѣсяца, обращенныхъ другъ къ другу, а полумѣсяцъ и звѣзду, такъ же какъ и его княжескій гербъ. [2] П. Л-въ. «Историческія замѣтки о Кіевѣ» («Кіевская Старина» 1884 г., № 10, стр. 231, 232). С. Т. Голубевъ. «Гедеонъ Одорскій» («Труды Кіевск. дух. Акад.» 1900 г., № 12, стр. 613, 614).

Военно-Никольскій соборъ въ Кіевѣ.
Деталь главнаго входа. 1694 г. (Фот. Е. М. Кузьмина).

и Петру Алексѣевичамъ отъ 21 мая 1693 года, въ которомъ Мазепа, между прочимъ, пишетъ: «Подрядился мнѣ москвичинъ, камяного дѣла мастеръ Іосифъ Дмитріевъ выставити въ Кіевѣ двѣ церкви каменныхъ: одну у монастирѣ братскомъ святыхъ Богоявленій, а другую у монастирѣ пустинномъ святого чудотворца, за якое обоихъ дѣло уже я ему ма(стеру), подлугъ умовы, отдалемъ все деньги, именно, пять тысячъ ру(блевъ), (та)къ же борошно и солонины (отда)лемъ, а дѣлъ церквей оныхъ еще много не приведено въ свое совершенство». Мазепа проситъ выслать этого мастера въ Кіевъ, такъ какъ, по слухамъ, онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ.

Рѣшеніе государей по этому дѣлу сохранилось въ дѣлахъ того же архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Дѣла Малорос. св. № 94). Это—обширная грамота государей на имя Мазепы отъ 12 сентября 1693 года, въ которой говорится: «А каменныхъ дѣлъ мастеру Осипу Старцеву, по нашему царскаго величества указу, велѣно

Осипъ Старцевъ.
Сѣверный порталъ Военно-Никольскаго собора въ Кіевѣ.—1694 г.
(Фот. Е. М. Кузьмина).

быть при тебѣ, подданномъ нашемъ, въ Батуринѣ, или гдѣ доведется, до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ онъ въ Кіевѣ каменные двѣ церкви по подряду своему въ отдѣлку и совершенство приведетъ, а къ Москвѣ и никуды бы безъ ихъ царскаго величества указу отпускать ево не велѣно, и о томъ писано тебѣ въ нашей царскаго величества грамотѣ іюля 25 дня прошлаго 201 года. А буде онъ, Осипъ, похочетъ ѣхать изъ Батурина къ Москвѣ и дастъ на себя крѣпость, что ему въ нынѣшнемъ году въ началѣ ранняго весенняго времени (т. е. весною 1694 года) къ тому каменного дѣла строенію поставить каменного дѣла мастеровъ, сколько человѣкъ тебѣ понадобится, и тебѣ бы, подданному нашему, о взятіи на него, Осипа, такой крѣпости и объ отпуске ево изъ Батурина къ Москвѣ учинить по своему разсмотрѣнію; а если онъ, Осипъ, въ достроиваніи тѣхъ двухъ каменныхъ церквей учнетъ по прежнему чинить молчаніе... и тебѣ бы, подданному нашему, писать о томъ къ намъ великимъ государямъ, нашему царскому величеству и прислать съ подрядной ево записи списокъ, и какъ тотъ списокъ пришлешь, тогда по нашему великихъ государей указу о животахъ и о дворахъ его Осиповыхъ и поручиковъ его нашъ царскаго величества указъ учиненъ будетъ».

Изъ приведенной грамоты видно, что Дмитріевъ было отчество мастера Осипа, а Старцевъ—фамилія.

Планы Богоявленской и Никольской церквей почти одинаковы, что вполнѣ понятно, такъ какъ обѣ церкви—произведеніе одного и того же зодчаго. Но въ то

Входъ на хоры Великой
церкви Кіево-Печерской лавры.
Конецъ 17-го вѣка.
(Фот. А. В. Щусева).

же время онѣ могутъ быть сопоставлены съ церковью Мгарскаго монастыря. Подобно этой послѣдней, онѣ также выстроены въ видѣ западной трехнефной базилики, съ однонефнымъ трансептомъ, съ куполомъ на перекрестіи, съ тремя абсидами и съ двумя башнями на западномъ фасадѣ. Кромѣ плана, о западномъ вліяніи говорятъ также фасады съ своими великолѣпными щитами, украшеніями дверей, оконъ, полуколоннами съ ихъ капителями. *Стр. 396, 397, 398.* Надо отдать справедливость нашимъ предкамъ 17-го и 18-го вѣка,—они обладали большимъ художественнымъ вкусомъ—объ этомъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ наружныя украшенія этихъ двухъ церквей, равно какъ и другихъ образцовъ Кіевскаго барокко. Въ своихъ декораціяхъ мастера достигли удивительныхъ эффектовъ и очень красивыхъ комбинацій. Всѣ эти декораціи полны прелести оттого, что въ нихъ много наивности и сердечной простоты. Художникъ не слѣдовалъ какимъ нибудь условнымъ законамъ своей науки: онъ съ любовью декорируетъ какой либо маленькій боковой входъ *стр. 398* или помѣщаетъ богато разукрашенный фронтонъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ ему совсѣмъ не надлежитъ быть, и зритель всетаки плѣняется красотой, испытываетъ чарующее впечатлѣніе. Такой узорной свободы и непринужденности очень много встрѣчается и въ различныхъ деталяхъ Кіево-Печерской лавры, напримѣръ, въ обработкѣ входа на хоры Великой церкви. *Стр. 399.* Здѣсь чувствуется тотъ же орнаментальный темпераментъ.

Московскій зодчій Іосифъ Дмитріевъ Старцевъ только временами, лишь въ деталяхъ какого нибудь портала *стр. 398* кажется москвичемъ, въ большинствѣ же своихъ

произведеній онъ производитъ впечатлѣніе украинца, воспитаннаго на польскихъ традиціяхъ. Правда, какъ разъ двѣ важнѣйшихъ его постройки,—Богоявленская церковь Братскаго монастыря и Военно-Никольскій соборъ,—подверглись въ 18-мъ вѣкѣ значительнымъ передѣлкамъ, отнявшимъ у нихъ, быть можетъ, весь привкусъ «московскаго дѣла», но все же надъ Старцевымъ, несомнѣнно, былъ контроль, не мало его связывавшій. Такой контроль ограничивался, вѣроятно, планами и общими массами храма, но, чтобы нравиться гетману и его приближеннымъ, онъ долженъ былъ вносить въ свои произведенія формы, вызывающія въ ихъ глазахъ воспоминаніе о Польшѣ, которая была имъ дорога.

Третій храмъ, изображенный Мигурой съ гербомъ Мазепы, это, повидимому, Всесвятская церковь у Экономическихъ вратъ Печерской лавры. *Стр. 403.* Церковь эта построена въ 1696—1698 г. гетманомъ Мазепою, который между 1696—1701 г. обвелъ также лавру каменною оградою, сохраняющеюся и доселѣ [1]. Всесвятская церковь сооружена по типу Троицкой церкви Густынскаго монастыря. Она—пятиглавая, съ крестообразнымъ планомъ. Размѣры церкви очень невелики, но она крайне интересна. Весь храмъ красиво выдержанъ въ своихъ массахъ и очень граціозенъ; снаружи онъ богато декорированъ: барочныя пилястры, капители которыхъ представляютъ три завитка [2], фронтоны и колонки, обрамляющія окна, разнообразной формы ниши почти сплошь покрываютъ наружныя стѣны. Красивы главы. Эту церковь можно назвать жемчужиной среди уцѣлѣвшихъ пятиглавыхъ храмовъ украинскаго барокко.

Помимо новыхъ сооруженій, гетманъ занимался еще возобновленіемъ и перестройкой старыхъ храмовъ, пришедшихъ въ ветхость отъ времени и отсутствія поддержки. Многіе памятники Кіева, дошедшіе до насъ, носятъ на себѣ отпечатокъ этой эпохи. Съ именемъ Мазепы и митрополита Варлаама Ясинскаго связанъ настоящій внѣшній видъ Кіево-Софійскаго собора; ими были сооружены по два придѣла съ сѣверной и южной сторонъ, рѣзко отличающихся отъ средней, древней части храма своей архитектурой, особенно карнизами и окнами. Въ настоящее время уже вполнѣ доказано [3], что преобразованіе это состоялось въ концѣ 17-го вѣка на средства царей Іоанна и Петра и при участіи гетмана Мазепы. Изъ документовъ,

[1] Закревскій. «Описаніе Кіева», стр. 616 и 684. «Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева», 1874 г., II, 122. Въ этой оградѣ существуетъ недостроенный корпусъ еще одной Мазепинской церкви въ стилѣ барокко, которая по плану имѣетъ большое сходство съ Всесвятской. [2] Эта оригинальная капитель, встрѣчающаяся также въ церкви св. Георгія въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, особенно опредѣленно отчеканена въ церкви Іоанна Предтечи въ Стародубѣ на Гудовкѣ. Она повторяетъ въ очень упрощенномъ видѣ французскій декоративный мотивъ, украшающій ножки мебели (см., напримѣръ, столъ, воспроизведенный въ изд. Лоренца «Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей», фиг. 14 въ текстѣ къ табл. 88). Необходимо замѣтить, что обширное столярное производство при Людовикѣ XIV оказало громадное вліяніе на развитіе деталей декоративныхъ искусствъ въ 17-мъ вѣкѣ. [3] П. Л—въ. «Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ концѣ 17-го в.». («Кіевская Старина» 1884 г., № 10, стр. 234 и слѣд.).

Богоявленская церковь Братскаго монастыря въ Кіевѣ.
Главный входъ въ церковь, перестроенный въ первой половинѣ 18-го вѣка.
(Фот. А. В. Щусева).

находящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что еще до Варлаама Ясинскаго, митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій началъ хлопотать передъ московскимъ правительствомъ о приведеніи собора въ лучшій видъ. По царскому указу (отъ 12 октября 1688 г.), было повелѣно «бояриму Бутурлину

съ товарищи осмотрѣть церковь св. Софіи . . . . и учинить той церкви и всему строенію и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать да той прислать къ нимъ, великимъ государямъ [1].

Что было сдѣлано по этому дѣлу—неизвѣстно, но преемникъ Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, въ 1691 г., называетъ себя еще «долженствующимъ строити свято-софійскую церковь», а въ 1706 году въ грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю, свидѣтельствуетъ, что «благодатью Божіею, по милости его царскаго величества и призрѣніемъ патронскимъ рейментарскимъ ясневельможнаго, его милости, пана гетмана и кавалера обитель свято-софійская есть значно обновлена въ своемъ украшеніи»...

Если опираться на свидѣтельство Мигуры, то можно думать, что Лебединцевъ невѣрно относитъ перестройку собора приблизительно къ 1701 году. Московскій священникъ Лукьяновъ проѣздомъ черезъ Кіевъ ничего не упоминаетъ о производимыхъ работахъ, да и среди храмовъ, нарисованныхъ Мигурой съ гербомъ Мазепы, нѣтъ Софійскаго собора. Это обстоятельство только и можно объяснить тѣмъ, что наружное обновленіе Софійскаго храма было произведено въ 1705—1706 г. Производителемъ работъ по преобразованію Софійскаго собора въ настоящій его наружный видъ прот. Лебединцевъ считаетъ того же Московскаго каменнаго дѣла мастера, который строилъ за счетъ Мазепы церкви въ Братскомъ и Никольскомъ монастыряхъ. Въ пользу этого предположенія, дѣйствительно, говоритъ одна архитектурная деталь,—это окна, украшенныя витыми колонками и фронтонами въ видѣ кокошниковъ и указывающія на вліяніе московской архитектуры.

Въ послѣднюю четверть 17-го вѣка новое измѣненіе во внѣшнемъ своемъ видѣ получила также Великая Печерская церковь [2]. Тогда были пристроены съ сѣверной и южной сторонъ боковые придѣлы архидіакона Стефана и Іоанна Богослова, причемъ древняя Предтеченская церковь вошла въ составъ общаго плана Великой церкви. Часовни, бывшія у западной стѣны, были упразднены и замѣнены длинной, во всю ширину храма, и низкой наружной папертью. Церковь была украшена барочными щитами. Въ такомъ видѣ Великая Печерская церковь изображена на выходномъ листѣ «Евхологіона» лаврской печати 1708 г. Это обновленіе церкви было совершено около 1695 г., такъ какъ на планѣ Кіева 1695 г. Великая лаврская церковь имѣетъ уже пять алтарей. А такъ какъ извѣстно, что главы ея были позолочены гетманомъ Мазепой около 1696 года, то нужно полагать, что и боковые алтари и низкая наружная паперть были пристроены около этого же времени тѣмъ же Мазепой, о чемъ свидѣтельствуетъ и Мигура, пришпилившій гербъ гетмана на фасадѣ храма.

[1] Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, дѣла кіев. митр., л. 40, 56, 84, 179 и 214. [2] «Кіевская Старина» 1886 г., іюнь, стр. 303.

Всесвятская церковь на Экономическихъ воротахъ
Кіево-Печерской лавры. 1696—1698 г.
(Фот. Г. Г. Павлуцкаго).

Въ гетманство Мазепы, благодаря стараніямъ митрополита Варлаама Ясинскаго, между 1690 и 1695 г., старый доминиканскій костелъ во имя св. Николая былъ передѣланъ въ православную церковь во имя апостоловъ Петра и Павла съ придѣломъ во имя св. Алексѣя человѣка Божія, существующую и понынѣ. *Стр. 405.* Исторію этой перестройки обстоятельно изложилъ покойный протоіерей Петръ Лебединцевъ [1]. Самая красивая часть Петропавловской церкви—богато разукрашенный фронтонъ, безъ сомнѣнія, возникъ въ 18-мъ вѣкѣ.

Дворянство и казачество малороссійское въ то время также было одушевлено набожнымъ усердіемъ и соревновало съ гетманомъ въ строительствѣ церквей. Въ 1696 г. полковникъ Константинъ Макіевскій сооружаетъ каменную церковь Рождества Богородицы на дальнихъ пещерахъ Лавры [2], на мѣстѣ прежней деревянной. Церковь имѣетъ семь куполовъ, но въ дѣйствительности можетъ быть названа трехкупольной.

Въ то же время (1696—1701 г.) «коштомъ и стараніемъ» стародубскаго полковника Мих. Миклашевскаго была построена въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ соборная церковь во имя св. Георгія, представляющая дивный образецъ украинскаго пятиглаваго храма въ стилѣ барокко [3]. Она имѣетъ большое сходство съ мазепинской церковью на Экономическихъ вратахъ Лавры. *Стр. 403.*

[1] П. Л-въ. «О преобразованіи бывшаго въ Кіевѣ на Подолѣ доминиканскаго костела Св. Николая въ православную церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла» («Кіевская Старина» 1884 г., октябрь, стр. 233).
[2] Закревскій. «Описаніе Кіева», стр. 678. [3] А. М. Максимовичъ. Собраніе сочиненій. Кіевъ, 1877. Т. II, стр. 252.

Въ концѣ 17-го вѣка выстроена была каменная церковь во имя преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго возлѣ Кіево-Печерской лавры. Ея планъ и всѣ формы копируютъ деревянную трехкупольную церковь.

Къ началу 18-го вѣка относится приведеніе древняго Михайловскаго храма въ настоящій внѣшній видъ. Древній фасадъ Михайловской церкви въ настоящее время закрытъ съ боковъ и спереди новыми пристройками и контрфорсами въ стилѣ барокко. Постройка боковыхъ придѣловъ, южнаго — Великомученицы Екатерины и сѣвернаго — Варваринскаго, была произведена Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Д. М. Голицынымъ (1715—1719 г.) [1].

Вѣроятно, въ это же время были выстроены Экономическія ворота въ оградѣ Михайловскаго монастыря съ красивымъ фронтономъ [2]. *Стр. 406.*

Подобныя же ворота съ коринѳскими колоннами и съ роскошной декораціей фронтона устроилъ митрополитъ Рафаилъ Заборовскій въ западной части ограды Кіево-Софійскаго собора. Онъ же возобновилъ начатую ранѣе постройку колокольни Софійскаго собора. Это четырехугольное зданіе, первоначально выстроенное въ три этажа, сплошь украшено по цвѣтному полю бѣлыми лѣпными орнаментами и такими же изображеніями апостоловъ Андрея и Тимоѳея, Владиміра св. и Архангела Рафаила и двуглавыми орлами. Въ 50-хъ годахъ 19-го вѣка, во время всеобщей реставраціи Софійскаго собора, на колокольнѣ надстроенъ 4-й этажъ съ новымъ большимъ куполомъ [3].

Въ 1729 году была окончательно обновлена Великая церковь Кіево-Печерской лавры. Впрочемъ, вновь выведены только стѣны прежней низкой наружной западной паперти до высоты стѣнъ самой церкви и исполнены богатыя лѣпныя украшенія на наружныхъ стѣнахъ и барабанахъ куполовъ. *Стр. 385.*

Въ 1732 году освящена была митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ церковь Вознесенія Господня въ Кіевскомъ женскомъ Фроловскомъ монастырѣ [4]. Церковь эта имѣетъ три купола по образцу деревянныхъ храмовъ, но корпусъ зданія — базиличнаго типа; вверху, по краямъ кровли, съ двухъ боковыхъ сторонъ, поставлены каменные щиты или парапеты, какъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Такой же видъ имѣетъ соборъ въ г. Ромнахъ. *Стр. 386.*

Въ первой половинѣ 18-го вѣка въ Густынскомъ монастырѣ сооружается Петропавловская церковь крестообразнаго типа съ пятью главами, а въ городѣ Прилукахъ—Преображенская (1716 г.). *Стр. 407.* Въ 1722 г. выстроена была въ мѣстечкѣ Барышевкѣ Полтавской губ. Благовѣщенская церковь съ наряднымъ барочнымъ фронтономъ. Наконецъ, слѣдуетъ назвать Екатерининскую церковь въ Черниговѣ

[1] Закревскій. «Описаніе Кіева», стр. 533—534. [2] На фронтонѣ обозначенъ годъ постройки; къ сожалѣнію, одна цифра утеряна; кажется—1716 г. [3] Закревскій. «Описаніе Кіева», стр. 828. [4] Тамъ же, стр. 873.

Церковь Петра и Павла на Подолѣ въ Кіевѣ.

Перестроена изъ доминиканскаго монастыря въ 1690—1695 г. и вновь передѣлана въ первой половинѣ 18-го вѣка. (Фот. Е. М. Кузьмина).

и церковь въ Крупицкомъ монастырѣ близъ Батурина, представляющія типичные образцы украинскаго пятиглаваго храма съ наружными украшеніями въ стилѣ барокко.

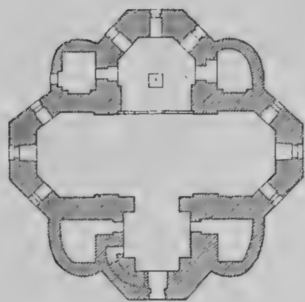

Экономическія ворота въ оградѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ.
1716 г. (Фот. Императорской Археологической Коммиссіи).

Внутреннее убранство каменной церкви состоитъ, какъ и въ деревянной, главнымъ образомъ въ богатой обработкѣ рѣзного иконостаса. Не входя въ подробный разборъ различныхъ типовъ украинскаго иконостаса, мы ограничимся здѣсь указаніемъ на одинъ изъ красивѣйшихъ по композиціи, какіе были созданы на Украинѣ— на иконостасъ Срѣтенскаго придѣла Софійскаго собора въ Кіевѣ *стр. 408,* освященный въ 1689 г. [1].

[1] Подробности объ украинской рѣзьбѣ и въ частности объ иконостасахъ см. дальше, въ т. IX.

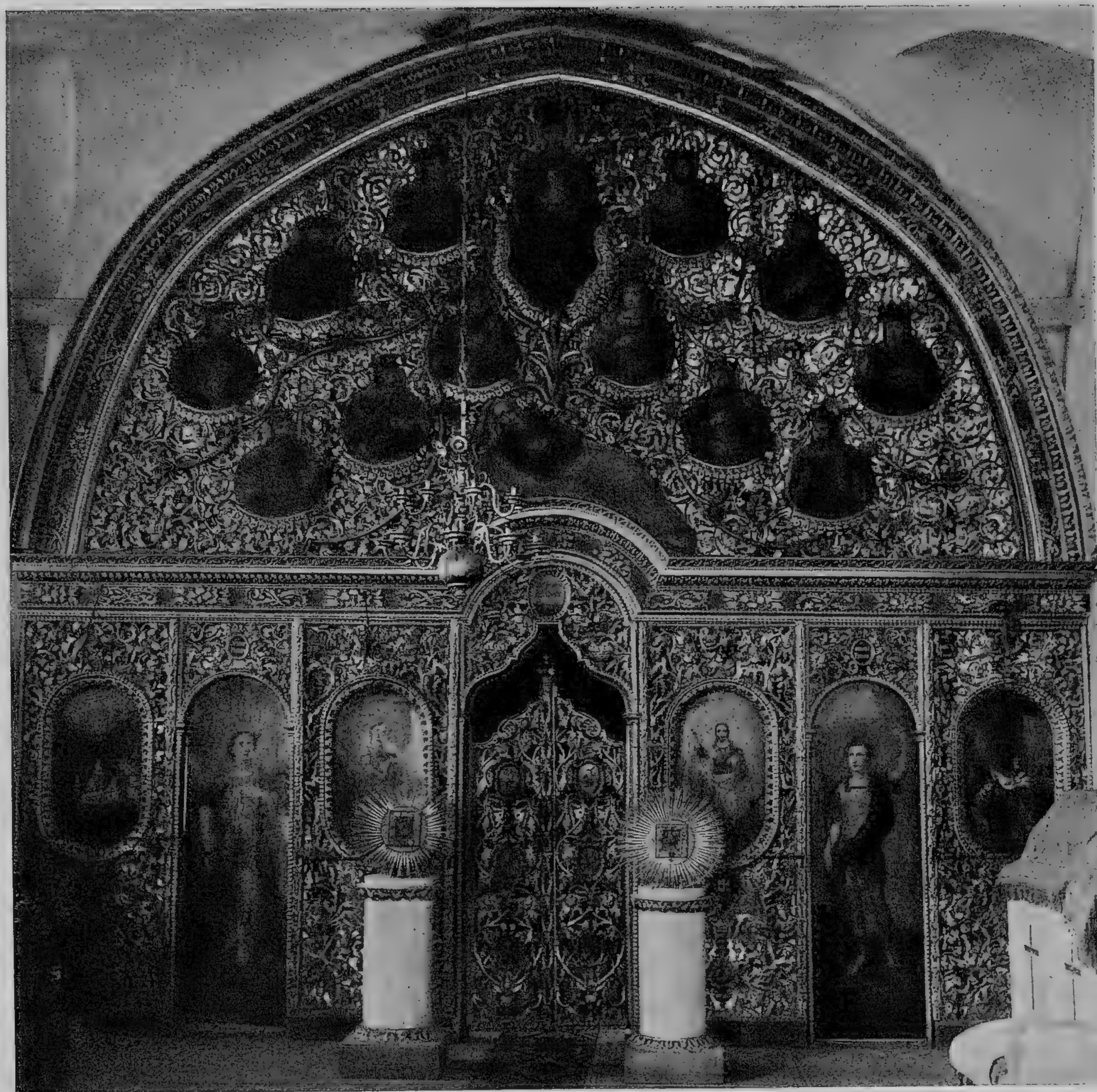
Преображенская церковь въ городѣ Прилукахъ Полтавск. губ. — 1716 г. (Фот. и обмѣры Г. Г. Павлуцкаго).

Многія изъ церквей украинскаго барокко, какъ упомянуто выше, сохранили свои наружныя лѣпныя украшенія. Часто та же орнаментика встрѣчается и на рѣзныхъ деревянныхъ иконостасахъ. Эти элементы украинской орнаментики въ одно время принадлежатъ и Западу и Москвѣ, по той простой причинѣ, что и Москва пользуется тѣми же западными источниками, которые въ эпоху господства стиля барокко наводнили самые глухіе уголки Европы. Русскіе мастера не замедлили усвоить себѣ это декоративное искусство и, варіируя болѣе или менѣе удачно иностранные мотивы, распространили подобную орнаментику по всей Руси въ концѣ 17-го и первой половинѣ 18-го вѣка. Къ послѣднему времени принадлежатъ декораціи главныхъ входовъ Братской церкви и Военно-Никольскаго собора. Въ эту декорацію мастера ввели извѣстную стереотипность, именно—одни и тѣ же орнаменты, повторяющіеся во всѣхъ безъ исключенія украинскихъ церквахъ этого времени.

Украинскій барокко—это созданіе эстетическаго чувства, не подчиненнаго никакому другому руководящему принципу, кромѣ забавы или прихоти вкуса. Поэтому въ немъ не могло быть тѣхъ полетовъ экстаза, того вычурнаго, богато блестящаго, что далъ католическій западъ. На Украинѣ создали свой барокко, взяли

Иконостасъ Срѣтенскаго, прежде—Предтеченскаго придѣла Софійскаго собора въ Кіевѣ.—1689 г.
(Фот. журнала «Старые Годы»).

съ запада всѣ составныя формы его, но переработали ихъ на свой ладъ; получилось нѣчто новое, не встрѣчающееся въ такомъ видѣ на Западѣ, нѣчто безусловно своеобразное, а нерѣдко и красивое.

XXI.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО НА УКРАИНѢ.

Остатки гражданскихъ зданій 17-го и первой половины 18-го вѣка на Украинѣ встрѣчаются очень рѣдко. Зодчество того времени обращало свою дѣятельность преимущественно на постройки церковныя и монастырскія; въ ежедневномъ житейскомъ быту обходились небогатымъ жильемъ; жилые дома строились, главнымъ образомъ, изъ дерева. Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ подъ № 132 сохранился планъ и фасадъ деревяннаго дома маіора Семена Миклашевскаго въ селѣ Нижнемъ, Стародубскаго уѣзда, Черниговской губ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой образецъ дома въ Малороссіи, интересный своей четырехскатной барочной крышей съ двойнымъ заломомъ. Большинство каменныхъ гражданскихъ сооруженій сдѣлалось жертвой страсти къ перестройкѣ старыхъ зданій, отличающей 19-й вѣкъ. Поэтому можно лишь пожалѣть о томъ, что не осталось почти никакихъ слѣдовъ отъ стариннаго малорусскаго дома, образчика вкуса и памятника быта и понятій отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ.

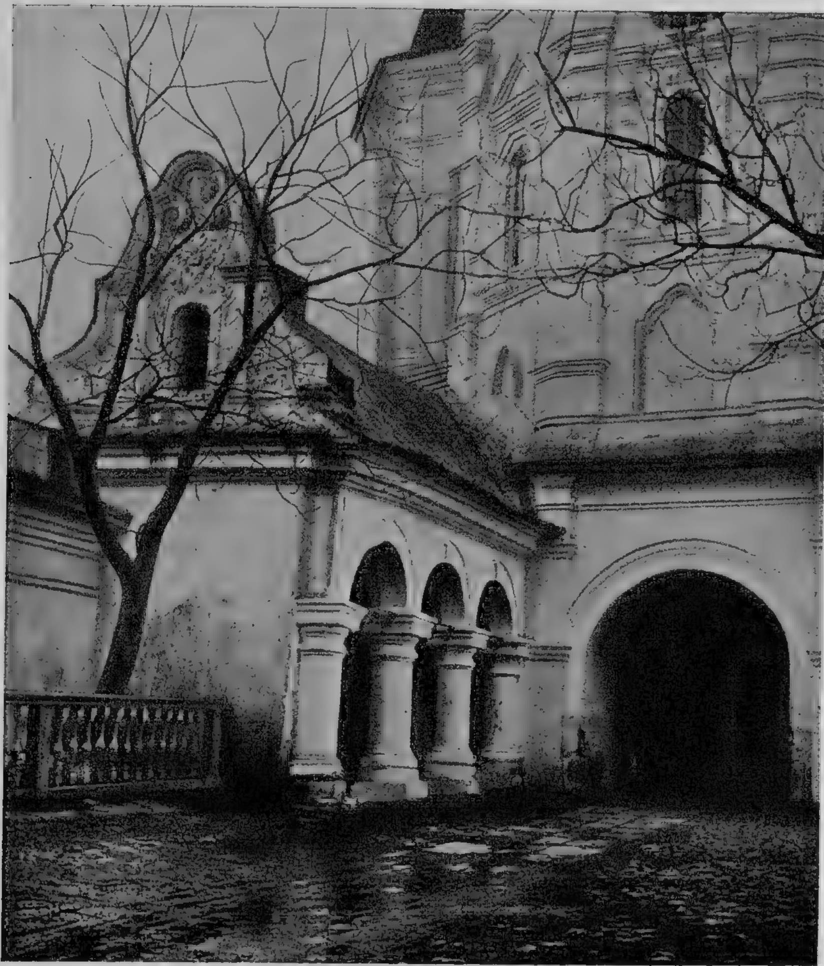
Интересное описаніе нѣкоторыхъ частей субботовскаго дома Богдана Хмельницкаго и его копіи, — дома воронежскаго сотника Черныша, даетъ Кулишъ [1], который въ началѣ 40-хъ годовъ 19-го вѣка вмѣстѣ съ Костомаровымъ посѣтилъ многія мѣста, гдѣ протекала дѣятельность историческихъ личностей Малороссіи, и видѣлъ памятники, еще сохранившіеся тамъ.

Шесть черемухъ, повѣствуетъ Кулишъ, стояло рядомъ передъ окнами дома (это было любимое дерево гетмана Хмельницкаго). Немного далѣе, подъ развѣсистой яблоней, находилось каменное корыто, поддерживаемое тремя львами, несоразмѣрно толстыя лапы которыхъ почти совсѣмъ вросли со своими пьедесталами въ землю. У каждаго изъ этихъ львовъ во рту по серебряному кольцу, къ которымъ привязывались лошади старшинъ, пріѣзжавшихъ изъ Чигирина по должности къ гетману. Въ домѣ были старинныя низенькія окна съ овальными дугами, каменными лутками и круглыми стеклами въ дубовыхъ рамахъ, выкрашенныхъ зеленой

[1] «Сочиненія и письма П. А. Кулиша», изд. подъ редакціей И. М. Каманина, т. 5-й, стр. 124 и слѣд.

краской. Надъ окнами были вылѣплены изъ гипса, попеременно, то бѣгущіе кони, то дымящіяся пушки,—любимые предметы Богдана Хмельницкаго, проведшаго всю жизнь свою среди пушекъ и на конѣ. Толстые кирпичные упоры или контрфорсы выходили широкой пятой впередъ отъ дома. Остатки такихъ упоровъ и теперь еще видны въ Субботовѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Хмельницкаго. Тонкая остроконечная съ зубцами башенка была пристроена къ сѣверному углу дома вмѣсто упора; высокія и узкія окна ея, въ сравненіи съ грубыми окнами дома, казались длинными скважинами. Широкое, съ двѣнадцатью столбами крыльцо (или, какъ тогда называли, рундукъ), занимало почти треть длины фасада и было устлано каменными плитами, которыя для красоты были изсѣчены вымышленными цвѣтами и разными неопредѣленной формы узорами. Надъ крыльцомъ, вмѣсто теперешняго треугольнаго фронтона возвышался обрѣзанный зигзагами полукруглый фронтонъ, какіе можно видѣть еще и въ наше время надъ придѣлами старинныхъ церквей. Въ этомъ полукругѣ, такой же какъ и надъ окнами, лѣпною работою изображенъ былъ въ барельефѣ медвѣдь, выдирающій медъ изъ улья; нѣсколько разломанныхъ ульевъ валялись у ногъ его, а пасѣчникъ подкрался сзади къ медвѣдю и замахнулся на него топоромъ. Трудно было бы разгадать эту аллегорію, если бы вокругъ нея сверху не было надписано: «Що буде, то буде; а буде те, що Богъ дасть». Это было главное правило философіи Хмельницкаго и девизъ возстанія его противъ Польши. На крыльцѣ гетманъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать со старшинами о войсковыхъ дѣлахъ. За крыльцомъ слѣдовали обширныя сѣни, въ которыхъ обыкновенно гремѣла музыка и угощалась свита вельможныхъ пановъ, пировавшихъ вмѣстѣ съ гетманомъ. Центральную часть дома составляла обширная комната, которая называлась свѣтлицею, что по тогдашнему значило залъ. Не говоря о широкой печкѣ, на изразцахъ которой взадъ и впередъ скакали конные казаки; не говоря о старосвѣтскихъ стульяхъ съ высокими рѣзными спинками и низенькими ножками, о липовыхъ столахъ на львиныхъ лапахъ, о множествѣ оружія и портретовъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, о цѣнномъ иконостасѣ большихъ и малыхъ образовъ въ углу,—главное, что привлекало къ себѣ вниманіе въ свѣтлицѣ, это былъ почернѣвшій дубовый «сволокъ».

Таковы, по словамъ Кулиша, главныя части субботовскаго дома, который ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ домовъ («будынковъ») старинкаго малорусскаго дворянства средняго класса. Вышеприведенное описаніе вѣрно передаетъ характерныя особенности малорусскаго жилого дома и можетъ отчасти дать понятіе о гражданской архитектурѣ того времени. Читая разсказъ Кулиша, мы вспоминаемъ декоративныя формы церковнаго каменнаго зодчества. Если нѣтъ цѣлыхъ памятниковъ, то нужно дорожить хотя частями ихъ —и онѣ представляютъ интересъ, отражая характеръ цѣлаго.

Галерея передъ входомъ въ церковь, что на Экономическихъ воротахъ
въ Кіево-Печерской лаврѣ.—Начало 18-го вѣка.
(Фот. А. В. Щусева).

Каменное крыльцо съ 12-ю столбами (или толстыми колоннами, на которыхъ, конечно, перекинуты арки) и съ полукруглымъ фронтономъ, обрѣзаннымъ зигзагами (вѣроятно украшеннымъ волютами) говоритъ о вліяніи барокко на свѣтскую архитектуру. Въ такомъ родѣ крыльцо или галерея съ фронтономъ находится въ Кіево-Печерской лаврѣ у входа въ Всесвятскую церковь на Экономическихъ вратахъ. *Стр. 411.* Аркады на столбахъ или толстыхъ колоннахъ и барочные фронтоны—это двѣ характерныя особенности, которыя часто встрѣчаются въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ въ гражданскихъ сооруженіяхъ самаго разнообразнаго назначенія. Въ Кіево-Печерской лаврѣ существуетъ цѣлый рядъ флигелей, фасады которыхъ украшены огромными

Фронтонъ одного изъ флигелей Кіево-Печерской лавры.
Начало 18-го вѣка. (Фот. А. В. Щусева).

фронтонами въ стилѣ барокко. *Стр. 412, 413.* Лѣпныя украшенія надъ окнами и на фронтонѣ субботовскаго дома заставляютъ вспомнить подобныя же лѣпныя украшенія церкви въ Мгарскомъ монастырѣ. Контрфорсы на углахъ дома встрѣчаются часто для поддержанія зданія, стоящаго, какъ и субботовскій домъ, на обрывѣ горы. Такіе контрфорсы, напримѣръ, поддерживаютъ каменное зданіе замка въ мѣстечкѣ Чернобылѣ Кіевской губ. и Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Зиньковѣ Подольской губ.

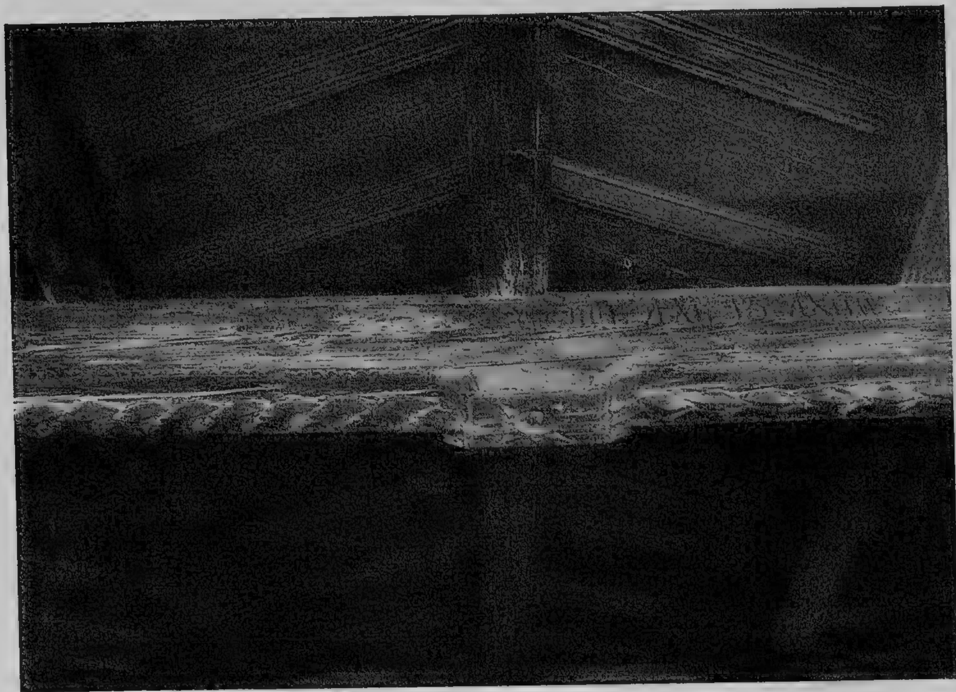
Башни на углахъ дома напоминаютъ четырехугольныя башни въ деревянныхъ синагогахъ. Башни или вѣжи въ церквахъ не только домонгольскаго періода, но и болѣе позднихъ, какъ напримѣръ, въ Благовѣщенскомъ храмѣ Супрасльскаго монастыря Гродненской губ., Бѣлостокскаго уѣзда (построенъ въ 1503—1510 г. и доложенъ вверху въ болѣе позднее время), четырехугольныя башни на углахъ деревянныхъ синагогъ и башни каменныхъ жилыхъ домовъ—все это, безъ сомнѣнія, имѣетъ какую то общую связь. Всѣ эти башни съ бойницами и коническими крышами были лишь дозорными, и отсюда ихъ происхожденіе.

Фронтонъ одного изъ флигелей Кіево-Печерской лавры.
Начало 18-го вѣка (Фот. А. В. Щусева).

Какъ достопримѣчательность субботовскаго дома, Кулишъ называетъ «сволокъ». Дѣйствительно, «сволокъ»—это характерная особенность малорусскаго дома. «Сволокомъ» называется главная балка, поддерживающая потолокъ [1]. Система устройства потолка и теперь еще въ малорусской хатѣ осталась той же, что была и въ старину.

[1] Н. Ф. Бѣляшевскій. «Старинный сволокъ» (въ Археолог. лѣтописи Южной Россіи 1904 г., № 3, стр. 95).

«Сволокъ» въ Елецкомъ монастырѣ въ Черниговѣ.

1688 г. (Фот. Н. Н. Ушакова къ докладу Ѳ. Ѳ. Горностаева на XIV Археологич. съѣздѣ).

Для поддержанія потолка выбирается крѣпкая и толстая балка и укрѣпляется вверху; на нее сверху кладется поперекъ рядъ продольныхъ балокъ, на которыхъ устраивается настилка изъ досокъ, обыкновенно еще смазываемыхъ сверху глиной. Въ Малороссіи съ незапамятныхъ временъ велся обычай записывать рѣзьбой на «сволокѣ» время построенія дома, имя хозяина, любимый текстъ изъ священнаго писанія, а иногда и какое нибудь важное современное происшествіе. На серединѣ «сволока», между надписью, вырѣзывался обыкновенно крестъ съ копіемъ и тростію. Такъ какъ «сволокъ» меньше всего былъ подверженъ вліянію перемѣнъ температуры, то хозяева при перестройкѣ дома употребляли старые сволока и такимъ образомъ передавали ихъ съ разными надписями въ потомство, какъ вѣрные памятники старины.

Древніе сволока еще сохранились во многихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ (изъ мѣстечка Дашева Липовецкаго уѣзда) поступилъ въ Кіевскій городской музей. Другой сволокъ находится въ Черниговѣ въ Елецкомъ монастырѣ. *Стр. 414.* Въ саду этого монастыря, недалеко отъ монастырской колокольни, стоитъ одиноко небольшой деревянный, на каменномъ фундаментѣ, домикъ, о пяти маленькихъ кельеобразныхъ комнаткахъ, съ такою же передней и коридорчикомъ, имѣющій въ длину 13½ арш.,

Такъ называемый «домъ Мазепы» въ Черниговѣ.
Конецъ 17-го вѣка. (Фот. Импер. Археологической Коммиссіи).

а въ ширину 10 арш. Преданіе называетъ этотъ домикъ священнымъ жилищемъ святителей Θеодосія Углицкаго и Дмитрія Ростовскаго и передаетъ, что самый домъ устроенъ именно при Θеодосіи Углицкомъ, въ бытность его настоятелемъ Елецкаго монастыря, по его личному желанію и распоряженію. Это преданіе находитъ для себя подтвержденіе въ томъ, что въ одной изъ комнатъ домика (самой большой) на «сволокѣ» сохранилась вырѣзанная по дереву надпись, гласящая, что домикъ выстроенъ при Θеодосіи Углицкомъ въ 1688 г. Сволока можно встрѣтить даже въ деревянныхъ церквахъ; такъ напримѣръ, сволокъ уцѣлѣлъ въ церкви села Ладыжицъ Радомысльскаго уѣзда, сооруженной въ первой половинѣ 18-го вѣка.

Крыша на субботовскомъ домѣ Хмельницкаго, безъ сомнѣнія, имѣла одну изъ тѣхъ формъ, какія описаны нами при обозрѣніи деревянныхъ синагогъ, всего вѣроятнѣе, съ двойнымъ заломомъ, какъ крыша дома Миклашевскаго въ Стародубскомъ уѣздѣ. Расположеніе частей зданія также напоминаетъ домъ Миклашевскаго: въ центрѣ—крыльцо, сѣни и залъ; возлѣ этихъ частей расположены остальныя комнаты.

Понятіе объ архитектурѣ частныхъ домовъ даютъ намъ еще нѣкоторые памятники, отчасти существующіе до сихъ поръ, отчасти изображенные на рисункахъ.

Прежде всего,—это домъ приходскаго училища въ Кіевѣ на Подолѣ, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ нѣкоторое время проживалъ Петръ Великій. Архитектура его очень бѣдна наружными украшеніями [1]. Онъ двухъэтажный; обращаетъ на себя вниманіе крыльцо (или галерея) со столбами и аркадами, по сторонамъ котораго — двѣ круглыя башни; крыша въ настоящее время передѣлана; какой видъ она имѣла прежде, трудно сказать.

Другой домъ сохранился въ Черниговѣ; это такъ называемый домъ Мазепы. *Стр. 415.* Онъ одноэтажный и производитъ удивительное впечатлѣніе характернымъ убранствомъ своей наружной отдѣлки въ стилѣ барокко. Декоративная фантазія, вообще составляющая главное достоинство этого искусства, явившагося плодомъ вкусовъ времени, еще болѣе замѣчательна въ домѣ, нынѣ уже не существующемъ; это—домъ въ Кіевѣ на Подолѣ, называвшійся по своей прежней владѣлицѣ Артемихинымъ домомъ; рисунокъ его даетъ Фундуклей въ «Обзорѣ Кіева въ отношеніи къ древностямъ». Домъ—двухъэтажный: декоративныя украшенія его въ стилѣ барокко крайне интересны и очень сходны съ украшеніями черниговскаго дома Мазепы; не одинъ ли зодчій строилъ оба эти памятника? Такимъ образомъ, развитіе свѣтской архитектуры въ Малороссіи шло параллельно съ развитіемъ церковнаго зодчества, иначе говоря, въ архитектуру частныхъ домовъ были перенесены формы, выработанныя стилемъ барокко [2].

Проф. Г. Павлуцкій.

[1] См. планъ и фасадъ у Фундуклея «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ». [2] Для характеристики свѣтскихъ зданій 17-го и первой половины 18-го вѣка, можно указать на существующій до настоящаго времени обширный каменный корпусъ для академическихъ аудиторій, сооруженный въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ 1704 году на средства гетмана Мазепы. (См. статью С. Т. Голубева о Гедеонѣ Одорскомъ въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1900 года, № 12, стр. 594). Въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора № 219, о времени сооруженія корпуса говорится: Eodem vere anno (т. е. въ 1704 г.) coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio, ipsa vero fundamenta adhuc avlumno iacta fuerunt. Единственное свидѣтельство о построеніи академическаго корпуса Мазепой находится въ старой описи Кіево-Михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что «митрополитъ Кіевскій Рафаилъ Заборовскій истощи имѣніе свое на созданіе Кіевскихъ училищъ, яже на древнемъ Мазепы Гетмана основаніи красно архитекторомъ иноземцемъ соверши» (П. Л.-въ. «Историческія замѣтки о Кіевѣ» въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., № 10, стр. 232). Этотъ корпусъ неоднократно перестраивался. Въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ изображенъ на панегирикѣ—гравюрѣ, поднесенной студентами академіи бывшему ея ректору, въ то время настоятелю Кіево-Никольскаго монастыря, Прокопію Колачинскому. Фототипія съ этой интересной гравюры, находящейся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, помѣщена въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г., февраль, и въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Ровинскаго, «Матеріалы для русской иконографіи». Зданіе двухъэтажное. На фасадѣ устроены были галереи съ аркадами; въ нижнемъ этажѣ аркады поддерживались столбами, а въ верхнемъ колоннами. На четырехскатной крышѣ помѣщались три слуховыхъ окна.

Барокко Москвы

XXII.

Обширное церковноздательство во времена «Тишайшаго» царя, создало особый типъ московскаго пятиглавія, счастливо соединившагося съ выразительными бытовыми формами трапезныхъ, крылецъ и галерей. Создавшійся «освященный» храмовой типъ въ высокой степени удовлетворялъ устойчивому укладу русской жизни. Поколебать эту устойчивость могли лишь особыя причины, выразившіяся въ тѣхъ «вѣяніяхъ», которыя шли съ Запада черезъ Украину со второй трети 17-го вѣка. Эти «новыя начала» дало украинское духовенство, внесшее въ Москву зачатки европейскаго просвѣщенія и науки. Борьба съ привычнымъ московскимъ міровоззрѣніемъ старины захватила почти все время царствованія Алексѣя Михайловича. Только въ послѣдніе годы его жизни и особенно при царѣ Ѳеодорѣ и Софьѣ наступили коренныя перемѣны. Все прежнее, казавшееся ненужно излишнимъ или «потѣшнымъ», стало жизненно необходимымъ и требовало новой обстановки. Школа строителей, созданная патріархомъ Никономъ, при выполненіи исключительной задачи [1] не погибаетъ, разсѣявшись по «государевымъ дѣламъ»; слѣды ея сказались въ обновленіи дворцовъ и внутреннемъ украшеніи ихъ храмовъ [2]. Оборудованіе Измайловскаго хозяйства поставило рядъ новыхъ требованій, посильныхъ лишь искуснымъ мастерамъ, непосредственно знакомымъ съ произведеніями Запада. Насколько велика была потребность «европейской» новой обстановки, не только при дворѣ царя, но и бояръ, показываетъ обширность нѣмецкой ремесленной слободы въ Москвѣ, того знаменитаго «Кокуя», который въ концѣ 17-го вѣка равнялся $^1/_5$ территоріи Москвы. Движеніе навстрѣчу «новшествамъ» было настолько велико, что

[1] Сооруженіе Новоіерусалимскаго храма. [2] Польскіе и Литовскіе выходцы-мастера, сооружавшіе Новоіерусалимскій храмъ, вводятъ тотъ типъ рѣзьбы, который извѣстенъ подъ именемъ «бѣлорусской рѣзи». Въ описи (1680 г.) Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря Тверской губерніи находимъ, что для главнаго престола сооруженной въ 1675 г. деревянной надвратной церкви думный дворянинъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій «далъ двери царскія, сѣнь и столпцы рѣзные, по полименту золочены, рѣзь бѣлорусская сквозная, а золочены сусальнымъ золотомъ и серебромъ на гладко». Освященіе трехъ престоловъ храма было въ 1678 и 1679 г.

Церковь Іоасафа царевича въ Измайловѣ подъ Москвой.—1678 г.

даже захватило всю внутреннюю храмовую обстановку [1] и постепенно перешло на внѣшность въ украшеніяхъ и формахъ храма. Старый «храмовой завѣтъ» значительно былъ поколебленъ и вскорѣ уступилъ тѣмъ «просвѣщеннымъ взглядамъ»,

[1] Въ пышныхъ иконостасахъ въ характерѣ «нѣмецкаго ренессанса», предметахъ утвари и облаченій.

Церковь Покрова Богородицы
въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 1688 года.

которые вводило украинское духовенство при помощи всесильныхъ лицъ. Первенство въ дѣятельности водворенія новыхъ для Москвы церковныхъ формъ принад-

лежитъ боярамъ Нарышкинымъ, возвысившимся въ родствѣ съ царемъ [1]. Распространеніе новаго стиля обезпечивалось изяществомъ и европейской красотой формъ и изысканностью ихъ рисунка, производившими, повидимому, сильное впечатлѣніе какъ на лицъ, жаждавшихъ «западныхъ новшествъ», такъ и на московскихъ зодчихъ, скоро оцѣнившихъ работу «нѣмцевъ» и необходимость «чертежа» [2].

Участіе украинскаго духовенства въ созданіи новыхъ храмовыхъ формъ заключалось лишь въ храмовой идеѣ, сложившейся въ большой зависимости отъ продолжительной дѣятельности уніатства. Проводилось, конечно, традиціонное украинское трехглавіе, располагаемое, вопреки московскому, съ востока на западъ, а также и пятиглавіе, располагаемое въ видѣ креста, соотвѣтственно крестообразнымъ планамъ. Сюда же нужно присовокупить то выразительное стремленіе формъ храма вверхъ, ту «ярусность», которая на Украинѣ, повидимому, отвѣчала руководящей мысли набожнаго стремленія къ небу. Олицетвореніе идейныхъ формъ, въ немолкнущей борьбѣ «міровоззрѣній», произошло не сразу и дало рядъ переходныхъ церковныхъ формъ. И даже въ явно новыхъ формахъ довольно часто можно встрѣтить черты былыхъ стремленій и исканій.

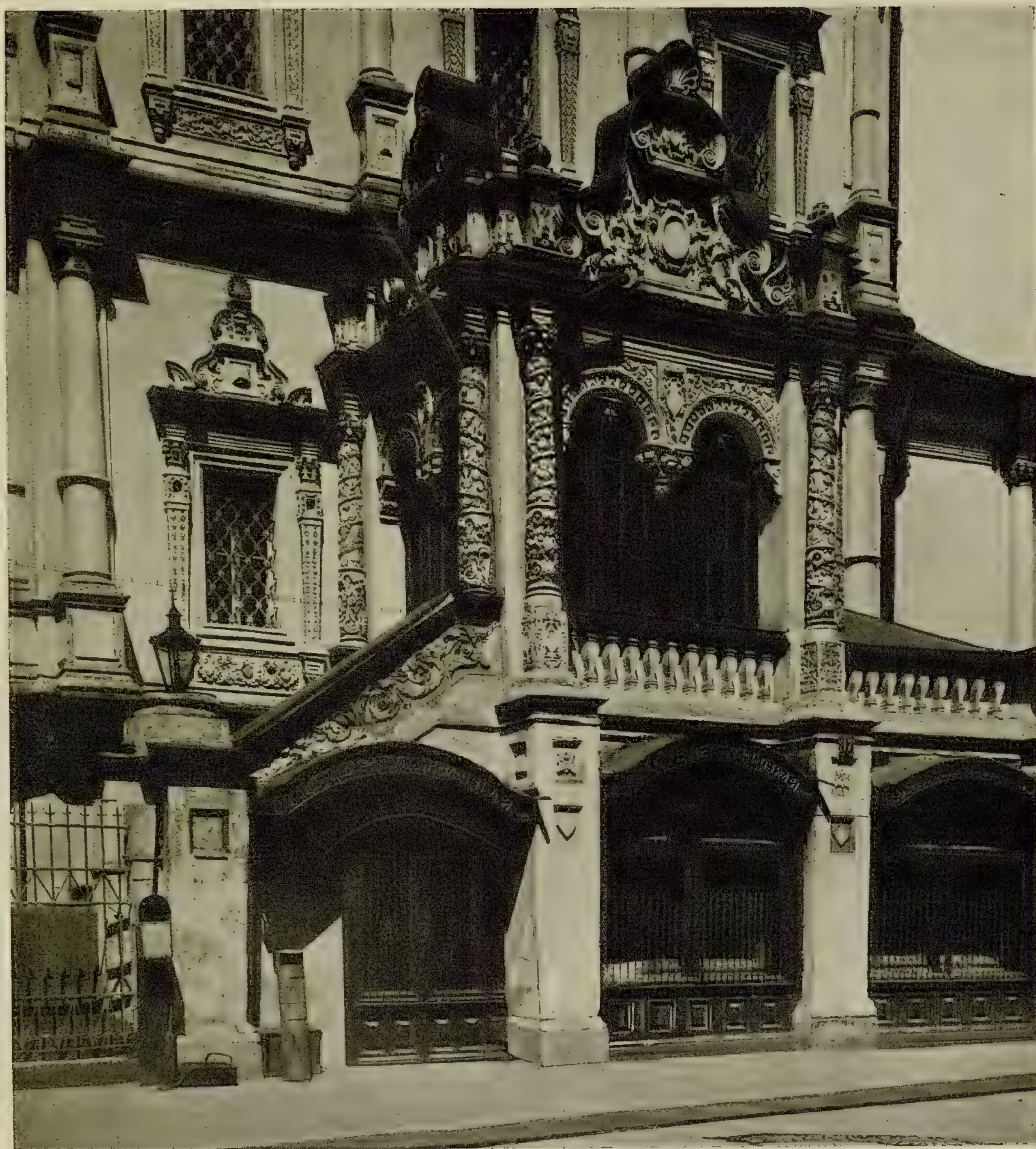
Къ числу главнѣйшихъ проводимыхъ «новыхъ формъ» относится восьмерикъ, который еще недавно вмѣстѣ съ шатромъ и гранной шейкой главки такъ безпощадно изгоняли, конечно, чтобы избавиться отъ ненавистной формы шатра [3]. Впервые гранникъ безъ шатра при небывалой въ храмахъ обработкѣ встрѣчаемъ при дворѣ царя.

Храмъ Іоасафа царевича, въ Измайловѣ *стр. 418,* сооруженный въ 1678 г. [4], при явномъ украинскомъ трехглавіи и «троечастьи» плана, имѣетъ московскій традиціонный подклѣтъ и колокольню въ «двойственной» обработкѣ измайловскихъ мастеровъ, работавшихъ подъ общимъ руководствомъ Густава Декентина [5]. Отмѣтимъ

[1] Богато одаренные помѣстьями и подмосковными Нарышкины, во главѣ съ царицей Натальей Кирилловной, строятъ большое количество храмовъ, создавшихъ «новый стиль», по праву называемый «нарышкинскимъ». Самъ Петръ участвовалъ во многихъ сооруженіяхъ, пока всецѣло не былъ поглощенъ сооруженіемъ Петербурга. Вотъ перечень «нарышкинскихъ» храмовъ: Никольская церковь въ Жолчинѣ Рязанскаго уѣзда, церковь Троицы въ Троицкомъ Лыковѣ подъ Москвою, церковь Покрова на Филяхъ подъ Москвой, церковь Владимірской Божіей Матери и церковь Знаменія Пресвятой Богородицы въ Москвѣ, церковь въ Петровскомъ Разумовскомъ подъ Москвою, церковь Сергія съ трапезной въ Троице-Сергіевой лаврѣ и, наконецъ, усыпальница Нарышкиныхъ—Петровскій монастырь въ Москвѣ, обстроенъ и украшенъ ими. Царевна Софья не мало способствовала водворенію «новаго стиля», обстраивая Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ, что видно изъ надписей на двухъ монастырскихъ колоколахъ 1684 и 1688 г. Обширное количество монастырскихъ трапезныхъ и храмоздательная дѣятельность Строгановыхъ въ провинціи окончательно закрѣпляютъ церковныя формы Московскаго барокко. Гражданскія его формы, повидимому, введены «оберегателемъ великія печати» княземъ В. В. Голицынымъ въ его знаменитыхъ палатахъ, въ Посольскомъ приказѣ и обработкѣ Грановитой палаты. [2] Въ актахъ конца 17-го вѣка часто встрѣчается слово «чертежъ», «противъ чертежа» и т. п. [3] Старый конструктивный пріемъ сводчатаго перехода отъ четверика къ восьмерику не возродился въ новыхъ формахъ, въ нихъ перешелъ лишь тотъ арочный пріемъ, который примѣнялся въ шатровыхъ колокольняхъ при соотвѣтствующихъ конструктивныхъ переходахъ. [4] По надписямъ на двухъ мѣдныхъ доскахъ, найденныхъ подъ престолами храма. А. Мартыновъ. «Русская Старина», тетр. 12. [5] «Нѣмецкія» новшества въ фасадной обработкѣ здѣсь еще незначительны, заключаясь, главнымъ образомъ, въ обработкѣ полуколоннами угловъ четверика колокольни, а также и восьмерика храма, при чемъ здѣсь полу-

Церковь Преображенія въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
1688 г.

Южное крыльцо церкви Николы «Большой Крестъ» въ Китай-городѣ въ Москвѣ.—Конецъ 17-го вѣка.

колонны помѣщены на барочныхъ, какъ бы упрощенныхъ, «крюкообразныхъ» кронштейнахъ. Украшенія оконъ храма въ типѣ «разрѣзныхъ» фронтоновъ, по существу, еще довольно близки «корунообразнымъ» кокошникамъ

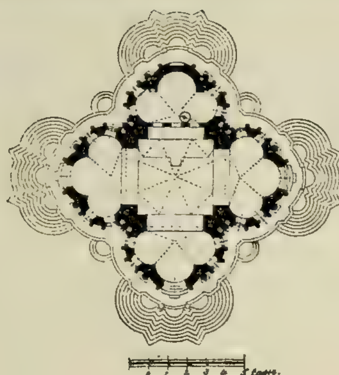
Никола «Большой Крестъ» въ Москвѣ.—Конецъ 17-го вѣка.

луковичные гранные верхи и первое устройство при храмѣ открытой ходовой террасы [1], соединявшейся съ дворцомъ. Повидимому, это отзвукъ открытыхъ «теремныхъ» и «палатныхъ» переходовъ московскаго дворца. Въ дальнѣйшемъ эти «переходы», совмѣстно съ террасами висячихъ садовъ, устраиваются въ Кремлѣ повсюду. Ближайшій по характеру трехглавый храмъ Покрова Пресвятой Богородицы, построенный до 1688 года, тоже обладающій открытой ходовой террасой, находится надъ задними вратами Московскаго Новодѣвичьяго монастыря [2]. *Стр. 419.*

Эта живописная церковка, еще въ свѣжихъ формахъ своего деревяннаго прототипа, довольно архаична въ «нѣмецкой» обработкѣ детальныхъ формъ 16-го вѣка. Значительно изящнѣе другая «троечастная» надвратная церковь Преображенія Господня, того же монастыря, сооруженная въ 1688 г. [3] *стр. 421,* хотя и не безъ дефектовъ при передачѣ традиціонныхъ вертикальныхъ расчлененій, этого запоздалаго отзвука западныхъ средневѣковыхъ взглядовъ. Большимъ многообѣщающимъ нововведеніемъ въ этомъ храмѣ является барочная форма главъ, какъ бы въ уступку старымъ «взглядамъ», расположенныхъ «по московски». Такую же группировку менѣе вычурныхъ главъ встрѣчаемъ въ необыкновенно изящномъ храмѣ Николы «Большой Крестъ» въ Китай городѣ *стр. 422, 423,* имѣющемъ подобныя же тянутыя пропорціи главнаго четверика и декораціи кокошниковъ и закомаръ. Эта выдающаяся по обработкѣ церковь сооружена Архангелогородскими купцами, «московскими гостями» Филатьевыми на мѣстѣ стараго храма [4]. По обѣщанію или усердію, Филатьевыми въ храмѣ былъ поставленъ саженной высоты крестъ съ 156 частицами мощей. Несомнѣнно, эта драгоцѣннѣйшая святыня послужила поводомъ къ приглашенію наилучшихъ зодчихъ для созданія достойнаго вмѣстилища. Надо полагать, что выборъ остановился на царскихъ мастерахъ и, можетъ быть, на мастерахъ Оружейной

московскаго дѣла. Шатровый восьмерикъ колокольни въ новой обработкѣ, лишенный «закомарности», приблизился къ характеру башни. [1] Древняя открытая ходовая паперть церквей 16-го вѣка была вытѣснена въ 17-мъ вѣкѣ крытой галереей. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы, 1884, стр. 805, гдѣ говорится, что патріархъ 5-го августа 1688 г. ходилъ на освященіе вновь сооруженной церкви Покрова. Въ «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей», 1895 г., стр. 616, приведенъ любопытный договоръ мастеровъ Оружейной палаты Мирона Климова и Ивана Тютрина съ бояриномъ П. В. Шереметевымъ Большимъ о сооруженіи рѣзного иконостаса для Покровскаго храма. Въ этомъ подробномъ договорѣ интересна смѣшанная терминологія испорченныхъ нѣмецкихъ названій съ русскими, указывающая, что эти названія употреблялись давно. Эти «флемованные» дорожники и «фрамуги», «гзымсы» и «каптели», базы и «каракштыны», а также и «штапъ-салькеленъ и съ лескою флемованные» и «штапъ-ганенъ съ лескою флемованные жъ», повидимому, были одинаково понятны обѣимъ договаривавшимся сторонамъ. Иконостасъ почти вполнѣ сохранный существуетъ донынѣ. Онъ сравнительно простой работы, трактующей мотивы «нѣмецкаго ренессанса», но всѣ составныя формы дальнѣйшихъ иконостасовъ Московскаго барокко здѣсь налицо. [3] Свящ. Н. Антушевъ. «Историческое описаніе Московскаго Новодѣвичьяго монастыря». М. 1885 г. [4] Храмъ сооруженъ въ 1680 г., какъ значится въ церковныхъ записяхъ. «Древности». Труды Московскаго Археологическаго Общества, т. XX, вып. I, стр. 92. Въ Строильной книгѣ 1689 г. церковь значится каменной. Въ 1692 г. патріархъ уже ходилъ въ церковь на погребеніе одного изъ Филатьевыхъ. И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы». 1884 стр. 386. А. Мартыновъ въ своемъ трудѣ «Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города». М. 1865 г., на стр. 41 указываетъ, что Крестъ былъ поставленъ въ 1697 г., при сооруженіи церкви на мѣстѣ прежней—разобранной.

Церковь Знаменія Пресвятой Богородицы въ Дубровицахъ.
1690—1704 г.

Московской губ. Подольскаго уѣзда. (Планъ по обмѣрамъ М. В. Красовскаго).

палаты, исполнявшихъ ту бѣлокаменную «рѣзь», которая сформировалась въ иконостасахъ, повторилась въ керамикѣ [1] и перешла затѣмъ на камень въ храмахъ и палатахъ [2]. Работа первоклассныхъ мастеровъ, сооружавшихъ храмъ, по принципу близка той древней «фряжской» обработкѣ, которую въ Архангельскомъ соборѣ ввелъ Алевизъ; все то же оправданіе формъ закомаръ, все та же неизбѣжность дѣленій фасадныхъ «троечастій», оправданныхъ, какъ декорація жилого дома въ два этажа съ двухсвѣтнымъ помѣщеніемъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, здѣсь былъ тоже строгій контроль, который требовалъ старозавѣтныхъ массъ и очертаній въ формахъ алтаря и пяти главъ, расположенныхъ «по старинѣ». Тянутость пропорцій храма всецѣло обусловлена примѣненіемъ вышеуказанныхъ традицій вертикальныхъ расчлененій, требовавшихъ стремленія вверхъ и обусловившихъ всю ту распрофилевку, которая, при малыхъ выносахъ карнизовъ, проходитъ непрерывно черезъ всѣ великолѣпно построенные «этажи», въ пропорціяхъ и выработкѣ формъ не уступающихъ раннимъ формамъ барокко ,особенно въ трактовкѣ украшеній верхняго этажа «второго свѣта»—въ великолѣпныхъ и строго прорисованныхъ кронштейнахъ. Строгость формъ соблюдена и въ остальныхъ двухъ этажахъ въ пропорціяхъ и обработкѣ въ духѣ коринѳскаго и дорическаго ордеровъ. Значительно большая свобода видна въ формахъ оконъ и въ двухъ великолѣпныхъ крыльцахъ, гдѣ такъ еще свѣжи мотивы «нѣмецкаго возрожденія» [3], погашенные, правда, необыкновенной скульптурностью и изяществомъ рисунка, особенно въ изгибахъ раковинъ и картушей крылечныхъ «разрѣзныхъ» фронтоновъ. Двойныя «висячія» арки, повидимому, явились данью «требованій» въ сохраненіи древнихъ видныхъ храмовыхъ формъ, хотя этотъ мотивъ встрѣчается нерѣдко въ иконостасной рѣзи, какъ и сопутствующая ему колонна, трактующая однообразный мотивъ вьющейся виноградной лозы [4]. Созданный великолѣпный храмъ произвелъ эволюцію въ трактовкѣ «украшеній» и сталъ предметомъ заимствованій во время «новшествъ» въ той средѣ,

[1] Новоіерусалимскій соборъ обладаетъ великолѣпными изразчатыми иконостасами и украшеніями. Крутицкій теремокъ и царскія палаты Троице-Сергіевой лавры богато украшены снаружи изразцами разнообразныхъ архитектурныхъ формъ. Почти тождественныя Никольскому храму изразчатыя окна встрѣчаемъ въ Преображенской церкви Саввина Сторожевскаго монастыря, устроенной иждивеніемъ царевны Софіи и освященной въ 1693 г. [2] Среди рѣзчиковъ Оружейной палаты несомнѣнно находились лица, знакомыя одновременно и съ архитектурнымъ дѣломъ. Въ 1699 г. дѣлали рѣзную кровать царевичу Алексѣю Петровичу «архитектурнаго дѣла мастеръ Георгъ Вилимъ Дигенинъ да живописецъ Янъ Тютюкорень». Штатъ рѣзчиковъ, повидимому, постоянно измѣнялся. Отпускались Витебскіе «бѣлорусскіе и польскіе» мастера, выписывались «иноземцы Анбурской земли» и др., вносившіе свой «цѣховой навыкъ» и рисуночные матеріалы въ общій разсадникъ московскаго искусства, какимъ являлась Оружейная палата. Поскольку сильно отражался этотъ коллективный матеріалъ (въ гравюрахъ и книгахъ, повидимому, не моложе 16-го вѣка) на различныхъ работахъ, достаточно указать на Палатное письмо въ иконахъ царскихъ мастеровъ, трактующее все тѣ же элементы декорацій «нѣмецкаго ренессанса». [3] Очень близокъ по сходству орнаментальныхъ декорацій, ихъ рисунку и фактурѣ, при тождествѣ чередованій кирпича съ камнемъ, восточный порталъ 1620 г. церкви Святаго Духа (Die Kirche des Heiligen Geistes) въ Копенгагенѣ, съ его размашистымъ, слегка затронутымъ барокко орнаментомъ. [4] Символъ христіанскаго ученія.

Верхъ церкви Знаменія въ Дубровицахъ
Московск. губ. Подольск. уѣзда. 1690—1704 г.

Церковь Знаменія въ Дубровицахъ.

Декоративная скульптура центральной части. (Фот. журн. «Старые Годы»).

которая придерживалась «старины» [1]. Подобное же дѣйствіе, въ другой лишь сферѣ [2], произвело сооруженіе совершенно неожиданной и необычайной формы церкви Знаменія Пресвятой Богородицы въ селѣ Дубровицахъ, Подольскаго уѣзда *стр. 425, 427, 428, 429,* построенной въ 1690—1704 г. «дядькой» (воспитателемъ) царевича Петра Алексѣевича, княземъ Б. А. Голицынымъ. Поражающая пышность Дубровицкаго храма во внѣшней и внутренней обработкѣ, гдѣ впервые на Руси появляются религіозныя скульптуры, всецѣло объясняется прихотью европейски образован-

[1] Въ средѣ купечества, изъ котораго особенно выдѣлялись богатымъ храмоздательствомъ Строгановы. Приходскіе храмы Москвы и провинціальныхъ городовъ въ погонѣ за новшествомъ трактуютъ тѣ же формы.
[2] Въ средѣ бояръ, особенно приближенныхъ ко «двору».

Церковь Знаменія въ Дубровицахъ.

1690—1704 г. Основаніе башни. (Фот. П. Грабаря).

наго и энергичнаго князя, несдержаннаго въ своихъ увлеченіяхъ и деспотичнаго по характеру [1].

Только въ его рукахъ эта грандіозная «затѣя» могла осуществиться, не вызвавъ неудовольствій и протеста, хотя бы въ замѣнѣ стѣнописи скульптурой, поясненной «латинскимъ» изреченіемъ [2].

Конечно, этотъ рѣдчайшій памятникъ московскаго религіознаго искусства до нѣкоторой степени есть плодъ осуществившихся стремленій украинскаго духовенства, но неудержимая прихоть могущественнаго князя превысила всѣ ихъ мечты [3].

[1] Характерный эпизодъ изъ отношеній князя къ подвластнымъ ему людямъ, художникамъ, музыкантамъ и учителямъ его дѣтей, свидѣтельствуетъ о необузданномъ гнѣвѣ на «двороваго» архитектора Вл. Ив. Бѣлозерова, построившаго въ имѣніи князя «Марѳинѣ» храмъ, который князь, вернувшись изъ за границы, нашелъ безобразнымъ и засѣкъ автора до смерти. Храмъ былъ законченъ въ 1707 г. Онъ существуетъ и донынѣ, но сильно измѣненъ реставраціей М. Д. Быковскаго. [2] Замѣнены русскими подписями во время ремонта храма въ 1847—1849 г., подъ общимъ руководствомъ Ѳ. Ѳ. Рихтера. [3] Затѣя князя, повидимому, поддерживалась и Петромъ. Она, по существу, есть своеобразная и одинаково рѣзкая параллель «затѣямъ» Петра, въ видѣ учрежденія «все-

Несмотря на всю оригинальность замысла и работу приглашенныхъ изъ за границы итальянскихъ (?) мастеровъ [1], съ архитекторомъ Тессингомъ во главѣ [2], Дубровицкая церковь въ основѣ удерживаетъ принципъ «украинской» трактовки формъ, крещатость плана и идейное стремленіе вверхъ, прекрасно выраженное внутри съ художественной и конструктивной стороны. *Стр. 428.* Снаружи башнѣ приданъ оригинальный «ратушный» характеръ, которому не чуждъ ажурный, когда-то позлащенный, желѣзный верхъ, трактованный въ видѣ короны—эмблемы славы «небеснаго царя» [3]. Чрезмѣрно пышная обработка Дубровицкаго храма, введенная талантливымъ скульпторомъ зодчимъ, по смѣлости и пышности декоративныхъ формъ близка къ французскимъ декоративнымъ пріемамъ, но въ той своеобразной передачѣ, которая свойственна художественнымъ цѣхамъ «западной Европы», дожившимъ во Франціи до середины 17-го вѣка и позже въ Германіи и сѣверной Европѣ. Орнаментальный «прикладной» характеръ архитектурныхъ формъ Дубровицкаго храма такъ еще близокъ 16-му вѣку и такъ еще «ремесленъ» въ карикатурной передачѣ статуй и изображеній ангеловъ. Французскій оттѣнокъ храму придаетъ серьезно обработанный, рустованный монументальный низъ въ совокупности съ игривой обработкой «люкарнъ», включенныхъ въ «разрѣзной» фронтонъ, украсившій всѣ «троечастья» фасадныхъ закругленій храма [4]. «Люкарны», возможныя лишь при высокихъ кровляхъ, всецѣло декоративны здѣсь. Тѣ же «люкарны» примѣнены въ подножіи восьмерика *стр. 429,* при исключительномъ декоративномъ замыслѣ изогнутыхъ (падающихъ) колоннъ [5], введенныхъ, повидимому, для большей выразительности перехода отъ «закругленій» къ башнѣ. Безъ этой утрировки башня казалась бы стоящей на «люкарнахъ», что нелогично при ихъ заканчивающей легкой формѣ. Совершенно иконостасной «рѣзью» высматриваетъ декорація верх-

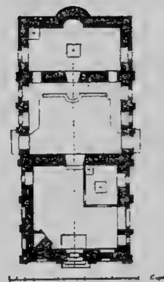
шутѣйшаго собора», съ «князь папой и патріархомъ всего Кокуя» во главѣ. Эти дѣйствія заканчивали старомосковскую, уже значительно пошатнувшуюся власть патріарховъ, молчаливо сносившую «всешутѣйшія забавы» и новомодныя «затѣи». [1] Описаніе храма священникомъ села Дубровицъ С. Романовскимъ въ «Географическомъ словарѣ Россійскаго Государства» 1807—1809 г. (А. Щекатова), повторенное Вельтманомъ въ его брошюрѣ о Дубровицкомъ храмѣ, гдѣ Вельтманъ свидѣтельствуетъ объ имени строителя-архитектора Тессингъ, помѣщенномъ на древнемъ планѣ храма, который онъ видѣлъ въ архивѣ Дворцовой конторы. [2] Имени Тессинга не встрѣчается среди западно-европейскихъ архитекторовъ того времени. По крайней мѣрѣ ни въ одномъ изъ спеціальныхъ словарей и другихъ справочниковъ намъ не удалось найти его. Извѣстенъ лишь Никодимъ Тессинъ (1654—1748 г.), ученикъ Бернини, впослѣдствіи сенаторъ и графъ, знаменитый архитекторъ Карла XII и строитель Стокгольмскаго дворца. Намъ не довелось видѣть чертежа, указаннаго Вельтманомъ, и мы знаемъ лишь пышный проектъ Тессина для «каѳедральнаго собора (Петропавловскаго?) въ Петербургѣ», заказаный ему Петромъ Великимъ. Онъ скомпанованъ въ духѣ знаменитаго Gesù въ Римѣ и снабженъ слѣдующими надписями: «Dessin projetté sur la requisition de sa majesté Imperiale de la grande Russie pour l'Eglise Catedrale à batir à St-Petersbourg Inventé et ordonné par le Comte de Tessin, senateur de suède grand maitre de la maison du Roi et surintendant des ses batimens et jardins». Въ сравненіи съ этимъ проектомъ архитектура Дубровицкаго храма высматриваетъ крайне запоздалой. *Игорь Грабарь.* [3] Эта идея еще болѣе подчеркнута въ иконостасѣ храма, гдѣ надъ царскими вратами помѣщены три короны, осѣняемыя ангелами съ рипидами въ рукахъ, символизирующія «Тріипостасность Бога»,—любимую руководящую идею Украины. [4] Въ этихъ люкарнахъ и фронтонахъ введена даже болѣе непринужденная обработка, свойственная такъ называемому «фламандскому ренессансу» 16-го вѣка. [5] Изогнутыя колонны встрѣчаются далѣе лишь въ шеяхъ главъ церкви Воскресенія въ Кадашахъ.

Иконостасъ церкви Знаменія въ Дубровицахъ. 1690—1704 г. (Фот. Н. Н. Ушакова).

Церковь Владимірской Божіей Матери въ Китай-городѣ въ Москвѣ.
1691—1694 г.

нихъ восьмиугольныхъ оконъ башни, заключенныхъ въ богатыя рѣзныя рамы, увѣнчанныя серафимами и раздѣленныя по гранямъ башни вычурно рѣзанымъ подобіемъ пилястръ, держащихъ не менѣе вычурный карнизъ, съ изсѣченнымъ изъ камня «кружевнымъ подзоромъ» и висящими кистями винограда *стр. 427*, въ мотивѣ, несомнѣнно, возникшемъ въ рѣзномъ столярномъ дѣлѣ. Достигнутая монументальность храма довершена четырьмя торжественными лѣстничными всходами, объединенными низкой круговой и чрезвычайно узкой ходовой террасой [1]. Въ послѣдней, по прихоти художника, декорація доведена до орнаментальной густоты ковра, одѣвшаго барьеръ, весь цоколь и даже подступеньки лѣстницъ. Грандіозная

[1] Около двухъ аршинъ ширины.

Церковь св. Петра въ Петровскомъ-Разумовскомъ близъ Москвы.—Около 1692 г.

затѣя князя удалась вполнѣ и положительно не знаешь чему болѣе удивляться—фантазіи ли строителей или той изумительной технической выработанности, которая дѣлаетъ храмъ похожимъ на ювелирное издѣліе, вырѣзанное изъ слоновой кости въ бронзовой оправѣ. Эта декоративная игрушка-храмъ, какъ бы изваянная вся цѣликомъ изъ камня, высматриваетъ какимъ то «чудомъ». Но самое чудесное на

Янка Григорьевъ Бухвостовъ «съ товарищи».
Алтарное окно церкви Спаса Нерукотвореннаго въ селѣ Уборахъ Московской губ. Звенигородскаго уѣзда. 1693 г.

ходится внутри, въ великолѣпныхъ скульптурныхъ иллюстраціяхъ Христовой церкви и евангельскихъ сказаній, сосредоточенныхъ въ центральной части храма. *Стр. 428.* Великолѣпно рѣзаный и позлащенный иконостасъ *стр. 431* поражаетъ изобрѣтательностью деталей при торжественно спокойной общей композиціи частей. Нѣсколько сложнѣе задуманы рѣзные хоры—эта небывалая новинка на Руси, исполненная въ томъ же торжественно важномъ стилѣ, въ какомъ исполненъ иконостасъ. Въ нихъ уже сказывается вѣяніе стиля Людовика XIV, но далеко еще не поглощены тѣ элементы, которые присущи «нѣмецкому ренессансу» (южно нѣмецкаго оттѣнка) [1] и

[1] Довольно близкіе мотивы къ обработкѣ Дубровицкаго иконостаса встрѣчаемъ въ алтарѣ 1661 г. въ Holmenskirche въ Копенгагенѣ, тоже затронутомъ стилемъ Людовика XIV, но въ болѣе специфической сѣверо-нѣмецкой рѣзьбѣ.

Янка Григорьевъ Бухвостовъ «съ товарищи».

Церковь Спаса Нерукотвореннаго въ селѣ Уборахъ Московск. губ. Звенигородск. уѣзда. 1693 г.

которые въ болѣе тяжелой формѣ господствуютъ въ орнаментаціи снаружи храма. Близкихъ подражаній Дубровицкій храмъ вызвать не могъ, по исключительности затѣи и дорого стоившаго ея исполненія. Но, повидимому, именно онъ устанавливаетъ типъ храмовъ въ помѣстьяхъ бояръ, гордившихся уже не родовитостью, а знатностью и пышностью богатой обстановки. Крещатый плановой пріемъ Дубровицкаго храма, легшій въ основу многихъ боярскихъ «вотчинныхъ» церквей, однако, возникнулъ нѣсколько ранѣе—въ 1684 г. въ новомъ соборѣ Московскаго Донского монастыря [1], гдѣ на закругленныхъ концахъ планового креста и въ центрѣ поста-

[1] Переходный пріемъ отъ планового «троечастія» къ «равноконечному кресту» встрѣчается въ формѣ «неравноконечнаго креста» въ Борисоглѣбской церкви села Зюзино, Московскаго уѣзда, 1688 г. Объ этомъ ниже

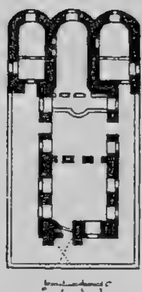
Крестовоздвиженская церковь на Воздвиженкѣ въ Москвѣ.
(Бывшій Крестовоздвиженскій монастырь). 1709—1718 г.

влено пять главъ, явно подчеркивающихъ «украинскую» храмовую идею. Насколько устойчивъ былъ этотъ плановой пріемъ, достаточно свидѣтельствуетъ тоже пятиглавый храмъ бывшаго Крестовоздвиженскаго монастыря въ Москвѣ 1709—1718 г.[1] *стр. 436,* всѣмъ своимъ строемъ напоминающій украинскія деревянныя храмовыя формы. Извѣстную долю развитія (вѣрнѣе усвоенія) декоративныхъ формъ Дубровицкаго храма даетъ небольшой «обѣтный» храмикъ Владимірской Божіей Матери въ Китай городѣ, построенный по указу Петра въ 1691 — 1694 г.[2] *Стр. 432.* Въ немъ намѣчается тотъ путь развитія фасадныхъ завершеній стѣнъ, который выраженъ въ Дубровицкомъ храмѣ въ фронтончатыхъ «люкарнахъ». Завершеніе проведено здѣсь въ типѣ «разрѣзныхъ» глухихъ фронтоновъ оконъ. Пристроенная къ храму въ 1694 г. трапезная часть[3] уже развиваетъ форму фронтонныхъ завершеній, посте-

[1] Причина долгаго сооруженія храма, при его простотѣ, заключается въ Указѣ Петра I 1714 года, запрещавшемъ всякія постройки въ Россіи, какъ крайняя мѣра для привлеченія рабочихъ силъ для сооруженія Петербурга. Указъ этотъ проводился строго и дѣйствовалъ еще въ 20-хъ годахъ 18-го вѣка. Всѣ тѣ, кого строгій указъ засталъ врасплохъ, хотя и прекратили года на 3 на 4 работы, но вынуждены были, въ виду порчи начатыхъ строеній, обращаться съ прошеніями о разрѣшеніи окончанія работъ – къ Государю. Въ числѣ такихъ неудачниковъ оказался и Крестовоздвиженскій монастырь, не успѣвшій сдѣлать въ «соборной» церкви паперти и главы, для чего достаточно было 15-ти человѣкъ каменщиковъ и плотниковъ, которые хотя и нашлись, но боялись подряжаться безъ Государева указа. И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы». 1891, стр. 735, 738. [2] А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 10. [3] Тамъ же. Образовавшееся «троечастіе» плана устанавливаетъ тотъ типъ небольшихъ одноглавыхъ храмовъ, которые встрѣчаются преимущественно въ провинціи, при кругломъ или прямоскатномъ покрытіи восьмерика и при старозавѣтной или новомодной наружныхъ обработкахъ.

Церковь Знаменія при домѣ графа Шереметева въ Москвѣ.
Конецъ 17-го вѣка.

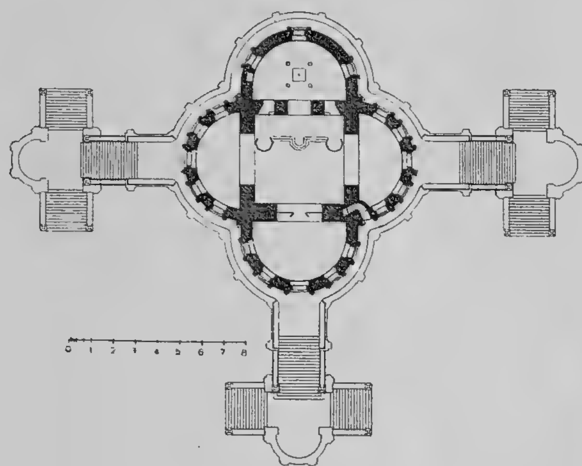

пенно водворяя тотъ типъ, который извѣстенъ подъ характернымъ народнымъ названіемъ «пѣтушьихъ гребешковъ». Близкій по типу и, вѣроятно, судя по архитектурѣ, строенный однимъ и тѣмъ же зодчимъ, храмъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ близъ Москвы, построенный около 1692 г. [1] *стр. 433,* даетъ переходный пріемъ фасадныхъ «завершеній». Постепенно развивающійся типъ помѣщичьяго «вотчиннаго» храма въ Петровскомъ-Разумовскомъ пріобрѣтаетъ подклѣтъ и круговую открытую террасу, а также и звонницу, водруженную на верхѣ храма. Обращеніе къ древнему угасшему типу храмовъ «иже подъ колоколы», повидимому, вызвано желаніемъ имѣть

[1] Село Петровское было пожаловано тестю царя Алексѣя Михайловича К. П. Нарышкину, гдѣ онъ выстроилъ храмъ и дворецъ.

Планъ и разрѣзъ церкви Покрова Богородицы на Филяхъ подъ Москвой.

Планъ и разрѣзъ по обмѣрамъ А. К. Иванова.

при церкви видный «звонъ». Сооруженіе въ до-Петровское время каменныхъ «домовыхъ» церквей со «звономъ» было, повидимому, рѣдко и не создало особаго пріема въ устройствѣ колоколенъ. Другая возможная причина, вызвавшая компактное соединеніе «вотчинныхъ» церквей со «звономъ», обусловливалась соединеніемъ церкви съ жилищемъ, подобно трапезнымъ палатамъ въ монастыряхъ. Почти дошедшее до насъ такое сочетаніе находимъ въ церкви Смоленской Божіей Матери въ селѣ Сафаринѣ, Московскаго уѣзда, сооруженной вмѣстѣ съ дворцомъ въ 1691 г. [1]. Сафаринская церковь, близкая по формамъ и пріему плана къ Петровско-Разумовской, значительно развиваетъ переходный типъ въ барочномъ видѣ кокошниковъ восьмериковъ, при обиліи «пѣтушьихъ гребешковъ» надъ трапезой и алтарями. Большую воспріимчивость въ трактовкѣ формъ Дубровицкаго храма встрѣчаемъ въ дальнѣйшемъ развитіи «вотчиннаго» храма села Уборы Звенигородскаго уѣзда, построеннаго въ 1693 г. *Стр. 434, 435.* Тождественный плановой пріемъ, низенькая и узкая терраса, украшенная «рѣзью» при пышной, чисто иконостасной формѣ наличниковъ прямыхъ и круглыхъ оконъ, едва не превращенныхъ въ «рѣзныя» рамы, достаточно указываютъ на стремленіе подражать недостижимому оригиналу. Использованіе верха храма подъ «звонъ» указываетъ на установившійся пріемъ значительно болѣе, чѣмъ въ Петровско-Разумовскомъ и Сафаринскомъ храмахъ, участвующій въ общей кон-

[1] По храмозданной грамотѣ. А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 16, гдѣ приведены церковь и дворецъ (нынѣ не существующій); церковь уже давно лишена ходовой террасы. Дворецъ и церковь были сооружены тестемъ царя Ивана Алексѣевича, бояриномъ Ѳ. П. Салтыковымъ въ пожалованной вотчинѣ.

Церковь Покрова Богородицы на Филяхъ подъ Москвой.—1693 г.

цепціи храмовыхъ формъ. Изысканный компактный башенный пріемъ, при полномъ пониманіи декоративныхъ «пятенъ», указываетъ на изумительное усвоеніе новыхъ храмовыхъ и декоративныхъ формъ строителемъ храма—Янкомъ Бухвостовымъ «съ

товарищи» Мишкой Тимофеевымъ и Митрошкой Семеновымъ [1]. Найденный «стиль» въ значительномъ развитіи встрѣчаемъ въ Покровскомъ подмосковномъ храмѣ на Филяхъ, построенномъ въ 1693 г. [2]. *Стр. 438, 439 и приложеніе.*

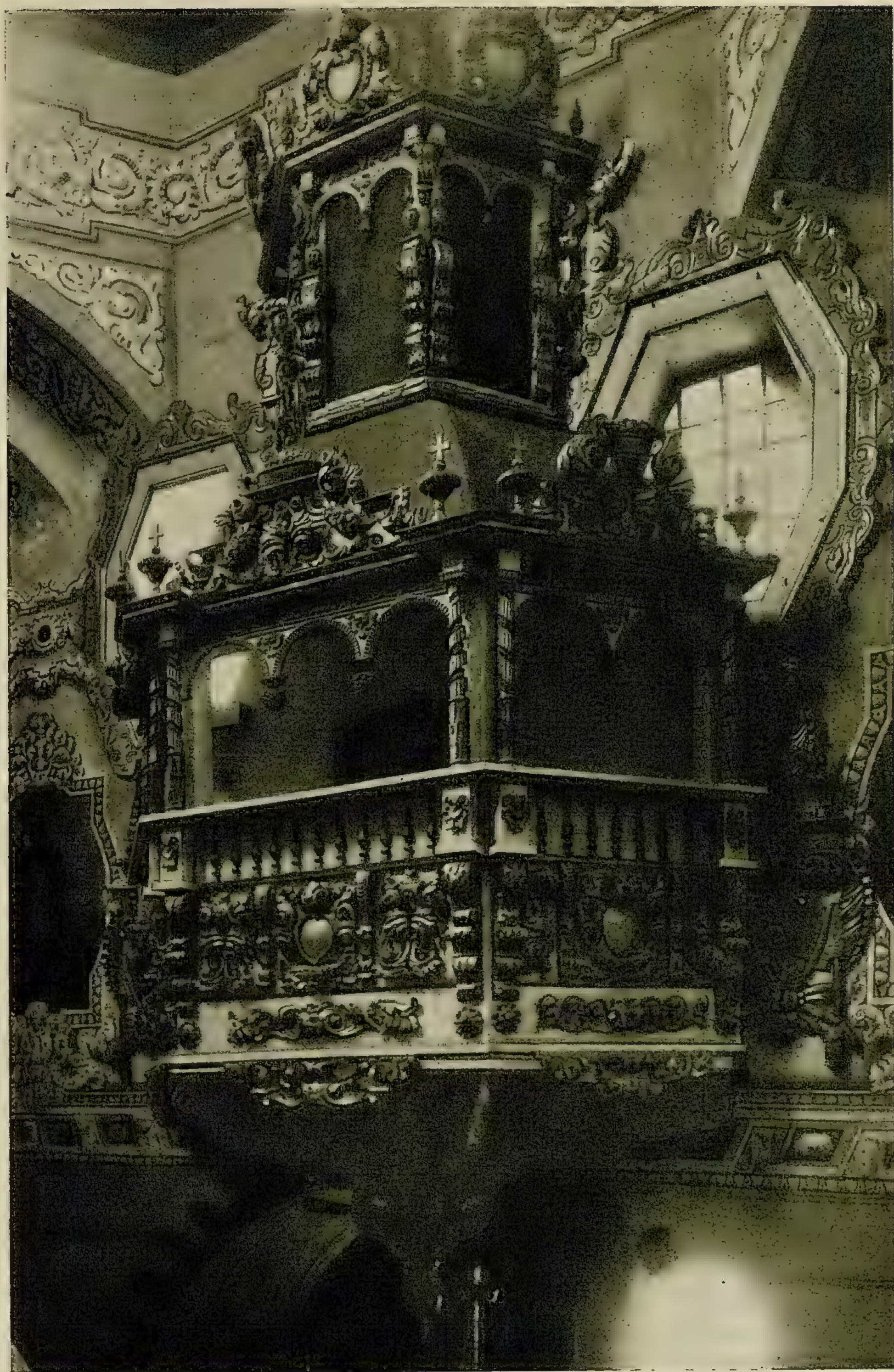
Удивительно нѣжныя и легкія по силуэту формы храма, при постановкѣ на полукругахъ главъ, пріобрѣтаютъ стройность, которой способствуетъ высоко приподнятая на аркахъ и тѣсно прижатая къ подклѣту терраса съ тремя торжественными всходами къ порталамъ храма. Созданное совершенство формъ и ихъ прочувствованная «кружевная» нѣжность приводятъ въ изумленіе, тѣмъ болѣе, что это все достигнуто почти при полномъ отсутствіи орнаментацій, однимъ запасомъ, хотя и новомодныхъ, но простыхъ архитектурныхъ формъ. Умѣренное пользованіе колоннами, лишенными лиственныхъ капителей, простая «старозавѣтная» форма наличниковъ оконъ и трехъ порталовъ *стр. 439* съ кокошниками (такъ выглядитъ ихъ форма) въ типѣ «пѣтушьихъ гребешковъ», обильно размѣщенныхъ надъ «ярусами», тяготѣніе къ ширинкамъ и кокошникамъ и древнему арочному подклѣту, все это заставляетъ видѣть въ Покровской церкви всецѣло русскую работу мастеровъ, вполнѣ ужъ владѣвшихъ «новой формой» и знаніемъ декоративнаго пятна.

Въ 90-хъ годахъ 17-го вѣка московскіе «мастера»,—уже не «подмастерья», водворяютъ новую московскую архитектуру на Украинѣ, какъ напримѣръ, Осипъ Старцевъ [3] и, несомнѣнно, многіе другіе [4]. Умѣренность наружныхъ орнаментацій церкви Филей, какъ бы подготовляетъ къ эффекту параднаго внутренняго убранства храма. Многоярусный, стремящійся вверхъ иконостасъ въ болѣе свободной, чѣмъ въ Дубровицкомъ храмѣ, и смѣлой трактовкѣ декоративныхъ пятенъ, поражаетъ пышной роскошью рѣзьбы, исполненной въ духѣ довольно близкомъ къ Дубровицкому иконостасу, но съ преобладаніемъ мотивовъ «ренессанса». Въ особенности чувствуется это въ оригинальной «царской ложѣ» *стр. 441*, исполненной въ мотивѣ церковныхъ каѳедръ (Kanzel). Висящія тройныя и двойныя арки ложи указываютъ на связь ея съ былыми «царскими мѣстами» [5]. «Вотчинный» типъ церквей, заканчивающихся звонницей при

[1] Уборская церковь начата постройкой бояриномъ и воеводою начальникомъ Помѣстнаго Приказа Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ, 10-го января 1693 г., но не была окончена подрядившимися мастерами Янкомъ Григорьевымъ Бухвостовымъ «съ товарищи» Мишкой Тимофеевымъ и Митрошкой Семеновымъ, о чемъ бояринъ П. В. Шереметевъ билъ челомъ царю, откуда и извѣстны эти данныя. Всѣ приведенныя данныя нами заимствованы изъ подготовляемаго къ печати труда графа Павла Сергѣевича Шереметева «Село Уборы, вотчина боярина Шереметева Меньшова», съ любезнаго разрѣшенія автора котораго мы и даемъ эти весьма цѣнныя свѣдѣнія. *Иг. Гр.* [2] Построена бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, любимцемъ Петра I, Президентомъ Совѣта четверыхъ бояръ (на время выѣзда Петра I за границу), начальника Посольскаго приказа. А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 3. [3] Приглашенный гетманомъ Мазепой для сооруженія Кіево-Братской Богоявленской церкви и большой церкви Кіево-Николаевскаго монастыря (нынѣ Военно-Никольскій соборъ). Характерный образчикъ московской архитектуры особенно ясенъ въ детали собора. *Стр. 398.* [4] Особенно много слѣдовъ «Московскаго дѣла» въ Черниговской губерніи. Въ самомъ Черниговѣ «домъ Мазепы» несомнѣнное произведеніе московскихъ мастеровъ, обработавшихъ даже три фасада (исключая главный) старозавѣтными деталями кокошниковъ и пр. [5] Царская ложа храма Филей устроена такъ же какъ и въ Дубровицкой церкви, на случай посѣщенія храма государемъ.

Церковь Покрова Богородицы на Филяхъ
подъ Москвой
(1693 г.)

Царская ложа въ церкви Покрова Богородицы на Филяхъ подъ Москвой.—1693 г.

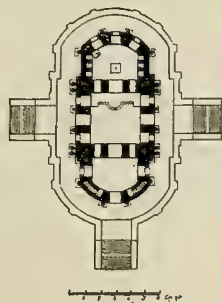
Никольская церковь въ Жолчинѣ. Рязанск. уѣзда. Конецъ 17-го вѣка. (Фот. И. Грабаря).

крестообразной формѣ плана, встрѣчается какъ въ одноглавой, такъ и въ пятиглавой формахъ. Необходимо остановиться на одной изъ нихъ, въ виду ея историческаго значенія и предписываемой ранней даты. Никольская церковь въ селѣ Жолчинѣ, Рязанскаго уѣзда *стр. 442*, построена царицей Наталіей Кирилловной (Нарышкиной) близъ сельца Алешни, вотчины Нарышкиныхъ и ея родины. Въ исторической были «Царица Наталья Кирилловна (Нарышкина) и ея родовое гнѣздо», Спб. 1910 г. [1], въ предисловіи, безъ всякаго указанія на справки, говорится, что Жолчинскій храмъ построенъ царицей черезъ годъ послѣ рожденія Петра, а въ главѣ XII сказано, что царица-мать, посѣтивъ родину, тотчасъ же послѣ рожденія сына, дала обѣтъ выстроить вмѣсто деревяннаго храма каменный [2]. Вернувшись въ Москву «въ со-

[1] Изданіе газеты «Русское Чтеніе». [2] Въ благодарность отъ скораго избавленія отъ болѣзни, приключившейся во время поѣздки.

Церковь Живоначальной Троицы въ селѣ Троицкомъ-Лыковѣ подъ Москвой.

Около 1708 г. (Планъ по обмѣрамъ А. Мартынова).

Царская ложа въ Троицкой церкви села Троицкаго-Лыкова подъ Москвой.—Около 1708 г.

Иконостасъ Троицкой церкви въ селѣ Троицкомъ-Лыковѣ подъ Москвой.—Около 1708 г.

гласіи съ супругомъ», она распорядилась начать работы. Очень трудно согласиться съ указаніемъ на 1673 г., какъ на время сооруженія Жолчинскаго храма, этому противорѣчатъ законченныя формы «вотчиннаго» типа съ устройствомъ звонницы

наверху [1] въ то время, когда въ Москвѣ едва лишь намѣчались храмовыя формы въ новомъ стилѣ, гдѣ самый ранній храмъ сооруженъ лишь въ 1678 г. [2]. Правдивѣй было бы счесть храмъ построеннымъ въ 1691—1694 г., въ послѣдніе годы жизни царицы, т. е. въ то время, когда она соорудила по «обѣту» очень небольшой, сравнительно простой по архитектурѣ, вышеуказанный храмъ Владимірской Божіей Матери въ Китай городѣ, тѣмъ болѣе, что архитектура Жолчинскаго храма кажется упрощеніемъ тѣхъ развитыхъ мотивовъ, которые встрѣчаются на Филяхъ, въ Уборахъ и другихъ церквахъ [3].

Другой видъ «вотчинныхъ» церквей продолжаетъ «трехсоставныя» формы церкви Іоасафа царевича въ Измайловѣ, при трехъ или одной главахъ. Въ этомъ первоначальномъ видѣ «вотчинныхъ» церквей встрѣчаются переходныя формы, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Трехглавая церковь Знаменія въ селѣ Трубинѣ Малоярославецкаго уѣзда Калужской губерніи (1692 г.) [4] повторяетъ формы надвратной трехглавой церкви Новодѣвичьяго монастыря, склоняясь по пропорціямъ къ прототипу, т. е. къ Измайловской церкви царевича Іоасафа. Особенностью церкви является звонница, помѣщенная въ нижнемъ восьмерикѣ средней главы. Другая трехглавая церковь Бориса и Глѣба (1688 г.) въ селѣ Зюзинѣ Московской губерніи и уѣзда [5], обладающая уже «разрѣзными» фронтонами надъ центральнымъ восьмерикомъ, обладаетъ также и звонницей, одной изъ первыхъ по времени сооруженія. Этотъ оригинальный храмъ, стоящій на подклѣтѣ, декорированномъ подобно галереѣ, даетъ уже большое развитіе предыдущаго пріема. Къ плановому «троечастію» въ центрѣ съ сѣвера и юга прибавились гранныя абсиды, давшія плану видъ неравноконечнаго креста съ закругленными (гранными) неравными по ширинѣ вѣтвями [6]. Особый переходный пріемъ даетъ при боковыхъ придѣлахъ пятиглавый храмъ

[1] Пролеты звонницы нынѣ заложены, но лѣстница наверхъ еще сохранилась, она есть продолженіе лѣстницы на хоры. Равноконечность планового креста нарушена поздней пристройкой трапезы и колокольни. [2] Храмъ Іоасафа царевича въ Измайловѣ. [3] «Вотчинныя» церкви, крещатыя по плану, въ болѣе или менѣе простой архитектурной обработкѣ встрѣчаемъ въ пятиглавой со звонницей Покровской церкви села Тѣшилова, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, 1703 г. (издана во II томѣ «Древностей». Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго археологическаго Общества). Въ одноглавой формѣ во Владимірской церкви села Горностаева, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, при чрезвычайно богатой обработкѣ съ «украинскими» фронтонами надъ полукругами вѣтвей креста. Въ простѣйшей обработкѣ, но въ чрезвычайно усложненной формѣ Входоіерусалимской надвратной церкви (освященной въ 1694 г.) Новоіерусалимскаго монастыря, гдѣ ярусность даетъ 6 этажей (!), превышая самыя сложныя «украинскія» деревянныя храмовыя формы, какія, напримѣръ, даетъ Новомосковскій Троицкій соборъ. *Стр. 343.* Подобная достигнутая «ярусность» встрѣчается лишь въ Галичинѣ, въ Кривкѣ и Матковѣ. *Стр. 372, 373.* Удивительны конструктивныя особенности Новоіерусалимской церкви, гдѣ массивъ многояруснаго храма съ полукругами вѣтвей креста, при круговой террасѣ, поставленъ на три сквозныхъ воротныхъ въѣзда. Такая смѣлость и рѣшительность конструктивнаго пріема присуща лишь деревяннымъ формамъ. [4] Построена въ соединеніи съ домомъ княземъ Константиномъ Іосифовичемъ Щербатовымъ. М. Т. Преображенскій. «Памятники древне русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи», стр. 9, 18, 67 и 93. Видъ храма изданъ въ «Древностяхъ», «Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго археол. Общества, 1908 г., т. II. [5] «Древности», Труды Московскаго археол. Общества, т. XVIII, стр. 269. Видъ церкви въ III т. «Древностей», Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго археол. Общества. [6] На такой оригинальной плановой формѣ водруженъ широкій восьмерикъ, значительно превышающій ширину

Церковь Успенія на Покровкѣ (Маросейкѣ) въ Москвѣ. 1696—1699 г.

вѣтви плана (!). Этотъ парадоксальный пріемъ разсчитанъ весь на томъ, чтобы углы перекрестья плана попадали подъ лицевую сторону діагональныхъ граней восьмерика. Такой своеобразный конструктивный пріемъ навѣянъ несомнѣнно, деревянными церквами. См., напримѣръ, церковь Александра Куштскаго, *т. I, стр. 383.*

Церковь Воскресенія въ Кадашахъ въ Москвѣ.
1687—1713 г.

Знаменія при домѣ графа Шереметева въ Москвѣ [1] *стр. 437,* сооруженный, несомнѣнно зодчимъ церкви Филей. Благодаря системѣ четвериковъ, боковыя главы тонутъ за огражденіемъ изъ «пѣтушьихъ гребешковъ», умаляя тѣмъ стройность храма, уступающаго компактной группѣ стройнаго храма Филей. Вполнѣ законченный и совершенный типъ простого «троечастія» со звонницей и круговой террасой, даетъ стройный и изящный храмъ Живоначальной Троицы въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ Лыковѣ. *Стр. 443.* Этотъ замѣчательный храмъ, построенный около 1708 г. [2], обладаетъ всѣми развитыми формами и декораціями Московскаго барокко, вполнѣ усвоеннаго русскими мастерами, прекрасно распоряжавшимися массами и силуэтомъ при полномъ знаніи художественныхъ пятенъ. Обиліе «ажурной рѣзи», сплошь покрывающей колонны и кронштейны восьмерика и всѣ тимпаны [3] и колонны оконъ, не высматриваетъ излишнимъ. Излюбленность «пѣтушьихъ гребешковъ» курьезно подчеркнута въ изображеніяхъ профильныхъ головокъ пѣтуховъ, введенныхъ какъ орнаментъ въ декорацію тимпановъ нижнихъ оконъ и порталовъ, обладающихъ но-

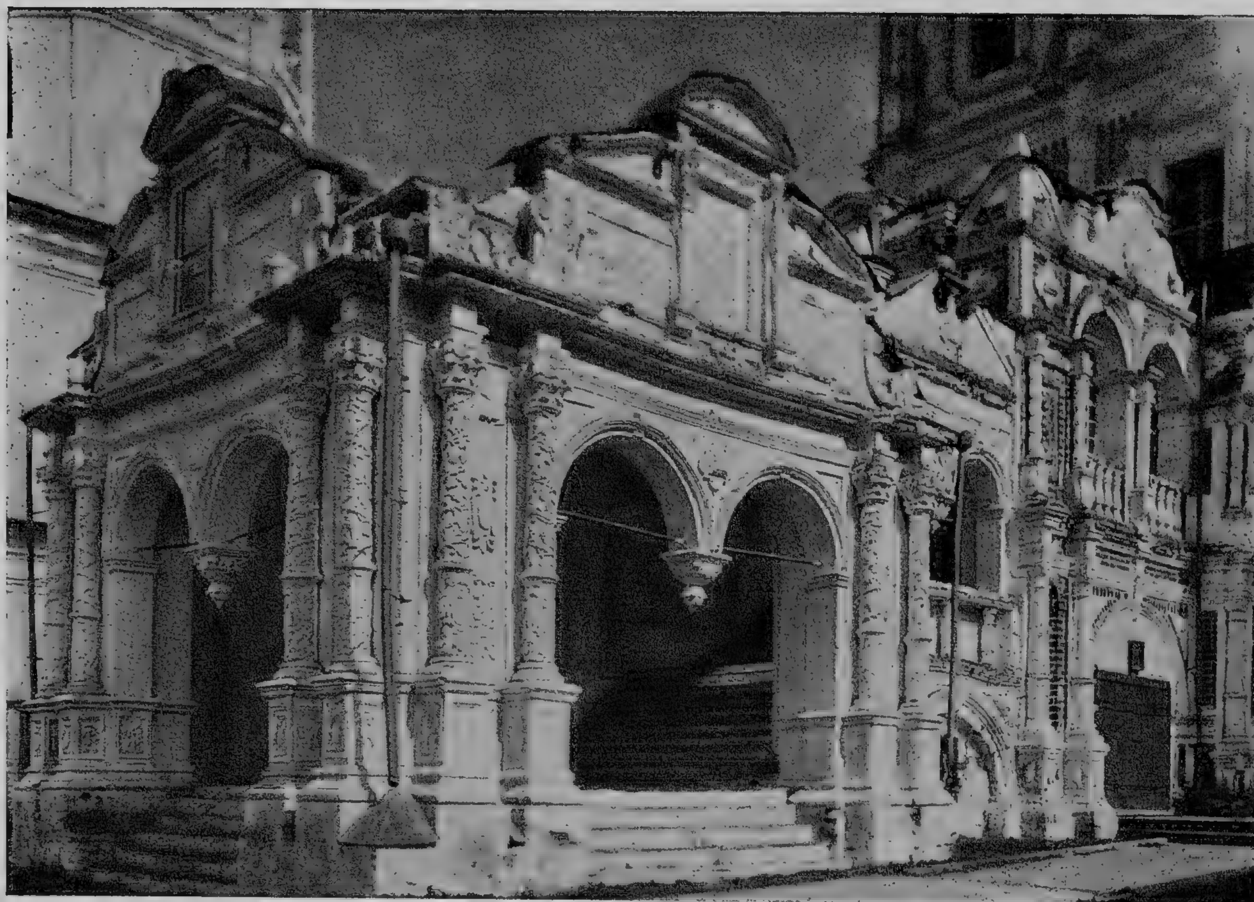
[1] По первой ревизіи 1722—1726 г., церковь показана на новомъ дворѣ Александра и Ивана Нарышкиныхъ. А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 6. [2] Изъ надписи на антиминсѣ. Храмъ строенъ Нарышкиными, получившими село Лыково въ приданое въ бракѣ Ивана Кирилловича Нарышкина съ княжной Прасковьей Александровной Лыковой. А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 1. Въ «Историческихъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ 16—18-го столѣтія» В. и Г. Холмогоровыхъ. М. 1886, вып. 3, указано, что съ 1690 г. село пожаловано Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину съ матерью Анной Леонтьевной. Въ переписныхъ книгахъ 1704 г. церковь уже значится каменной. [3] «Тимпанъ»—свободное поле, впадина фронтона.

Соборный храмъ Введенскаго монастыря въ Сольвычегодскѣ. **1689—1693 г.** (Фот. В. А. Плотникова).

вовведеніемъ въ видѣ лишняго «разрѣзного фронтончика», то есть тѣхъ же «гребешковъ» надъ каждою колонкой (!) оконъ и порталовъ. Особенно поражаетъ Троице-Лыковскій храмъ внутри, гдѣ каждой каменной архитектурной формѣ дана столярная рѣзная обработка, такъ свойственная старымъ голландскимъ ратушамъ 16-го вѣка. Изъ этой обработки особенно выдѣляется «царская ложа» *стр. 444*, сходная съ ложей Филей, но меньшая размѣромъ. Но самый поражающій тріумфъ «рѣзного дѣла» сосредоточенъ въ царственно пышномъ иконостасѣ *стр. 445*, стремительно вздымающемся въ высь. Троице-Лыковская рѣзьба по стилю близка къ рѣзьбѣ Филей, по пышности же и свободѣ техники близка къ Дубровицкой, отличаясь лишь менѣе строгимъ сѣверо-нѣмецкимъ,—голландскимъ оттѣнкомъ все того же стиля 16-го вѣка. «Вотчинный» типъ въ силу своей нарядности передается съ нѣкоторыми измѣненіями и «приходскимъ» церквамъ, какъ передался онъ монастырямъ. Оригинальное сочетаніе украинскаго трехглавія съ исконнымъ пятиглавіемъ Москвы встрѣчаемъ въ приходскомъ храмѣ Успенія на Покровкѣ въ Москвѣ *стр. 447*, сооруженномъ въ 1696—1699 г. мастеромъ Петрушкой Потаповымъ [1]. Замѣчательная стройность храма, умѣлое рас-

[1] Церковь построена гостемъ Сѣряковымъ. Надпись, заложенная у входа въ верхнюю церковь, свидѣтельствуетъ: «лѣта 7204 октября 25 дня дѣло рукъ человѣческихъ, дѣломъ именемъ Петрушка Потаповъ».

Крыльцо соборнаго храма Введенскаго монастыря въ Сольвычегодскѣ.
1689—1693 г. (Фот. И. Грабаря).

положеніе частей и новые введенные мотивы, указываютъ на большую культурность талантливаго зодчаго. Верхъ главнаго четверика, повидимому, былъ главнѣйшею заботой зодчаго, обязаннаго выполнить старозавѣтный пятиглавый символъ при яркомъ новшествѣ всецѣло признаннаго стиля. Труднѣйшая задача выполнена превосходно. При исключительномъ пониманіи архитектурныхъ формъ и ихъ ракурсовъ, при ясномъ пониманіи значенія колоннъ, почти совсѣмъ лишенныхъ перевязокъ, зодчій все же пользуется архаическимъ пріемомъ тянутыхъ угловыхъ висящихъ полуколоннъ четверика, чтобы связать ихъ въ одно цѣлое съ главами, объединивъ ихъ нѣжно нарисованною «четвернею оконъ». Этотъ прекрасный поясъ оконъ сочетался въ одну связь съ окнами восьмериковъ, связавъ весь верхъ въ компактно группирующіяся массы, увѣнчанныя изящно нарисованными барочными главами. Отдавъ дань привлекательности «пѣтушьихъ гребешковъ» и даже усугубивъ ихъ въ наро-

Церковь Смоленской Божіей Матери въ селѣ Гордѣевкѣ.

Нижегородск. губ. Балахнинск. уѣзда. 1694—1697 г.

стахъ «парныхъ» оконъ [1], зодчій сумѣлъ воспользоваться формою «люкарнъ» для окончаній стѣнъ восьмериковъ, придавъ центральнымъ ихъ реальное значеніе. Изобрѣтательность зодчаго разрѣшила еще болѣе «мудреную» задачу въ сооруженіи «пятишатровой» колокольни, прекрасно связанной съ архитектурой храма [2]. По стройности и выдержанности массъ близка къ Успенской церкви другая «при-

[1] «Парныя окна» выполнены въ типѣ оконъ Царскихъ палатъ Троице-Сергіевой лавры. *Стр. 290.* [2] Выдающаяся архитектура храма, включающая новые мотивы, развившіеся лишь въ 18-мъ вѣкѣ (боковыя «волюты» люкарнъ центральнаго восьмерика, а также и «волюты» по ребрамъ верхней гранной шеи), привлекала вниманіе архитекторовъ 18-го вѣка, среди которыхъ, несомнѣнно, былъ и знаменитый гр. Растрелли.

«Строгановская» церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ. **Освящена въ 1719 году. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).**

ходская» церковь Воскресенія Христова въ Кадашахъ (1687—1713 г.) *стр. 448*, сооруженная московскимъ купцомъ Логиномъ Добрынинымъ [1]. «Старый завѣтъ» здѣсь въ полной силѣ и нужно удивляться той ловкости, съ которой зодчій ввелъ новые пріемы, замѣнивъ ряды кокошниковъ двумя рядами «пѣтушьихъ гребешковъ». Все новшество формъ выразилось лишь въ открытой круговой террасѣ [2] и въ шеѣ средней главы, получившей лишній ярусъ. Задача сохраненія шатровой колокольни, при новой обработкѣ формъ, разрѣшена здѣсь съ еще большей силой въ прочувствованномъ изящномъ и стройномъ силуэтѣ. При всемъ нагроможденіи позднѣйшихъ боковыхъ пристроекъ, храмъ выгодно рисуется своимъ изяществомъ среди церквей замоскворѣчья. Тотъ же «старый завѣтъ» при новой обработкѣ встрѣчаемъ въ изумительно роскошныхъ храмахъ, построенныхъ первѣйшими богачами «именитыми людьми» купцами Строгановыми, сумѣвшими поспорить съ Москвой въ стремленіи создать свою архитектуру, подобно созданной иконописной «школѣ». Выдающаяся черта «строгановской» архитектуры заключается въ преувеличеніи значенія декоративныхъ «пятенъ» и отчасти формъ. Особенно сильно чувствуется стремленіе обогатить «пятно» и этимъ дать исключительную «нарядность» храму Введенія въ Сольвычегодскѣ 1689—1693 г. [3] *стр. 449, 450*, гдѣ выразительность оконныхъ

[1] А. Мартыновъ. «Русская старина», тетр. 10. [2] Тамъ же. По свидѣтельству старожиловъ. [3] «Любопытный мѣсяцесловъ Московскія и всероссійскія церкви». Москва, 1794, стр. 54; «Вологодскія Епархіальныя Вѣдо-

«Строгановская» церковь во имя Собора Пресв. Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ.
Освящена въ 1719 году.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

пятенъ достигнута своеобразными боковыми орнаментальными прибавками, которыя въ нѣмецкомъ ренессансѣ играютъ роль боковыхъ кронштейновъ около порталовъ,— здѣсь же онѣ, повидимому, заимствованы съ той «рѣзи», гдѣ значеніе кронштейновъ утеряно и превратилось въ простыя декоративныя добавки [1]. Прекрасно скомпанованная архитектурная декорація двухъэтажной крытой галереи, единственной въ церквахъ Московскаго барокко, добавлена эффектомъ изразчатыхъ цвѣтныхъ панно. Крытая галерея потребовала «старозавѣтнаго» крыльца *стр. 450,* на которомъ какъ бы сосредоточена вся роскошь «новой» обработки, умѣло подчиненной старозавѣтнымъ формамъ. Отмѣтимъ въ Сольвычегодскомъ храмѣ увлеченіе формою арки и спокойную форму фронтонныхъ окончаній, впервые примѣненныхъ къ украшенію верха фасадовъ храма «старозавѣтнаго» пріема. Другой Строгановскій храмъ, Смоленской Божіей Матери въ селѣ Гордѣевкѣ 1694—1697 г. [2] *стр. 451,* при сохраненіи «ста-

мости» 1887 г., № 11; «Сольвычегодскій Введенскій монастырь, Вологодской Епархіи». Вологда. 1902 г. и др. указываютъ, что храмъ начатъ постройкой въ 1689 г. Изъ надписей же на иконахъ видно, что храмъ былъ законченъ внутренней отдѣлкой въ 1693 г. Надписи гласятъ: «писалъ Степанъ Нарыковъ 1693 г.». [1] Такія декоративныя прибавки имѣются въ иконостасахъ церкви Филей, Троицкаго Лыкова и мн. др. Особенно подчеркнуто ихъ назначеніе въ «царскихъ ложахъ» Филей *стр. 441* и Троицкаго Лыкова *стр. 444.* Въ каменной формѣ онѣ имѣются въ порталахъ Успенія на Покровкѣ *стр. 447,* а въ изразцахъ въ окнахъ Вяжицкаго Новгородскаго монастыря, и въ алтарныхъ окнахъ Ярославскихъ храмовъ Петра и Павла *стр. 159,* Іоанна Златоуста въ Коровникахъ *стр. 157* и въ Николо-Мокринскомъ храмѣ. [2] Архимандритъ Макарій. «Памятники церковныхъ древностей». Нижегородская губернія. Спб. 1857 г. На стр. 344—345 приведены надписи на храмозданныхъ крестахъ о сооруженіи храма преподобныхъ Антонія и Өеодосія Печерскихъ въ 1694 г. и храма Смоленской Божіей Матери въ 1697 г. Село Гордѣевка принадлежало въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ Строгановымъ. Мѣстная икона Смоленской Божіей Матери ранѣе находилась, какъ говорятъ, надъ воротами ихъ дома, находившагося близъ церкви.

раго завѣта» поражаетъ непосредственностью трактовки «новыхъ формъ», рѣзко отмѣченной въ высокихъ, преувеличенно пышныхъ «разрѣзныхъ» фронтонахъ и своеобразномъ верхѣ колокольни. Правда, фронтонныя «люкарны» благочестиво пріурочены къ иконамъ и даже въ главахъ [1] отсутствуетъ необходимая по ихъ структурѣ «гранность», но все же отъ обработки храма вѣетъ серьезнымъ стилемъ, не выхваченнымъ изъ «нѣмецкихъ» книгъ. И чуждой, нарушающей ансамбль, является иначе нарисованная луковичная центральная глава [2]. Нижегородская «Строгановская» церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы *стр. 452, 453 и 455* освященная въ 1719 г. [3], какъ бы совмѣщаетъ два предыдущихъ храма. Доводя обиліе «рѣзьбы» до густоты ковра, покрывшаго всѣ стѣны храма, и избѣгая всюду «разрѣзныхъ» фронтоновъ, зодчій едва не превратилъ въ кіоты окна храма, замѣнивъ фронтоны оконъ орнаментальной формою «картушей» или «клеймъ». *Стр. 452.* Фасады храма въ тонкой детальной обработкѣ архитектурныхъ формъ и «рѣзи» *стр. 455* выглядятъ «шнитцерской» работой и сходство съ иконостасной рѣзью довершается малымъ количествомъ свободныхъ отъ орнаментацій стѣнъ тѣхъ «фоновъ» или «полей», которые такъ же, какъ и въ иконостасахъ, расписаны подъ «аспидъ» для достиженія монументальности и мягкости контраста «пятенъ» рѣзи съ фономъ. Спокойный въ линіяхъ и формахъ «Строгановскій» пятиглавый храмъ «стараго завѣта», однако сильно затронутъ новшествомъ въ оригинальной украинской постановкѣ главъ, сразу давшей ту «ярусность», которая была необходима зодчему для выразительности стиля и вертикальныхъ расчлененій массъ. Значительно сильнѣе «новшество» сказалось на формѣ колокольни, получившей сверхъ «звона» ратушную башню съ часами и оригинальнымъ переходомъ къ «звону» въ типѣ распорныхъ «аркбутановъ» для болѣе компактнаго соединенія частей. Отмѣтимъ нѣкоторое сходство деталей и трактовку украшеній главъ съ Московской церковью Николы «Большой Крестъ». Старомосковское пятиглавіе, хотя и въ новой обработкѣ, является, повидимому, выразителемъ взглядовъ купечества и прихожанъ на храмовыя формы. Однако, эти взгляды

[1] Форма черепичныхъ главъ на ярусныхъ шеяхъ какъ бы умышленно измельчена, чтобы выдвинуть значительность фронтоновъ. Ради нихъ, повидимому, пожертвовано пятнами оконъ. Плоская черепичная главка колокольни трактована какъ окончаніе башни, что подчеркиваетъ присутствіе ничѣмъ другимъ необъяснимаго прапора-флюгера. Форма главки колокольни тождественна окончаніямъ башенъ Симонова монастыря. *Стр. 330—331.*
[2] Тождественный по пріему Московскій Николо-Воробинскій храмъ *стр. 133* достаточно оттѣняетъ значительность выисканности формъ Гордѣевскаго храма, придавшей особый интересъ устарѣвшему «освященному пятиглавію». [3] Архимандритъ Макарій. «Памятники церковныхъ древностей». Нижегородская губернія. Спб. 1897 г., стр. 108—109, гдѣ приведена надпись на храмозданномъ крестѣ, указывающая время освященія и имя храмоздателя Григорія Дмитріевича Строганова. Время начала сооруженія храма архимандритъ Макарій не приводитъ. Принимая во вниманіе вышеупомянутый указъ 1714 г., запрещавшій всякія постройки, начало сооруженія храма должно отодвинуться года на два до указа, или же особыя причины вызвали сооруженіе его, конечно, по особому разрѣшенію, послѣ указа 1714 г. А. П. Мельниковъ, въ брошюрѣ «Нижній Новгородъ и Нижегородская губернія», Н. Новгородъ, 1906 г., на стр. 183—184 указываетъ, что существовавшая до «Строгановской» церкви, каменная церковь 1653 г. сгорѣла въ 1715 г. Не эта ли причина вызвала необходимость сооруженія новаго храма?

Деталь «Строгановской» церкви въ Нижнемъ Новгородѣ.
Освящена въ 1719 году.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

все еще ютились и при Дворѣ, повторяя чуть не цѣликомъ «старозавѣтный» типъ въ церкви Адріана и Наталіи (1686—1688 г.), сооруженной по повелѣнію Петра и Іоанна, гдѣ все «новшество» сосредоточено на обработкѣ оконъ, едва лишь отразившись на гранной формѣ шеи средней главы. Значительно свободнѣе и шире обработка «приходской» церкви Николы на Болвановкѣ въ Москвѣ (1702 г.), сооруженной усердіемъ князей Гагариныхъ [1]. Невозможно перечислить всѣ церкви «старозавѣтнаго» пріема въ новой обработкѣ, вызванной или купечествомъ, или боярами, склонными къ «старинѣ». Такія церкви разбросаны по всей Руси и часто въ неожиданно своеобразной обработкѣ, какъ напримѣръ, въ Никольской церкви села Ныробъ, Чердынскаго уѣзда (1705 г.). Новая форма «вотчинныхъ» церквей, начатая при Дворѣ, характеризуемая въ общемъ формою восьмерика на четверикѣ, постепенно усвоивается «приходскими» храмами, конечно, въ упрощенномъ видѣ [2]. Впервые эта форма въ «приходскихъ» церквахъ явилась въ церкви Неопалимой Купины (1680 г.?) въ Конюшенной сло-

[1] Фасадная обработка храма напоминаетъ обработку Преображенской надвратной церкви Новодѣвичьяго монастыря. [2] Переходною формою до нѣкоторой степени служили одноглавыя «кубическія» церкви съ плоскимъ «палатнымъ» покрытіемъ, какъ напримѣръ, московскія церкви Георгія въ Лучникахъ (1690—1693 г.) или Успенія въ Печатникахъ (1695 г.).

Церковь Богоявленія въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.
1693—1696 г.

бодѣ, построенная придворнымъ конюхомъ Колошинымъ съ соизволенія царя. Болѣе богатую и развитую форму встрѣчаемъ въ Троицкой въ Хохловкѣ церкви (1696 г.). И въ этомъ типѣ невозможно перечислить всѣ, хотя бы интереснѣйшія церкви, обильно разбросанныя всюду въ селахъ, городахъ и монастыряхъ. Отмѣтимъ своеобразную картинную архитектуру Богоявленской церкви въ Галичѣ Костромской губерніи, а также оригинальный девятиглавый храмъ Толгскаго монастыря близъ Ярославля и совершенный типъ въ Богоявленской церкви Московскаго Богоявленскаго монастыря (1693—1696 г.). *Стр. 456.* Изящный верхъ ея царитъ надъ всѣмъ Китаемъ, высоко приподнятый надъ храмомъ, стоящимъ на подклѣтѣ съ открытою террасою съ боковъ [1].

Для полноты обзора церковныхъ формъ Московскаго барокко необходимо добавить нѣсколько словъ о колокольняхъ. Устойчивость «шатровой» формы уже была отмѣчена въ Успенской на Покровкѣ церкви и въ Кадашахъ [2]. Ранѣе было упомянуто, какъ колоколенный шатеръ выродился въ небольшую шатровую главку, поставленную

[1] Въ верхнемъ храмѣ останавливаетъ вниманіе религіозная скульптура надъ аркой противъ иконостаса, изображающая «Коронованіе Богоматери», т. е. украинское изображеніе «Богоявленія». Скульптура эта по фактурѣ, экспрессіи и орнаментальнымъ формамъ близка къ Дубровицкимъ скульптурамъ. Не есть ли «Коронованіе» первый опытъ художника, приглашеннаго для Дубровицъ, тѣмъ болѣе, что Богоявленскій монастырь, вмѣщавшій незадолго Греко-латинскую школу, былъ единственнымъ подходящимъ мѣстомъ для помѣщенія пробной религіозной скульптуры. Боковыя карикатурныя панно—«Крещеніе» и «Рождество Христово»—сдѣланы въ концѣ 18-го вѣка и крайне неумѣстны въ сосѣдствѣ съ изящнымъ «Коронованіемъ». [2] Не говоря уже о шатровыхъ колокольняхъ старой обработки, часто строившихся одновременно съ барочнымъ храмомъ, какъ напримѣръ, колокольня Николо-Воробинской церкви 1690—1695 г. Въ провинціи эти колокольни строятся еще позже. Достаточно извѣстная своей оригинальной расширенной «во звонѣ» формой шатровая колокольня при барочномъ Пятницкомъ храмѣ г. Вятки, построена едва ли много ранѣе 1714 г.

Колокольня церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ въ Ярославлѣ.
Около 1687 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

на сомкнутомъ сводѣ сверхъ «звона» [1]. Послѣднимъ шагомъ для созданія «типичной» барочной колокольни было превращеніе декоративнаго шатра въ гранную или простую главку, поставленную сверхъ криволинейной или плоскоскатной кровли сомкнутаго свода надъ «звономъ» колокольни, обработанной церковными деталями барокко [2]. Вполнѣ законченную грандіозную форму указаннаго типа встрѣчаемъ въ надвратной и вмѣстѣ надцерковной колокольнѣ Высокопетровскаго монастыря въ Москвѣ, построенной около 1690 г. Большое нововведеніе вызвало устройство своеобразной колокольни «ярусънаго» типа при Ярославскомъ Толчковскомъ храмѣ (около 1687 г.). *Стр. 457.*

Ея изысканно нѣжный силуэтъ, при пышной обработкѣ верха [3], какъ нельзя болѣе подходитъ къ величественнымъ соборнымъ массамъ храма, въ той степени, въ какой «Иванъ Великій» является прекраснымъ добавленіемъ къ художественному цѣлому Кремля. Именно въ такомъ значеніи яркаго показного пункта сооружена другая замѣчательная по высотѣ (35 саж.) и грандіозности «ярусная» колокольня Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1680 г. [4], въ двойственной обработкѣ, близкой къ работѣ

[1] Московскія колокольни церкви Георгія въ Лучникахъ (1690—1693 г.) и Успенія въ Печатникахъ (1695 г.) и мн. др. [2] Такихъ колоколенъ на Руси великое множество, что объясняется сравнительной ихъ простотой и дешевизной. Отмѣтимъ нѣкоторыя колокольни Москвы: при церкви Похвалы Богородицы у Каменнаго моста, при церкви Сергія на Большой Дмитровкѣ, при церкви Всѣхъ Святыхъ у Варварскихъ воротъ, при церкви Харитонія въ Огородникахъ. [3] По преданію, въ постройкѣ храма участвовалъ какой то голландскій мастеръ. Не онъ ли «знаменилъ» формы колокольни, не чуждой голландскаго оттѣнка формъ 16-го вѣка. Толчковская колокольня находитъ ближайшій отзвукъ, тутъ же въ Ярославлѣ, въ колокольнѣ церкви Никиты мученика, но въ менѣе парадной оболочкѣ. [4] «Древности», Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго Археолог. Общества, т. I, 1907, стр. 59, гдѣ помѣщены также два вида колокольни.

Колокольня Московскаго Новодѣвичьяго монастыря.—Конецъ 17-го вѣка.

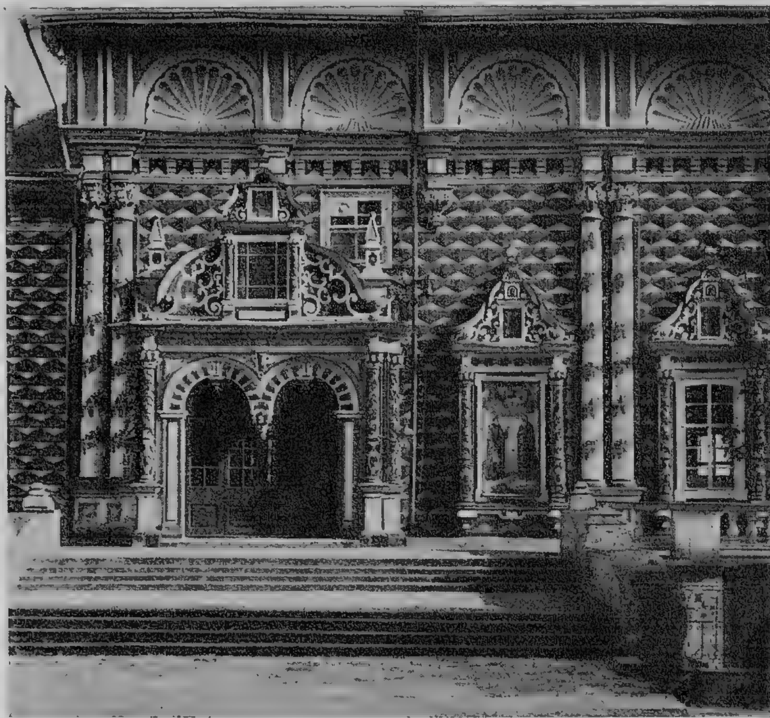
царскихъ измайловскихъ мастеровъ. Московскій Новодѣвичій монастырь обладаетъ подобной же величественной «ярусной» колокольней. *Стр. 458.* Ея изысканная стройность изумительно достигнута умѣлымъ распредѣленіемъ частей при примѣненіи еще ранней московской барочной обработки, куда вошли распорные «аркбутаны», введенные съ декоративной цѣлью въ верхнемъ «звонѣ» [1]. Въ заключеніе обзора церковныхъ архитектурныхъ формъ Московскаго барокко нужно остановиться на монастырскихъ палаццо-трапезныхъ, гражданскихъ и крѣпостныхъ постройкахъ. Монастырскія палаццо-трапезныя [2] своей обширной продолговатой формой и смѣлымъ сводчатымъ перекрытіемъ были послѣднимъ словомъ техники, а также знанія архитектурныхъ формъ общественныхъ сооруженій. Первая трапезная палата [3] въ видѣ обширнаго продолговатаго зданія, связаннаго съ храмомъ Тихвинской Божіей Матери, построена въ 1677 г. въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ [4]. *Стр. 459.* Это величественное зданіе, обладавшее открытой круговой тер-

[1] Судя по сходству обработки колокольни съ обработкой трапезной (около 1685 г.) и надвратной Преображенской церкви (1688 г.) колокольня построена не позже 90-хъ годовъ 17-го вѣка. [2] Замѣнившія прежнія небольшія трапезныя Геронтіевскаго типа, квадратныя и со столбомъ внутри. [3] А. А. Потаповъ въ «Очеркѣ древней гражданской архитектуры», глава XXIII, едва ли справедливо относитъ барочную передѣлку трапезной Никитскаго монастыря въ Переславлѣ Залѣсскомъ къ 1668 г. Этому противорѣчитъ зрѣлость барочныхъ формъ оконъ палаты. [4] И. Ѳ. Токмаковъ. «Историческое и археологическое описаніе Симонова монастыря». Москва. 1892.

Трапезная палата Московскаго Симонова монастыря.—1677 г.

расой и имѣющее до сихъ поръ открытыя «гульбища» надъ крыльцомъ и башней, возникло, повидимому, по желанію царя Θеодора и принадлежало къ разряду

Троицкая палата Троице-Сергіевой лавры.
1686—1692 г.

«царскихъ» трапезныхъ [1]; недаромъ преданіе называетъ нѣкоторыя комнаты трапезной «царскимъ помѣщеніемъ». Архитектура трапезной близка къ нѣмецкому ренессансу, что, кромѣ формы оконъ, подтверждаетъ высокій типичный «разрѣзной» фронтонъ [2]. При всей торжественности массъ и выисканности архитектурно-декоративныхъ пятенъ, поражаетъ ихъ незаконченная обработка. Колонны угловыхъ устоевъ закончены до грубости упрощенными коринѳскими капителями, лишенными листвы. Еще грубѣе колонны оконъ, лишенныя даже абаки [3], и страннымъ кажется присутствіе богато и тонко орнаментированныхъ колоннъ и парапета крыльца, повидимому, добавленнаго позже, подъ впечатлѣніемъ парадности крылецъ Троице-Сергіевской трапезной палаты и церкви Николы «Большой Крестъ» [4].

Трапезная палата Новодѣвичьяго монастыря, сооруженная около 1685 г. [5] *стр. 461*, повторяя предыдущій пріемъ, тоже связана съ храмомъ и также обладала открытою ходовой террасой. Значительно уступая въ нарядности и стройности

[1] Въ Симоновомъ монастырѣ имѣется древняя трапезная (у южной ограды) съ центральнымъ столбомъ. Недалеко отъ старой трапезной, тоже у южной стѣны, имѣется обширное зданіе, повидимому, приспособленное когда то къ трапезному помѣщенію. Въ Троицкой лаврѣ трапезная палата «царскаго сооруженья» построена, въ связи съ храмомъ Преподобнаго Сергія, въ память избавленія Петра I отъ смерти во время стрѣлецкаго бунта. Извѣстно, что до этой трапезной существовала болѣе древняя. Трапезную Новодѣвичьяго монастыря тоже нужно отнести къ разряду «царскихъ» строеній царевны Софіи. «Царскія» трапезныя при ихъ особомъ значеніи могли исполнять назначеніе столовыхъ во время «государевыхъ» наѣздовъ при многочисленной ихъ свитѣ. [2] Такой фронтонъ не единиченъ. Здѣсь же, въ Симоновѣ монастырѣ, у древней (трапезной?) палаты имѣются два фронтона. Рязанскій митрополичій домъ, построенный въ 1692 г., обладаетъ типичнымъ «разрѣзнымъ» фронтономъ. Трапеза при Богоявленской церкви Московскаго Богоявленскаго монастыря тоже снабжена фронтономъ. Изъ гражданскихъ зданій выдѣлялись палаты, находившіяся на мѣстѣ Румянцевскаго музея, обладавшія двумя высокими фронтонами (гравюра Бликланда начала 18-го вѣка). [3] Абака—плита сверхъ капители. [4] Позднее устройство или передѣлка крыльца подтверждается его неконструктивной и неархитектурной связью съ палатой. [5] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы». 1884, стр. 803, 804, гдѣ устанавливается время освященія верхняго храма Успенія «подлѣ трапезной» въ 1686 г.

Трапезная палата Московскаго Новодѣвичьяго монастыря.—Около 1685 г.

«палатамъ» Симонова монастыря, она трактована еще въ томъ духѣ, который зародился въ Измайловскомъ хозяйствѣ и развитъ былъ въ дворцовыхъ новшествахъ Кремля. Всѣ тѣ барьеры переходовъ и садовыхъ террасъ, создавшіеся послѣ измайловскихъ надвратныхъ «гульбищъ», повторены и здѣсь въ глухомъ арочномъ барьерѣ, быть можетъ, ограждавшемъ тоже открытую террасу [1]. Значительно нарядпѣй и пышнѣе предыдущихъ архитектура трапезной палаты Троице-Сергіева монастыря (1686—1692 г.) [2], дающая въ слабой формѣ мотивы декорацій церкви Николы «Большой Крестъ». Порталъ трапезной, въ пропорціяхъ и слабомъ запутанномъ орнаментномъ рисункѣ, несравненно ниже изящныхъ входовъ храма и только въ формахъ оконъ замѣтно близкое достоинство рисунка. Добавленныя расписныя грани и красочныя декораціи архитектурныхъ формъ, современныя сооруженію па-

[1] Въ монастырской колокольнѣ и Преображенской церкви этотъ декоративный арочный парапетъ развитъ въ формѣ панно. [2] «Краткое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры». Москва. 1796.

латы [1], вносятъ въ общее лишь безпокойную игрушечную пестроту. Новыя формы трапезныхъ палатъ, нарядныхъ, обширныхъ и свѣтлыхъ, какъ новое слово, были подхвачены многими монастырями на Руси и даже старыя трапезныя помѣщенія во многихъ случаяхъ подверглись новой обработкѣ [2]. Къ числу построекъ общественнаго значенія нужно отнести зданіе Главной Аптеки бывшаго Земскаго приказа у Воскресенскихъ Китайгородскихъ воротъ. Это интереснѣйшее, безвременно погибшее сооруженіе [3] не можетъ быть датировано за неимѣніемъ документовъ. Расположенное лицомъ къ Казанскому собору въ два этажа «покоемъ», оно имѣло съ главнаго фасада три этажа и «ратушную» башню со «звономъ», напоминающимъ звонницу «вотчинныхъ» церквей. *Стр. 463.* Строгость формъ, ихъ симметричность—знаніе «колоссальнаго ордера» въ два этажа съ антаблеманомъ, вѣнчающимъ все зданіе, а также присутствіе воротъ въ довольно поздней обработкѣ, все это заставляетъ приблизить время сооруженія Приказа къ послѣднимъ годамъ 17-го вѣка. Но богатѣйшая изразчатая обработка оконъ и главнаго карниза, уступающая въ пышности только крутицкому теремку, отодвигаетъ время сооруженія бывшаго «приказа» дальше, тѣмъ болѣе, что въ башенномъ четверикѣ есть окна, тождественныя окнамъ «теремка». Но «теремокъ» принято считать сооруженнымъ во времена митрополита Павла (1664—1676 г.), который устроилъ Крутицкую обитель «яко инъ нѣкій рай»... [4]. Правда, мирящая два положенія должна лежать въ серединѣ, и вѣроятнымъ временемъ сооруженія зданія бывшаго «Земскаго Приказа» нужно счесть 90-е годы 17-го вѣка, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое сходство съ характеромъ обработки «приказа» имѣетъ, находившійся напротивъ, донынѣ существующій (во дворѣ Губернскаго Правленія) корпусъ «для дѣланія денежной казны» 1697 г., какъ гласятъ надписи на «закладныхъ» доскахъ, имѣющій остатки изразчатаго карниза и близкія по обработкѣ ворота. Другое зданіе общественнаго назначенія, такъ называемая

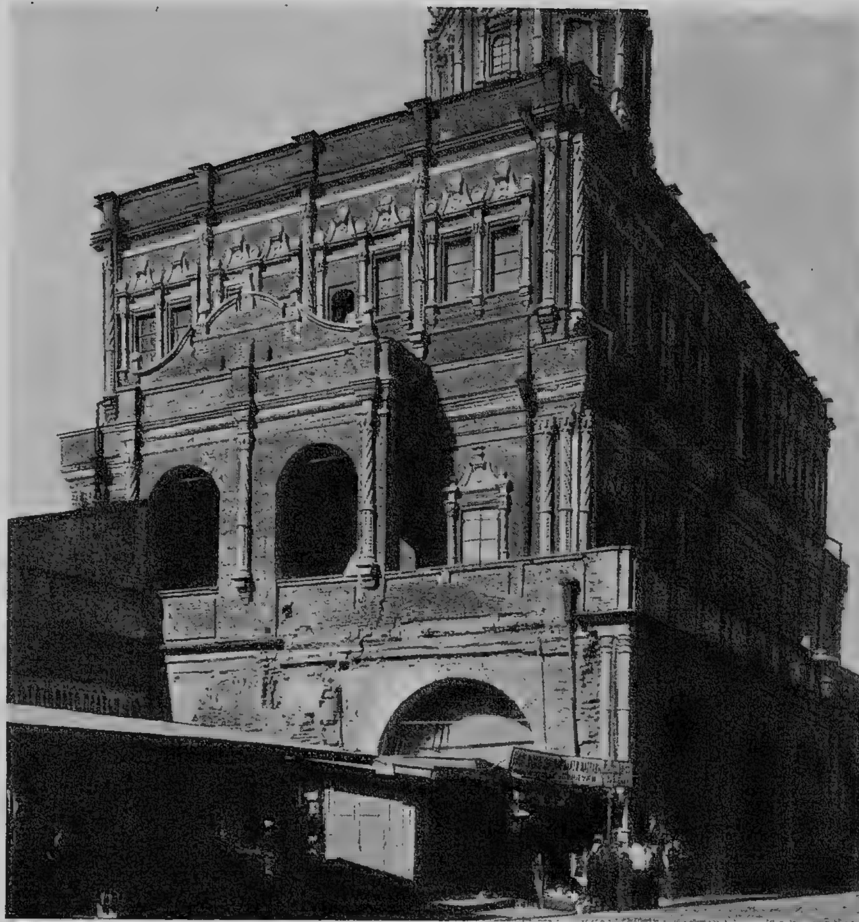
[1] Корнилій де-Брунъ (художникъ-голландецъ), проѣзжавшій въ 1701—1702 г. въ Москву черезъ Лавру, свидѣтельствуетъ о росписи «царскихъ палатъ» и «трапезной палаты» разными красками. «Путешествіе черезъ Московію Корнилія де-Бруна». [2] Довольно близка къ Симоновской трапезной по плановому пріему и устройству гульбища, трапезная палата съ церковью Святаго Духа въ Солодчинскомъ монастырѣ Рязанской губерніи, а также трапезная палата въ Вяжецкомъ Новгородскомъ монастырѣ, богато украшенная изразцами. Гульбище здѣсь превращено въ типичную колокольню. По грандіозному пріему близки къ вышеуказаннымъ палатамъ бывшая больничная палата Новоіерусалимскаго монастыря (1686—1692 г.), а также трапезная палата Московскаго Высокопетровскаго монастыря (1690 г.). Изъ передѣланныхъ отмѣтимъ трапезную палату Андроникова Московскаго монастыря и трапезную палату Никитскаго монастыря въ Переславлѣ Залѣсскомъ, по обработкѣ сходной съ трапезной палатой Новодѣвичьяго монастыря. [3] Оно было разобрано до основанія въ 1874 г. для постройки на очищенномъ мѣстѣ зданія Историческаго музея. Обмѣръ древняго памятника, повидимому, не былъ сдѣланъ. Интереснѣйшіе изразцы карниза наличниковъ оконъ, по счастію, сохранены, но разбросаны въ четырехъ, а можетъ быть, и болѣе мѣстахъ: 1) въ Историческомъ музеѣ, 2) въ Московскомъ архитектурномъ обществѣ, 3) въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества и 4) въ музеѣ Строгановскаго училища въ Москвѣ. [4] Имѣется въ литературѣ и другая дата, не подтвержденная свидѣтельствомъ, указывающая, что «теремокъ» устроенъ Крутицкимъ митрополитомъ Варсонофіемъ между 1682—1688 г. «Историческое описаніе Москвы», составленное Н. Ивановымъ. Москва. 1872. Послѣднее указаніе, конечно, вполнѣ равносильно голословному предыдущему опредѣленію, но оно правдивѣй съ точки зрѣнія исторіи развитія архитектурныхъ формъ.

Зданіе Главной Аптеки, бывшій Земскій приказъ у Воскресенскихъ воротъ Китай-города въ Москвѣ.—Конецъ 17-го вѣка.
(Разобрано до основанія въ 1874 г. и на мѣстѣ его сооружено зданіе Историческаго музея).

«Сухарева башня», построенная въ 1692—1695 г. [1], не имѣла еще того вида, который образовался отъ надстройки верхняго этажа [2] и «ратушной башни» со «звономъ» въ 1698—1701 г. [3]. *Стр. 464, 465.* Не повторяя извѣстной исторіи сооруженія

[1] Какъ гласятъ надписи на закладныхъ доскахъ. [2] Что подтверждаетъ неархитектурное соединеніе этажей между собою. [3] Изъ дѣлъ Сухаревскаго Архива. А. Мартыновъ, «Русская Старина» тетр. 4.

Деталь Сухаревой башни въ Москвѣ.
1692—1695 г. и 1698—1701 г.

башни, отмѣтимъ, что едва ли она предназначалась для какой либо другой опредѣленной цѣли, кромѣ замѣны деревянныхъ воротъ Земляного города, вѣроятно, подобно всѣмъ каменнымъ воротамъ, обладавшимъ башней или двумя, съ палатками подъ ними[1]. По возвращеніи изъ за границы въ 1698 г., Петръ I, озабоченный скорѣйшимъ введеніемъ реформъ, приказываетъ надстроить Сухареву башню для помѣщенія «Математической и Навигацкой Школы»[2]. Съ 1701 г. строитъ въ Кремлѣ «Оружейный домъ, именуемый Цейхоузъ», для чего былъ спеціально выписанъ иноземецъ «Саксонской земли» мастеръ Христофоръ Христофоровъ Кундоратъ (Конратъ) съ условіемъ, чтобы выстроилъ «Цейхоузъ» по «нѣмецкому манеру» и чтобы выучилъ русскихъ каменщиковъ каменной работѣ тоже по «нѣмецкому манеру». Упразднивъ «Земскій Приказъ» въ 1700 г., Петръ устраиваетъ въ зданіи «приказа» Главную Аптеку и Казанскую Австерію, иначе «знатный питейный домъ», служившій мѣстомъ для общественныхъ собраній. Надстроенная Сухарева башня, несомнѣнно, досооружена однимъ и тѣмъ же зодчимъ, которымъ былъ живописецъ (!) Михаилъ Ивановичъ Чоглоковъ[3].

[1] Надвратныя палатки подъ башнями и колокольнями иногда отдавались подъ «свѣтлицы» (Куретныя ворота), думныя палаты (Мостовая Измайловская башня) и даже «для обученія грамотѣ неимущихъ». И Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики города Москвы». 1891, стр. 741, 742. [2] Съ 1715 г. перенесенныхъ въ Петербургъ (Морская Академія). [3] Бывшій затѣмъ надсмотрщикомъ надъ сооруженіемъ «Цейхоуза» и, по словамъ завѣдывавшаго Приказомъ Оружейной Палаты (гдѣ вѣдались всѣ казенныя строительныя

Сухарева башня въ Москвѣ. 1692—1695 г. и 1698—1701 г.

Сухарева башня пріобрѣла большую нарядность отъ примѣненія «парныхъ

дѣла) дьяка А. А. Курбатова, зналъ дѣло «въ десять разъ лучше», чѣмъ Конратъ. «О началѣ Московскаго Цейхгауза» рукопись, составленная въ 1835—1837 г. Николаемъ Лебедевымъ и Дм. Прилуцкимъ, нынѣ принадлежащая графинѣ П. С. Уваровой. И. Е. Забѣлинъ. «Исторія Москвы», 1902, стр. 404—407.

Угловая башня ограды Московскаго Донского монастыря.
1697—1711 г.

оконъ», не менѣе парадныхъ, чѣмъ поясъ оконъ Успенія на Покровкѣ. Стиль башни и палатъ все тотъ же «нѣмецкій ренессансъ», которому въ колоннахъ приданъ готическій оттѣнокъ. *Стр. 464.* При всей оригинальности формъ и ихъ декоративнаго оттѣнка, Сухарева башня обладаетъ типичной ходовой террасой на арочномъ подклѣтѣ, обработанномъ полуколоннами безъ лиственныхъ капителей, открытымъ лѣстничнымъ широкимъ ходомъ и изразцами, размѣщенными въ ширинкахъ и въ карнизѣ перваго этажа палатъ. Четыре маленькихъ шатра возникли, вѣроятно, изъ желанія дать плавный переходъ отъ башни къ низу. Не останавливаясь на многихъ зданіяхъ Московскаго барокко [1], повторяющихъ вышеописанныя декоративные и конструктивные пріемы, отмѣтимъ ту усугубленную декоративность, какую получили башни Московскаго Донского (1697—1711 г.) [2] *стр. 466* и Новодѣвичьяго *стр. 467* монастырей (конца 17-го вѣка). Такую же декоративную обработку получила «Кутафья», вѣроятно, еще раньше, одновременно съ обновленной Троицкой

[1] Изъ нихъ упомянемъ объ интересныхъ палатахъ у сѣверныхъ и южныхъ вратъ Новодѣвичьяго монастыря, а также объ «уличныхъ» палатахъ (нынѣ кельи) Высокопетровскаго монастыря. Не лишены интереса остатки палатъ Монетнаго двора на Лубянкѣ—бывшій домъ Ѳ. В. Ростопчина, нынѣ Московскаго Страхового Общества. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Историческое описаніе Донского монастыря». Москва. 1893, стр. 78.

Башня Московскаго Новодѣвичьяго монастыря.—Конецъ 17-го вѣка.

башней (въ 1685 г.), явившейся необходимостью, въ вѣкъ декоративныхъ увлеченій, при особомъ назначеніи воротъ, какъ въѣзда ко Двору правительницы Софьи, не уступавшимъ въ нарядности главному въѣзду (Спасской башни) ко Двору царей.

Бросая взглядъ на храмовое зодчество Московскаго барокко, мы не встрѣчаемъ копій съ иноземныхъ зданій и не встрѣчаемъ даже продолженія или переработокъ какого либо существовавшаго въ то время стиля. Самостоятельность художественныхъ композицій очевидна и дорого въ нихъ творчество народа, прорвавшееся сквозь полувѣковое запрещенье и нашедшее возможный выходъ въ изяществѣ, хотя и продиктованныхъ, но самобытныхъ художественныхъ группъ «яруснаго» типа. Обработка ихъ, повидимому, усвоена изъ книгъ и «кунштовъ» изданій 16-го вѣка, подкрѣпленныхъ тѣмъ долгимъ опытомъ и большимъ запасомъ ремесленныхъ и художественныхъ цеховыхъ знаній, которыя внесли «нѣмецкія» артели, во множествѣ работавшія въ вѣдѣніи Дворцоваго Оружейнаго приказа. Вся эта амальгама декоративныхъ элементовъ вылилась въ обработкѣ тѣхъ стройныхъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ, которыя составляютъ всю суть Московскаго барокко. Новый стиль имѣлъ всѣ данныя для прогрессивныхъ эволюцій при широтѣ и свѣтлости огромныхъ сводчатыхъ трапезныхъ помѣщеній, при многоэтажности построекъ, гдѣ окна не подчинялись древнему канону [1] и гдѣ была широкая возможность художественныхъ декоративныхъ комбинацій. Но судьбѣ не было угодно дать соотвѣтствующее развитіе возникшему стилю. Указъ Петра 9-го октября 1714 г. лѣтъ на десять прекращаетъ во всей Руси строительныя работы, чтобы обезпечить быстрый ростъ созданнаго «Санкто-Петрополя». Второй ударъ былъ нанесенъ возникнувшей въ 1721 г. «Духовной Коллегіей»—Синодомъ, указомъ 21-го апрѣля 1722 г. предписавшей «обрѣтающіяся въ Москвѣ у знатныхъ персонъ въ домахъ церкви весма упразднить» [2]. Наконецъ, Указомъ 11-го марта 1723 г. запрещено сооруженье вновь «вотчинныхъ» церквей, [3]. Затихнувшая жизнь Кремля, приверженность Петра къ «нѣмецкому манеру» и, наконецъ, перенесеніе столицы на берега Невы, давно уже обезсилили московское искусство, уступившее стремленіямъ Петра, мечтавшаго создать всецѣло европейскую столицу. Московское строительное затишье оживилось лишь послѣ кончины великаго Петра, но въ формахъ, которыя внесли его питомцы, вернувшіеся «заграничные пенсіонеры».

Ѳ. Горностаевъ.

[1] Окна зданій Московскаго барокко не имѣли криволинейной формы свѣтовыхъ отверстій, за исключеніемъ обширныхъ полуциркульныхъ арочныхъ оконъ. Здравое сочетаніе кирпичныхъ фоновъ и бѣлокаменныхъ архитектурныхъ орнаментированныхъ частей давали большое поприще логичности осмысленныхъ художественныхъ декорацій и обѣщали широкое развитіе московской архитектуры, подобно развитію той «бѣлорусской» рѣзи, которая переполняетъ всю Украину и Великороссію и простирается до отдаленныхъ уголковъ Архангельской губерніи, надолго удерживая свой стиль, слившійся въ нѣчто цѣлое въ концѣ 18-го вѣка. [2] Церкви эти были опечатаны. [3] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы». 1891, стр. 788 и 797.

XXIII.

ИТОГИ.

Блестящимъ стилемъ Московскаго барокко завершается эволюція архитектурныхъ формъ, выработанныхъ древней Русью. Оглядываясь назадъ, на весь этотъ долгій, извилистый путь, ведущій отъ перваго византійскаго храма въ Кіевѣ къ сверкающему убранству церкви Николы «Большой крестъ» въ Москвѣ, мы прежде всего наталкиваемся на одну особенность, являющуюся въ высшей степени характерной для исторіи русскаго зодчества, какъ типична она и вообще для всей русской культуры. Особенность эта состоитъ въ чрезвычайной гибкости и эластичности туземныхъ формъ, необыкновенно легко и быстро поддающихся иноземнымъ вліяніямъ, которыя, въ свою очередь, также легко и быстро перерабатываются. Въ результатѣ, наносные элементы нерѣдко видоизмѣняются до полной неузнаваемости и пріобрѣтаютъ печать подлинной, яркой самобытности.

Такъ именно случилось въ Новгородѣ, Псковѣ и во Владимірѣ съ занесенными туда византійскими, а позже и романскими идеями и мотивами. Отъ первоначальнаго византійскаго типа осталась только самая отдаленная схема, а отъ романскаго искусства были взяты однѣ лишь детали. Такія созданія, какъ Спасъ Нередица, или Мирожскій монастырь—такъ же мало похожи на извѣстные намъ храмы Византіи, какъ непохожи на нихъ романскіе соборы западной Европы и какъ непохожи на послѣдніе памятники Владиміро-Суздальской Руси. Встрѣчаются отдѣльные пріемы, есть подробности, почти цѣликомъ перенесенныя съ сосѣдняго запада, но все это получило здѣсь иной смыслъ и значеніе и содѣйствовало выработкѣ совершенно новаго, нигдѣ, кромѣ Руси, не встрѣчающагося и потому безусловно самобытнаго типа. Нигдѣ въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного храма, даже отдаленно напоминающаго Ѳеодора Стратилата или Спаса на Торгу въ Новгородѣ, Дмитровскій соборъ во Владимірѣ, Покровъ на Нерли или Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ.

На ряду съ переработкой иноземныхъ формъ народъ вырабатывалъ, конечно, и такія, которыя возникали исключительно въ силу мѣстныхъ особенностей и для которыхъ на западѣ либо не было готовыхъ образцовъ, либо они были почему нибудь непріемлемы и неподходящи. Сюда надо отнести прежде всего гражданское зодчество Новгорода и особенно Пскова, а также тѣ части церковныхъ сооруженій,

которыя соприкасаются съ бытомъ, напримѣръ, звонницы и крыльца,—область, въ которой знаменитые нѣкогда города оставили, быть можетъ, свои лучшія достиженія въ каменномъ зодчествѣ.

Высшихъ точекъ зодчество древней Руси достигло въ деревянномъ храмовомъ строительствѣ сѣвернаго края, создавшемъ образцы неувядаемой красоты. Эти храмы-богатыри, могучіе по размаху и совершенные по формамъ, являются настоящей архитектурой и строители ихъ—подлинными архитекторами, зодчими «Божіей милостью», несмотря на то, что все это искусство создавалось безъ помощи заправскихъ архитекторовъ-спеціалистовъ, а выковалось всецѣло въ глубинѣ народнаго духа. Изъ всѣхъ типовъ деревяннаго храма народъ особенно лелѣялъ шатровую форму и, когда его осѣнила поистинѣ счастливая мысль перенести эту форму съ дерева на камень, то одинъ за другимъ возникли подъ Москвой диковинные и невиданные дотолѣ храмы, изумлявшіе ихъ современниковъ и изумляющіе насъ и понынѣ,—Вознесеніе въ Коломенскомъ, Преображеніе въ Островѣ, или сказочно лучезарный Василій Блаженный. Мы уже знаемъ, какъ послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе строить шатровые храмы пресѣкло дальнѣйшее развитіе этого излюбленнаго народнаго дѣтища. Трудно измѣрить всю глубину бѣдствія и исчислить всѣ потери, выпавшія на долю русскаго зодчества отъ злополучнаго запрещенія, и нельзя представить себѣ даже приблизительно, какія чудеса суждено было бы намъ еще увидѣть,—не явись въ недобрый часъ у патріарха этой гибельной мысли. Но народъ искалъ, какъ только могъ, выхода для своей страсти къ «архитектурѣ массъ» и, когда въ 17-мъ вѣкѣ зодчество Москвы размѣнялось на мелочи, ударившись въ орнаментальную эквилибристику, то съ особенной любовью стали возводить шатры не на храмахъ, а на колокольняхъ, свободныхъ отъ запрета. И только на дальнемъ сѣверѣ, вдали отъ патріаршаго ока, народъ упорно рубилъ шатры «по старинѣ». Эпоха «освященнаго пятиглавія» и «узорочья» коснулась сѣвера только слегка, чисто эпизодически, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ, и мы знаемъ, съ какой жадностью ухватились сѣверяне за явившуюся съ юга идею «ярусности», снова открывавшую перспективу «архитектуры массъ». Ярусныя церкви быстро заняли въ сердцѣ народа мѣсто изгоняемыхъ шатровыхъ, а въ каменномъ зодчествѣ своей новизной отвлекли на себя вниманіе строителей, ослабивъ нѣсколько излишнее узорное усердіе, отдаваемое стѣнамъ. И вновь пробудилась чисто архитектурная мысль, вновь узору было отведено лишь скромное мѣсто средства, а не цѣли, и декорація перестала быть единственною мыслью зодчаго. Отъ убранства не только не отказались, но удѣляли ему, быть можетъ, еще больше любви, чѣмъ прежде,—перемѣнились только взаимныя соотношенія массъ и деталей. Какъ никогда раньше, засверкали узоры на стѣнѣ, но они не заполняютъ ея, а группируются на опредѣленныхъ мѣстахъ, вокругъ

Скульптурная обработка портала церкви Николы «Большой Крестъ» въ Москвѣ.
Конецъ 17-го вѣка.

окна, двери, на порталѣ или на царскомъ мѣстѣ внутри храма. И вотъ опять случилось то же, что столько разъ случалось съ русскимъ зодчествомъ: снова множество иностранныхъ мотивовъ, цѣликомъ заимствованныхъ то у итальянскаго, то у нѣмецкаго или голландскаго барокко, и снова тотъ же неизмѣнный результатъ: при взглядѣ на любой русскій памятникъ этой эпохи, нельзя ни минуты сомнѣваться, что мы имѣемъ дѣло съ московскимъ, а не съ западнымъ барокко. Этимъ самобытнымъ и радостнымъ стилемъ завершился циклъ архитектурныхъ формъ, выработанныхъ до-Петровской Русью.

Самъ собою напрашивается вопросъ: если въ русскомъ зодчествѣ такъ много самобытности, то въ чемъ его главныя отличительныя черты? На этотъ вопросъ хотѣлось бы отвѣтить такимъ же вопросомъ: въ чемъ заключаются главныя отличительныя черты нѣмецкой архитектуры, или каковы онѣ во французской и даже итальянской? Какъ не легко отыскать черты, роднящія Кельнскій соборъ съ Гейдельбергскимъ замкомъ и Бременской ратушей, или соборъ Парижской Богоматери съ Версальской капеллой, или, наконецъ, соборъ въ Ассизи съ соборомъ Петра въ Римѣ,— такъ же точно не легко отыскать расовые признаки въ памятникахъ древней Руси на протяженіи нѣсколькихъ, смѣнившихъ одна другую, эпохъ. Расовыя черты, несомнѣнно, существуютъ во всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ, хотя онѣ часто больше чувствуются инстинктомъ, нежели поддаются точному, математическому учету. Черты эти въ неменьшей степени присущи и русскому зодчеству и можетъ

быть со временемъ окажутся возможными выводы, которые въ данное время не могутъ имѣть необходимой убѣдительности. Принято думать, что одной изъ главныхъ особенностей русскаго зодчества является излишнее пристрастіе къ орнаментаціи стѣнъ. Мы имѣли уже неоднократно случаи убѣждаться въ полной неосновательности такого мнѣнія: за все существованіе до-Петровской Руси только однажды это имѣло мѣсто въ дѣйствительности,—въ 17-мъ вѣкѣ. Русскіе памятники всѣхъ другихъ эпохъ, за рѣдкими исключеніями, говорятъ скорѣе объ обратномъ, скорѣе объ узорной скупости, нежели расточительности. Вспомнимъ нѣсколько вѣковъ Новгородско-Псковского искусства, или многовѣковое деревянное зодчество русскаго сѣвера или, наконецъ, раннюю Москву. Широкая гладь стѣны была наибольшей радостью новгородца и псковича, а строитель сѣвернаго деревяннаго храма лишь въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ украшеніямъ, сосредоточивая ихъ на крыльцахъ, столбахъ внутри церкви и на иконостасахъ. Такимъ образомъ, если возможно говорить объ опредѣленномъ отношеніи русскаго зодчаго къ узору, то развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что узоръ для него—только крайнее средство достигать той «преукрашенности» храма, которая являлась постоянной мечтой храмоздателя. «Преукрашенности» онъ пытался достичь размахомъ архитектурныхъ массъ, ихъ затѣйливой группировкой и нарядностью самаго силуэта, къ узору же прибѣгаетъ только для послѣднихъ ударовъ, для поднятія впечатлѣнія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему кажется нужнымъ его усилить. Любовь къ большимъ массамъ заставляла русскаго зодчаго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отдавался явно декоративнымъ влеченіямъ, искать рѣшеній широкихъ, свободныхъ и просторныхъ. Имѣя къ своимъ услугамъ такія несравненныя сокровища узора, какъ тѣ, которыя вложены народомъ въ предметы его быта, онъ очень неохотно пользуется ими, и если берется за декораціи, то рѣшаетъ ихъ съ размахомъ поистинѣ могучимъ: вмѣсто мелкаго, пестрящаго архитектуру убранства, онъ прямо ставитъ на церковь исполинскій шатеръ, который весь—декорація, ибо никакой иной служебной роли не несетъ и въ деревянныхъ церквахъ является совершенно глухимъ, закрытымъ низкимъ потолкомъ. Ширина размаха, любовь къ свободѣ и простору, стремленіе къ простотѣ,—эти качества, какъ мы увидимъ дальше, являлись и позже, въ эпоху послѣ-Петровскую, постоянными спутниками всѣхъ лучшихъ русскихъ зодчихъ. Не въ этихъ ли чертахъ—какъ бы онѣ ни казались мало говорящими и неопредѣленными—будущій историкъ, во всеоружіи точныхъ данныхъ, намъ нынѣ недостающихъ, усмотритъ національную особенность архитектурныхъ цѣнностей, созданныхъ Русью?

Игорь Грабарь.

Оглавленіе
II тома

Барокко Украины.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВО II ТОМѢ:

страница	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ*
11	1 сверху	1547 г.	1543 г.
18	6 снизу	церковь Григорія Неокессарійскаго на Полянкѣ	Церковь Сергія въ Пушкаряхъ
20	1 »	временъ Іоанна Грознаго	(1559 г.)
56	16 сверху	1632—1643	1532—1543
60	16 »	арочныхъ	сводчатыхъ
65	1 снизу	Вторая половина	Около середины
80	1 »	Въ примѣчаніи 3-мъ пропущено: Въ 1623 г. въ Медвѣдковѣ находился деревянный храмъ Покрова. В. и Г. Холмогоровы. «Историч. матер. о церквахъ и селахъ 16—18-го столѣтія». М. 1887 г., вып. 5.	
84	2 »	Въ примѣчаніи 1-мъ пропущено: Въ «Расходныхъ книгахъ» по патріаршему приказу 7152 (1644) года № 32, говорится объ участіи въ постройкѣ дворца и храма подмастерья Иларіона Михайлова Ушакова, строившаго по чертежу Государева подмастерья Антона Константинова. Не были ли построены въ это время придѣлы и колокольня?	
94	14 »	перекрытые	перекрытый
113	10 »	«Русскія Древности»	«Русская Старина»
137	7 сверху	получилъ	перейдя въ
193	2 »	17-го вѣка	16-го вѣка
222	16 снизу	въ Лучинкахъ	въ Лучникахъ
223	3 сверху	17-й вѣкъ	17-й и 18-й вѣка
—	10 »	восьмисаженный	трехсаженный
249	2 »	Историческій музей въ Москвѣ.	Собраніе Эрмитажа.
253	1 снизу	карнизъ	карнизъ-антаблеманъ
256	7 »	«Бытъ русскихъ царей»	«Домашній бытъ русскихъ царей»
280	7 сверху	оконъ	окна
291	1 снизу	(1664—1676 г.)	(1664—1676 г. ?)
292	2 сверху	Между 1664 и 1676 г.	Между 1664 и 1676 г. (?)
294	1 »	Посольскій домъ	Посольскій дворъ
299	9 »	«полатное»	«палатное»
312	20 »	Надъ	Передъ
326	12 »	(«косымъ боемъ»)	и «косымъ боемъ»

